
Н. РОЖКОВ
РУССКАЯ
ИСТОРИЯ

Н. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

в сравнительно-историческом освещении

(Основы социальной динамики)

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Финансовый капитализм в Европе и революция в России

„КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА

□ □ □ ТИПОГРАФИЯ □ □ □
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
имени Володарского,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Гублит № 5649. Напечатано экз. 3.100.
Заказ № 2939.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ.

Революция 1905—1907 годов.

I.

9-е января.

В предшествующем томе нашего труда мы познакомились с происхождением революции 1905—1907 годов. Развитие рабочего и крестьянского движения, студенческие волнения, образование и рост революционных и оппозиционных партий, террористические акты, неудачная война, полицейский социализм, уступчивая политика Святополк-Мирского, земское движение, банкетная кампания, указ 12 декабря 1904 г., давший ряд частичных обещаний и обманувший либеральную буржуазию в ее ожиданиях «не реформ, а реформы», т.-е. конституции,—вот те многообразные элементы все более повышавшегося народного возбуждения, которые давали себя знать в течение 1904 года. Конечно, эти элементы были не равноценны и не равнозначительны. Первенство здесь принадлежало, несомненно, рабочему и крестьянскому движению,—движению широких трудящихся масс. И из этого движения—и, прежде всего, из движения рабочего—вышло начало революции,—знаменательный день 9 января 1905 года.

Событие 9 января—стихийное массовое движение петербургских рабочих, не изживших еще царистских иллюзий, ближайшим образом было связано с тем остатком полицейского социализма, который сохранился до того времени в Пе-

тербурге,—с так называемой гапоновщиной. Поэтому надо остановиться на истории гапоновщины.

«Петербургское собрание фабрично-заводских рабочих», основанное и руководившееся впоследствии священником Гапоном, имело своим зерном небольшую организацию, учрежденную Зубатовым в ноябре 1902 г. в Петербурге, при чем ближайшим исполнителем плана Зубатова явился московский рабочий Илья Сергеевич Соколов, специально привезенный для этого Зубатовым в Петербург. В ноябре 1902 г. на петербургских фабриках и заводах распространены были гектографированные листки приблизительно следующего содержания: «петербургский градоначальник разрешает рабочим собраться в трактире «Выборг», Финляндский проспект, у Сампсониевского моста». Петербургские рабочие имели сведения от своих московских товарищей о том, что в Москве имеется легальная рабочая организация, и некоторые из них решили поэтому пойти в трактир «Выборг». Там они встретили Соколова, приехавшего из Москвы и окруженного его знакомыми петербургскими рабочими—Пикуновым, Устюжаниным, Лопыревым, Старожиловым и другими. Соколов заявил всем собравшимся: «московские рабочие послали меня к вам, чтобы у вас поставить дело организации петербургских рабочих так, как оно стоит в Москве, чтобы вы все объединились для взаимной помощи и чтобы могли достичь улучшения своего положения не насильственным и беззаконным путем, который, кроме несчастия, ничего не принесет». После обмена мнений, присутствующие высказали сочувствие плану Соколова. После того собрания рабочих повторялись каждое воскресенье в помещениях общества трезвости на Выборгской стороне и на Васильевском острове, при чем руководили ими обыкновенно Пикунов или Старожилов, и всегда присутствовал Соколов. На нужды собраний все их посетители вносили по 20 к. в месяц. На собраниях был выработан устав, подобный уставу собрания московских рабочих, и представлен на утверждение петербургского градоначальника Клейгельса [1]).

Какого рода были эти собрания, что на них происходило? Мы имеем по этим вопросам ясные свидетельства их участников, дополняющие тот рассказ, который приведен сейчас.

---

[1]) Показания рабочего Кладовникова: «Красная Летопись» за 1922 г., № 1, стр. 322—323.

На втором, например, собрании председатель его Пикунов изложил историю возникновения организации, а Соколов, человек с умным, серьезным, красивым лицом, говоривший с глубоким убеждением, показывавшим, что он знает, чего хочет, доказывал, что рабочие материально не обеспечены и что мощные рабочие организации с целями взаимопомощи и защиты рабочих интересов могут дать спасение. Открывались новые перспективы легальной борьбы за улучшение материальных условий труда—перспективы мирного трэд-юнионизма, лишенные и боевых экономических тенденций, настоящему трэд-юнионизму свойственных [1]). На третьем собрании выступал приехавший из Москвы рабочий Красивский, настоящий хороший оратор. Он рисовал прелести профессиональной рабочей организации на западе Европы, высмеивал революционные партии, доказывал необходимость профессиональной организации в России и настаивал на том, что самодержавие стоит на стороне труда, а не капитала [2]).

Уже самая постановка дела указывала на его зубатовское происхождение. Но есть тому и другие доказательства: участники собраний слышали, что Соколов приехал в Петербург с Зубатовым, а потом Соколов представил лично Зубатову нескольких петербургских рабочих, в том числе Устюжанина, Пикунова, Лопырева, Кладовникова, и Зубатов рассказал им, как устроена и какую пользу приносит рабочим московская организация, и прибавил: «вот и вы так ведите свое дело, устав вам утвердит правительство, никто вас не арестует, только смотрите, будьте всегда против всякого влияния революционных партий, не следуйте их программам; если кто-нибудь из их состава попадет к вам и будет стараться мутить ваше дело, говорите мне; если все пойдет так, как я вам советую, то правительство еще больше расширит наши права». Когда один из деятельных и самостоятельных участников собраний—Варнашев—именно этой самостоятельностью выделился из общей массы, то и он был сведен с Зубатовым, который беседовал с ним три часа на тему, обосновывавшуюся на третьем собрании Красивским, и снабдил Варнашева нелегальной литературой—«Эрфурт-

---

[1]) Варнашев, От начала до конца с гапоновской организацией: «Историко-революционный сборник», I, 1924, стр. 181—184.

[2]) Показание Кладовникова: «Красн. Лет.» за 1922 г. № 1, стр. 323.

ской программой», «Искрой» и пр. [1]). Более политически воспитанные рабочие сразу поняли характер и направление организации и заподозрели, не является ли она ловушкой в руках правительства для арестов революционных рабочих [2]). И для революционных партий зубатовский характер организации не подлежал сомнению с самого начала.

Довольно рано, с третьего собрания, в организации стало появляться новое лицо — священник Георгий Аполлонович Гапон [3]). Выдающаяся роль, принадлежащая ему в событии 9 января, обязывает ближе познакомиться с его личностью.

Гапон был сын крестьянина Полтавской губернии. В своих записках, которые вообще требуют строго-критического к себе отношения, Гапон идеализирует своих родителей. Но, совлекая с даваемой им картины покров идеализации, можно, кажется, представить себе довольно ясно некоторые особенности среды, его вскормившей. Всего ярче эти особенности выразились тогда, когда родителям Гапона пришлось подумать об устройстве его будущей судьбы. Решили, что он будет священником, по двум мотивам: во-первых, потому, что «поп—золотой сноп», во-вторых, по той причине, что, будучи священником, он сам попадет на небо и поможет попасть туда и своим родителям [4]). Здесь видны две черты: мужицкая практичность и набожность, забота о спасении души, выражавшаяся в грубой, элементарной форме. Недаром отец Гапона целых 35 лет сумел продержаться в волостных писарях [5]), а мать его сумела внушить ему и сознание необходимости выполнять обряды, и набожность: семилетний мальчик «часами простаивал перед иконами, обливаясь слезами, молился о своих воображаемых грехах и мечтал о жизни святого, анахорета» [6]). Практичность Гапона сказывалась и потом: он производил впечатление хитрого, себе на уме человека [7]) и умел хорошо вести дело с полицией и администрацией и в то же время ладить с рабочими, под-

---

[1]) Варнашев, «Ист.-рев. сборн.», I, стр. 187—188.
[2]) Там же, стр. 182—183.
[3]) Там же, стр. 183.
[4]) Записки Георгия Гапона, М. 1918, стр. 12.
[5]) Там же, стр. 8.
[6]) Там же, стр. 9—10.
[7]) Павлов. Из воспоминаний о рабочем союзе и священнике Гапоне: «Минувшие Годы» за 1908 г., март, стр. 31. К биографии Гапона: «Мин. Годы», июль 1908 г., стр. 39.

чинять их своему влиянию. До конца веровал он, например, и в бессмертие души и в разные предзнаменования, в общение умерших с живыми [1]).

Гапон старается показать в своих записках, что он с детства получил известную революционную закваску. Но не трудно, на основании его собственных показаний, понять, как элементарна была эта революционная подготовка: она не шла дальше глухой мужицкой ненависти к барам, помещикам и неопределенных воспоминаний о «казаках, сражавшихся за свободу и народное благо» [2]). Потуги Гапона доказать свою исконную революционность только подчеркивают ее элементарный характер, политическую наивность Гапона.

При таких условиях можно, кажется, поверить Гапону, что в духовном училище и в семинарии он подвергся некоторому идейному влиянию толстовства,—не особенно, впрочем, глубокому, вызвавшему только некоторое моральное углубление религиозности [3]). Сильнее в том же направлении было, повидимому, влияние жены, умершей через два года после брака и поступления Гапона в священники [4]).

Религиозный экстаз и проповедническая деятельность дали Гапону поддержку полтавского епископа Иллариона и одной полтавской богатой дамы при поступлении его в петербургскую духовную академию. Победоносцев и его помощник Саблер помогли этому делу, и на первом же курсе началась проповедническая деятельность Гапона в Петербурге: тогда он ненадолго стал, по предложению петербургского архиепископа Вениамина, слышавшего о нем от Иллариона полтавского, членом миссии для рабочих классов на Боровой улице, но скоро разошелся с товарищами по работе и ушел оттуда: к официальной миссионерской мерке он не пришелся. Будучи на втором курсе, Гапон стал священником во втором приюте Синего Креста, в рабочем квартале, и проповедником в Ольгинском доме для бедных, находившемся под покровительством императрицы. «В то время,—говорит Гапон,—я еще не думал о необходимости политических реформ и говорил рабочим, что трудовой организацией они добьются лучших результатов для себя, чем столкновением

---

[1]) Записки Г. Гапона, стр. 17—18, 23.
[2]) Там же, стр. 8.
[3]) Там же, стр. 12—13.
[4]) Там же, стр. 16—17.

с правительством». Его воображению скоро после того стал рисоваться идеальный образ царя в лице Николая II [1]).

Проповеди Гапона сильно действовали на массы, и среди его товарищей по академии «составилось мнение, что Гапон способен электризовать толпу» [2]). Этими же проповедями и своим проектом устройства рабочих домов в городах и рабочих колоний в деревнях Гапон достиг большой популярности среди великосветских дам-патронесс, и его стали приглашать в салоны и гостиные, присылали ему фрукты и вина [3]). Все это возбуждало и развивало в Гапоне честолюбие. Но он с мужицкой хитростью понимал, что главная его сила—влияние на массы, и потому вел себя просто: сам колол дрова, играл с ребятами в лапту, отдал однажды новые сапоги босяку, раздавал щедро все свои деньги. С приютским начальством он скоро разошелся и ушел из приюта, но рабочие-прихожане были за него [4]).

Проекты Гапона и его влияние на рабочих вызвали донос на него. Расследование было поручено чиновнику охранного отделения Михайлову, от которого узнал о Гапоне и его влиянии на рабочих Зубатов и захотел познакомиться с ним. В беседе с Гапоном Зубатов проводил свою любимую мысль, что самодержец выше классов, и что необходимо бороться против интеллигенции, и пригласил Гапона поехать в Москву и познакомиться с московской зубатовской организацией [5]). Тогда же, в 1902 году, Гапон, повидимому, обещал свое содействие Зубатову, стал получать по его представлению 100 руб. в месяц жалованья и начал посещать собрания петербургской зубатовской организации, об образовании которой нами сказано выше [6]).

Гапон не являлся руководителем зубатовской организации в Петербурге и не играл в ней сначала активной роли, не участвовал даже в том обмене мнений, который происходил в собраниях. Он только беседовал с рабочими о их ну-

---

[1]) Там же, стр. 18—30.

[2]) Бухбиндер, Из жизни Г. Гапона: «Красн. Летопись» за 1922 г., № 1, стр. 102.

[3]) Там же, стр. 102; Зап. Г. Гапона, стр. 30.

[4]) Бухбиндер, Из жизни Г. Гапона: «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 103—105.

[5]) Записки Г. Гапона, стр. 33—37.

[6]) Зубатов, Зубатовщина: «Былое», № 4 (26), октябрь 1917 г., стр. 169.

ждах до и после официальных собраний, раздавал им деньги, обещал ходатайствовать за них в разных делах, сам посещал их и принимал у себя, словом, делал все, от него зависящее, чтобы приобрести возможно большую популярность. Между прочим, он умело отклонил и устранил, несомненно, провокационную попытку зубатовцев устроить конспиративные собрания для обсуждения политических вопросов с протоколами этих собраний. Неудивительно, что рабочие скоро стали предлагать Гапону возглавить собою организацию. До поры до времени Гапон, однако, эти предложения отклонял, отговариваясь выпускными экзаменами в академии и другими причинами [1]).

То были, однако, лишь предлоги. Причина такого поведения Гапона в отношении к зубатовской организации лежала глубже: она заключалась в существенных разногласиях между Зубатовым и Гапоном по вопросу об отношениях между легальными рабочими организациями и администрацией. В этом нельзя сомневаться, так как все наши источники независимо один от другого подтверждают это.

Гапон в своих записках сообщает, что он представил Зубатову доклад о необходимости свободных, независимых от администрации рабочих союзов, при чем митрополит Антоний и градоначальник Клейгельс были на стороне Гапона [2]). Повидимому, здесь Гапон умалчивал только об одном: он имел в виду не полную свободу, а руководство организациями через лиц, пользующихся доверием администрации, вроде него, но не афиширующих, даже скрывающих свою связь с администрацией, особенно с политической полицией.

О том же свидетельствует сам Зубатов: он констатирует стремление Гапона к самостоятельности рабочих союзов, к их независимости от администрации и квалифицирует это стремление, как ложное: по Зубатову—рабочие не могут быть самостоятельными, они, ускользая от влияния администрации, подпадают под влияние революционных партий [3]).

Наконец, это же подтверждается интересными, правдивыми и очень важными воспоминаниями Варнашева; Варнашев сам слышал, как Зубатов однажды сказал Гапону:

---

[1]) Варнашев, «Ист.-рев. Сб.», I, стр. 183—186.

[2]) Записки Г. Гапона, стр. 38.

[3]) Зубатов, Зубатовщина: «Былое», № 4 (26), окт. 1917, стр. 171—172.

«вечно вы со своими софизмами, Георгий Аполлонович»; потом Гапон говорил Варнашеву, что петербургская организация скомпрометирована связью с Зубатовым, заведующим политическими делами и борьбой с революционными партиями, и что надо устроить другую организацию с другим уставом и освободиться от агента Зубатова—Соколова и от агента Витте—Ушакова [1]).

Так обстояло дело до осени 1903 года. В августе этого года Зубатов разошелся с Плеве, и звезда его закатилась. Лишь после этого Гапон выдвигается на первый план в петербургском рабочем движении и основывает свою организацию. Она строилась уже на почве, подготовленной зубатовщиной: собрания, организованные зубатовцами, будили рабочее сознание, формировали его различным образом у отдельных групп петербургских рабочих; некоторые рабочие всех благ ждали от собраний, другие увлекались борьбой за лучшее будущее, третьи впервые услыхали здесь о революционних партиях [2]).

Какова была идеология и психология Гапона с осени 1903 года до наступления через год после того «весны», возвещенной Святополк-Мирским? Можно ли смотреть на него в это время и позднее, как на человека, продавшегося за деньги охранному отделению? [3]).

Мы считаем такой взгляд ошибочным. Корыстные мотивы не играли не только определяющей, но и вообще важной роли в жизни Гапона. Он не был аскетом, любил пиво, много курил, будучи вдовцом-священником и не имея возможности вступить в формальный брак во второй раз, он взял девушку из приюта и жил с ней, как с женой [4]), но он не пьянствовал, не развратничал, жил вообще скромно, нередко нуждался и щедро раздавал деньги—все, какие имел,—нуждавшимся, особенно из рабочей среды [5]). Он был прав, когда говорил, что брал деньги из департамента полиции не для себя, а для дела.

---

[1]) «Историко-революц. сборн.», I, стр. 189.

[2]) Варнашев, От начала до конца с гапоновской организацией: «Ист.-рев. сборн.», I, стр. 184.

[3]) Феликс, Г. А. Гапон и его общественно-политическая роль. СПБ. 1906.

[4]) Павлов, Из воспоминаний о рабочем союзе и священнике Гапоне: «Минувшие Годы» за 1908 г., март, стр. 31, 44.

[5]) Карелин, 9-е января и Гапон: «Красн. Летопись» за 1922 г., № 1, стр. 112, 114.

Какое же это было дело? Был ли Гапон революционером?

Политическая, революционная, социалистическая наивность, примитивность Гапона в это время и позднее не подлежит ни малейшему сомнению. В марте 1905 года в Женезе на деятелей Бунда, с ним беседовавших, он произвел впечатление «человека очень не интеллигентного, невежественного, совершенно не разбирающегося в вопросах партийной жизни», социализм его не шел дальше примитивной мысли о том, что все люди братья [1]). Плеханов говорил ему: «поучиться надо, отче Гапоне, поучиться». Гапон беспомощно метался потом заграницей между социал-демократами и социалистами-революционерами и так и не мог найти себе места в политической действительности.

Но в то же время нельзя отрицать его искренность, когда он говорил: «я обыкновенный, простой человек, кипящий негодованием и готовый душу свою положить за други своя»; «верьте в мое искреннее чувство полной солидарности с угнетенным классом и в мое желание быть ему полезным во что бы то ни стало» [2]).

Незнакомый с революционной и социалистической идеологией, примитивно-мыслящий политически, неспособный сознательно разобраться в общественной жизни, проникнутый царистскими иллюзиями, не чуждый морального влияния толстовства, руководимый инстинктом демократа по происхождению и настроению, чувствуя себя способным владеть толпой, будучи «наблюдательным, умеющим узнавать людей, знающим психологию массы» [3]), обладая «умом острым, живым, быстро схватывающим суть дела», будучи «ловок, изворотлив», «догадываясь инстинктом» [4]), — Гапон сознательно ставил целью организации «укрепление в русском рабочем его национального самосознания и развитие его сил для самопомощи», средствами для чего должны были служить «чтение и помощь в болезнях и несчастных случаях» [5]). Он был огорчен убийством Плеве, от которого ждал денег на

---

[1]) К биографии Гапона (из женевского архива Бунда): «Мин. Годы» за 1908 г., июль, стр. 39, 45.

[2]) Павлов, Из восп. о раб. союзе и свящ. Гапоне· «Мин Годы» за 1908 г., март, стр. 33.

[3]) К биогр. Гапона: «Мин. Годы» за 1908 г., июль, стр. 40.

[4]) Павлов, Из восп.: «Мин. Г.», март 1908, стр. 43.

[5]) Зап. Г. Гапона, стр. 45.

училища для рабочих и которого ценил за энергию и ум [1]. И в то же время мечтал о всероссийской организации рабочих [2]), для чего посетил Москву, Харьков, Киев, Полтаву [3]), наделал в июле много хлопот московской администрации, критикуя в рабочей среде узость обществ взаимопомощи и настаивая на независимости рабочих организаций от властей [4]), наконец, под влиянием либералов [5]) стал с весны 1904 года вырабатывать петицию от имени рабочих с изложением их нужд, с политическими и экономическими требованиями, которые оппозиции среди рабочих, державшейся сначала по отношению к нему осторожно, показались шире требований социал-демократов и вызвали полное к нему доверие [6]). Помимо своих внешних свойств—агитационного темперамента, приятного голоса, выразительных, хороших глаз, Гапон потому также влиял на рабочих, что политически он по своей примитивности был ближе к ним, чем социалистические агитаторы. Импонировала и ряса священника.

Основные этапы развития гапоновской организации в Петербурге были таковы:

Осенью 1903 года Гапон собрал учредительное собрание из 15—20 рабочих, в числе которых были Степанов, Васильев, Горбачев, Кладовников, Устюжанин, Зимин, Маслов, Семенов, Смирнов, Лехвонен, Варнашев и др.,—все не моложе 30 лет. «Всех привлекала общественная деятельность и идея классовой организации». По предложению Гапона, собравшиеся постановили, что новая организация отвергает административную опеку над собой, должна иметь материальную независимость, и что для нее необходимы устав и помещение. Помещение было найдено и обставлено собственными силами. Собрана была из пожертвованных рабочими книг и библиотека. Учредители составили ответственный кружок, потом постепенно разраставшийся и дошедший в январе 1905 года до 100 человек. Председателем собраний был Вар-

---

[1]) Там же, стр. 51.

[2]) Там же, стр. 50; Павлов, Из восп: «Мин. Годы» за 1908 г., март, стр. 34.

[3]) Зап. Г. Гапона, стр. 50.

[4]) К истории «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга»: «Красн. Лет.» за 1922 г, № 1, стр. 300, 301

[5]) Зап. Г. Гапона, стр. 52.

[6]) Карелин, 9-е января и Гапон: «Красн. Лет.» за 1922 г, № 1, стр. 107.

нашев, секретарем Васильев, заведующим буфетом Устюжанин, библиотекарем Степанов [1]). Гапон являлся руководителем или, как он официально назывался, «представителем» организации—«Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга».

Вокруг этого ответственного кружка сложилось очень скоро ядро организации—70 или 80 человек рабочих [2]). Собрания начинались молитвой и проходили в чтении газет и книг по рабочему вопросу. Директор департамента полиции Лопухин дал 60 руб. на выписку консервативных газет, митрополит Антоний дал 100 руб. и назначил Гапона священником петербургской пересыльной тюрьмы, за что Гапон получал 2.000 руб. жалованья в год, бо́льшую часть которых тратил на нужды организации. В начале ноября исключены были из организации бывшие агенты Зубатова и Ушакова, основавшие свою группу в экспедиции заготовления государственных бумаг, и 17 рабочих представили градоначальнику Клейгельсу устав, утвержденный только через три месяца с значительными изменениями. В апреле 1904 года открыта была официально новая организация, и к концу первого месяца существования в ней насчитывалось до 300 членов. Гапон просил управляющих фабрик об улучшении положения рабочих, сглаживал недоразумения между фабричной администрацией и рабочими. Новый градоначальник генерал Фуллон сначала относился недоверчиво к Гапону и его делу, но Гапон сумел побороть это недоверие, опираясь на служивших в департаменте полиции Скандракова и Гуровича [3]).

«Боялись правительства, опасались и партийных», боролись с выступлениями партийных на собраниях. Гапону трудно было достичь доверия властей: он уставал, обивая пороги; его поддерживали в департаменте полиции Лопухин и Скандраков. Читались лекции Малиновским по истории русской литературы, Финкелем [4]) по истории, устраивались музыкально-литературные вечера под руководством Павлова.

---

[1]) Варнашев, «Ист.-рев. сборн.», I, стр. 190—191.

[2]) Зап. Г. Гапона, стр. 43; Карелин, «Красн. Лет.», 1922 г, № 1, стр. 107.

[3]) Зап. Г. Гапона, стр. 44—48.

[4]) Так надо читать его фамилию, а не «Финкельштейн»: Айнзафт, Зубатовщина и Гапоновщина, изд 3-е, М. 1924 г., стр. 124.

Ответственный кружок, состоявший из квалифицированных, хорошо оплачиваемых рабочих, не долюбливал политику и стоял на точке зрения мирного профессионального движения. Но был и конспиративный кружок из 10 человек, занимавшийся изучением истории революционного движения, без какой-либо, однако, революционной активности. Читалась здесь и нелегальная литература и «Капитал» Маркса. Гапон старался помогать в понимании читаемого, но не всегда успешно: он стоял немногим выше других участников кружка в понимании рабочего движения, но ценил в кружке средство выработки «вожаков для будущей революционной деятельности, которая представлялась ему довольно неясно и расплывчато» [1]).

Довольно важное значение в развитии организации и с точки зрения ее идейного направления и по количественному росту ее членов имело вступление в ее состав группы лиц, хотя и беспартийных в данный момент, но уже искушенных в политике [2]). То были Карелины — муж и жена (Карелин был членом еще брусневской организации) [3]), Кузин, Харитонов, Иванов, Усанов, Иноземцев. Началась критика японской войны и политики правительства,—собрание и Гапон стали леветь [4]). Число отделов и членов начало быстро увеличиваться. К ноябрю было 11 отделов и организовался 12-й—в Сестрорецке [5]); число членов к концу 1904 г. дошло до 12 тысяч [6]).

«Весна» Святополк-Мирского дала окончательный толчок идейному развитию собрания. Еще в марте 1904 года Гапон на собрании у него на квартире сообщил Карелину, Кузину, Васильеву и Варнашеву текст петиции, им выработанный, а осенью стал проводить принцип борьбы с самодержавием, умело инструктируя своих сотрудников, чтобы они не говорили ничего прямо, а осторожно наводили на напрашивающиеся сами по себе ответы аудиторию.

---

[1]) Варнашев, С начала до конца с гапон. организ.: «Ист.-рев. сборн.», I, стр. 191, 194.

[2]) Там же, стр. 195.

[3]) Карелин, 9-е янв. и Гапон: «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 107.

[4]) Варнашев, «Ист.-рев. сборн.», I, стр. 196.

[5]) Карелин, «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 109.

[6]) Варнашев, «Ист.-рев. сборн.», I, стр. 205.

В этом смысле и направлении работали под руководством Гапона Иноземцев, Филиппов и Рудак в Нарвском районе, Карелин и Усанов в Василеостровском, Харитонов в Коломенском, Степанов на Петербургской стороне, Кладовников в Рождественском районе. 28-го ноября 1904 г., после избиения студентов нагайками у Казанского собора, Гапон заявил на собрании из 35 человек, что для поддержки интеллигенции нужна петиция от рабочих [1]).

Таким образом «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» имело в общем и целом не только трэд-юнионистский характер, но и совершенно мирный, лишенный боевого значения в экономическом смысле. Политическая примесь в нем появилась позднее, была расплывчата, неопределенна, навевалась, главным образом, войной, а потом политической «весной».

Однако, и такая организация вызывала тревогу и недовольство в среде предпринимателей и фабрично-заводской администрации, привыкших к приемам некультурного, грубохищнического капитализма, исключавшего влияние какой бы то ни было рабочей организации. Именно на почве такого настроения [2]) предпринято было и осуществлено увольнение четверых рабочих Путиловского завода, бывших членами «Собрания» — Сергунина, Субботина, Уколова и Федорова. Увольняя их, администрация Путиловского завода довольно ясно подчеркнула принадлежность к «Собранию», как основную причину увольнения [3]).

Это был вызов, которого нельзя было не принять. Наступил, как то ясно сознавал Гапон, решительный момент: не заступиться за уволенных значило лишить «Собрание» всякого доверия в рабочей среде; отстояв их, «Собрание» приобретало огромный авторитет [4]). Понимала это и заводская администрация: один из мастеров Путиловского завода прямо сказал Гапону, что вернуть расчитанных рабочих нельзя: тогда весь Путиловский завод вступит в члены «Собрания» [5]).

---

[1]) Варнашев, «Ист.-рев. сборн.», I, стр. 197—202: пока, однако, ни окончательный текст петиции, ни способ ее подачи не были установлены.

[2]) Павлов. Из восп. о раб. союзе и свящ. Гапоне: «Минувшие Годы» за 1908 г., апр., стр. 80.

[3]) Зап. Г. Гапона, стр. 55.

[4]) Там же, стр. 55.

[5]) Павлов, «Мин. Годы» за 1908 г., апр., стр. 81

Гапон попытался все-таки сначала уладить дело обычным, мирным путем и направил депутацию к директору Путиловского завода Смирнову, с просьбой обратно принять расчитанных рабочих. Смирнов отвечал отказом. Тогда Гапон созвал 12 делегатов отделов Собрания, и решено было снова послать три депутации—к Смирнову, к фабричному инспектору Чижеву и градоначальнику Фуллону. Смирнов ответил снова отказом, Чижев советовал успокоиться, говорил, что рабочие неправы, Фуллон, к которому вместе с рабочей депутацией ходил сам Гапон, обещал сделать все от него зависящее. 21-го декабря Гапон еще раз посетил Чижева и Фуллона, но опять-таки безрезультатно [1]).

В дальнейшем наши источники, не противореча друг другу, взаимно дополняют сообщения свои, указывая на ряд собраний. Особенно важны были собрания 27-го и 28 декабря. 27-го собраны были Гапоном до 80-ти человек членов правлений отделов Собрания, были и некоторые партийные. Рабочие настаивали здесь на забастовке и петиции. Гапон долго упорствовал, считал выступление несвоевременным. В конце-концов, он, однако, уступил, и решено было подготовить и подать петицию [2]).

28-го декабря состоялось собрание более, чем из 300 человек членов организации с участием представителей социал-демократов и социалистов-революционеров. Опять решено было направить депутации к Смирнову, Чижеву и Фуллону, формулировав, однако, требования более отчетливо и решительно. Резолюция этого собрания гласила: 1) заявить через градоначальника высшему правительству, что отношения труда и капитала в России ненормальны; 2) потребовать от администрации Путиловского завода, чтобы мастер Тетявкин, ближайший виновник расчета четверых рабочих, был уволен; 3) просить градоначальника и фабричного инспектора, чтобы факты произвольного расчета рабочих не повторялись; 4) заявить, что «если законные требования рабочих не будут удовлетворены, то собрание фабрично-завод-

---

[1]) Зап. Г. Гапона; Павлов; Варнашев; Невский, Январьские дни в Петербурге в 1905 г.: «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 17.

[2]) Карелин, 9-е янв. и Гапон: «Красн. Лет» за 1922 г., № 1, стр. 111.

ских рабочих не ручается за спокойное течение жизни города» [1]).

Смирнов ответил на это объявлением, в котором указывал, что Собрание фабрично-заводских рабочих нарушило свой устав, и что он, Смирнов, доложил об этом нарушении градоначальнику. Не удовлетворили рабочих и ответы Чижева, всецело их обвинявшего, и Фуллона, указывавшего на революционный характер последнего пункта требований и дававшего неопределенные обещания постараться уладить конфликт. Все это происходило 29 и 30 декабря [2]).

Настроение рабочих поднималось все выше, атмосфера разгорячалась. Неудивительно, что Гапон 31 декабря в разговоре с Павловым рисовал перспективу забастовки и восстания, перехода войск на сторону рабочих; для себя он ждал гибели или на баррикадах или в тюрьме и жаловался, что ему до сих пор не доверяют [3]).

1-го января 1905 года собрание представителей отделов решило объявить забастовку.

2-го января на собрании Нарвского отдела, где присутствовали 600 чел., председатель Иноземцев доказал произвольность и неосновательность увольнения четверых рабочих. Представители с.-д. организации предлагали революционное выступление с красными знаменами и пытались разбросать прокламации, но это не имело успеха и, по предложению Иноземцева, решено было держаться на экономической почве, не нарушая порядка, прекратить 3 января работы на Путиловском заводе и потребовать увольнения Тетявкина и приема расчитанных рабочих.

Все это было выполнено 3-го января, и когда директор Смирнов отвечал отказом на требования рабочих, забастовка началась.

Она сопровождалась собраниями отделов организации, при чем Гапон оглашал на этих собраниях требования путиловских рабочих: они состояли в том, чтобы составлено было совещание депутации от рабочих и представителей акционерного общества Путиловского завода в равном числе от каждой стороны, при чем никто не должен потерпеть за

---

[1]) Невский, Янв. дни 1905 г. в Петерб: «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 15—16.

[2]) Там же, стр. 16—17.

[3]) Павлов, «Мин. годы» за 1908 г., апрель, стр. 84—86.

забастовку, за забастовочные дни должно быть уплачено, расценки назначаются по соглашению мастера с выборными от рабочих, в заводе учреждается постоянная комиссия из выборных рабочих, которая, по соглашению с администрацией, разбирает все претензии рабочих и решает вопрос об увольнении рабочих. Вместе с тем Гапон, по указанию рабочих, формулировал еще ряд конкретных требований: восьмичасового рабочего дня, работы в три смены, отмены сверхурочных работ, повышения платы чернорабочим—мужчинам с 60 коп. до 1 р., а женщинам с 40 коп. до 75 коп. в день,—улучшения санитарной части на заводе и бесплатной врачебной помощи заболевшим рабочим [1]).

4-го января эти требования были предъявлены Смирнову и встретили, разумеется, снова самый решительный отказ.

Партийные организации—меньшевиков и большевиков—попытались вмешаться в дело и предложить от себя требования. Меньшевики в своей прокламации требовали повышения расценок, отмены штрафов и сверхурочных работ и называли требования, выставленные гапоновской организацией, ничтожными. Прокламация большевиков не содержала конкретных требований, а призывала к борьбе с капиталистами и правительством. Ни та, ни другая прокламация не оказала влияния. Рабочие оставались всецело на той почве, на которую их ставила в согласии с их волей гапоновская организация [2]).

5-го и 6-го января забастовка, начавшаяся на Путиловском заводе, стала быстро распространяться по всем крупным, а потом и мелким промышленным предприятиям Петербурга. Иногда, как это было на Франко-Русском заводе, в мастерские являлись делегаты путиловских рабочих и агитировали за забастовку. Чаще всего путиловцы выступали на собрании местного отдела гапоновской организации, там принималось постановление о забастовке, а затем она осуществлялась. 7-го января группа рабочих Трубочного и Балтийского завода на Васильевском острове прошла по 23-й и Косой линиям и остановила работы на мелких фаб-

---

[1]) Невский, Янв. дни 1905 г. в Петерб.: «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 18—20.

[2]) Там же, стр. 21.

риках. В тот день бастовал уже весь промышленный Петербург [1]).

Гапону еще 28 ноября было поручено составить петицию от рабочих и решить вопрос, как представить ее по назначению. Гапон ее составил и, повидимому, она осталась в том именно виде, в каком вышла из под его пера, если не считать некоторых политических добавлений, сделанных под влиянием с.-д. и двух или трех чисто стилистических поправок, внесенных Матюшенским [2]). Чуткость к настроению масс подсказала Гапону и способ ее подачи: итти всем миром к царю. Это в точности соответствовало царистским иллюзиям рабочей массы, которая поэтому единодушно отозвалась: «К царю, искать правды» [3]). Напрасно большевики в своей прокламации от 8 января указывали на необходимость восстания и вооруженной борьбы [4]),—масса слепо, стихийно шла с Гапоном и за Гапоном, потому что он уловил ее сокровенные стремления и опирался на ее традиционные верования. У самого Гапона были сомнения, пойдут ли за ним рабочие, и он рассылал близких к нему лиц из ответственного кружка разведывать настроение рабочих. Они принесли ему успокоительные сведения [5]).

Наши источники несогласны по вопросу о том, когда именно Гапон бросил лозунг—итти всем миром: по одним [6]) это было еще 4-го января, по другим [7]) 6-го. Как бы то ни было, но петиция и ее подача царю всеми рабочими Петербурга в массовой демонстрации, которую Гапон задумал с целью сделать свое дело известным всей России [8]), не только способствовала увеличению численного состава гапоновской организации, но сделала ее организацией всего рабочего Петербурга. В один момент было достигнуто то, о чем можно было раньше мечтать только как о вожделенной, но далекой

---

[1]) Там же, стр. 21—23.

[2]) Это видно из рассказов Карелина и Варнашева. Павлов неверно изображает это дело. По Янову, Гапон только 7 января вставил свободу слову и печати, отделение церкви от государства и прекращение войны; Айнзафт, Зуб. и Гапон., стр. 145.

[3]) Павлов, «Мин. Годы» за 1908 г., апр., стр. 88.

[4]) Невский, «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 2[illegible].

[5]) Карелин, «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 112.

[6]) Павлов, «Мин. Годы» за 1908 г., апр., стр. 88.

[7]) Варнашев, «Ист.-рев. сборн.», I, стр. 203

[8]) Там же, стр. 203.

цели. Секрет достижения заключался в том, что чутьём уловлено было массовое настроение.

7-го и 8-го января с раннего утра до глубокой ночи отделы Собрания были полны рабочими. Одна толпа сменяла другую, все напряженно слушали текст петиции, подымали руки в знак одобрения, как для присяги, клялись итти все, как один. Гапон переезжал из отдела в отдел, читал и разъяснял петицию и заключал характерным и знаменательным выводом: «а если царь нас не послушает,—нет у нас ни бога ни царя!» И этот вывод повторялся за ним с глубокой серьезностью массами рабочих.

Нет ничего красноречивее и искреннее следующего рассказа одного рабочего об общем настроении: «все говорили: пойдем к отцу и скажем ему, как мучают нас наши обдиралы. Скажем ему: отец, прими нас, мы пришли к тебе, помоги нам, т.-е. детям твоим; мы знаем, ты рад жизнь отдать за нас и только живешь для нас, но ты ничего не знаешь, как бьют и мучают нас, как мы голодаем, как всегда измучены и притом невежественны, подобны скотам, почти что все неграмотны. Ожидали все получить это все, что говорили, и притом говоря так: ведь и в евангелии сказано, что отец принял блудного сына, а ведь мы не блудные, мы все стараемся, убиваемся и притом сидим голодные» [1]).

Участники движения рассказывают, будто бы интеллигенты из «Союза Освобождения»,—Богучарский, Прокопович и др.,—находили, что содержание петиции было лучше и шире требований, составлявших содержание социал-демократической программы [2]). Нельзя, конечно, согласиться, что оно было шире, но, повидимому, оно вполне соответствовало тому, что наболело у рабочей массы. Едва ли можно предполагать, как это делают некоторые исследователи [3]), что петиция была делом Прокоповича и Богучарского. Ее текст лучше всего говорит за то, что составлял ее сам Гапон,

---

[1]) Невский, Янв. дни 1905 г. в Петерб.: «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 31.

[2]) Карелин, 9-е янв. и Гапон, «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 110.

[3]) Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, часть III, выпуск 1-й, М. 1923, стр. 113—114. Во многом основательную критику этого взгляда см. у Айзнафта, Зуб. и Гап., стр. 144 и сл.

рукою которого водила здесь не либеральная интеллигенция, а петербургская рабочая масса. Вот что гласил этот текст:

«Мы пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук. И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немногого просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными также оказались наши просьбы уменьшить число рабочих часов до восьми в день, устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега»... «Государь! Нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, — в действительности же за нами, как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили с помощью твоих чиновников и при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку»... «Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы»... «Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в уста-

новлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов»... «Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобою и твоим народом и пусть он правит страной вместе с тобой». ...«Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель,—пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов». К этому главному требованию присоединен был в конце петиции ряд требований конкретных. То были: «I. Меры против невежества и бесправия русского народа: 1) немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки, 2) немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии, 3) общее и обязательное народное образование на государственный счет, 4) ответственность министров перед народом и гарантия законности правления, 5) равенство перед законом всех без исключения, 6) отделение церкви от государства. II. Меры против нищеты народной: 1) отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом, 2) отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу, 3) исполнение заказов военного и морского министерства должно быть в России, а не заграницей, 4) прекращение войны по воле народа. III. Меры против гнета капитала над трудом: 1) отмена института фабричных инспекторов, 2) учреждение на заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих; уволь-

нение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии, 3) свобода потребительно-производительных профессиональных рабочих союзов — немедленно, 4) восьмичасовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ, 5) свобода борьбы труда с капиталом—немедленно, 6) нормальная заработная плата—немедленно, 7) непременное участие представителей рабочих в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих—немедленно» [1]).

Петиция заключалась следующими словами: «Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплоатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства. Повели и поклянись исполнить их и ты сделаешь Россию счастливой и славной, и имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, мы умрем здесь, на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью или в могилу. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы. Мы охотно приносим ее» [2]).

Каждое слово петиции повторялось рабочими на собраниях отделов, как эхо. Ее ценность и революционное значение и заключалось именно в том, что она организовала широкую рабочую массу Петербурга и двинула ее, проникнутую наивной верой в царизм, всю целиком, на небывалую демонстрацию, имевшую, несмотря на свои мирные формы и, может быть, именно благодаря этим мирным формам, колоссальное революционизирующее значение.

Отправляясь 8 января в министерство юстиции, куда он был вызван, Гапон написал письмо Николаю II, где просил его выйти к народу 9-го января в 2 часа дня и гарантировал без-

---

[1]) Наивность, политическая малограмотность многих из этих формулировок (особенно таких, как «потребительно-производительные профессиональные союзы») лучше всего обличает самостоятельное авторство Гапона.

[2]) Полный текст петиции см. у Д. Сверчкова, На заре революции, стр. 59—63.

опасность. Другое письмо написал он министру внутренних дел князю Святополк-Мирскому. Явившись в министерство юстиции, Гапон вручил министру Муравьеву копию петиции. При этом Муравьев указал Гапону, что он хочет ограничения самодержавия, на что Гапон ответил утвердительно, отметив, что без этого неизбежна революция. Это свидание убедило Гапона, что будут «серьезные беспорядки, но остановить движение было уже невозможно, не погубив всего его будущего». Гапон просил Горького и либералов предотвратить кровопролитие [1]). Вследствие этого организована была депутация из Арсеньева, Анненского, Пешехонова, Гессена, Мякотина, Семевского, Горького, Кедрина, рабочего Кузина, которая посетила председателя комитета министров Витте и министра внутренних дел князя Святополк-Мирского. Витте сказал депутации, что это дело не касается его компетенции, Святополк-Мирского депутация не застала дома, была принята товарищем министра Рыдзевским, который советовал депутации отговорить рабочих от их выступления и указал, что правительству все известно, и меры приняты. Впоследствии, 10 января, все почти члены депутации были арестованы на некоторое время [2]).

В правительственных сферах царила растерянность. Министр внутренних дел Святополк-Мирский уже давно подал в отставку, и только 8 января у него состоялось совещание министров о том, что делать [3]). Фактически власть перешла к генералу Трепову, который вывел на улицы Петербурга войска с предписанием не пускать рабочих к Зимнему дворцу. Были вывешены в небольшом числе и не на видных местах объявления градоначальника с запрещением сходбищ, но даже полиция не везде была осведомлена о действительном отношении власти к движению: в Нарвском районе в шествии участвовали помощник пристава и околоточный надзиратель, из которых один был убит, а другой ранен.

Шествие имело вид крестного хода: шли с иконами, хоругвями, портретами Николая II, пели «Отче наш» и «Спаси, господи» [4]).

---

[1]) Зап. Г. Гапона, стр. 63—68.
[2]) Невский, «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 37.
[3]) Гр. Витте, Воспоминания.
[4]) Невский, «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 40.

События 9-го января — «кровавого воскресенья» — хорошо изображены в докладной записке, составленной комиссией, избранной общим собранием петербургских адвокатов. Вот основные черты этих событий:

В 10 час. утра у Нарвского отдела Собрания русских фабрично-заводских рабочих собралось до пяти тысяч рабочих и в 12 часов с иконами, хоругвями и несколькими портретами царя и царицы тихим шагом, с обнаженными головами и с пением «Спаси, господи» двинулись к Нарвским воротам. В двухстах шагах от ворот на толпу поскакала кавалерия, перед которой рабочие расступились. Когда они снова сомкнулись за проехавшей кавалерией и продвинулись вперед еще шагов на 100, раздался залп пехоты, потом второй и третий. Оказалось много убитых и раненых. На Шлиссельбургском тракте шло 10 тыс. чел., но были встречены холостыми выстрелами и атакой кавалерии, при чем ранено было человек пять. С Петербургской и Выборгской стороны рабочие двинулись к Троицкому мосту и у Александровского парка по ним сделаны были три залпа: убито было 48 чел. и столько же ранено. На Васильевском острове пехота сначала не стреляла, но конница действовала шашками, и за Средним проспектом рабочие устроили баррикаду, что вызвало уже и пехотную стрельбу. Несмотря на все препятствия, на Дворцовой площади собралось к 2 часам дня много рабочих. И здесь действовала кавалерия, и произведено было шесть залпов. Несколько ранее началась стрельба по Невскому проспекту и у Полицейского моста. Затем происходил по всему городу «целый ряд отдельных вооруженных нападений, не имевших уже никакой связи с волнениями рабочих, при чем заодно с войсками действовали отряды низших полицейских чинов». В общем, таким образом, «днем 9-го января без всякого законного повода стреляли, вечером рубили, а в последующие два дня просто били» [1]). Общее число пострадавших считают от нескольких сот до тысячи человек.

Гапон участвовал в шествии Нарвского района и был спасен социалистом-революционером инженером Рутенбергом. Вечером, переодетый в штатское платье и остриженный, он

[1]) «Красная Летопись» за 1922 г., № 1, стр. 140 и след., 146 и след., 153.

присутствовал на собрании интеллигенции в Вольно-экономическом обществе, где произнес речь «от имени отца Георгия Гапона» [1]). Он сам, впрочем, понимал, что все эти речи не нужны: надо было не говорить, а действовать [2]).

Потом он выпустил прокламацию, в которой разрешал от присяги офицеров и солдат. Он оставался в Петербурге в надежде, что «рабочие найдут как-нибудь оружие, и произойдет восстание» [3]). 11-го января диктатором назначен был Трепов, никакого восстания не произошло, надо было спасаться: еще 8-го января отдан был приказ об аресте Гапона. Тот же Рутенберг помог Гапону уехать заграницу.

Заграницей Гапон беспомощно метался между социал-демократами и социалистами-революционерами, призывал к союзу с либералами, три раза возвращался в Россию и, вернувшись, наконец, в третий раз, задумал восстановить свою организацию [4]), получил в возмещение ее убытков 30 тыс. руб., при чем совершенно запутался между грязными личностями, вроде Матюшенского и Петрова [5]), департаментом полиции, пытавшимся использовать его с целью предотвратить террористические акты со стороны эс-эров, и самими эс-эрами, содействия которых он добивался через Рутенберга. Азеф, игравший у эс-эров видную роль, прямо поручил Рутенбергу, повидимому, не без ведома департамента полиции, которому он также служил, убить Гапона. Рутенберг, искренне убежденный в предательстве Гапона, исполнил это [6]).

Огромная историческая важность события 9-го января не подлежит ни малейшему сомнению: в этот день сам царизм расстрелял царистские иллюзии в рабочем классе, революционизировал его и покончил навсегда с попытками полицейского социализма. Пролетариат России окончательно нашел и сознал себя как революционный класс. Это ясно видно

---

[1]) Рутенберг, Дело Гапона: «Былое», № 2 (24), авг. 1917 г., стр. 11—12.

[2]) Зап. Г. Гапона, стр. 84.

[3]) Там же, стр. 88.

[4]) Рутенберг, Дело Гапона: «Былое», № 2 (24), стр. 16 и сл., 28 и сл.

[5]) Карелин, «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 115.

[6]) Там же, стр. 116; Рутенберг, «Былое», № 2 (24), стр. 29—66.

прежде всего из того, что происходило после 9-го января в Петербурге и во всей России.

Лозунг Гапона—«нет у нас царя»—повторялся массой рабочих в Петербурге. Один обуховский рабочий недаром писал: «Мы, рабочие, решили теперь биться до последней капли крови, до последнего издыхания» [1]).

Всеобщая забастовка рабочих петербургских фабрик и заводов, правда, могла продлиться только в течение нескольких дней после 9-го января: голод и нужда брали свое, и уже с 13-го января рабочие начали становиться на работу. Но это не значило, что они отказались от борьбы и примирились с существующим строем. Петербургский пролетариат взял на себя революционную инициативу и готовился в будущем к новым боям. А когда Трепов инсценировал мнимое примирение царя с рабочими, назначив по наряду от каждой фабрики определенное число рабочих и одев их даже в сделанные на казенный счет синие блузы, при чем этой импровизированной «депутации», привезенной в Царское Село, царь по бумажке прочитал несколько слов о своей заботливости о рабочих, то это вызвало взрыв негодования в рабочей массе: рабочие грозились убить или, по крайней мере, избить наряженных полицией «депутатов» [2]).

9-го января пролетариат Петербурга—авангард передового класса России—начал революцию 1905—1907 годов. Инициатива принадлежала ему, и он связал политические революционные требования со своими классовыми экономическими интересами. Но, как всегда бывает в начале революций, и наша революция 1905—1907 годов началась на широкой социальной базе, объединила в революционном

---

[1]) Невский, «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1, стр. 59. Недавно появилась преувеличенная оценка зубатовщины и гапоновщины: они рассматриваются, как органическая часть рабочего движения (Айзнафт, Зубат. и Гапоновщ., стр. 129, ср. стр. 153 и след.). т.-е. такая, без которой не получилось бы дальнейшее развитие этого движения; нельзя принять этот взгляд: зубатовщина и гапоновщина, полицейский социализм в России — факты правительственной политики, объективно, независимо от воли ее вдохновителей и руководителей ускорившие процесс самоорганизации и самосознания рабочего класса; они содействовали этому процессу, но не были необходимым элементом его: и без них процесс классовой самоорганизации и классового самосознания совершился бы.

[2]) Там же, стр. 61.

действии также и разные слои буржуазии—мелкой, средней, отчасти даже крупной. Учащиеся в высших учебных заведениях выразили протест против расстрела, выставили революционные требования и забастовали, прекратив занятия. Ряд газет—не только левых, но даже правых—заявили требование конституции. Петербургские адвокаты составили и опубликовали записку, представлявшую собою изложение результатов расследования событий 9-го января, произведенного особой выбранной ими комиссией [1]).

Так было в Петербурге. Но этого было мало: вся Россия резко реагировала на то, что произошло в столице, и революционное и оппозиционное настроение приобрело всероссийский характер. Забастовки, сопровождавшиеся революционными требованиями — экономическими и политическими—прокатились по всей России, захватили русских, польских, еврейских и латышских рабочих. Требования учредительного собрания, демократической республики, восьмичасового рабочего дня, улучшения оплаты труда—вот что составляло идейный смысл этого пролетарского движения. Российская социал-демократия, Бунд, латышские и польские с.-д. развили на этой почве широкую агитацию и укрепили свое влияние в рабочих массах.

Вместе с тем, сразу, однакоже, обнаружилось обстоятельство, сыгравшее важную роль в дальнейшем ходе революции: отдельные слои пролетариата в разных частях страны и в различных отраслях индустрии оказались достигшими далеко не одинаковой степени сознательности и организованности.

Наибольшей чуткостью и сознательностью отличался рабочий класс в Польше, Западном крае и в крупных прибалтийских центрах промышленности.

Поэтому, напр., в Варшаве местный комитет польской социал-демократии мог планомерно провести всеобщую забастовку, назначив начало ее на 14-е января. Забастовка распространилась здесь и на железные дороги, при чем везде развернуты были чрезвычайно широкие требования экономические и политические: обычны были требования восьмичасового рабочего дня и увеличения платы на 30 или на 40%, уничтожения правления царя и созыва законодательного со-

---

[1]) Там же, стр. 65.

брания. Политическая забастовка в Варшаве длилась неделю—с 14 по 21 января—и сопровождалась революционными выступлениями и столкновениями с войсками. Уже 14-го рабочие стреляли и бросали камнями в жандармов и солдат, били и тушили уличные фонари, останавливали извозчиков и трамваи, закрывали рестораны, разрушили 22 лавки казенной винной монополии, не выпивая, а выливая вино, воспрепятствовали вызванному было властями еврейскому погрому, строили даже баррикады. Наибольшего развития политическая стачка достигла 15-го, 16-го и 17-го января. По официальным, далеко не полным, данным, было 90 убитых и 176 раненых, арестованы были 733 человека. Хотя политическая забастовка была 21-го января по постановлению революционных организаций прекращена, но экономическая продолжалась до половины февраля. Как и в Петербурге, рабочее движение в Варшаве встретило поддержку в учащейся молодежи: бастовали не только студенты и курсистки, но и некоторые ученики средних учебных заведений [1]).

Петербургские события нашли себе громкий отзвук в польской провинции—больше всего в Лодзи, Ченстохове, Домбровском районе, а затем и в более мелких промышленных центрах Польши. В Лодзи сразу забастовали 10.000 рабочих, при чем здесь почва была подготовлена самостоятельным экономическим стачечным движением, начавшимся независимо от петербургских событий. К вечеру 14-го января число бастующих лодзинских рабочих дошло до 70 тысяч. 15-го состоялась массовая рабочая демонстрация под лозунгами—конституции, всеобщей стачки и солидарности с русскими рабочими. 19-го января лодзинское движение достигло высшей точки своего развития, при чем в это время, отчасти и раньше, происходили вооруженные столкновения с войсками, сопровождавшиеся жертвами; по официальным данным, убито было 18 человек и ранено 37. Фабриканты пошли на уступки: согласились на десятичасовой рабочий день и повысили расценки на 5, 12, 15%, смотря по размерам заработка: кто получал много, тому дана была меньшая прибавка, плохо оплачиваемые рабочие добились прибавки бо́льшей [2]).

---

[1]) Невский, Январьские дни 1905 г. в провинции. «Красн. Лет.» за 1922 г., № 4, стр. 52 и след.

[2]) Там же, стр. 76—83.

В Ченстохове забастовка стала всеобщей 21-го января. Потом забастовали и Сосновицкий и Домбровский районы [1]. И везде к рабочим примыкали служащие, конторщики и интеллигенция в лице, главным образом, учащейся молодежи [2]. Лозунгами борьбы были всюду свержение самодержавия, демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, повышение платы на 30—50% [3].

В Риге еще в конце декабря 1904 г. и в начале января 1905 года происходили политические демонстрации. Забастовка по поводу петербургских событий была объявлена и проведена латышской социал-демократией 12-го января 13-го она стала всеобщей. Лозунгами были созыв учредительного собрания, все свободы, прекращение войны, восьмичасовой рабочий день и увеличение заработной платы. И здесь пролилась кровь: 13-го было 40 убитых и до 100 раненых. Стачка закончилась в Риге 20-го января. Отозвались на нее и другие промышленные центры Прибалтийского края [4].

В Саратове забастовка началась два дня спустя после кровавого воскресенья в Петербурге и отличалась организованностью, яркой политической окраской и стойкостью. И здесь огромное значение имело присоединение к забастовке железнодорожных рабочих и служащих [5].

В Западном крае—в районе действия Бунда—забастовка прошла также с большим успехом и сопровождалась широкими экономическими и политическими требованиями [6]. На Кавказе армянский погром в Баку 6—9 февраля, происшедший при попустительстве администрации, дал возможность социал-демократии созвать собрание из 500 чел. представителей рабочих, предпринимателей, общественных учреждений и политических партий, которое объявило политическую забастовку протеста, созвало всенародное собрание для антипогромной агитации и выставило резкие обвинения против самодержавно-полицейского режима [7]

---

1) Там же, стр. 83 и след.

2) Там же, стр. 102.

3) Там же, стр. 102.

4) Там же, стр. 103 и след.

5) Там же, стр. 120 и след.

6) Бухбиндер, 9-е января и еврейское рабочее движение: «Красн. Лет.» за 1922 г., № 1.

7) Мартов, История российской соц.-дем., стр. 93—94.

Мы не будем останавливаться на других промышленных центрах России,—на Харькове, Коврове, Кохме, Гусе-Хрустальном, Орехове, где движение имело характер средний, переходный от более ярких и организованных его проявлений, о которых сказано выше, к сравнительно менее сознательным и слабо организованным формам [1]). Отметим только в качестве типичного образца отсталости то, что произошло в Москве.

Здесь забастовка началась еще 10-го января в Замоскворецком районе и сразу захватила до 10.000 человек. 11-го она расширилась, при чем стачечники активно ее распространяли, снимали других с работы и собирались толпами, которые тотчас рассеивались нарядами полиции. 12 января забастовало несколько предприятий, раньше не участвовавших в стачке, происходили столкновения с полицией и аресты стачечников и представителей революционных партий. Заводы, начавшие забастовку накануне, то прекращали стачку, то снова к ней примыкали. По официальным данным, бастовало не менее 14 тыс. чел. 13-го забастовка вышла из пределов Замоскворечья и охватила свыше 17.300 чел., 14-го бастовали 30 тыс. человек, 15-го уже только 20 тысяч, и дальше число забастовщиков пошло на убыль, пока все движение 20-го января не прекратилось окончательно.

В общем, в Москве забастовка не только не была всеобщей, но не захватила даже и большинства рабочих. При этом требования московских рабочих имели почти исключительно экономический характер, политических требований почти не было.

Чем объясняется такой ход и характер московской январьской забастовки?

Несомненно, здесь влияли и действия местной администрации, и уступки предпринимателей. Градоначальник вывесил объявление, что правительство уже приступило к разработке вопроса о сокращении рабочего дня и улучшении условий труда; с другой стороны, предприняты были массовые аресты: арестовано было до 167 чел. рабочих и членов революционных организаций, и стянуты были войска. Наконец, фабриканты сделали частичные, иногда довольно значительные, уступки, по части особенно увеличения заработ-

---

[1]) Невский, Янв. дни 1905 г. в провинции: «Красн. Лет.» за 1922 г., № 5, стр. 85 и след.

ной платы—на 10—15% и т. д. Общество трезвости издало успокоительное воззвание к рабочим [1]).

Но, конечно, главной причиной хода и характера московской забастовки была отсталость московских рабочих: тогда как в Петербурге преобладали количественно металлисты, и большинство петербургских рабочих уже окончательно пролетаризировалось, в Москве главное значение имели текстильщики, и большинство рабочих сохраняло связи с землей и деревней. При всем том, однако, было одно характерное для московских рабочих явление: на некоторых—и притом крупных—предприятиях рабочие бастовали, не предъявляя никаких конкретных требований [2]). Обыкновенно это расценивается так же, как признак отсталости. Так это или не так, но здесь, несомненно, есть и другая, положительная сторона: забастовка без конкретных требований имеет смысл идейного протеста и выражения пролетарской солидарности с товарищами. Такое настроение в революционном смысле весьма ценно. И его проявление в самом начале революции было чрезвычайно знаменательно и показательно: мы увидим в свое время, что позднее оно принесло свои плоды.

И в Москве, наконец, как и везде, учащаяся молодежь оказалась солидарной с рабочими: забастовали и все высшие учебные заведения. Настроение средней и крупной буржуазии под влиянием петербургских событий стало оппозиционным. Смысл этих событий был ясен для всех, даже для консервативных кругов. Пишущий эти строки сам слышал от московского губернского предводителя дворянства, князя П. Н. Трубецкого, такой отзыв: «революция началась,—это несомненно; теперь нельзя помочь беде никакими частичными уступками».

Первый акт революционной драмы таким образом разыгран был импозантно: забастовки произошли в 122 городах и промышленных поселках и на десяти железных дорогах [3]).

---

[1]) Невский, Янв. дни 1905 г. в Москве: «Красн. Лет.» за 1922 г., № 2—3, стр. 7 и след.

[2]) Там же, стр. 19.

[3]) Троцкий, 1905, стр. 84.

II.

Мобилизация революционных и оппозиционных сил.

Начальный факт революции застал революционные и оппозиционные силы в России врасплох, совершенно неподготовленными. Наступил боевой момент, а организации боевых сил почти не было, они были во всяком случае не мобилизованы. Следующий затем момент революции—с февраля по начало августа—и был периодом мобилизации оппозиционных и революционных сил.

Эта мобилизация диктовалась как неотложное дело всей политической обстановкой момента, все более осложнявшейся и становившейся грозной, возлагавшей на революционные и оппозиционные круги и организации огромную общественную ответственность.

В конце января под влиянием январьской бури правительство, не делая пока никаких политических уступок, попробовало успокоить петербургских рабочих назначением комиссии по рабочему вопросу с участием выборных от рабочих под председательством сенатора Шидловского. Необходимо было определить отношение к этой комиссии.

4-го февраля в Москве, в Кремле, убит был социалистом-революционером Каляевым проживавший там после оставления поста московского генерал-губернатора великий князь Сергей Александрович.

Война с Японией приносила одну неудачу за другой: 11-го января последовало поражение при Сандепу, 14-го февраля поражение при Мукдене.

В правительственных кругах шла глухая, но упорная борьба между крайними реакционерами, возглавлявшимися Победоносцевым и консерваторами типа министра внутрен-

них дел Булыгина, сменившего Святополк-Мирского, и министра земледелия Ермолова, которые настаивали на уступках, правда, очень умеренных. Николай II сначала склонился на сторону реакционеров, и утром 18-го февраля 1905 года опубликован был манифест, в котором подчеркивалась необходимость сохранить самодержавие в полной неприкосновенности. Но большинство министров во главе с Булыгиным и Ермоловым настоятельно рекомендовали Николаю II уступки и грозили немедленной отставкой. Особенно сильным для Николая II аргументом за уступки оказался террористический акт, совершенный над великим князем Сергеем [1]), и вечером 18-го февраля появился рескрипт на имя Булыгина, которым учреждалась под его председательством комиссия для выработки Положения о государственной думе, которая, однако, должна была иметь лишь совещательный характер. Вместе с тем объявлено было, что все общества, организации и отдельные лица могут вырабатывать и представлять правительству проекты преобразований. Тогда последовал ряд политических резолюций земств, ученых обществ и собраний.

Весна обострила положение до крайности. В мае при Цусиме разгромлена была эскадра адмирала Рождественского. К тому же времени и к лету относится большой подъем рабочего, крестьянского и оппозиционно-буржуазного движения.

Рабочее движение пошло вперед со времени учреждения комиссии Шидловского, которое последовало 29-го января 1905 года. В передовых рабочих кругах,—особенно в тех, которые находились под влиянием большевиков, сразу возникла мысль о бойкоте выборов в комиссию Шидловского. Однако, рабочая масса стояла за выборы, и пришлось на их почве вести агитацию, при чем меньшевики с самого начала высказались против бойкота, а заграничная меньшевистская «Искра» выставила неосуществившийся, впрочем, план устройства широкой рабочей организации—политической и особенно профессиональной—при посредстве выборщиков [2]).

---

[1]) Лопухин, Отрывки из воспоминаний, стр. 60.

[2]) Мартов, История росс. социал-демократии, стр. 94—96. Сделана попытка связать выборы в комиссию Шидловского с образованием Совета Рабочих Депутатов в Петербурге («1905—1907 год в профессиональном движении», статья Колокольникова.

Петербургские рабочие дали наказы выборщикам, которые должны были выбирать членов комиссии, при чем наказы эти отличались весьма широким содержанием: требовались восьмичасовой рабочий день, участие рабочих в установлении расценок заработной платы, открытие отделов Собрания фабрично-заводских рабочих Петербурга, свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек. Шидловский заявил выборщикам, что не от него зависят открытие отделов и неприкосновенность и свобода слова депутатов от рабочих. Этот ответ дал победу бойкотистскому течению в рабочей среде: выборщики отказались выбирать членов комиссии, и в Петербурге снова произошла забастовка протеста. Для успокоения рабочих предприниматели сделали значительные уступки, как в смысле увеличения заработной платы, так и в отношении уменьшения рабочего дня [1]).

Уже эти экономические завоевания имели большое значение, как организующее и будящее сознание средство: рабочие воочию убедились, как важны организация и боевая тактика для защиты их интересов. Еще важнее было то, что и после 9-го января опыт, тогда приобретенный, подтверждался, подкреплялся новыми фактами: лисий хвост самодержавной власти обнаруживал в глазах рабочих ее истинную классовую природу не в меньшей степени, чем волчья пасть, открывшаяся в кровавое воскресенье.

В феврале и позднее развернулся ряд экономических забастовок в разных местах. Бастовали железнодорожники и достигали существенных перемен к лучшему. Происходили стачки типографских рабочих, приказчиков и ремесленных рабочих. Особенно широки были требования типографских рабочих: они настаивали на необходимости развитого фабричного законодательства, на восьмичасовом рабочем дне, на признании 1-го мая праздничным днем, на уничтожении сверхурочных работ, отмене ночного труда, облегчении труда женщин и отмене труда малолетних до 16 лет, на учре-

---

стр. 39—40); конечно, в совет попали и те, кто был депутатом в комиссии Шидловского; несомненно, что и в этих выборах и в существовании старост на заводах (см. там же, стр. 40 и сл.) сказалось стремление рабочих к самоорганизации; но это и все: прямой связи здесь не было.

[1]) Общественное движение в России в начале XX века, т. II, часть 1, стр. 96—99 (статья Кольцова).

ждении комиссий из рабочих и администрации для рассмотрения жалоб, на государственном страховании рабочих; наконец, выставлено было требование и созыва учредительного собрания. Весной забастовали булочники, судовые команды, портовые команды, прислуга в некоторых городах. Летом рабочее движение в Белостоке и Лодзи дошло до устройства баррикад, в Одессе рабочие волнения приняли прямо революционный характер, огромная стачка вспыхнула в Иваново-Вознесенске и длилась 50 дней, сопровождаясь расстрелами рабочих и разгромами фабрик. Предприниматели вынуждены были здесь повысить заработную плату на 7—15%. Стачечное движение шло и в Шуе, Тейкове, Кохме, Орехове-Зуеве. Кавказ весь охвачен был всеобщей политической забастовкой. Высоко поднялась стачечная волна также в Прибалтийском крае и в Польше [1]).

Одним из самых важных и характерных проявлений рабочего движения до осени 1905 года надо считать самочинное, без признания законом, образование профессиональных рабочих союзов.

В связи с 9-м января в Петербурге профессионально организовались рабочие печатного дела, при чем видную организационную роль сыграл их профессиональный орган—журнал «Печатное Дело». Союз этот окончательно был сформирован 18-го июня. Около того же времени возник союз конторщиков и бухгалтеров, делегатское собрание которого состоялось 6-го июля, при чем присутствовало 156 делегатов от 2½ тысяч человек. Образовались также весной 1905 г. союз часовщиков, первое собрание которого состоялось 24-го апреля, и союз портных, портних и скорняков, основание которому было положено сходкой 70 человек, собравшихся в лесу. На подобной же лесной сходке в июле 1905 г. основали свой союз 100 сапожников и башмачников. Осенью появились союзы фармацевтов и приказчиков, при чем последний насчитывал в своих рядах до 2.000 человек. Основан был также союз садовников. В августе или сентябре положено было основание и петербургскому центральному бюро профессиональных союзов. В октябре и ноябре число петербургских профессиональных союзов дошло до сорока. Характерны, однако, для положения были два важных обстоя-

[1]) Там же, т. II, ч. 1, стр. 201—221 (статья Кольцова).

тельства: во-первых, не имел своей профессиональной организации главный контингент петербургского фабрично-заводского пролетариата—рабочие-металлисты, являвшиеся к тому же и передовыми рабочими столицы, и усилия петербургского центрального бюро организовать их в союз пока не привели ни к чему: металлисты были слишком заняты политической борьбой; во-вторых, подавляющее большинство петербургских союзов этого времени были не профессиональными организациями в собственном смысле этого слова, не вели никакой настоящей профессиональной работы, ни экономической, ни просветительной, а являлись лишь центрами агитации за необходимость устройства профессиональных союзов и развития профессионального движения. Исключение представлял собою едва ли не один только союз рабочих печатного дела [1]).

В Москве союз печатников возник еще в 1903 году и насчитывал уже тогда 400 человек, при чем этот союз сразу примкнул к социал-демократии; он продолжал существовать и действовать и в 1905 г. С весны 1905 г. появились в Москве союзы приказчиков и городских рабочих и служащих, создался стачечный фонд при кассе типографов, происходили совещания представителей бастовавших профессий. Весной же и летом организовались союзы булочников, ремесленных рабочих и рабочих чайных развесочных. К декабрю 1905 г. в Москве было уже более 50-ти профессиональных союзов, и даже к сентябрю число их доходило до 26. Еще в 1921 году при московском отделении Русского технического общества на 50 тысяч рублей, пожертвованных Леденцовым, учрежден был Музей содействия труду, целью которого было собирание сведений о положении рабочих, устройство рабочих библиотек, выставок, лекций и непосредственная помощь отдельным рабочим и рабочим организациям. Либерально-народническое по своему первоначальному направлению, это учреждение с 15 марта 1905 г. приняло новый облик, окрасилось в социал-демократический, в значительной мере даже в боль-

---

[1]) Колокольников и Рапопорт, 1905—1907 г.г. в профессиональном движении, М. 1925 г., стр. 253—257; Гриневич, Профессиональное движение рабочих в России, СПБ. 1908; Колокольников, Профессиональное движение в России, т. I, СПБ. 1919; Святловский, Проф. движ. рабочих в 1905 году: «Красн. Лет.» за 1922 г., № 2—3, стр. 165.

шевистский цвет: в это время выбрано было новое правление, председателем которого стал сочувствовавший с.-д. присяжный поверенный Муравьев, а особо влиятельную роль в котором играл с.-д.—большевик М. Г. Лунц. С 24 сентября стали происходить регулярные совещания представителей московских профессиональных союзов при участии правления Музея содействия труду и уполномоченного петербургского союза работников печатного дела. Из этих совещаний образовалось Бюро уполномоченных московских профессиональных союзов [1]).

Переходя к провинции, следует прежде всего особо отметить Харьков. Здесь существовало и прежде и пользовалось большим влиянием легальное общество взаимопомощи.

В начале 1905 года на харьковском паровозостроительном заводе, вследствие происшедшей там забастовки, возникла рабочая комиссия из 60 человек в качестве представительства рабочих в их сношениях с администрацией; она заботилась об улучшении условий труда на этом заводе, улаживала конфликты между рабочими и предпринимателями на других фабриках и формулировала требования для рабочих других фабрик по их просьбам. К осени 1905 года во всех производствах в Харькове возникли такие комиссии в связи с происходившими тогда забастовками. Образован был общий стачечный фонд, которым управляли представители рабочих комиссий разных профессий. Существовали союзы рабочих печатного дела, механических рабочих, портных, приказчиков и ряд мелких ремесленных союзов. С сентября 1905 года стало действовать местное центральное бюро профессиональных союзов [2]). В Нижнем-Новгороде, Саратове и других городах еще до осени появились зародыши будущих профессиональных организаций в лице выборных рабочих комиссий, руководивших стачечной борьбой [3]). В других городах, если не считать бундовских и польских союзов, союзы стали возникать только с ноября и декабря 1905 года.

---

[1]) Колокольников и Рапопорт, 1905—1907 годы в проф. дв., стр. 155—158, 261—262; Святловский, в «Красн Лет.» за 1922 г., № 2—3, стр. 166; Мартов, Ист. росс. соц.-дем., стр. 98, 99.

[2]) Колокольников и Рапопорт, 1905—1907 годы в проф. движ., стр. 275—278.

[3]) Там же, стр. 294; Мартов, Ист. росс. соц.-дем., стр. 98.

Но уже осенью становятся также заметными первые признаки объединения профессиональных союзов на пространстве всей страны. На съезде в Москве 20 и 21 октября образован был всероссийский союз железнодорожных служащих и рабочих [1]). С 24-го сентября по 7-е октября 1905 года в Москве происходила первая профессиональная всероссийская конференция. Она возникла в результате инициативы харьковского общества взаимопомощи, ходатайствовавшего о разрешении съезда Обществ взаимопомощи и получившего на это разрешение министерства внутренних дел. Летом 1905 года за подготовку съезда взялись петербургские и московские профессиональные организации, и на совещании с харьковцами созданы были три районных центра—в Петербурге, Москве и Харькове. Правление московского Музея содействия труду и организовало в Москве конференцию, заседания которой происходили 24-го сентября, 1, 6 и 7 октября с участием всероссийского железнодорожного союза, 25 московских профессиональных союзов и групп и 10 профессиональных организаций Петербурга, Харькова, Екатеринослава, Нижнего-Новгорода и Сормова. По поручению конференции, Лунц написал воззвание с призывом организоваться в профессиональные союзы и выработал программу предположенного конференцией съезда профессиональных союзов [2]).

Вслед за рабочим движением, особенно с весны 1905 г., большого подъема достигло крестьянское аграрное движение. Уже в феврале крестьяне некоторых местностей Орловской губернии начали забирать помещичий хлеб, кое-где громили и усадьбы. В Курской губернии и в Северо-Западном крае уже в то время разгромы помещичьих имений сделались обычной формой крестьянского движения. В Юго-Западном крае движение началось лесными порубками, потом стали устраиваться забастовки сельскохозяйственных рабочих, наконец, дело дошло до разгромов имений и даже убийств. В Польше и Прибалтийском крае—областях с развитым сельскохозяйственным капитализмом—главное значение имели забастовки батраков. В Закавказье крестьяне начали выгонять администрацию и устраивать свое, крестьянское само-

---

[1]) Колокольников и Рапопорт, 1905—1907 годы в проф. движ., стр. 161.

[2]) Там же, стр. 146—173.

управление. В Гурии, под влиянием грузинской социал-демократии, крестьянское движение развивалось под лозунгами не только аграрными, но и политическими [1]). В одной только центральной России крестьянским движением захвачено было 62 уезда,—14% ее [2]). Обнаружились и зачатки крестьянской организации, находившейся главным образом под руководством или, по крайней мере, под влиянием партии социалистов-революционеров. Элементы организованности крестьянства стали наблюдаться на местах—сначала в Московской губернии, потом и в других—с весны 1905 года. 31-го мая и 1-го июня в Москве состоялся нелегальный учредительный съезд всероссийского крестьянского союза. На этом съезде представлены были 25 губерний центральной России, окраины пока оставались непредставленными. Число делегатов съезда доходило до 125, из которых было 100 крестьян и 25 интеллигентов. Платформа крестьянского съезда и основанного им союза имела несомненный революционный характер: основными ее положениями были передача всей земли крестьянству частью за вознаграждение и учредительное собрание [3]).

Выше было указано на революционный характер рабочих волнений в Одессе в июне 1905 года, сопровождавшихся забастовкой и убийствами полицейских. В связи с ними находилось первое проявление разложения военной силы старого режима, имевшее место как раз в передовой части этой военной силы—во флоте: мы имеем в виду бунт матросов на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Экипаж этого корабля находился под сильным влиянием социал-демократической организации. Агитацию во флоте вел Крымский союз с.-д. партии, образовавший особую организацию моряков, охватывающую десятки матросов во всех боевых единицах черноморского флота. Задача партийной организации заключалась в том, чтобы не допустить преждевременной вспышки и начать восстание лишь тогда, когда оно будет достаточно подготовлено на всех кораблях. Но разгоряченная общественная атмосфера и импульсивность малосознательных еще масс ускорила события и вызвала частичную вспышку на одном лишь «Потемкине». Поводом послужило столкновение

[1]) Общ. движ. в Рос. нач. XX в., т. II, ч. 2, стр. 210—225 (статья Маслова).

[2]) Там же, т. II, ч. 1-я, стр. 61 (статья Маевского).

[3]) Там же, стр. 62.

команды «Потемкина» с офицером из-за дурной пищи. Матросы в ночь с 14-го на 15-е июня взбунтовались, убили командира судна и шестерых офицеров и захватили в свои руки управление броненосцем. Социал-демократическое ядро команды составило комитет во главе с с.-д. Кириллом и Фельдманом. Комитет взял на себя управление кораблем и поставил себе целью поднять весь черноморский флот. «Потемкин» из Очакова, где он был, направился в Одессу, чтобы поддержать там рабочих. Здесь, однако, волнения рабочих были уже прекращены. «Потемкин» взял в Одессе запасы угля, воды и провианта, торжественно похоронен был в Одессе один убитый во время восстания матрос. Против «Потемкина» прислана была эскадра. Наступил критический момент, от которого зависела удача восстания. Оказалось, что оно было недостаточно подготовлено: к «Потемкину» присоединился только один броненосец, «Георгий Победоносец», да и тот скоро ушел от него и принес повинную. Другие суда эскадры, правда, тоже были ненадежны, и командный состав не решился вступить в открытый бой с «Потемкиным» и «Георгием», а увел их обратно. Но все же они не присоединились к восстанию, а с уходом «Георгия» стало ясно, что дело проиграно. Одиннадцать дней «Потемкин» скитался по Черному морю, заезжая в Феодосию за углем, водой и провиантом, наконец, сдался румынским властям, был ими разоружен, матросы остались в Румынии до последовавшей потом амнистии, а корабль был возвращен России [1]).

Почти одновременно с этим вспыхнуло движение и в сухопутной армии,—именно в лагере при Новой Александрии. Здесь действовала социал-демократическая военно-революционная организация. Руководителем ее явился бывший тогда меньшевиком офицер Овсеенко-Антонов. Попытка восстания была, однако, подавлена в самом начале, при чем член военно-роволюционной организации с.-д. солдат Буробин был убит, остальным организаторам попытки удалось скрыться [2]).

В феврале, марте и апреле мелкая буржуазия, в лице интеллигенции, стала организовываться в союзы врачей, учителей, статистиков и пр. и таким образом создала организо-

---

[1]) Там же, т. II, ч. 1-я, стр. 65—69; Мартов, Ист. росс. соц.-дем., стр. 111—112.

[2]) Мартов, Ист. росс. соц.-дем.

ванную силу в дополнение к тому студенческому движению, которое развернулось и усилилось после 9-го января.

8-го и 9-го мая 1905 года в Москве состоялся съезд 14 всероссийских интеллигентских союзов, и образован был Союз союзов с демократической платформой [1]).

Либеральная средняя, по преимуществу сельскохозяйственная, буржуазия и передовые слои крупной буржуазии—сельскохозяйственной, промышленной и банковой—выражали свое отношение к создавшемуся положению через посредство, главным образом, земств, земских съездов и депутаций. В январе многие земские собрания прервали свои сессии в виде протеста против события 9-го января и приняли ряд резолюций, признававших необходимость выборного представительства для участия в законодательной власти. В конце февраля состоялся в Москве съезд земских деятелей, главным образом, левого их крыла, при чем принята была двухпалатная система и всеобщее избирательное право при выборах в нижнюю палату, и признана была необходимость аграрной реформы, однако, и размеры прирезок земли крестьянам и высота выкупа остались неопределенными. Это постановление было вызвано страхом перед начавшимся крестьянским движением. Тем же мотивом вызваны были и попытки некоторых земств привлечь крестьян в земские экономические советы: надеялись этим ослабить аграрное движение; но эти надежды, разумеется, не оправдались.

Апрельский земский съезд состоял из выборных земских представителей и потому полнее выражал настроения и течения либеральной средней буржуазии. Большинство этого съезда—71 человек—высказалось за однопалатную систему, основанную на всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве, для выработки конституции; меньшинство—37 человек—во главе с Петрункевичем—отвергло прямые выборы; но когда речь зашла о проекте конституции, который следует проводить на собрании, созванном для ее выработки, и большинство и меньшинство объединились на двухпалатной системе и на прямых и всеобщих выборах в нижнюю палату, тогда как верхняя должна была быть организованной по принципу, близкому к организации сената во Французской республике, т.-е. на основе представительства, глав-

[1]) Общ. движ. в Рос. в нач. XX в., т. II, ч. 1-я, стр. 59—60 (статья Маевского).

ным образом, органов местного самоуправления—земств и городов [1]). В этих постановлениях весьма ярко и выпукло выступили на вид классовые интересы средней либеральной буржуазии, стремившейся при помощи второй палаты взять под свою гегемонию и опеку все демократическое движение и демократическое представительство.

Поражение под Цусимой вызвало новый—третий в 1905 г.—съезд земцев, еще более широкий по составу, в конце мая. Участие более умеренных земских элементов в этом съезде еще более принизило и съузило земские требования: необходимость народного представительства была признана всеми, но по вопросу об избирательной системе ограничились неопределенной формулой участия в выборах всех подданных. Съезд выделил из своего состава депутацию из 12 человек, во главе с Родичевым, Петрункевичем и князем Сергеем Трубецким, для представления Николаю II. Депутация эта представилась Николаю II 6-го июня, при чем князь С. Трубецкой произнес речь, смысл которой был в том, что царь должен быть царем не дворян или крестьян, а царем всей Руси. Поднесен был адрес с изложением земских требований в формулировке майского съезда.

В июле состоялся четвертый в этом году земский съезд, где умеренные земцы, во главе с Шиповым и Гучковым, объединились на совещательном народном представительстве, т.-е. на основном принципе реформы, намеченной рескриптом 18-го февраля на имя Булыгина,—так называемой булыгинской думы.

Наконец, сентябрьский общеземский съезд 1905 г.—пятый в том году—выразил тенденции левого земского большинства, смягченные правой оппозицией: създ не признал себя удовлетворенным булыгинской думой, но «из чувства гражданского долга» постановил не бойкотировать ее, а участвовать в ней; аграрное движение заставило принять аграрную программу, весьма умеренную, конечно: проектировались отмена выкупных платежей, расширение крестьянского землевладения насчет земель кабинетских, государственных и удельных и, «в случае надобности», частновладельческих с вознаграждением по «справедливой» оценке [2]).

---

[1]) Там же, II, 1, стр. 58 (ст. Маевского); II, 2, стр. 8--9.

[2]) Там же, т. II, ч. 2, стр. 3—4, 7—10, 12—15 (статья Веселовского).

Однако, большинство крупных и мелких землевладельцев выработало уже свою контр-революционную платформу, стало организовываться и проявлять себя на собраниях, съездах и в депутациях. Еще в начале 1905 г. большинство московского дворянского собрания—две трети его—высказалось за отказ от реформ до победы в войне с Японией и внутреннего успокоения, меньшинство же его—одна треть всего состава—присоединилось к малоопределенной формуле, рекомендовавшей «призыв избранных от народа людей для участия в государственной работе». Рескрипт на имя Булыгина о совещательном представительстве встретил полное сочувствие и поддержку в записке съезда губернских предводителей дворянства в Москве в марте 1905 года. Весной 1905 года образовалось ядро настоящей черносотенной организации—«Союза русского народа», во главе с гр. Шереметевым; Олсуфьевым, князем П. Н. Трубецким, кн. Голицыным, кн. Урусовым, Шараповым и др., а в Петербурге появился союз дворян-реакционеров, возглавлявшийся Головиным, Струковым. Нарышкиным и гр. Гудовичем. 21-го июня в защиту самодержавия организована была депутация к императору во главе с графом Бобринским и Нарышкиным, и Николай II заявил ей: «самодержавие мое будет таким, каким оно было встарь» [1]).

Оформление политических партий буржуазии только началось в изучаемое нами время, но далеко не было закончено. Черносотенный Союз русского народа только начинал слагаться, как было только что указано: в периоде зачаточного образования находились и будущие мирнообновленцы—шиповцы и октябристы-гучковцы. То же самое приходится повторить и о либеральной конституционной партии. Ее два зародыша—Союз земцев-конституционалистов и более левый Союз освобождения, державшийся, однако, правее Союза союзов—не солидаризировались с выступлением князя С. Трубецкого в составе июньской земской депутации. В июле съезд земцев-конституционалистов выбрал комиссию 20-ти для выработки программы и организации конституционно-демократической партии. В конце августа Союз освобождения выбрал соответствующую комиссию из сорока лиц.

---

[1]) Там же, т. II, ч. 2-я, стр. 5, 6, 11, 14 (статья Веселовского).

Обе комиссии слились и образовали временный комитет партии [1]).

Незаконченной до конца 1905 г. оставалась и организация партии социалистов-революционеров.

Наконец, чрезвычайно важные и знаменательные в тактическом и организационном отношениях перемены происходили в расколовшейся после второго съезда на две обособившиеся фракции социал-демократии. Чтобы понять последующую историю революции, необходимо теперь внимательнее остановиться на этих переменах.

После перехода Плеханова на сторону меньшевиков, большевики оказались в безнадежном меньшинстве во всех центральных учреждениях партии,—и в редакции центрального органа—«Искры», и в центральном комитете, и, наконец, в совете партии. Между тем, в партийных организациях в России они несомненно преобладали. При таких условиях им оставалось одно—добиваться созыва третьего партийного съезда для устранения организационной несообразности, установления организационной и тактической линии и обеспечения единства партии. Это они и сделали.

Невозможно было действовать в этом направлении через ЦК: он был против съезда, потому что против съезда были меньшевики, не без основания опасавшиеся новой победы большевиков на съезде и нисколько не желавшие, разумеется, рисковать своим господствующим положением в центральных учреждениях партии. Положение в ЦК даже ухудшилось для большевиков: ЦК изменился в составе, «твердые» большевики—члены ЦК—были арестованы, а большевики-примиренцы пошли на соглашение с меньшевиками, кооптировали в ЦК несколько меньшевиков, за что получили в распоряжение ЦК меньшевистские технические средства по транспорту заграничной литературы [2]). Ленин и подавляющее большинство большевиков не встали, однако, и не могли встать на этот путь примирительной политики, не суливший удачи их тактической линии; они вышли на другую дорогу—организации съезда путем агитации в низах партии.

Летом 1904 года появилась декларация 22 большевиков во главе с Лениным, или, как она потом называлась, декла-

[1]) Там же, том III, стр. 8 и 9 (статья Мартынова).

[2]) Батурин, Оч. ист. соц.-дем. в Росс., стр. 105.

рация литературной группы Ленина. В эту группу входили Ленин, Крупская, Богданов-Малиновский, Луначарский, Александров-Ольминский, Лепешинский, Лядов-Мандельштам, Десницкий-Строев, Мария Эссен-Зверь, Орловский-Воровский, Землячка-Залкинд, Бонч-Бруевич, Величкина, Павлович-Красиков, Гусев и др., но не входили примиренцы—члены ЦК — Никитич-Красин, Носков-Любимов, Вадим-Постоловский, Кржижановский, Иннокентий-Дубровинский, Карпов [1]). Декларация группы Ленина призывала партию к созыву съезда, базируясь на программных, тактических и организационных решениях второго съезда и учитывая вновь создающееся в России революционное положение.

В ноябре 1904 года были организованы в России три конференции—южная, кавказская и северная, представлявшие в общей сложности 13 партийных организаций [2]). Конференции эти выразили недоверие центральным учреждениям и несогласие с их тактикой участия рабочих в земской оппозиционной кампании, присоединились к принципам группы Ленина, высказались за скорейший созыв съезда и за обращение по этому вопросу с решительным приглашением к ЦК и выбрали бюро комитетов большинства, которому поручено было, в случае отрицательного ответа ЦК на требование о созыве съезда, объявить себя организационным комитетом и созвать съезд, а также «идейно и практически объединить партию вокруг идейной позиции большинства» [3]).

В бюро комитетов большинства вошли Зверь, Богданов, Лядов, Землячка и Румянцев, которые должны были работать в России, а в заграничный центр—редакцию газеты «Вперед», которая стала выходить, как орган бюро, с января 1905 г., вступили Ленин, Луначарский, Ольминский и Орловский [4]).

3-го декабря 1904 года петербургский комитет партии потребовал от ЦК категорического ответа, согласен ли он созвать съезд, возьмет ли на себя это дело. ЦК обещал ответить через месяц, и в этот срок ответа не последовало. Тогда члены бюро комитетов большинства начали объезд местных

---

[1]) Лядов, Третий съезд Р. С.-Д. Р. П.: «Пролетарская Революция» за 1922 г., № 3, стр. 62—63.

[2]) Там же, стр. 62.

[3]) Документы и материалы к III съезду Р С.-Д. Р. П.: «Пролет. Рев.» за 1922 г., № 3, стр. 125—127.

[4]) Лядов, Третий съезд: «Прол Рев.» за 1922 г., № 3, стр. 62.

организаций с целью агитации за съезд. Оказалось, что из 28 комитетов, имевших право участия на съезде с решающим голосом, 21 в марте 1905 г. высказался за съезд[1]). Это и понятно: 9-е января ясно показало, что без прочной и сплоченной организации и без точно выработанной тактической позиции обойтись нельзя: революция стала фактом [1]).

Наконец, 4-го марта и примиренческий ЦК признал, что большинство партийных организаций стоит за созыв съезда, что съезд необходим. Поэтому ЦК вошел в сношения с БКБ и составил с ним вместе организационный комитет по созыву съезда. Это решение ЦК вызвано было в значительной мере тем, что совет партии, имевший формальное право на созыв съезда, категорически высказался против этого созыва; Плеханов, Мартов, Аксельрод и Носков, входившие в состав совета вместе с Лениным, исключили последнего и заменили его Дейчем [2]).

Третий съезд партии состоялся в апреле 1905 года, но при особых условиях.

Захват меньшевиками центральных организаций при содействии Плеханова и кампания за съезд и против съезда до чрезвычайности обострили фракционную полемику: меньшевики упрекали Ленина в централизме, нарушении принципа демократизма, якобинизме, бонапартизме, бланкизме, радикально-интеллигентской революционности; Ольминский-Александров в ряде брошюр, изданных под псевдонимом «Галерка», доказывал, что бонапартистами, захватчиками власти, противниками демократизма, интеллигентскими анархистами являлись именно Плеханов, Аксельрод, Мартов и их единомышленники [3]).

К этому присоединились и тактические разногласия. Начало их нам уже известно из предыдущего тома нашего труда: то был пресловутый план «Искры» об участии пролетариата в земской кампании и критика его Лениным. Это начало повело к естественному своему продолжению. «Искра» выступила со своей особой точкой зрения по вопросам о временном правительстве и о вооруженном восстании.

---

[1]) Там же, стр. 64 и 65.

[2]) Там же, стр. 64 и 65.

[3]) Ср. Лепешинский, в «Прол. Рев.» за 1922 г., № 5, стр. 48.

В статьях Мартова, Плеханова и Мартынова в №№ 93 и 96 «Искры» меньшевики определенно высказались против участия социал-демократии, как партии пролетариата, во временном правительстве по следующим соображениям: революция предстоит буржуазная; буржуазия уже выступила против самодержавия; революция упрочит ее классовое господство; поэтому пролетариат не должен играть в ней руководящую роль; против такой попытки говорит и исторический опыт: во Франции два раза—в 1848 г. и в 1871 г.—пролетариат пытался такую руководящую роль сыграть и оба раза потерпел поражение. Задача заключается, по формулировке Плеханова в № 87 «Искры», в том, чтобы изолировать реакцию путем поддержки буржуазного оппозиционного и революционного движения.

В связи с этими взглядами на революцию и роль в ней пролетариата и социал-демократии определилось в меньшевистской литературе и отношение к вооруженному восстанию. С точки зрения меньшевиков основная задача пролетариата и его партии в революции состояла не в подготовке решительного боя со старым режимом, вооруженного восстания, а в создании в народе «жгучей потребности напасть на самодержавие и вооружиться для этого»; надо «развязать» стихию народного возмущения путем открытой агитации в массах. От непосредственного руководства массами партия должна отказаться, а должна стремиться лишь к политическому влиянию на массы, к политическому руководству ими. Поэтому надо способствовать частичным массовым экономическим движениям, возникшим после 9 января и принимавшим естественно политическую окраску: меньшевики полагали, что таким образом можно будет захватным путем получить не только некоторую свободу собраний, рабочее представительство на фабриках и т. д., но и «революционное самоуправление» [1]).

Большевистская литература, особенно с тех пор, как стал выходить «Вперед», ответила самой резкой критикой меньшевистской тактической линии, как — «хвостистской» в отношении к крупной и средней буржуазии, т.-е. такой, при которой пролетариат и социал-демократия обречены

---

[1]) Ср. Батурин, Оч. ист. с.-д. в Росс., стр. 112; Мартов, Ист. росс. соц.-дем., стр. 99—102.

тащиться в хвосте этой буржуазии. Вместе с тем формулировались собственные взгляды, противоположные меньшевистским. Массовые демонстрации с целью организовать наиболее отсталые слои рабочего класса и крестьянства, прямой натиск на самодержавие во главе народного восстания, борьба за республику и революционное осуществление программы-минимум, техническая подготовка восстания и баррикадной борьбы—вот темы, которым «Вперед» уделял особое внимание. С точки зрения Ленина и его единомышленников огромная роль мелкой буржуазии, буржуазной демократии в революции обеспечивала последней буржуазный, непролетарский, несоциалистический характер. Но буржуазная революция может быть доведена до конца, сделана последовательно-демократической без соглашений и уступок старому строю, к которым склонна крупная буржуазия, лишь в том случае, если мелкая буржуазия выйдет из подчинения буржуазии крупной и подчинится гегемонии пролетариата. Целью революции является поэтому диктатура пролетариата и крестьянства, единственно способная довести до конца демократический переворот, чрезвычайно выгодный, необходимый для пролетариата в его борьбе за социализм и полностью удовлетворяющий интересы буржуазной демократии. Имея в виду подготовку вооруженного восстания, большевики настаивали на необходимости разработки ряда технических вопросов, с ним связанных, и на усиленной пропаганде и агитации в рядах армии, а также требовали пересмотра аграрной программы социал-демократии с целью более успешной организации крестьянских масс [1]).

Меньшевики тем менее могли рассчитывать на большинство на третьем съезде, что как раз в 1904 и в начале 1905 года в их собственной среде наметилось и обнаружилось на деле важное идейное расхождение, произошел откол от них Парвуса и Троцкого. Расхождение это началось с того времени, как «Искра» выступила со своим планом участия рабочих в земской оппозиционной кампании: тот «хвостизм», в котором по этому поводу обвинял меньшевиков Ленин,—фактическое подчинение пролетариата гегемонии буржуазии,—был неприемлем и для Парвуса и Троцкого.

---

[1]) Ср. Лепешинский, в «Пролет. Рев.» за 1922 г., № 5. стр. 52—55; Мартов, Ист. росс. соц.-дем., стр. 104—106.

После 9 января Парвус и Троцкий указали, что меньшевистская тактика «развязывания» стихийно-революционного движения масс оставляет это движение без руководства и организации, без организационного объединения, что и крестьянство и городская буржуазная демократия аморфны и лишены демократической последовательности, и что единственной общественной силой, способной дать единую организацию революционной стихии, является в России пролетариат, который поэтому и должен взять на себя руководство движением, а его партия должна организовать диктуемое после 9 января, как необходимость, восстание. Таким образом и в критической и в положительной, тактически организационной своей части позиция Парвуса и Троцкого близко подходила к линии Ленина, однако, с одним весьма существенным отличием: Ленин был убежден в 1904 и 1905 годах, что преобладание в России мелкобуржуазной стихии и отсутствие в Европе подходящей для немедленного социалистического переворота обстановки исключают возможность в России социалистической революции, и потому выдвигал как цель революционно-демократическую, а не социалистическую, диктатуру пролетариата и крестьянства, а Троцкий и Парвус утверждали, что при руководстве пролетариата победоносной революцией власть фактически перейдет в руки рабочего класса, и пролетарская власть не сможет не стать социалистической. Поэтому и в то время и в особенности позднее Троцкий старался доказать, что Россия уже готова к социалистической революции [1]).

Такова была идейная обстановка в российской социалдемократии, когда в апреле 1905 г. организационный комитет, составленный ЦК и БКБ, стал направлять выбранных местными комитетами делегатов на съезд в Лондон. Большинство туда и поехало, но меньшинство последовало указаниям меньшевистского центра—редакции «Искры»—и отправилось не в Лондон, а в Женеву. В мае 1905 г., когда и лондонское и женевское собрания были открыты, меньшевистские делегаты из Женевы обратились к большевистским в Лондоне с предложением слиться, но образовать не съезд, а общепартийную конференцию, решения которой не были бы

[1]) Ср. Мартов, Ист. росс. соц.-дем., стр. 102—104; Троцкий, 1905, стр. 51, 56.

формально-обязательными для партийных центров. Большевики, разумеется, отвергли это предложение, и окончательный раскол стал и формально несомненным: в Лондоне стал заседать третий съезд, в Женеве меньшевистская конференция.

На третьем съезде решающих голосов было окончательно признано 46. Богданов и Красин сделали на съезде доклад от имени организационного комитета, доказывавший, что съезд является правомочным представителем партии. Затем съезд перешел к обсуждению основных тактических вопросов о вооруженном восстании и временном правительстве. Докладчик о вооруженном восстании—Луначарский—критиковал основное тактическое положение меньшевиков о развязывании революционной стихии и доказывал необходимость единой организации революции. Второй докладчик по тому же вопросу—Богданов—остановился на технической подготовке восстания—на вопросах о захвате оружия, об организации боевых дружин, о работе в армии и пр. Съезд признал, что «задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент», дал директиву партийным организациям политически и технически подготовлять восстание, связывая его с массовыми политическими стачками, как его началом, вооружая пролетариат, руководя восстанием и создавая для этого особые партийные группы.

Вторым главным вопросом, дебатировавшимся на съезде и получившим на нем определенный ответ, был вопрос о временном правительстве. Докладчиками по этому вопросу выступили Ленин и Красин.

Ленин указывал на две возможности в результате революции: первая заключается в том, что самодержавие не будет окончательно свергнуто и будет заменено лишь конституционной монархией; тогда ни о каком временном правительстве и ни о какой демократической диктатуре речи быть не может; вторая возможность—действительное свержение самодержавия и замена его временным правительством. Временное правительство может опираться только на революционный народ, т.-е. пролетариат и крестьянство. Но после свержения самодержавия борьба не прекратится, а, напротив, уси-

лится, обострится, потому что только тогда надлежащим образом организуются реакционные силы. Их нужно будет победить, отстоять завоевания революции, и это должно быть первой задачей временного правительства. Значит, временное правительство в первую очередь должно явиться организацией войны, т.-е. диктатурой, а так как оно опирается на пролетариат и крестьянство, то и диктатура должна быть диктатурой пролетариата и крестьянства. Бояться участия в ней, зарекаться от такого участия, нет никаких оснований, и Маркс и Энгельс, вопреки «Искре» и Бакунину, полагали, что пролетариат обязан давить на революцию не только снизу, с улицы, но и сверху, из временного правительства, отказ от участия во временном правительстве они считали бакунизмом, анархизмом. Якобинизм и террор, связанные с диктатурой пролетариата и крестьянства и с участием во временном правительстве, для с.-д. не страшны: Маркс указал, что террор — плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контр-революцией, и большевики предпочитают разделываться с самодержавием плебейскими, якобинскими способами, предоставляя меньщевикам способы жарондистские. В революционный момент боязнь участия во временном правительстве, «мартыновщина не только глупость, не и преступление, ибо она подрывает размах революционной энергии пролетариата, подрезывает его революционный энтузиазм».

Красин в своем докладе, с одной стороны, конкретизировал задачи временного правительства,—указав, что его дело — закрепление приобретений революции, вооружение народа и осуществление основных требований программы-минимум, напр., восьмичасового рабочего дня,—с другой—отметил, что если буржуазия начнет через временное превительство, пользуясь истощением сил пролетариата, отнимать у него завоевания революции, то представители социал-демократии во временном правительстве должны будут уйти из временного правительства, чтобы не обагрить своих рук кровью пролетариата.

Резолюция съезда установила, что временное правительство должно осуществить программу-минимум, что в зависимости от конкретных условий допустимо участие во временном правительстве уполномоченных с.-д. партии под строгим контролем партии, и что во всяком случае вооруженный и руководимый социал-демократией пролетариат должен за-

вить на временное правительство в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции [1]).

Смысл этой резолюции был ясен: как впоследствии разъяснил Ленин, необходимо было, чтобы временное правительство проводило положительную программу, потому что отказаться от этого, от осуществления им программы-минимум, значило бы «терпеть существование крепостнических порядков прогнившего самодержавия»; нужны были вообще наступательные действия и во временном правительстве (сверху) и давлением на него (снизу) [2]).

Вопросы о вооруженном восстании и временном правительстве были основными в порядке дня съезда, как этого и естественно было ожидать на основании предсъездовской литературной дискуссии. Не останавливаясь поэтому на других, второстепенных вопросах, обсуждавшихся и решенных на съезде, посмотрим, как эти два кардинальных вопроса ставились и решались на меньшевистской конференции в Женеве.

Конференция признала, что задача времени — подготовка вооруженного восстания, но отвергла везможность планомерного восстания; исходя из того, что благоприятные для восстания условия создаются правительственной дезорганизацией, с.-д. агитацией и организацией, конференция перенесла центр тяжести с.-д. работы в данный момент именно на агитацию и организацию, отодвинув в будущее технически-боевые приготовления и полагая, что лишь в будущем эти приготовления «могут приобрести более или менее серьезное значение».

Нет никакого сомнения, что в этой резолюции получила яркое свое выражение основная-тактическая позиция меньшевиков: пролетариат — не вождь революции, а только ее пособник, подталкивающая ее сила; надо «развязывать» стихийное движение, а не организовывать его планомерно; поэтому и в революционный момент остаются единственно целесообразными обычные всегда и в мирное время приемы

---

[1]) Докум. и матер. к III съезду: «Прол. Рев.» за 1922 г., № 3, стр. 139—163; Лядов, Третий съезд: «Прол. Рев.» за 1922 г., № 3, стр. 67—74.

[2]) Вл. Ильин (Ленин), Две тактики социал-демократии в демократической революции: «За 12 лет», Петр. 1919, стр. 419, 421.

с.-д. борьбы—агитация и организация. Сильный скептицизм по отношению к восстанию и его технической подготовке проникает собою всю резолюцию.

Не менее характерной была резолюция конференции о временном правительстве: «решительная победа над самодержавием», по мнению конференции, «может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, вышедшего из победоносного вооруженного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего под непосредственным давлением народа организовать всенародное учредительное собрание; в обоих случая наступает новая фаза революционной борьбы, объективная задача которой—окончательная ликвидация всего сословно-монархического строя в интересах буржуазии, почему и временное правительство должно не только двигать вперед развитие революции, но и бороться против факторов, угрожающих основам капиталистического строя; социал-демократия должна двигать революцию вперед и потому не входить во временное правительство, а оставаться партией крайней революционной оппозиции».

И здесь сказывается отказ от роли вождя, руководителя, организатора демократической революции. При всей видимой ортодоксальности этой резолюции, в ней видно и «пассивное зрительство, мертвенное резонерство», и объективное подчинение «демократическим лозунгам монархической буржуазии» [1]). Крупная буржуазия, борющаяся против самодержавия, представлялась меньшевикам более прогрессивной силой, чем городская буржуазная демократия и крестьянство, и по линии именно ее поддержки и шли меньшевики, тогда как большевики стремились взять под гегемонию пролетариата городскую и деревенскую демократию и с этою целью создать революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. В этих социальных тяготениях весь смысл двух тактик, определившихся в российской социал-демократии в мае 1905 года.

Остается отметить только еще организационные решения 3-го съезда и конференции.

Съезд пересмотрел устав партии, при чем уничтожил совет, во главе организации поставил Ц. К., которому должна

---

[1]) Там же, стр. 427, 431.

быть подчинена назначаемая им редакция центрального органа; таким органом была объявлена вновь основанная газета «Пролетарий»; членом партии объявлен был лишь тот, кто признает ее программу, вносит членские взносы и состоит в какой-либо партийной организации.

Конференция признала факт раскола партии на две особых организации, ликвидировала совет партии, признала «Искру» органом лишь части организаций и выбрала организационный комитет, поручив ему вступить в переговоры с большевиками о восстановлении единства партии. Плеханов увидел в этих организационных постановлениях конференции санкцию распада партии, вышел в знак протеста против этого из редакции «Искры» и с тех пор вплоть до середины 1906 года оставался вне фракций и их организаций [1]).

---

[1]) Мартов, Ист. росс. соц.-дем., стр. 107—109.

III.

Высший подъем революции.

Как ни велики были тупое упорство, косность и политическая близорукость правящих сфер,—все же и они должны были податься перед лицом быстро и бурно подымавшегося настроения народных масс, при происходившей под тем же влиянием массового подъема мобилизации оппозиционных и революционных сил. Конечно, эта податливость была минимальной, не шла дальше тех советов, которые давал в переписке с Николаем II германский император Вильгельм II: если уж надо уступить,—писал Вильгельм,—уступить приходится, но самое наименьшее.

В трех пунктах решено было сделать уступки: во-первых, заключить мир с Японией, во-вторых, осуществить проект булыгинской думы, в третьих, дать автономию высшим учебным заведениям. Думали, что этого достаточно, чтобы ослабить, даже совершенно обессилить революцию, уничтожив частичными подачками единство революционных и оппозиционных сил.

Заключение мира поручено было Витте, которому и удалось, при посредничестве президента Соединенных Штатов Рузвельта, после довольно непродолжительных переговоров с японским уполномоченным графом Комурой в Портсмуте в северной Америке, исполнить это поручение с минимальными для России жертвами: Япония окончательно овладела Кореей, получила южную половину Сахалина, заняла на тех же условиях, на каких занимала Россия, Квантунскую область с Порт-Артуром и Дальним, который был переименован японцами в Дайрен. Контрибуции установлено не было.

Без сомнения, заключение мира было для русского старого режима большим шансом в борьбе с революцией: исчез один из самых главных конкретных поводов к недовольству и революционной агитации—чрезвычайно непопулярная война. Правда, возник очень острый и трудный вопрос о демобилизации манчжурской армии, которая революционизировалась особенно под влиянием позднейших событий в России. Но эта революционность не была глубокой,—она получила исход тогда, когда открыта была возможность скорейшего массового возвращения домой, — возможность, осуществленная отчасти самой армией путем захвата подвижного состава манчжурской и сибирской железных дорог, отчасти облегченная Витте, когда он стал председателем совета министров. Как бы то ни было, важнейшая угроза старому порядку со стороны войны и действовавшей в ней армии была уничтожена.

Сложнее оказалось дело с внутренней политикой, где расчеты правящих кругов совершенно не оправдались.

Утверждению проекта булыгинской думы предшествовало петергофское совещание в июле 1905 г., достаточно характерное для правящих сфер, чтобы на нем остановиться ненадолго. Совещание происходило под личным председательством Николая II и состояло из нескольких великих князей, высших сановников, главным образом правого, реакционного направления, и некоторых особо приглашенных лиц, в числе которых был профессор Ключевский.

На первом же заседании Николай II поставил вопрос: находится ли проект комиссии Булыгина в «правильном сочетании» с основными законами, т.-е. самодержавием? Самая постановка вопроса характерна: она показывает, что по существу не желали никаких уступок, имели в виду только положить некоторую косметику, подбелить и подрумянить старое лицо самодержавия. Заядлые, чистокровные реакционеры вслед за Стишинским направили свои возражения на 42-ю статью булыгинского проекта, устанавливавшую, что если большинство государственной думы и государственного совета выскажется против законопроекта, внесенного каким-либо министром, то законопроект возвращается для пересмотра министру; они видели в этом участие думы и совета в законодательной власти, ограничение самодержавия, и предлагали исключить эту статью, внести

постановление, что государю представляются мнения и большинства и меньшинства думы и совета, и он может, следовательно, утвердить и мнение меньшинства. Решило дело замечание всесильного Трепова: для самодержавия опасны учреждения вроде государственной думы, и именно поэтому надо избегать конфликтов правительства и верховной власти с думой: статья 42-я полезна, потому что уменьшает количество таких конфликтов. Ст. 42-я была сохранена, только постановлено было внести в проект упоминание о самодержавии, что в одном из следующих заседаний и было осуществлено.

Затем консервативным, но нереакционным членам совещания с поддержкой Ключевского удалось убедить Николая II, чтобы, вопреки настояниям реакционеров, дума не была лишена инициативы в установлении новых налогов. Консерваторам и Ключевскому удалось также защитить против реакционеров лицемерное прикрытие сословного представительства в думе против открытой сословности.

Чрезвычайно характерно, наконец, что в совещании, как и в булыгинской комиссии, и не только среди консерваторов, но и среди реакционеров, господствовало убеждение в консерватизме крестьянства: крестьянству дано было значительное количество выборщиков—42% всего их числа, обеспечен 1 крестьянский депутат на губернию, выбиравшийся при том одними лишь крестьянскими выборщиками [1]). Эта ставка на крестьянство была одной из главных иллюзий старого режима, может быть более всего указывающих на его крайнюю политическую близорукость: совершенно невозможно было рассчитывать на консерватизм малоземельной и обнищавшей крестьянской массы, не имевшей ничего общего ни с прусским крепким крестьянством, ни даже с крестьянством французским, получившим все же полное уничтожение и крепостного права и крепостного хозяйства и больше земли во время великой революции, чем наше крестьянство в 1861 году.

Избирательная система булыгинской думы была построена на системе курий или, как их пренебрежительно называл впоследствии Ленин в своих брошюрах,—«стойл». При

[1]) Секретные протоколы Петергофского совещания «Голос Минувшего» за 1917 г., № 4, стр. 128—143, 161—166, 185—217, 231—235.

этом почти в каждой курии или стойле выборы были не прямые.

При выборах по губерниям и областям установлены были три курии избирателей: 1) уездных землевладельцев; 2) городских избирателей; 3) уполномоченных от волостей и станиц.

Среди уездных землевладельцев преобладание принадлежало крупным и средним над мелкими, при чем в основу представительства было положено обладание в каждом уезде известным количеством земли, обложенной земскими повинностями: крупные и средние землевладельцы и обладатели недвижимости ценою не менее 15 тыс. руб. были избирателями поголовно, а мелкие землевладельцы, собственники недвижимости ценою не ниже $1\frac{1}{2}$ тыс. руб. и духовенство, владевшее церковной землей, — были избирателями через уполномоченных, ими выбранных по одному на 10 человек. Уже из этого видно, что избирательное право мелкого землевладельца было в 10 раз меньше избирательного права землевладельца крупного и среднего.

Избиратели—крупные и средние землевладельцы и уполномоченные землевладельцев мелких выбирали губернских выборщиков, которые, естественно, являлись ставленниками крупных и средних землевладельцев, преобладавших над мелкими при выборе выборщиков.

Выборщики от уездных землевладельцев вместе с городскими и волостными выборщиками выбирали членов думы. Таким образом, для крупных и средних землевладельцев выборы в думу были двухстепенными (избиратели выбирали выборщиков, а выборщики участвовали в выборе членов думы), а для мелких они являлись трехстепенными (мелкие землевладельцы выбирали уполномоченных, уполномоченные участвовали в выборе выборщиков, а выборщики участвовали в избрании членов думы). Многостепенность, непрямые выборы—средство давно испытанное, особенно ярко обнаружившее свое значение в конституции обеих французских империй, формально признававшей всеобщее избирательное право: когда избиратели просеиваются через несколько сит, то в результате получается резко-антидемократический, крупно-буржуазный состав представительного собрания. И чем больше степеней, тем ярче в указанном сейчас смысле получаются результаты.

Несомненно, крупное и среднее землевладение рассматривалось составителями «Учреждения Государственной Думы» как один из надежнейших устоев и оплотов существовавшего порядка: недаром ему было дано 34% всех губернских выборщиков.

Несколько менее антидемократичным был состав курии городских избирателей: тут были домовладельцы, владевшие недвижимостью ценностью не ниже 1½ тыс. рублей, крупные торговцы и фабриканты, зажиточные квартиронаниматели и приказчики первого разряда. Однако, и здесь крупная и средняя торговая, промышленная и домовладельческая буржуазия подавляла небольшое количество буржуазии мелкой, сюда допущенное. При всем том составители «Учреждения» не очень полагались на городскую курию и дали ей только 23% общего числа губернских выборщиков. И здесь была сохранена двухстепенность выборов: избиратели выбирали выборщиков, участвовавших в выборе членов думы наряду с выборщиками от других курий.

Зато, полагаясь отчасти на крупных и средних землевладельцев, главную часть своих надежд составители «Учреждения» возлагали на крестьян и казаков—курию волостных и станичных избирателей. Этой курии дано было 43% выборщиков и, сверх того, выборщикам крестьянским особо и казачьим особо дано было право самостоятельного, без участия выборщиков других курий, избрания по одному члену думы от каждой губернии из крестьян и по одному из казаков (где они были). Впрочем, спекулируя на собственнические и консервативные инстинкты крестьянства, существовавшие на деле лишь в слабых зародышах, потому что и в Положении 19 февраля и после него все делалось для того, чтобы лишить крестьянство возможности развить эти инстинкты,—наши реакционеры и консерваторы, составившие «Учреждение Государственной Думы», сделали все от них зависящее, чтобы и в волостной и станичной курии просеять через ряд сит избирателей, установить такую многостепенность выборов, которая гарантировала бы появление в думе только зажиточных крестьян и казаков. В этой курии многостепенность доведена была даже до такой высоты, как нигде: крестьяне на волостных сходах и казаки на станичных выбирали выборных, эти выборные из своей среды избирали уездных уполномоченных, уездные уполно-

моченные губернских выборщиков, а выборщики избирали по одному члену думы от крестьян и казаков и участвовали вместе с выборщиками других курий в выборе остальных членов думы. Таким образом, выборы в крестьянской и казачьей курии были четырехстепенными.

26 более крупных городов во главе с Петербургом и Москвой получили особое от губерний представительство, основанное, однако, на том же цензе, на каком строились выборы в городской курии, и на двухстепенных выборах. И здесь, как и везде, крупный капитал держал в своих руках результаты выборов, и количество избирателей было весьма ограничено: в Петербурге, напр., 9½ тысяч, в Москве 11 тыс. человек.

Такой результат тем более понятен, что был установлен высокий возрастной ценз: избирателями и избранными по всем куриям могли быть только лица мужского пола, достигшие 25-летнего возраста.

Совещательный характер булыгинской думы венчал все дело. Для всякого было ясно, что в «Учреждении Государственной Думы» нет и тени конституции, ограничения самодержавия, что это «Учреждение»—только маска, прикрывающая абсолютизм и старый порядок.

Пролетариат и городская буржуазная демократия совершенно лишены были избирательных прав: городская демократия—молчаливо, а пролетариат с лицемерной оговоркой, что рабочие, не порвавшие с землей, могут участвовать в выборах по крестьянской, волостной курии, что, конечно, и для них было фактически невозможно [1]).

«Учреждение Государственной Думы» или, как его обыкновенно называли, проект булыгинской думы послужило пробным камнем, показавшим, как разные партии и стоявшие за ними социальные группы определяли свою тактическую линию. О правых группах здесь, конечно, нечего говорить: они считали сделанное максимумом возможных уступок и готовы были настаивать на том, чтобы и то было при первом же удобном случае взято назад. Но либеральная буржуазия всех оттенков ухватилась за булыгинскую думу, как за чрезвычайно ценное приобретение: земский съезд в сен-

---

[1]) Мемория совета министров по делу о порядке осуществления высочайших предуказаний, возвещенных в рескрипте 18 февраля 1905 г., стр. 43.

тябре 1905 года высказался за участие в выборах. За то же стоял и 4-й съезд Союза Освобождения,—левая либерализма, при чем устами Милюкова здесь выражена была и та принципиальная позиция, на которой стоял тогда либерализм в его левых уклонах: «мы», говорил Милюков, «идем в думу с исключительной целью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство», должны «стремиться к созыву учредительного собрания, избранного на основании всеобщего, прямого, тайного и равного голосования» [1]). Органическая работа, стало быть, отвергалась, по крайней мере, принципиально.

Более демократический Союз союзов высказался уже прямо за бойкот булыгинской думы. Тактику бойкота и при том активного, с агитацией в пользу восстания даже в избирательных собраниях, неуклонно отстаивали и большевики. Той же позиции держался Бунд, в районе действий которого «были случаи разгона предвыборных собраний оппозиционных избирателей рабочими» [2]).

Среди меньшевиков были отдельные лица, державшиеся также бойкотистской линии [3]), но фракция в целом стояла на другой точке зрения, согласной с ее общей позицией развития «революционного самоуправления». Как конкретно провести эту точку зрения,—по этому вопросу среди меньшевиков были разные мнения.

Парвус предлагал участие социал-демократии в выборах, основанное на соглашениях с законными цензовыми избирателями о проведении определенных социалистических кандидатур. Это было отвергнуто меньшевиками в их большинстве, но практически близкую к этому плану позицию занимали меньшевики на Кавказе: пользуясь большим, можно сказать господствовавшим тогда, влиянием на крестьянство и городскую демократию, они вполне надеялись провести на выборах с.-д. кандидатов и готовы были использовать и булыгинскую думу как агитационное средство для развития революции, несмотря даже на то, что в зал заседаний думы публика не должна была допускаться, и от правительства

---

[1]) Обществ. движ., II, 1, стр. 72 (статья Маевского); Покровский, Русск. ист. в сам. сж. оч., III, 1, стр. 230.

[2]) «Пролетарий», № 14; Лепешинский, в «Прол. Рев.» за 1922 г., № 5, стр. 63; Мартов, Ист. р. с.-д., стр. 113—114.

[3]) Сверчков, На заре революции, стр. 79

зависело не допускать даже и появления в печати отчетов о думских заседаниях,—стоило только объявить их закрытыми [1]).

План сделать коллегии уполномоченных и выборщиков и думу центрами народного движения отстаивали каждый по своему Череванин, Мартов и Аксельрод. Череванин предлагал брать с кандидатов «революционное обязательство итти в гос. думу с тем, чтобы добиваться превращения ее в революционное собрание, ниспровергающее самодержавие и созывающее учредительное собрание». Мартов выставлял план «давления на выборщиков в том смысле, чтобы в думу выбирались только решительные сторонники демократического и свободного представительства». Всего шире были предложения Аксельрода: он предлагал выборы и широкую агитацию среди избирателей, уполномоченных и выборщиков, причем в случае успеха этой агитации предвидел возможность, с одной стороны, самочинного созыва собрания, избранного самим народом в противовес олигархической думе, с другой — организации всероссийского рабочего съезда и основания открытой массовой рабочей партии [2]).

Жизнь несомненно показала, что практичной и целесообразной по условиям времени была именно только тактика бойкота. Ближайшим поводом к обнаружению этого послужила как раз третья уступка старого режима — дарование автономии высшим учебным заведениям.

Эта мера вызвана была расчетом на разделение оппозиционных и революционных сил: автономию — выборность профессиональных коллегий, ректоров и деканов и свободу студенческих организаций и собраний в стенах высших учебных заведений—решено было дать, чтобы потом, при благоприятных обстоятельствах, можно было ее взять обратно.

До известной степени расчет был правилен: либеральная буржуазия—и в том числе в первую очередь большинство профессуры—была вполне удовлетворена автономией и полагала, что высшие учебные заведения должны обратиться к нормальным занятиям и удовлетвориться своим самоуправлением, не вовлекаясь в политическую борьбу. Такая постановка вопроса была, несомненно, контр-революционной:

---

[1]) Мартов, Ист. росс. соц.-дем., стр. 114, 115 (примеч.).

[2]) Там же, стр. 114—115; Лепешинский, в «Прол. Рев.» за 1922 г., № 5, стр. 63.

высшая школа должна была явиться в своем роде мирным оазисом среди революционно-бушующей стихии. Утопичность этого была несомненна, и жизнь тотчас же показала, кто был в то время сильнее,—оппозиция, склонная к компромиссам, или революция, смело и прямо идущая вперед.

В нашей исторической литературе происхождение имевшей на деле успех революционной тактики использования университетской автономии для целей дальнейшего развития революции изображается следующим образом: студенты склонны были к продолжению своей забастовки, к бойкоту автономии с целью сохранять политическую солидарность с демократией; к тому же склонялись и революционные партии; но по инициативе Засулич и по плану Дана, развитому на страницах меньшевистской «Искры», решено было, пользуясь автономией, открыть залы и аудитории высших учебных заведений для свободных всенародных политических митингов; социалисты-революционеры продолжали поддерживать бойкот; «большевики после колебаний присоединились к новому лозунгу»; и он был принят и с большим успехом проведен в жизнь [1]).

Все, что в этом изображении касается большевиков, в особенности в Москве,—не соответствует действительности. Сочувствовавшая большевикам часть студенчества не принадлежала к числу принципиальных бойкотистов; в студенческой массе преобладали не бойкотистские настроения, а контр-революционные, профессорские; большевики вовсе не колебались, а решительно и твердо с самого начала, вне всякого влияния «Искры» и даже, как было в Москве, не зная о ее плане, установили и провели тактику открытия высшей школы для всенародных политических митингов. Свидетельствую об этом как очевидец, посланный московским комитетом и литературно-пропагандистской группой большевиков выступить с такой агитацией на собрании студентов Московского университета. Это собрание, горячее, возбужденное и очень многолюдное, было решающим: выступление за революционную тактику, мотивированное необходимостью бойкота булыгинской думы, дальнейшего развития революции и революционно-организующей роли и ответственности студенчества, вытекавшей из завоеванной авто-

---

[1]) Мартов, Ист. росс. соц.-дем., стр. 116—117.

номии, имело большой успех, рассеяло в студенческой среде мирно-академические, профессорские симпатии и настроения тем более, что убедителен был для массы и аргумент, указывавший, что автономия в случае поражения революции очень скоро будет сведена на нет. И характерно, что только профессора и в первую очередь выборный ректор Московского университета князь С. Н. Трубецкой попытались протестовать против массовых митингов в высших учебных заведениях, правительство же уже не осмелилось положить им предел.

Массовая агитация в свободных огромных собраниях в стенах высшей школы принесла свои плоды: она помогла, содействовала своим влиянием тому революционному подъему, которым отмечен октябрь 1905 года.

Центр тяжести октябрьских событий, поведших к дальнейшей уступке самодержавия, находился в Петербурге и Москве: именно то, что происходило в обеих столицах, заставило самодержавие снова податься назад. Поэтому в первую очередь сюда и должно быть направлено наше внимание. Однако, важно было и то, что столичное движение было поддержано всей Россией.

Основные факты, рисующие ход октябрьской всеобщей политической забастовки, сводятся к следующему:

19 сентября в Москве забастовала типография Сытина, выставив требования сокращения рабочего дня и повышения сдельной платы за типографскую работу. Главным поводом к забастовке служило то, что наборщики требовали оплаты и знаков препинания при наборе наравне с буквами, а хозяева в этом отказывали. Сытинские рабочие встретили поддержку других московских наборщиков, и к вечеру 24 сентября в Москве бастовали уже 50 типографий. Параллельно этому в Москве возникла забастовка пекарей. 2 октября петербургские печатники объявили и провели трехдневную забастовку сочувствия московским товарищам. Такова была первая струя стачек в обеих столицах, послужившая зародышем октябрьской всеобщей забастовки.

Вторым ее зародышем был разрешенный правительством и собравшийся 20 сентября в Петербурге съезд союза железнодорожных служащих и рабочих. Правительство, разрешая этот съезд, думало этим успокоить железнодорожников, отвлечь их от дела революции, следуя правилу: «разделяй и

5*

властвуй». Однако, оно ошиблось в расчете: раскалявшаяся постепенно общественная атмосфера и письма и телеграммы железнодорожных служащих и рабочих, получаемые делегатами съезда и требовавшие от них политических действий, заставили съезд от переговоров с правительством по экономическим вопросам,—об улучшении материального положения железнодорожников,—перейти к резолюциям политического характера: он потребовал и восьмичасового рабочего дня, и учредительного собрания, и полной и всеобщей амнистии. Тогда разнесся слух, что съезд разогнан, и делегаты арестованы. Несмотря на опровержения со стороны самих делегатов, этой искры было достаточно, чтобы зажечь революционно-стачечный пожар на всех железных дорогах. Шесть машинистов Московско-Казанской железной дороги, которые были членами революционных организаций, устроили забастовку машинистов. В то же время забастовали мастерские и депо, и 7-го, 8-го, 9-го и 10-го октября стачка охватила весь московский железнодорожный узел. 12 октября в Москве прекратили работу почта и телеграф, и скоро затем забастовка стала всеобщей: прекратили работу фабрики и заводы, закрылись магазины и лавки, погасло электричество.

Петербургский железнодорожный узел забастовал 12 октября, и это послужило сигналом к приостановке работ везде. 13-го в Петербурге забастовка сделалась всеобщей. В тот же день здесь возник совет рабочих депутатов—по одному на каждые 500 человек. В первом заседании его в Технологическом институте составлено было воззвание о выборе депутатов от фабрик и заводов, и решено посвятить весь день 14-го осуществлению этих выборов. Председателем совета был выбран Зборовский, но он заболел и 14-го ему на смену выбран был помощник присяжного поверенного Носарь, выступивший под кличкой Хрусталев. Беспартийный, известный рабочим как адвокат-защитник интересов рабочих в делах о вознаграждении за увечья, популярный также по той причине, что содействовал рабочим в деле полного разрушения замысла черносотенца Дезобри, хотевшего после 9 января учредить Общество активной борьбы с революцией и надеявшегося опереться на рабочую массу, — Хрусталев оказался наиболее удобным по обстоятельствам председате-

лем. Только что начиная организоваться, петербургский совет рабочих депутатов решил обратиться к петербургской городской думе с шестью требованиями, из которых четыре были выработаны 14-го, а два остальных, по настояниям социал-демократов, были прибавлены 15-го. Требования эти были таковы: 1) немедленно снабдить продовольствием рабочих, 2) отвести помещения для собраний, 3) прекратить содержание на городской счет полиции и жандармов, 4) указать, куда израсходованы 15.000 руб., поступившие в думу для рабочих Нарвского района, 5) дать совету рабочих депутатов из городской кассы деньги для вооружения пролетариата и революционной части студенчества, 6) удалить войска из водопровода и передать водопровод в ведение рабочих, в противном случае водопровод будет остановлен. 16-го требования эти были предъявлены думе депутацией совета во главе с представителем фракции большевиков Кнуньянцем-Радиным. Дума воспротивилась намерению администрации арестовать депутацию, но в требованиях, ею предъявленных от имени совета, отказала. 17 октября вышел 1-й № «Известий Совета Рабочих Депутатов». В тот же день выбран был исполнительный комитет совета и постановлено, что до окончания забастовки, которое может последовать только по решению совета, рабочие могут не платить за квартиры и брать в долг товары из лавок.

Петербургское и московское движение было дружно поддержано всей Россией: забастовали всюду и железные дороги, и почта и телеграф, и фабрики и заводы, прекратилась торговля, везде забастовка стала всеобщей. Вся жизнь капиталистичесго общества замерла. Стала грозить опасность массовых убытков и банкротств [1]).

В то время, как почти вся страна постепенно охватывалась этой грандиозной, небывалой, всеобщей политической забастовкой, в правительственных сферах царили тревога и растерянность. 9 октября Витте, возведенный в графы за заключение портсмутского договора, был вызван Николаем II, и представил ему записку с изложением своего взгляда на создавшееся положение: он видел два пути для выхода из этого положения—или конституционные уступки или диктатуру;

---

[1]) Троцкий, 1905, стр. 88—98; Сверчков, На заре революции, стр. 93—106; Обществ. движение, III, 1, стр. 76—89 (статья Маевского).

предпочтительным ему казался первый путь; но для окончательного решения вопроса он предлагал созвать особое совещание из государственных деятелей и членов царской семьи.

11-го и 12-го октября Николай II с близкими к нему лицами обсуждал программу графа Витте. 13-го Витте получил телеграмму царя, которою ему повелевалось впредь до утверждения закона о кабинете объединить деятельность министров. 14-го Витте ответил на это, по приезде в Петергоф к царю, что нельзя объединить людей, не имеющих одинаковых взглядов, и рекомендовал выбрать одно направление и решительно ему следовать. Отстаивая конституционные уступки, Витте высказывался вместе с тем против издания манифеста о них, за простое утверждение его доклада, мотивируя это тем, что, во-первых, в манифесте нельзя сказать обо всем так подробно, как это нужно, и, во-вторых, доклад останется на ответственности его составителя и не свяжет так царя, как свяжет манифест. Дальнейший рост забастовки вызвал созыв у Витте совещания, в котором, кроме него, участвовали военный министр Редигер, Трепов и министр путей сообщения князь Хилков. Редигер и Трепов, который еще 12-го, повидимому, думал только о диктатуре, как единственном исходе, и издал тогда свой известный приказ по войскам—«патронов не жалеть, холостых залпов не давать»,—высказались в том смысле, что восстание в Петербурге может быть подавлено, но железнодорожное движение нельзя восстановить даже только до Петергофа, и армия, в которой главный контингент—запасные, не вполне надежна. Помощник начальника военно-походной канцелярии императора князь Орлов известил Витте, что 15-го назначено с его участием совещание в Петергофе, и что ему поручается заготовить проект манифеста, так как необходимо, «чтобы все исходило от государя». Проект манифеста был составлен князем А. Д. Оболенским и исправлен Витте и Вуичем. 15-го в Петергофе состоялось совещание из Витте, Фредерикса, вел. князя Николая Николаевича и генерала Рихтера. Витте прочел свой доклад и проект манифеста и возражений не встретил. Дело, однако, и тогда еще не было решено. Доклад Витте и проект манифеста Николай II послал Трепову с просьбой высказать «откровенное мнение» и дать «верноподданнический совет», при чем про-

сил Трепова сообщить, сколько времени Трепов предполагает возможным удержать в Петербурге порядок без пролития крови и считает ли он вообще возможным достичь водворения порядка без больших жертв. Трепов в ответной записке высказался за издание манифеста с обещанием конституции, вроде прусской, и заявил, что кровопролитие в Петербурге неизбежно. В то же время великий князь Николай Николаевич высказался, за недостатком войск, против диктатуры. 17 октября Витте был вызван в Петергоф и в 6-м часу вечера Николай II подписал манифест и утвердил доклад Витте, которые, по словам великого князя Николая Николаевича, «спасли династию» [1]).

Что дал манифест 17 октября 1905 года?

Первая новость, которая проводила по крайней мере формально резкую грань между ним и булыгинской думой, заключалась в том, что государственная дума из законосовещательной стала законодательной: ни один закон не мог иметь силы без утверждения государственной думы и государственного совета.

Затем расширен был круг избирателей: избирательные права получили городская буржуазная демократия (двухстепенные) и рабочие (трехстепенные). Курии и многостепенность, как и высокий возрастной ценз, были сохранены; избирательный закон булыгинской думы получил лишь 11 декабря 1905 года некоторую надстройку,—вот и все. «Конституция» в результате оказалась гораздо более худшая, чем даже прусская.

Понятно, что манифест 17 октября не удовлетворил революционной демократии и, в первую очередь, пролетариата. Петербургский совет рабочих депутатов в заседании 18 октября принял постановление, что необходима борьба за демократическую республику, а в качестве ближайших подготовительных к ней мер требовал устранения полиции, вывода из Петербурга всех войск, организации вооруженной милиции из пролетариата, амнистии, отмены исключительных положений и созыва учредительного собрания, во имя этих целей совет призывал к продолжению забастовки и по инициативе нескольких тысяч рабочих и студентов организовал грандиоз-

---

[1]) Секретная переписка, опубликованная в «Былом», № 14, за 1919 г.; Граф Витте, Воспоминания, т. II, стр. 7—24.

ную массовую демонстрацию в Петербурге под руководством Троцкого, Кнуньянца и Хрусталева [1]).

Между тем, 18 октября в Москве забастовка прекратилась. 19-го петербургский совет объявил ее прекращенной и в Петербурге. В провинции всеобщая политическая забастовка была прекращена между 21 и 25 октября [2]).

Октябрьская политическая забастовка была, несомненно, высшей точкой, которой достигла революция в своем подъеме—не в том смысле, что формы революционной борьбы далее не развивались, а в том, что никогда позже успех не венчал так революционные усилия, как то было в октябрьские дни. Теперь успех этот пытаются объяснить, главным образом, паникой правительства [3]). Никак нельзя согласиться с таким объяснением: причина его заключалась в полной изоляции правительства, оставшегося только с кучкой черносотенцев. Забастовке сочувствовали все: даже предприниматели, фабриканты и заводчики нередко оказывали ей содействие [4]); учредительный съезд конституционно-демократической партии выразил ей сочувствие; на нем был произнесен панегирик революционной энергии и героизму рабочего класса. В момент полного развития забастовки правительство не только испугалось, но было, действительно, бессильно.

---

[1]) Сверчков, На заре революции, стр. 108—111.

[2]) Там же, стр. 111; Обществ. движ., III, 1, стр. 104 (статья Маевского).

[3]) Покровский, Русская ист. в самом сжат. оч., III, 1, стр. 172 и след.

[4]) Так, напр., известный московский заводчик Бромлей поощрял октябрьскую забастовку: «Путь к октябрю», т. 1. стр. 36.

IV.

Дни свободы и декабрьское восстание.

Октябрьский манифест вполне удовлетворил крупную промышленную и финансовую (банковую) буржуазию, которая во главе со своим лидером А. И. Гучковым образовала и свою партию—Союз 17 октября. Октябристы сразу после того перешли в лагерь контр-революции: для них с октябрьским манифестом революция была кончена; недаром они в записке московскому генерал-губернатору в самый разгар забастовки настаивали на законодательных функциях думы, но были против всеобщего избирательного права

Несомненно, это было важным приобретением для самодержавия, которое, как мы видели, даже в формулировке Витте готовилось обратить манифест и учреждение государственной думы в фикцию, в личину, лишь поверхностно прикрывающую сохранявшееся существо старого режима. Но крупная буржуазия—не массы, надо было инсценировать массовую опору самодержавия. Отсюда и вышли черносотенные демонстрации, погромы, убийства и, наконец, черносотенные организации.

Еще 16 октября с церковной кафедры начались в Москве призывы к погромам. Митинг в Московском университете, на который собрались 1½ тысячи человек, был осажден на целые сутки, но пока избиения не произошло; собравшиеся после суточного сидения разошлись беспрепятственно и невредимые. Вечером 18 октября убит был черносотенцем социал-демократ—большевик Бауман, только что утром этого дня освобожденный из тюрьмы и ехавший на извозчике с крас-

ным флагом во главе демонстрации. В Петербурге одна из групп, возвращавшихся с грандиозной демонстрации 18 октября, встретилась с черносотенной манифестацией торговцев Сенного рынка и хоругвеносцев церквей, и произошла стычка, после которой черносотенцы до ночи ходили по улицам и избивали интеллигенцию, особенно студентов. Но все же и в Москве и в Петербурге не удалось организовать черносотенные погромы: помешала рабочая самооборона, организованные рабочими и революционными партиями боевые вооруженные дружины. Но в ряде провинциальных городов погромы прокатились грязной и кровавой волной. Впоследствии, во время процесса петербургского совета рабочих депутатов, бывший директор департамента полиции Лопухин засвидетельствовал о полицейском происхождении погромов, а товарищ министра внутренних дел в министерстве Витте князь Урусов, став после своей отставки членом к.-д. партии и будучи выбран членом государственной думы, публично, с думской трибуны, заявил, что чиновник департамента полиции Комиссаров, говорил: «погром устроим, какой хотите: хотите—на 10 человек, хотите—на 10 тысяч». 17 октября произведен был погром интеллигенции в Твери, в помещении губернской земской управы. Потом такие же погромы произошли в Костроме, Владимире, Туле, Ярославле и других городах. В Казани 17 октября на публику, шедшую с митинга, напали казаки и подвергли ее избиению. В Томске сожжено было черносотенцами здание железнодорожного управления вместе с находившимися там 60-ю человеками, а затем рагромлены были еврейские магазины и жилища. Еврейские погромы произведены были в Феодосии, Саратове, Екатеринославе, Ростове на Дону, Киеве, Симферополе, Кишиневе, Гомеле В Одессе было убито более 500 евреев, и разграблено имущества и товаров на 3 миллиона 870 тыс. рублей. Погромы произошли в 110 городах и местечках, при чем убито было до четырех тысяч человек и искалечено 10.000, а убытки от них оказались гораздо бо́льшими, чем убытки от крестьянского аграрного движения.

В дворянских, и отчасти даже в земских, собраниях 1905 года возобладали консервативные и реакционные тенденции: либералы потерпели поражение на выборах, раздавались настойчивые призывы к репрессиям, начались гонения на «третий элемент»; на полицейскую стражу ассиг-

нованы были большие суммы. В большинстве земств октябризм окончательно восторжествовал [1]).

Широкая социальная база, на которой происходила революция, несомненно, исчезла. За революцию продолжали стоять только пролетариат и буржуазная демократия в городах и крестьянство в деревнях. Поэтому последние месяцы 1905 года приковывают к себе наше внимание именно с той точки зрения, что сделали для революции в то время эти оставшиеся ей верными массовые общественные силы.

Центр тяжести революционной борьбы находился, конечно, в городах и особенно в столицах: именно здесь она была решающей. Но, чтобы быть победоносной, борьба пролетариата и буржуазной демократии в столицах нуждалась в соответствующем революционном окружении,—в том, чтобы шло вперед и делало успехи революционное движение в деревне, во-первых, и в провинциальных городах, во-вторых. Вот почему сейчас в первую очередь надо бросить взгляд на крестьянское движение.

Нам уже известны его первые проявления и организационные зародыши до осени 1905 года. С осени оно получило дальнейшее развитие.

Какие слои крестьянства были руководителями движения?

Недавно высказано мнение, что в 1905 году, как и раньше, штабом, руководящим элементом крестьянского движения, было зажиточное, богатое крестьянство, деревенская буржуазия [2]). Это мнение опирается на следующие аргументы и наблюдения: во-первых, на съездах крестьянского союза—общих и губернских—отстаивалось вознаграждение помещикам за землю, которая у них должна была отбираться, и политические постановления отличались расплывчатостью, что отражало «политическую отсталость крестьянской массы и, главным образом, ее буржуазных верхушек» [3]); во-вторых, в Подольской губ., «где движение носило, главным образом, забастовочный характер, руководи-

[1]) Общ. движ., II, 1, стр. 86, 87, 94—103; II, 2, стр. 19—20; Троцкий, 1905, стр. 129—135; Сверчков, На заре революции. стр. 111; Покровский, Рус. ист. в самом сжат. оч., III. 1, стр. 169—172.

[2]) Покровский, Русск. Ист. в сам. сжат. оч., III, I стр. 212 и след.

[3]) Шестаков, Бунт земли, стр. 51—54.

телями были более зажиточные (богатых нет) крестьяне, более боязливыми были безземельные, так как без ежедневного заработка они не могут существовать и вынуждены были прекратить забастовку во избежание голода. Были попытки поддержать бедняков сбором провизии с зажиточных семей, но этому помешали прибывшие войска» [1]); в третьих, балашовский (Саратовской губ.) корреспондент Вольного Экономического Общества в начале 1908 года писал: «Верхний зажиточный слой крестъянства овладел аграрным движением. «Чумазый», который так недавно хватал «сицилистов» и представлял по начальству, теперь почти целиком записался в ряды революционеров»; «хозяйственные мужики, причисляющие себя обыкновенно к левым партиям», говорили: «купцу и барину земля без надобности: сами земли не пашут и за хозяйством не доглядывают; а бедному мужику земля и совсем ни к чему: он и с наделом управиться не может; неурожаи от непропашки; нужен хороший скот, сбруя , семена, плуг; хороший ремонт, да денег в кармане на случай неурожая, а бедный мужик только царским пайком и дышит; безземельных да малоземельных наделять — это все барские затеи; надел изгадили и банковскую землю изгадят; банк должен хозяйственным мужикам определять, да не по 13 десятин на двор, а по 50, 100» [2]), в четвертых, наконец, и состав крестьянских депутатов и их действия в первой думе говорили за руководящую роль зажиточного крестьянства: из депутатов трудовой группы только 14 (30%) имели не более 2-х десятин, 15 имели более 4-х десятин, т.-е. были середняками, при чем двое из них имели более 10 дес., т.-е. были зажиточными, как, вероятно, и те 13, которые не указали размера своих наделов; из беспартийных депутатов от крестьян более 10 десятин имели 11 человек, т.-е. более 25%, и, кроме того, были еще 24 крестьянских депутата — кадета, размеры землевладения которых были еще выше [3]), и даже трудовая группа стояла не за конфискацию крупной земельной собственности, а за отчуждение с выкупом, т.-е. за соглашение с помещиками [4]).

---

[1]) Маслов, Аграрный вопрос, II, стр. 162.

[2]) Покровский, Русск. ист. в сам. сжат. оч., III, 1, стр. 216—217.

[3]) Маслов, Аграр. вопр., II, стр. 277.

[4]) Покровский, Русск. ист. в сам. сжат. оч., III, 1, стр. 219.

Эта аргументация подлежит самой тщательной проверке.

Первый аргумент вовсе не говорит за руководящую роль деревенской буржуазии в аграрном движении. «Расплывчатые» политические постановления свидетельствуют о политической отсталости не одних верхов крестьянства, а всей его массы. И за вознаграждение помещикам за отобранную землю стояли многие крестьяне середняки и бедняки и в 1905—6 годах и даже в 1917 г. Могу сослаться в этом отношении на мои собственные наблюдения в крестьянстве Тамбовской губ. в 1917 г. во время выборов в учредительное собрание, а также и на то, что приходилось слышать от московских и петербургских рабочих, связанных с землей, в 1905—7 годах: стояли обычно за вознаграждение—и не по соображениям «справедливости» или благотворительности, жалости, а с точки зрения целесообразности: казалось, что выкупленная земля окажется более прочным достоянием крестьянства, чем конфискованная. Конечно, в этом видна буржуазная, собственническая природа не одного богатого, но и среднего и даже бедного крестьянства, но марксиста этим ведь не удивишь.

Подольская забастовка говорит также не в пользу руководительства богатого крестьянства. Под более «зажиточными» тут надо разуметь, очевидно, именно середняков—ту их часть, которая вследствие малоземелья и чересполосицы вынуждена была прирабатывать батрацким, а иногда и крепостническим трудом в барских имениях: недаром эти «более зажиточные» противополагаются в нашем источнике «безземельным», т.-е. полным батракам, настоящим сельскохозяйственным рабочим, пролетариату. Пролетарская забастовка может быть длительной только тогда, когда она опирается на забастовочный фонд. Прибавить надо, что и середняки здесь были, очевидно, такие, которые стояли на грани, отделявшей средний уровень от бедноты: иначе зачем бы они стали наниматься в батраки? И, конечно, настоящих богатых, зажиточных крестьян в числе бастующих батраков не было и быть не могло; не могло, следовательно, проявляться их руководящее влияние и в забастовочной форме деревенского движения. Руководителями, наиболее активным элементом движения здесь были именно середняки, стоявшие на грани бедности.

Третий аргумент совершенно не относится к делу: прежде всего, он хронологически не совпадает с объясняемым движением, относится к 1908 году, когда уже торжествовала реакция, и, следовательно, факты, здесь изложенные, характеризуют настроение деревенской буржуазии уже после поражения революции, а не во время ее хода; а затем, неужели можно допустить, что деревенская буржуазия, выставлявшая лозунг покупки ею через банк помещичьей и средне- и мелко-крестьянской земли для основания буржуазного хозяйства, могла в эпоху революционного подъема руководить массами крестьянства, опираясь на этот лозунг?

Наконец, о четвертом аргументе, поскольку он касается содержания аграрных требований крестьянских депутатов в думе, было уже сказано выше, при оценке первого аргумента, а что касается состава думских депутатов от крестьян, то замечательно при четырехстепенных выборах не то, что в думу попали в значительном числе зажиточные крестьяне, а то, что оказалось сравнительно так много середняков и даже малоземельных крестьян. Избирательная система государственной думы, результатом применения которой был состав крестьянских депутатов, вовсе не является доказательством руководящей роли богатого крестьянства в аграрном движении.

Очевидно, для того, чтобы понять, какие слои крестьянства руководили движением, нужно более внимательно присмотреться к конкретным проявлениям движения,—к его отдельным формам и видам и к их распределению по разным частям страны.

Начнем с формы наиболее близкой к пролетарскому движению,—с забастовок батраков—безземельных и имевших надел. Эта форма распространена была в Польше, Прибалтийском крае, на северо-западе и отчасти также на юго-западе России [1]). Поскольку речь здесь может итти о Прибалтийском крае, северо-западных губерниях (литовских и белорусских) и Польше,—постольку это движение было чисто-батрацким, пролетарским в полном смысле этого слова: это ведь были районы чисто или почти чисто-капиталистиче-

---

[1]) Обществ. движ. в Росс. в нач. XX в, т. II, вып. 2-й стр. 251—253, 268 (статья Маслова). Мороховец, Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции, 1926, стр. 12.

ского сельского хозяйства. И в меру развития сельскохозяйственного капитализма и зависевшей от этой меры степени сознательности и организованности сельскохозяйственного пролетариата определялись и размах, и программа этого движения. В Польше и Северо-Западном крае бастовавшие батраки ставили своей задачей улучшение условий труда, главным образом, повышение заработной платы. В Прибалтийском крае целью ставилось не только это: нередко здесь движение, руководимое латышской социал-демократией, имело и яркую революционно-политическую окраску и даже окраску социалистическую: проходило под лозунгом отобрания земли у баронов, сельскохозяйственных предпринимателей, и коллективного ведения хозяйства кооперацией батраков, с тем, чтобы, после торжества демократической республики, местное демократически построенное областное управление, национализировав или муниципализировав землю, организовало на ней правильно такое коллективное крупное сельскохозяйственное производство. Что касается юга и юго-запада — Украины, Волыни, Подолии и т. д., — то там не только социалистический и политический элементы движения были слабее, даже сводились на нет, но и трэд-юнионистские пролетарские требования осложнялись примесью борьбы с остатками крепостнического хозяйства, и потому видную роль играло требование понижения арендных цен на помещичью землю. Таким образом, наряду с пролетарским движением здесь выступало движение крестьян малоземельных и середняков, которое иногда даже подчиняло себе забастовочные попытки батраков тем более, что, как мы уже видели на примере Подолии, батрацкие забастовки были примитивны, не опирались на профессиональную организацию и не имели в основе своей забастовочного фонда. Совершенно не подлежит сомнению, что богатое крестьянство во всем этом забастовочном движении не только не играло руководящей роли, но даже не принимало и никакого участия. Напротив, поскольку оно также пользовалось наемным трудом, движение направлено было и против него, по крайней мере косвенно: повышение заработной платы рабочим в помещичьих имениях вело, естественно, в конце концов и к общему вздорожанию рабочих рук, следовательно, и к повышенной оплате труда батраков, занятых в хозяйствах зажиточных крестьян.

Одной из весьма распространенных форм крестьянского движения был захват в помещичьих экономиях хлеба, скота, сена и порубка леса. Этот вид движения часто встречался и на севере, и в центральной черноземной полосе, и в Новороссии. Чем он вызывался? Каковы были его мотивы? На вопросы при следствии—«чего вы хотели?» крестьяне единодушно отвечали: «мы хотели и хотим есть» [1]). Голод—вот побудительная причина. И опять, конечно, нет оснований приписывать руководящую роль здесь богатому крестьянству. Правда, иногда и некоторые богатые крестьяне участвовали в свозе хлеба, сена и скота, но участвовал и деревенский лумпен-пролетариат, босячество, что далеко не означало, что тем или другому принадлежало руководство. Главное значение имели здесь те крестьяне-середняки, которых малоземелье, чересполосица, тяжелые подати, высокие арендные цены, штрафы за потравы ставили на грань перехода в пролетариат, над бездной безысходной нужды. Если бы и тут руководили делом богатые мужики, желающие уничтожить своих конкурентов—помещиков,—была бы известная планомерность, которой на деле совершенно не существовало: «в некоторых случаях при первом походе на грабеж из данной деревни отправлялась только часть крестьян, но затем, соблазненные первыми, и остальные отправлялись громить следующую усадьбу; какого-нибудь распределения экономий между деревнями не было: всякий раз приезжал, кто хотел, из какой бы то ни было деревни, и приезжали иногда очень издалека» [2]).

После октябрьских дней 1905 года виднейшее место между другими формами крестьянского движения — особенно в Саратовской и Тамбовской губерниях, но отчасти также в Курской, Воронежской, Черниговской, Полтавской и в Новороссии—приобрело выкуривание помещиков, полное истребление усадеб с хозяйственными постройками, не только захват скота, но и поголовное вырезывание его—напр., тонкорунных овец в Саратовской губ. Предполагалось, что вследствие такого разорения помещики долго не смогут вернуться обратно, и новый порядок владения землей, захват крестьянами земель помещиков, упрочится. Этот вид дви-

---

[1]) Троцкий, 1905, стр. 179; Маслов, Аграрный вопр., II, стр. 150—153; Общ. движ., т. III, стр. 246—250 (статья Маслова).
[2]) Маслов, Агр. вопр., II, стр. 152.

жения вместе с тем, о котором мы только-что говорили, причинил наибольшие убытки помещикам: во всей России сожжено было две тысячи помещичьих усадеб, в одной Саратовской губернии 272 усадьбы, в Тамбовской 130; убытки достигли 30 милл. руб., в одной Саратовской губ. 10 милл. [1]). Конечно, такая форма движения как будто больше всего сулила богатым крестьянам возможность полного искоренения их конкурентов на хлебном рынке—помещиков, и, конечно, это побуждало их участвовать в общем движении. Но отсюда еще далеко до приписывания им роли вождей—тем более, что, напр., саратовское движение сочеталось с политическим течением и направлением, которое составляло и особую форму движения.

В Саратовской губ. сильные организации развиты были социалистами-революционерами: организованы были до 200 крестьянских братств, рекомендовались действия бойкотом, стачками, боевыми дружинами; местное отделение крестьянского союза, руководимого партией социалистов-революционеров, осуществило обезоружение казенных лесничих и передачу их оружия крестьянам; начальство изгонялось, выбирались новые сельские власти. Здесь и в других местах—особенно в промышленных губерниях—крестьяне стали говорить о выборном царе, отказывались от дачи рекрут, платежа податей и уплаты долгов. 6 ноября 1905 г. в Москве состоялся второй съезд крестьянского союза, на котором присутствовало 187 делегатов от 27 губерний, и съезд голосовал за передачу всей земли крестьянству по решению учредительного собрания и за союз с этою целью с рабочими. Состоялись также крестьянские съезды в Вятской губернии, где было 200 чел. участников, и в Вильне от литовских губерний с 2.000 участников. Грузинское, в особенности гурийское, крестьянство удерживало у себя революционное самоуправление [2]). Все это очень мало походит на гегемонию богатого крестьянства и свидетельствует именно о первенствующей революционной роли середняков, хозяйственное положение которых было таково, что грозило им окончательной гибелью, пролетаризацией. Середняки и составляли ядро дви-

---

[1]) Троцкий, 1905, стр. 179—184; Общ. движ., III, стр. 246—250 (статья Маслова).

[2]) Маслов, Агр. вопр., II, стр. 155 и след.; Троцкий 1905, стр. 184—186.

жения и руководящий им центр, а к ним с обоих флангов примыкали с одной стороны крестьяне зажиточные, не всегда прямо участвовавшие в движении, и малоземельные полупролетарии. Батраки играли видную первую роль в забастовках, а деревенское босячество было участником только грабежей.

Характеризуя крестьянское движение в целом, следует еще прибавить, что оно постепенно шло на убыль. В 1906 г. исчезли полные разорения и разгромы усадеб, уменьшились даже порубки, более устойчивой оказалась только пролетарская форма движения—забастовки [1]). Причины ослабления крестьянского движения понятны: арендные цены под его влиянием были понижены вдвое, затем в той же приблизительно пропорции поднялась и заработная плата сельскохозяйственным рабочим. Отменены были к 1906 г. наполовину, к 1907 г. совсем выкупные платежи. Голодному был дан кусок хлеба, и он так этому обрадовался, что притих надолго. Это имело огромное и, конечно, весьма неблагоприятное влияние на ход революционной борьбы пролетариата и городской буржуазной демократии.

Они, конечно, не сложили оружия и после октябрьских уступок: цель революции с точки зрения этих классов не была достигнута. Но как итти к этой цели, что делать? То был основной вопрос всего положения в данный момент. Без сомнения, нельзя было разрешить его одной стачечной борьбой, политической забастовкой даже опять всеобщей, всенародной. Всеобщая политическая забастовка могла дать в лучшем случае лишь полупобеду, как в октябре, для довершения победы нужно было победоносное вооруженное восстание. Для его осуществления нужна была подготовка — техническая, чисто-военная, подготовка обучением революционных дружин и запасами оружия для них, и в особенности подготовка путем агитации и революционной организации войск—армии и флота. Будущее—в Турции в 1909 г., в России в феврале и октябре 1917 г. — показало, что без разрешения этой второй задачи *победоносное* восстание немыслимо.

Мы и должны теперь посмотреть, что сделано было революционными организациями в обоих этих отношениях или,

---

[1]) Общ. движ., III, стр. 267—268 (статья Маслова).

выражаясь партийными техническими терминами, в области компетенции боевой и военной организаций?

Что касается боевой организации, то одна лишь фракция большевиков поставила вопрос о ее учреждении и работе практически, поскольку речь могла итти не о рабочей самообороне, а о революционном наступлении, о вооруженном восстании. Но и большевики подняли этот вопрос только после 9 января 1905 года, и решение его стало воплощаться в конкретную форму лишь в середине февраля 1905 года. В Петербурге составилась группа из трех человек (Буренина, Драбкиной и Софьи Познер) с заданием подготовки рабочей массы к восстанию. Она должна была объединить небольшие группы подготовленных или способных к боевому делу партийных рабочих, не отрывая их от тех партийных ячеек, в которые они входили. Средств было немного, но в меру возможности сделано было все: добывалось оружие (револьверы) через Финляндию, оно было роздано рабочим, несколько студентов-кавказцев служили боевыми инструкторами, рабочие сами изготовляли на заводах для себя кинжалы и ножи, один химик ездил в Болгарию, научился там технике приготовления ручных гранат болгарского типа, выработана была инструкция к их изготовлению, и к осени 1905 г. сделано было немало таких гранат [1]).

Энергия и умелость проявлены были таким образом большие, но результаты, конечно, были очень далеки от того, чтобы подавать надежды на успех: несколько десятков и даже две-три сотни рабочих, вооруженных револьверами, кинжалами и ручными гранатами, конечно, не могли произвести победоносное вооруженное восстание.

Центр тяжести технической подготовки восстания естественно перемещался таким образом в сторону работы военной организации. Такие организации возникли в 1905 г. у всех революционных партий. Такова была, напр., меньшевистская организация черноморских моряков, проявившая себя, как мы уже видели, в бунте на броненосце «Потемкин». Большевистский Ц. К. также пытался направить потемкинское движение, связав его с артиллеристами Батума, где велась большевиками агитация, но из этого тогда ничего не

---

[1]) С. Познер, Первая организация большевиков по подготовке к вооруженному восстанию: «Красная Летопись» за 1922 г., № 5, стр. 329—334.

вышло: не существовало еще хорошо слаженной военной организации. До конца 1905 года никаких существенных изменений в дело военной пропаганды, агитации и организации внесено не было: совершалась только подготовительная работа—выработка программы партийной деятельности в данном отношении и агитационной платформы [1]). Это пока было все, что делалось и могло быть сделано в то время.

Общий вывод ясен: в боевом и военном отношениях русская революция в последние месяцы 1905 года была почти совершенно бессильна. Этот факт нужно учесть в первую очередь, чтобы понять ход и исход революционных событий в эти месяцы.

Само собою разумеется, не от этого только все зависело Вооруженные силы старого режима могли изменить ему в самом ходе революционной борьбы. Поэтому огромное значение получила деятельность вновь возникших открытых массовых организаций—советов рабочих депутатов.

Конечно, первенствующее значение имел петербургский совет. И здесь симптоматично было то, что он вынужден был угрозой Трепова расстрелом и избиением отказаться от торжественных похорон жертв реакционных погромов: то был уже отказ от революционного наступления, тогда как в Москве осуществлена была грандиознейшая революционная манифестация—похороны Баумана, и только вечером остатки этой манифестации подверглись обстрелу. Да не подумает читатель, что мы хотим здесь выразить порицание с одной стороны и похвалу с другой; нет, мы только беспристрастно констатируем факты и делаем из них соответствующие выводы: в Петербурге уже не всегда оказывалось возможным наступать, в Москве же наступление не прекращалось, а разгоралось, хотя и не быстро, медленно на первых порах. Между рабочими массами обеих столиц тотчас же после октябрьской победы обнаружился разнобой, единства действия не получилось: Петербург, руководивший движением до тех пор, обнаружил первый, пока легкий, признак революционной усталости, тогда как Москва только начинала раскачиваться.

Повидимому, Трепов и рудоводимые им и департаментом полиции черносотенные банды имели в виду прямо разогнать

---

[1]) Ем. Ярославский, Подпольная работа в армии в 1906 году: «Пролет. Рев.» за 1922 г., № 5, стр. 164—165.

петербургский совет. Однако, здесь черносотенцы переоценили свои силы и возможности. Петербургский совет оказался достаточно еще сильным, чтобы защититься и устранить погромы в Петербурге. Он призвал к вооружению с целями самообороны весь петербургский пролетариат. «Каждый район Петербурга должен был сорганизовать отряд, со штабом во главе, и иметь постоянные, непрерывные дежурства в определенном месте. Рабочие на металлических заводах должны заготовить необходимое количество холодного оружия (за невозможностью достать огнестрельное). При Совете рабочих депутатов была создана боевая дружина, вооруженная револьверами. Были также вооружены все члены совета». «Повсюду начали производиться сборы денег специально для покупки огнестрельного оружия. Путиловский завод собрал для этой цели 5.000 рублей, Семянниковский 2.000, Франко-русский 1.500 р. Все заводы постановили отчислить известный процент на вооружение. Наборщики нескольких газет были вооружены самими предпринимателями за свой счет. Оружейные магазины, не считаясь с полицейскими запретами, начали продажу оружия без всяких разрешений. Рабочие начали нести охрану заводских районов ночью, организовали патрули, милицию». 13 ноября на Сенной площади устроен был черносотенный митинг, после которого возбужденная толпа двинулась с целью разогнать Совет рабочих депутатов, но натолкнулась на патрули рабочих и, узнав, что совет приготовился к решительному отпору, разошлась [1]).

Такой же революционно-оборонительный характер имела в сущности и дальнейшая деятельность петербургского совета рабочих депутатов. Ближайшим образом это сказалось в ноябрьской политической забастовке.

26 и 27 октября в Кронштадте произошло стихийное, вне связи с революционными организациями, восстание отдельных частей солдат и матросов на почве материальных требований, ими предъявленных. Восстание было подавлено, и виновные должны были подлежать военно-полевому суду, т.-е. им грозил несомненный расстрел. 30 октября было объявлено военное положение в Польше. Петербургские рабочие на заводских собраниях решились итти на все для

---

[1]) Сверчков, На заре революции, стр. 117—121.

спасения кронштадтцев. 1-го ноября совет рабочих депутатов объявил со 2-го ноября всеобщую забастовку с требованиями освобождения кронштадтцев и отмены военного положения в Польше.

Забастовка началась в Петербурге чрезвычайно дружно, к ней присоединились все рабочие. Несомненно также, что этот акт самозащиты революции был целесообразен не только сам по себе, но и с точки зрения перехода в будущем к революционному наступлению: в высшей степени целесообразно было заступничество за восставших солдат и матросов, так как оно связывало с революционным пролетариатом военную силу старого режима и тем ее революционизировало: недаром во время забастовки «среди различных войсковых частей петербургского гарнизона происходили митинги, на которых обсуждались требования рабочих и читались их резолюции по поводу кронштадтских событий» [1]; не менее целесообразно было и требование отмены военного положения в Польше: связать польский пролетариат с российским жизненной связью на практике было делом первостепенной важности с точки зрения интересов революции. Фактические руководители петербургского совета—Троцкий, Кнуньянц и Сверчков—сделали таким образом все то, что и должны были сделать.

Но обнаружились снова в высшей степени опасные признаки утомления петербургских рабочих: забастовка началась 2 ноября, а уже 4-го настроение рабочих стало падать, и пришлось поднять вопрос о прекращении забастовки. Вопрос этот тогда, правда, в Совете не прошел, но 5-го Совет все же вынужден был объявить ее с 7-го прекращенной, хотя военное положение в Польше отменено не было [2]. Освобождения кронштадтцев не удалось достигнуть, но рабочие были успокоены уступкой правительства: 2 ноября вечером адмиралтейств-совет отменил назначенный над кронштадтцами военно-полевой суд и предал их обыкновенному военному суду «за буйство в пьяном виде» [3].

Была еще одна важная черта в ноябрьской забастовке—черта, свойственная не ей одной, а и другим действиям петер-

---

[1]) Там же, стр. 127.

[2]) Покровский, Русск. ист. в сам. сжат. оч.. III, 1 стр. 181—182.

[3]) Сверчков, На заре рев., стр. 129.

бургского совета, и повлиявшая очень сильно на ход и исход революции: ноябрьская забастовка была изолированным действием одного только петербургского пролетариата: на нее не откликнулись не только вся революционная Россия, но даже и пролетариат других городов.

Тем не менее петербургский совет сделал все, от него зависевшее, чтобы, пользуясь фактами стихийного возбуждения и волнения в армии и флоте, связать солдат и матросов с рабочими. Им было выпущено прекрасное воззвание к «солдатам армии и флота», написанное Троцким, с указаниями, что у них «нет другой защиты, кроме рабочего народа», что «в Кронштадте и Севастополе рабочие боролись и умирали вместе с матросами», что они избавили кронштадтцев от военно-полевого суда; необходимо «общим могучим натиском смести с лица нашей родины произвол и самовластие», что может сделать «только рабочий народ вместе с братскими войсками» [1]).

Все возможное было сделано, но главная масса военной силы не встала на сторону революции.

Не одна ноябрьская забастовка была изолированным действием петербургского пролетариата. Такая же изолированность, одиночество характеризует и следующее революционное выступление петербургского пролетариата в ноябре— борьбу за восьмичасовой рабочий день, тогда как именно эта борьба по самому существу ее объекта требовала всероссийских объединенных усилий.

Факты, сюда относящиеся, таковы: 26 октября делегаты Невского района Петербурга решили, помимо совета, ввести захватным порядком восьмичасовой рабочий день; важнейшие заводы этого района—Обуховский, Александровский и Семянниковский—осуществили это решение; таким образом совет в заседании своем 29 октября был поставлен перед совершившимся фактом и постановил с 31 октября начать борьбу за восьмичасовой рабочий день во всех петербургских предприятиях; ноябрьская забастовка временно прервала борьбу за восьмичасовой день, но с ее прекращением борьба возобновилась; предприниматели сначала как будто не сопротивлялись, но потом владельцы 72-х металлических предприятий, текстильных фабрик и заводов объявили рабочим

---

[1]) Сверчков, На заре рев., стр. 130—131.

локаут; первыми были закрыты казенные заводы, потом стали закрываться частные, число безработных сразу увеличилось на 100 тысяч человек; 12-го ноября совет объявил фактический захват восьмичасового дня временно-приостановленным [1]).

Поражение было таким образом несомненное и очень тяжкое: революционное наступление в самом существенном, наиболее жизненном для рабочих вопросе потерпело неудачу. Где была основная причина этой неудачи?

В союзе правительства с предпринимателями, говорят одни [2]). В том, утверждают другие [3]), что неудачная ноябрьская забастовка ободрила предпринимателей на решительное сопротивление, тем более, что она прервала и начатую было борьбу за восьмичасовой рабочий день, и потом пришлось снова возвращаться к этой борьбе, а «нет ничего опаснее, в разгаре сражения, как внезапно менять направление атаки, — только чудо может в таких случаях спасти от поражения».

Оба эти объяснения верно констатируют факты: действительно союз правительства с предпринимателями имел место и привел к локауту; правда и то, что предприниматели ободрились вследствие ноябрьской неудачи, и что технически-неудачной была перемена направления революционного натиска. И все же то были только второстепенные, производные причины неудачи, основная лежала глубже,— в невозможности частичной, одинокой, местной борьбы за восьмичасовой день путем захвата. Многие члены совета понимали это и говорили об этом, но на рабочую массу такие замечания и предостережения действовали [4]): ее революционность была еще инстинктивной по преимуществу, малосознательной, тактика ее определялась всецело чувством и настроением, без участия здравого и холодного расчета.

Захватная тактика в других вопросах—не в завоевании восьмичасового дня—имела больший успех: удалось в дни

---

[1]) Троцкий, 1905, стр. 173—175; Сверчков, На заре рев., стр. 136—137; Покровский, Русск. ист. в сам. сжат. оч., III, 1, стр. 181—182.

[2]) Хрусталев-Носарь, в «Истории Петерб. Совета Раб. Деп.» и отчасти Сверчков в книге «На заре рев.», стр. 137.

[3]) Покровский, Русск. ист. в сам. сжат. оч., III 1. стр 182—183.

[4]) Сверчков, На заре рев., стр. 137.

свободы—в октябре и ноябре 1905 г.—осуществить путем прямого захвата свободу печати, союзов, собраний. Не только старая печать стала выходить, по постановлению петербургского совета, без цензуры, но появилась и новая революционная печать в Петербурге, Москве и провинции: в Петербурге у большевиков стала выходить «Новая Жизнь», у меньшевиков «Начало», «Сын Отечества» стал газетой социалистов-революционеров; в Москве у меньшевиков выходила «Московская Газета», у большевиков «Борьба». Профессиональные союзы всюду стали расти и самочинно организоваться. Многотысячные агитационные митинги и пропагандистские курсы и лекции сделались повседневным явлением. В смысле подготовки дальнейшей революционной борьбы все это было очень важно, и достижения здесь облегчались в очень значительной мере тем, что движение во всех этих направлениях было не только петербургским, но всероссийским. Однако, прочными и длительными все эти революционные достижения не были: уже в ноябре правительством были изданы временные правила о печати, союзах и собраниях, весьма стеснительные по существу, ставившие все эти «свободы» под полицейский контроль и надзор, и хотя сначала эти правила и игнорировались, но декабрьские события заставили потом им фактически подчиниться.

После неудачи революционного захвата восьмичасового рабочего дня перед петербургским советом стояли две основные задачи: во-первых, помощь безработным, число которых до крайности увеличилось вследствие локаута, во-вторых, создание всероссийского революционного массового объединения с целью окончательного и решительного натиска на самодержавие.

14 ноября петербургский совет рабочих депутатов принял по случаю локаута и безработицы резолюцию, составленную Лениным и предложенную Кнуньянцем, в которой «разоблачался перед всеми союз, заключенный правительством и буржуазией против рабочих, и пролетариат, революционное крестьянство, армия и флот призывались к объединению во всероссийском масштабе, чтобы нанести окончательный удар самодержавию» [1]). Резолюция эта объеди-

[1]) Там же, стр. 137.

няла обе очередные задачи, стоявшие перед советом: и борьбу с безработицей, и создание всероссийского революционного центра.

Для помощи безработным совет организовал специальную комиссию из трех членов исполнительного комитета, трех представителей большевиков, трех меньшевиков и трех социалистов-революционеров. Петербургская дума ассигновала на устройство столовых для безработных жалкую сумму в 2.000 руб., совет дал 10.000 р., и кроме того рабочие по фабрикам и заводам производили сборы в пользу безработных [1]). Конечно, всего этого было мало, чтобы не только устранить, но хотя бы существенно облегчить вопиющую массовую нужду.

Еще 15 ноября предполагался в Петербурге всероссийский съезд советов рабочих депутатов. Он, однако, осуществлен не был, объявлен был отложенным. Едва ли можно согласиться с тем, что причина отсрочки заключалась в ноябрьской забастовке [2]): забастовка задолго до того кончилась. Причина заключалась в неподготовленности съезда и слабости связей: недаром тотчас после того совет постановил принять меры к подготовительной кампании и с целью ее ведения отправил в поездку по России двух своих членов— Зборовского и Степана Голубя. Они отправились в объезд, но не успели закончить свою работу до постигшей петербургский совет катастрофы [3]).

События, приведшие к этой катастрофе, начали разыгрываться с половины ноября. Правительство Витте—Дурново отрицало право государственных служащих составлять профессиональные союзы. Этим разрушался союз почтово-телеграфных служащих, и потому они забастовали. Петербургский совет ассигновал им на помощь 2.000 р. Но почтово-телеграфная забастовка не удалась, и поддержка ее петербургским советом послужила поводом к аресту 26 ноября его председателя Хрусталева-Носаря. Исполнительный комитет счел невозможной всеобщую забастовку в Петербурге по этому поводу: успешным могло быть только всероссийское выступление. Выбран был сначала президиум

[1]) Там же, стр. 139.
[2]) Там же, стр. 140.
[3]) Там же, стр. 140.

из Троцкого, Сверчкова и Злыднева, а потом председателем был избран Троцкий. Последним актом петербургского совета было издание им манифеста с отказом от платежа царских долгов и с призывом населения брать вклады из сберегательных касс и требовать уплаты за работу звонкой монетой, а не бумажными деньгами [1]). Несомненно, этот манифест бил правительство по самому больному месту, и тогда окончательно решено было ликвидировать совет, что и было исполнено 3 декабря 1905 г., когда все члены совета были арестованы во время заседания. Ни арест председателя, ни даже арест всего совета не вызвал никакого противодействия, хотя бы даже всеобщей забастовки протеста, со стороны петербургского пролетариата. Рабочие Петербурга бастовали лишь частично, и Петербург перестал в декабре не только итти во главе революции, но и вообще быть активным: московское восстание им не было поддержано.

Итак, петербургский пролетариат, революционная энергия которого сразу поднялась до необычайной высоты после 9 января и продолжала возрастать и развиваться вплоть до октября и начала ноября, потерял революционную активность к концу ноября, не поддержал московского движения как раз тогда, когда оно больше всего в такой поддержке нуждалось. Почему так случилось?

Нет, конечно, сомнения, что неудачи борьбы в ноябре 1905 года создали упадок настроения и активности [2]). Петербургские рабочие если не ясно сознавали, то смутно чувствовали, что движение не имеет центра и всероссийской организации и потому осуждено на неудачу. Но, вопреки отрицаниям экономической их истощенности [3]), таковая все-таки была: «проведение восьмичасового рабочего дня революционным путем и последовавшее за этим закрытие фабрик и заводов обессилило петербургский пролетариат и лишило его боеспособности на продолжительное время» [4]). Во время локаута лишились работы, перешли на положение безработных лучшие, наиболее активные политические элементы рабочего класса, и для других это было предостереже-

---

[1]) Там же, стр. 155—158.

[2]) Покровский, Русск. ист. в сам. сжат. оч., III, 1, стр. 187—188.

[3]) Там же, стр. 186—187.

[4]) Сверчков, На заре рев., стр. 138.

нием. Характерно, что как раз Невский район, прежде шедший в первых рядах революции, принял наименьшее участие в декабрьской забастовке. Упадок движения добил петербургских рабочих: именно в декабре они получили гораздо меньше заработной платы, чем в предыдущие месяцы революции [1]): теперь за стачечные дни не платили.

В Москве движение шло иначе, чем в Петербурге. Здесь в октябрьские дни, как и в Петербурге и в других местах, добились амнистии, устроены были грандиозные похороны убитого черносотенцем во время революционной демонстрации социал-демократа Баумана, основан был совет рабочих депутатов, несравненно менее, впрочем, влиятельный, чем в Петербурге [2]), дни свободы для митингов, лекций, пропаганды и агитации были использованы как нельзя лучше, частичных забастовочно-политических вспышек не было. В общем настроение московского пролетариата непрерывно возрастало, и атмосфера накалялась. Здесь шел последовательный подъем, а не упадок.

Поэтому сообщение об аресте петербургского совета рабочих депутатов и о забастовке в Петербурге сыграло в Москве роль искры в пороховом погребе. Бороться с подъемом революционного настроения стало невозможно, 5-го декабря состоялась общегородская конференция представителей фабрик, заводов, профессиональных союзов и революционных партий. Присутствовало до 900 человек. Представители партий, в том числе от московского комитета большевиков В. Л. Шанцер-Марат, революционность которого не подлежит ни малейшему сомнению, а также Землячка-Залкинд сделали все, от них зависящее, чтобы внести в решение конференции максимум сознательности: они указывали на возможную изолированность выступления, на его техническую неподготовленность, на вероятность вследствие этого поражения. Все было напрасно: кто был на этом собрании, тот знает, какой огромной стихийной силой явилось революционное настроение как раз представителей московских рабочих. Конференция решила начать забастовку 7 декабря в 12 часов дня. В ночь с 6-го на 7-е декабря московский совет рабочих депутатов, комитет большевиков, мень-

---

[1]) Покровский, назв. соч., III, 1, стр. 187.

[2]) Ср., впрочем, Васильев-Южин, Моск. совет раб. деп. и подготовка вооруж. восстания.

шевистская группа и комитет социалистов-революционеров единогласно и без прений санкционировали это решение, и 7 декабря всеобщая политическая забастовка в Москве стала быстро развертываться [1]).

Положение в Москве сразу стало серьезным тем более, что гарнизон был ненадежен: еще в ноябре началось брожение в войсках, выставлялись требования улучшения экономического и правового положения солдат, Ростовский гренадерский полк арестовал и изгнал офицеров и заперся в казармах; правда, тогда это движение осталось изолированным, носило притом же не наступательный характер и потому естественно потерпело неудачу [2]), но полагаться на гарнизон было невозможно. И когда наряду с фабриками и заводами забастовали так же и железные дороги—все, кроме Николаевской,—московский генерал-губернатор адмирал Дубасов не только объявил Москву на положении чрезвычайной охраны, но и телеграфировал в Петербург с просьбой о немедленной присылке бригады пехоты. Вечером 8 декабря на это последовал ответ, что «в Петербурге свободных войск для присылки в Москву нет» [3]). Главной вооруженной силой Дубасова в начале забастовки были Сумский драгунский полк, четыре сотни казаков и полиция, которая спешно была вооружена ружьями. 10 декабря она была усилена набором 1000 новых городовых из числа ночных сторожей [4]).

Для всех было ясно, что на этот раз дело не ограничится и не может ограничиться одной только забастовкой. что необходимо и будет осуществлено в действительности и вооруженное восстание. С целью руководства забастовкой и восстанием организован был особый центр из представителей обеих фракций социал-демократов, социалистов-революционеров и железнодорожного союза. Но главная часть его была случайно арестована 6 декабря, при чем власти даже не знали, что за организация попала в их руки. В числе арестованных был и Шанцер [5]). Движение лишилось руководя-

---

[1]) К. Н. Л. (Левин), Вооруженное восстание в Москве— в сборнике «Текущий момент». Декабрь 1905 г. на Красной Пресне, стр. 11 (восп. Доссера), стр. 30 (восп. Костицына).

[2]) Декабрь 1905 г. на Красной Пресне, стр. 28 и сл. (восп. Костицына).

[3]) Сторожев, Декабрьское вооруженное восстание, стр. 22

[4]) Там же.

[5]) Декабрь 1905 г. на Красной Пресне, стр. 12 (восп. Доссера).

щего центра, который позднее получил весьма несовершенную замену, плохо связанную, чаще всего совершенно не связанную с отдельными очагами восстания [1]).

Несмотря на все это, забастовка быстро разгоралась и к утру 9 декабря стала в полном смысле слова всеобщей, не бастовала только Николаевская железная дорога. Войска и полиция разгоняли митинги и демонстрации. Так, в ночь с 7-го на 8-е декабря был осажден в «Аквариуме» многотысячный митинг, часть участников которого проникла задами в Комиссаровское училище, где и отсиживалась до утра, когда полиция и войска ушли. Рабочие 9-го декабря ясно понимали недостаточность забастовки: в Замоскворечье говорили: «ведите нас на баррикады или кончайте забастовку».

Но восстания все же пока не было. Его провоцировали войска и полиция своими действиями: около полуночи 9-го декабря войска стреляли на углу Тверской и Садовой и в ночь с 9-го на 10-е артиллерийским огнем заставили сдаться большой митинг, где была боевая дружина социалистов-революционеров, в реальном училище Фидлера около Чистых Прудов. Вечером рабочие разоружали отдельных офицеров, жандармов и городовых и сделали первые попытки построить баррикады — на Страстной и Триумфальной площадях.

10-го декабря партизанская война объявлена была официально лозунгом московского восстания, и сразу начали строиться баррикады, как оборонительное средство партизан на окраинах—на Пресне, в Хамовниках, в Замоскворечье, в Лефортове, по линиям Садовой с передовыми постами в районе за Тверским бульваром и т. д. [2]). Несомненно, все это указывало на слабость военных сил восставших: число вооруженных дружинников не превышало нескольких сот [3]).

---

[1]) Там же, стр. 14.

[2]) Наиболее подробный перечень московских баррикад в книжке «Москва в декабре 1905 г.», изд. Кохманского, М., 1906.

[3]) Только в одном показании мы встречаем цифру в 2.000 человек («Путь к Октябрю», I, стр. 50); но этому противоречат все другие данные: число железнодорожных дружинников определялось в 60—70 чел. (там же, I, стр. 17), боевая дружина Богородского района состояла из 20—25 чел. (там же, III, стр. 129), моск.-нижегор. дороги из 40 чел. (там же, III, стр. 156), в Ронталеровском участке было 50 дружинников (там же, III. стр. 67), в Миусском подрайоне дружина состояла сначала из

Революция могла обороняться, но не наступать [1]). Победа могла венчать ее дело только тогда, когда ей пришла бы помощь, когда в других частях страны пошло бы вперед победоносное восстание, или войска в самой Москве перешли бы на ее сторону. Но и реакция не могла еще наступать: она оборонялась в центре и особенно усердно отстаивала также Николаевский вокзал — связь с Петербургом. Со станции Москва 2 Курской железной дороги революционерами тщетно делались неоднократные попытки захватить этот важный пункт, но достигнуть этой цели не удалось: вокзал был окружен кольцом пулеметов. 10-го же декабря началась не только ружейная, но пулеметная и артиллерийская пальба на улицах Москвы. Главными местами, откуда шла орудийная стрельба, были Тверская площадь, Триумфальная-Садовая, Сухарева башня и Кудринская площадь. Садовая и Пресня были главными целями обстрела. Временами войска, полиция и пожарные делали набеги на забаррикадированные районы и разрушали баррикады, но по их уходе разрушенное вновь строилось.

Так продолжалось до 15 декабря. В этот день к Дубасову пришло подкрепление, решившее дело: так как в Петербурге было спокойно, в Москву послан был гвардейский Семеновский полк во главе с Мином и Риманом. 16 декабря революционные организации решили прекратить забастовку и восстание с 19-го и снять баррикады, но уже 16-го баррикады исчезли везде, кроме Пресни. С 17-го по 21-е дальним стратегическим обходом семеновцы при поддержке артиллерии ликвидировали восстание на Пресне, при чем большинство дружинников спаслись, сожжены были артиллерийским огнем фабрика Шмидта, рабочая казарма Прохоровской фабрики и много частных домов на Пресне. Расстреляно было здесь 120 человек и 129 чел. по Казанской дороге до

---

48 человек и потом, с присоединением к ней фабрично-заводских рабочих, дошла до 90 чел. («Декабрь 1905 г. на Красной Пресне», стр. 55, 58), число дружинников на Пресне было 100—150 чел. (там же, стр. 42); во всей Москве в конце октября дружинников было 250 (там же, стр. 24), а в декабре «несколько сот» (там же, стр. 13).

[1]) «Возможности перейти в наступление у нас не было» — слова Виноградова («Декабрь 1905 г. на Красной Пресне», стр. 60).

Коломны: ею приезжали и потом спасались при помощи революционеров-машинистов многие дружинники. В московском движении до сих пор остается необъясненным тот факт, что наибольшей энергией отличалась Пресня. То был, если не считать фабрики Шмидта, где фабрикант был большевик и сам вооружил своих рабочих, отсталый район, и Прохоровская фабрика, главная в нем, не была издавна центром с.-д. пропаганды и даже после 9 января бастовала недолго и примкнула к забастовке из последних. Однако, эта фабрика была самостоятельным районом зубатовской организации, и это, вероятно, и явилось основой, ускорившей развитие сознания и организации прохоровских рабочих. Притом в 1905 году здесь велась огромная партийная работа [1]). Во всяком случае восстание на Пресне показало, что к повстанческим настроению и тактике наиболее способными оказываются именно отсталые рабочие, как только в них пробуждается политическое сознание. Это, конечно, понятно: им поистине нечего терять кроме цепей.

Нам остается теперь набросать общую картину ноябрьских и декабрьских событий в провинции: тогда разрозненность движения, местная почти полная его замкнутость выступят с достаточной степенью яркости.

Важнее всего была, конечно, манчжурская армия. Потерпев поражения, слыша о событиях внутри России, армия, действовавшая в войне с Японией, быстро революционизировалась. Нельзя сказать, что революционные организации игнорировали ее, — напротив, на нее обращено было внимание, и агитация и пропаганда там велись. Но, во-первых, возможно, что это внимание не было достаточно интенсивным, во-вторых, пропаганда и агитация натолкнулись на господствовавшее настроение солдат, которое резюмировалось одним словом — «домой». Армия оказывалась, таким образом, не активной массовой революционной вооруженной силой, которая действительно способна была бы довести демократическую революцию до конца, а сборищем отдельных лиц, которые стремились только к одному,—раствориться в обывательской массе. Это понял в самый опасный момент главнокомандующий армией генерал Линевич, который успел

---

[1]) См. воспоминания Матвеева: «Материалы по истории профессионального движения в России. Сборник I», стр. 134.

и сумел уступками и скорейшей переправой наиболее волновавшихся частей на родину успокоить массу, а затем докончил дело отчасти уже и мерами строгости сменивший его по настояниям Витте генерал Гродеков. Манчжурская армия с грехом пополам была, таким образом, по частям эвакуирована, и самодержавие избавилось от величайшей опасности, ему угрожавшей: не даром Витте в своих «Воспоминаниях» ставит себе в особую заслугу эту эвакуацию.

11-го ноября вспыхнуло восстание в Севастополе, на судах черноморского флота. Матросы здесь находились под влиянием прибывших из Петербурга рабочих, устанавливавших с августа 1905 года части машины на броненосце «Очаков». Вела пропаганду среди матросов также и севастопольская группа с.-д. меньшевиков, где видную роль играли Вороницын, Канторович, Инна Смидович, Вольская, Генриетта Мешман, Шиманский и др. Когда 11 ноября начались матросские митинги в Севастополе, контр-адмирал Писарев и штабс-капитан Штейн попытались их разогнать, но первый был ранен, второй убит. По предложению социал-демократки Вольской на митинге выбран был совет депутатов, и предъявлены были требования освобождения всех арестованных—военных и политических, — неприкосновенности депутатов и собрания делегатов всех войск для выработки мер успокоения страны и армии. 12 ноября состоялся новый митинг, в котором участвовали 10 тысяч человек, при чем к матросам присоединились и солдаты. Командир черноморского флота адмирал Чухнин согласился допустить собрание матросских представителей в морских казармах; руководителями этого собрания были опять-таки социал-демократы.

Главными очагами восстания были броненосец «Очаков» и учебное судно «Днестр». Офицеры с «Очакова» поспешили удалиться на броненосец «Ростислав» после безуспешных попыток убедить матросов выдать винтовки и таким образом разоружиться.

Между тем, собрание матросских представителей в морских казармах предъявило следующие требования: сокращение морской службы с семи до пяти лет, погрузка угля на суда не командой, а вольными артелями, при стоянках сообщение с берегом не на гребных судах, а на паровых и моторных, минимум матросского жалованья 25 руб. в месяц, при выходе в запас сохранение обмундирования и выдача

50-ти рублей, вежливое обращение и отмена титулования [1]).

В этих требованиях не было ничего политического: матросы не шли далее профессиональных пожеланий. Повидимому, до тех пор не пробудилось еще в матросской массе и в Севастополе, как и раньше в Кронштадте, настоящего политического сознания. И социал-демократы вынуждены были с этим считаться. Рабочие Севастопольского порта деятельно помогали восставшим: они прекратили работы, помогали матросам брать снаряды и отказались перевозить вооружение войскам, оставшимся верными правительству [2]).

Лишенные настоящего политического сознания, разрозненные, не имевшие прочной организации, матросы, однако, выступили с протестом против существующего порядка в армии и флоте и тем поставили себя в такое же противоречие со старым политическим строем, как ставили себя раньше в такое же противоречие студенты беспорядками и забастовками по чисто-академическим причинам. Во флоте в силу военной дисциплины положение, однако, было гораздо ответственнее, чем в высших учебных заведениях, и потому перед матросами рисовались грозные перспективы суровых наказаний. Между тем, социал-демократы считали вооруженное выступление заранее обреченным на неудачу и отказались им руководить [3]). Тогда матросам оставалось одно: во что бы то ни стало найти вождя, который повел бы их вперед, — отступать было уже поздно.

Такого вождя они нашли в лице лейтенанта Шмидта, который был известен в Севастополе тем, что произнес речь в октябрьские дни при похоронах убитых у тюрьмы при освобождении политических заключенных. В этой речи, очень горячей, произнесенной с большим подъемом, он взял клятву с присутствовавших, что они не уступят завоеванных прав и будут продолжать забастовку, если не будет достигнуто всеобщее избирательное право. За эту речь Чухнин в свое время арестовал Шмидта, и тот написал из тюрьмы письмо, выражающее его политические убеждения: называя себя «социалистом вне партий», Шмидт в этом письме центр

---

[1]) Дробот, Севастопольское восстание 1905 года. «Пролет Револ.» за 1923 г., № 6—7 (18—19), стр. 112—117.

[2]) Там же, стр. 118—136.

[3]) Там же, стр. 137.

тяжести борьбы переносил в область политической реформы, отнюдь не революции и не свержения царской власти, а что касается реформ социальных, то он рассматривал их, как простое следствие политической реформы, полагал, что они сами собой к ней приложатся. В этом же роде Шмидт выступал и позднее, на митингах [1]).

Политическая неоформленность воззрений Шмидта оказалась сродни матросскому сознанию. И потому матросы, недовольные тактикой мирного протеста и организации постоянного совета делегатов, предлагавшейся социал-демократами, отвергли и настояния социалистов-революционеров, появившихся в Севастополе с конца октября и требовавших немедленного и решительного восстания [2]). Выбрав вождем своим Шмидта, матросы снова повторили свои профессиональные требования и сверх того прибавили требования восьмичасового рабочего дня и учредительного собрания [3]).

15 ноября Шмидт объехал все военные суда, стоявшие в Севастопольской бухте. При его появлении матросы поднимали красный флаг, после отъезда—андреевский. «Очаков», «Днестр» и «Пантелеймон» (бывший «Потемкин») одни только действительно примкнули к Шмидту. А Шмидт не наступал, не начал в сущности восстания, а производил простую демонстрацию и послал Николаю II телеграмму такого содержания: «Славный черноморский флот, храня заветы и преданность царю, требует созыва учредительного собрания и не повинуется более вашим министрам». Бездействие обрекало все дело на неизбежную неудачу. Чухнин расстрелял и заставил сдаться мятежные суда, а на берегу были взяты штурмом морские казармы. Шмидт и трое матросов были расстреляны [4]).

Были и другие проявления частичного разложения армии: таковыми являлись солдатские волнения во Владивостоке в октябре, а в ноябре в Киеве, Харькове, Екатеринодаре, Пятигорске, Ташкенте, в некоторых дисциплинарных батальонах [5]). Но все это были спорадические взаимно-

---

[1]) Там же, стр. 138—142.

[2]) Там же, стр. 145—146.

[3]) Там же, стр. 150.

[4]) Дробот, Севастоп. восст.: «Пролет. Революц.» за 1923 г., № 10 (22), стр. 61 и след.

[5]) Общ. движ., II, 1, стр. 129—131 (статья Маевского).

7*

несвязанные явления, не охватившие большинства военной силы старого порядка. Крестьянский по преимуществу состав армии сказывался: рабочие в массе были революционизированы, крестьяне только колебались, не обнаруживали решительности[1]).

Та же разрозненность, частичность, слабая организованность характеризовали и все провинциальное революционное движение в ноябре и декабре 1905 года. Советы рабочих депутатов организовались большею частью поздно и были не повсеместным явлением. Кроме Петербурга и Москвы, они возникли еще в начале ноября в Ростове на Дону и Киеве, в середине ноября в Костроме, в конце того же месяца в Одессе, Николаеве, Самаре, Ревеле, Баку, Сормове, Воткинском заводе, Новороссийске, Екатеринославе, Саратове, Смоленске, Кременчуге, Белостоке, Таганроге, Юзовке, Мариуполе, Твери, Красноярске, Чите и Иркутске[2]). Когда, наконец, в декабре в разных местах начались восстания, они были действительно значительными только на окраинах и были разбиты по частям. Так, в Новороссийске забастовали в декабре портовые рабочие, власть перешла в руки совета рабочих депутатов, и началось восстание, прекращенное, однако, вскоре прибывшим в порт броненосцем «Ростислав». Подобное же произошло и с тем же результатом в Николаеве между 13 и 19 декабря и в Пятигорске. В Донецком бассейне, по екатерининской железной дороге, в Горловке, Ростове на Дону, Харькове, Сормове, Мотовилихе, Вятке попытки восстания, иногда очень бурные, были подавлены военной силой. На Кавказе центром восстания явилась Гурия: город Квирилы, Кутаисской губ., был захвачен революционерами, при чем для целей революции было взято 220 тыс. рублей в квирильском казначействе; в Гори, Сочи, Душете и Поти введено было революционное самоуправление; но в январе 1906 г. все это было уничтожено пришедшими войсками. В декабре же восстание охватило Прибалтийский край и Сибирь—от Красноярска до Манчжурии, при чем в Прибалтийском крае главным центром движения оказался Тукум, а в Сибири Красноярск, где одно время держалось революционное самоуправление — «красноярская респу-

---

[1]) Троцкий, 1905, стр. 198.

[2]) Общ. движ., II, 1, стр. 116 (статья Маевского); Горин, Очерки по истории советов рабочих депутатов 1905 г., М., 1925.

блика». В Сибири движение достигло также высокого напряжения еще в Иркутске, Чите и Харбине, при чем главное участие в нем принимали войска и железнодорожные служащие и рабочие. На всех этих окраинах в январе 1906 г. свирепствовали уже правительственные карательные экспедиции. Усмирены были Кавказ и Прибалтийский край, Меллер-Закомельский и Ренненкампф со своими карательными поездами проехали по всей Сибирской магистрали. Число убитых в России за эти месяцы борьбы дошло почти до 15 тысяч человек, раненых было свыше 18-ти тысяч, население тюрем увеличилось на 70 тысяч человек. Три четверти страны объявлено было на военном положении [1]).

---

[1]) Там же, II, 1, стр. 149—175.

V.

Период конституционных иллюзий.

Политическое развитие страны, ее народа и отдельных классов общества, из которых слагается этот народ, имеет, несомненно, важное значение в процессе развития революционных событий. Если классовые интересы являются здесь основным, определяющим моментом, исходным пунктом движения, его корнем, то степень политического развития отдельных классов дает окраску тем способам и приемам, какими эти классы добиваются удовлетворения своих интересов, устанавливает их тактику.

Несогласованность, разнобой революционных попыток, частичные уступки и подачки правящих классов и правительства, сохранение в общем и целом дисциплины в армии и защита ею под влиянием этой дисциплины старого порядка повели к отражению прямого революционного действия. Приходилось считаться с достигнутыми пока результатами, важнейшими из которых были манифест 17 октября и избирательный закон 11 декабря.

Русское общество, воспитанное все сверху до низу в условиях продолжавшегося уже в течение нескольких столетий самодержавно-дворянского, полицейски-бюрократического режима, было политически весьма слабо развито. И потому оно все, за малыми исключениями, о которых будет сказано ниже, было заражено конституционными иллюзиями, рассматривало октябрьские и декабрьские уступки как подлинную, действительную конституцию, как частичное приобщение народа к верховной власти, и разные классы общества ожидали от этого известных результатов, которые они и оценивали сообразно своим интересам.

Конституционные иллюзии, несомненно, были свойственны правым группам, прежним господам положения, дворянским и крупно-буржуазным кругам, поскольку крупная буржуазия, идя на помочах самодержавия, представляла собою грубохищнический капитализм. Конечно, эти круги боялись конституции, отрицательно относились к ней, желали сохранения возможно больших остатков самодержавия и прибавляли только в старую бочку дегтя ложку меда в виде совещательного представительства. Только более левые группы их—промышленные и банковые круги—готовы были встать прямо, без возвратов назад, на почву октябрьского манифеста, желая в то же время решительного отпора революции и приветствуя правительственные репрессии.

Дворянские собрания 1905 года устранили либералов-дворян из состава предводителей и депутатов дворянства и выбрали консерваторов. Собравшийся в январе 1906 г. съезд представителей дворянства и майский того же года всероссийский дворянский съезд высказались громко за самодержавие с совещательным представительством и за новую аграрную политику. Организованный ими «совет объединенного дворянства» вел несомненную борьбу с конституцией, но он верил в ее реальность и видел в ней действительную опасность для своих интересов, т.-е. заражен был конституционными иллюзиями.

Мы уже говорили, что на почву октябрьской конституции, также веря в ее реальность, встал «Союз 17-го октября»—организация консервативных земцев и крупной промышленной и банковой буржуазии полухищнического типа. Устами своих лидеров он резко высказался за беспощадную борьбу с революцией. В ноябре 1905 г. А. И. Гучков на съезде земских и городских деятелей заявил без обиняков следующее: «Нам нужно всеобщее, но не прямое, избирательное право, конституционная монархия, осуществление свобод. Но зачем в резолюции бюро упоминается еще об отмене военного положения? Ни одна страна в исключительные моменты не обходится без военного положения. Народ, уставший от этого хаоса, разоренный до конца, будет приветствовать каждую нагайку, рад будет каждому освободителю. Пора остановиться! Мы своими руками подкладываем хворост в костер, который сожжет всех нас». А его брат, московский городской голова Н. И. Гучков после декабрьского

восстания в Москве, внушившего ему «леденящий ужас», призывал граждан Москвы «поддержать своим нравственным авторитетом администрацию и полицию» московского усмирителя генерал-губернатора Дубасова, восторгался его приемами усмирения и призывал генерал-губернатора в руководители городского общественного управления.

Но пойдем дальше: посмотрим, какова была позиция культурно - капиталистической буржуазии, представляемой только что образовавшейся в октябрьские дни 1905 года кадетской, конституционно-демократической партией?

В самый разгар октябрьской забастовки происходил учредительный съезд этой партии, и когда на съезде получена была весть об октябрьском манифесте, некоторые экспансивные его участники не удержались от речей, восхваляющих революционную энергию рабочего класса, благодаря которой завоевана была конституция. Но вслед затем к.-д. партия высказалась против дальнейших забастовок, лидеры ее видели единственную силу, на которую они готовы были опереться, в правительстве, январьский съезд партии принципиально высказался против вооруженного восстания, и в избирательной кампании в первую думу никто больше к.-д. партии не сеял конституционных иллюзий.

Городская мелкая буржуазия естественно шла в поводу у кадетов, не могла в силу своей политической неразвитости понять всю фиктивность мнимо-конституционных уступок. О крестьянстве и говорить нечего. В массовом крестьянском сознании не укладывалась мысль о безвластии выборной думы. Остается пролетариат. Как он смотрел на дело?

Дни свободы дали возможность русскому рабочему классу организоваться в значительной степени открыто—в советах рабочих депутатов, в рабочих клубах, в рабочей печати, в профессиональных союзах, в партии, которая в значительной степени вышла из-подполья. Особенно большое значение имели, конечно, судьбы профессиональных союзов и партии. На них и необходимо теперь остановиться.

В Петербурге вскоре после первых профессиональных организаций, возникших, как нам уже известно, в связи с событием 9-го января, стали появляться другие профессиональные рабочие союзы. В марте 1905 г. возник петербургский союз портных, портних и скорняков, после октябрьской забастовки. 1905 г. образовался союз рабочих ме-

бельно-обойного производства, скоро, впрочем, слившийся с союзом деревообделочников; союз рабочих-металлистов начал свою деятельность только в марте 1906 г., но уже в мае он открыл семь районных отделений, а к 15 июля в нем числилось 9½ тыс. человек членов[1]). В Москве к декабрю 1905 г. возникло 50 профессиональных союзов с 25 тысячами членов[2]). В провинции сколько-нибудь заметных результатов профессиональное движение до половины 1906 г. достигло только в Нижнем-Новгороде, Одессе, Екатеринославе, Харькове и Баку. В Нижнем-Новгороде осенью 1905 года было 18 союзов с 8½ тыс. членов[3]). Тогда же в Харькове было 11 союзов[4]). В Екатеринославе летом 1906 г. действовали 17 союзов с 6½ тыс. членов[5]). В Одессе движение в сторону профессионального объединения рабочих осенью 1905 года охватило ряд профессий: всего в 1905 и 1906 г.г. по Херсонской губ. было заявлено о регистрации 77 союзов[6]). В Баку в 1906 г. было до 20 союзов с 12-ю тысячами участников[7]).

За исключением этих немногих центров, в некоторых из которых были и центральные бюро, объединявшие союзную работу, в остальной России профессиональное движение в 1905 г. в первой половине 1906 года едва зарождалось, переживало тот зачаточный период развития, который протекал в столицах в первые месяцы революции. Типическими примерами могут служить следующие факты: в Киеве в марте 1906 г. было 9 союзов с 1.350 участниками, при чем рабочие сахарных заводов совсем не были организованы профессионально[8]); в Саратове весной 1906 г. действовало 10 союзов, не насчитывавших в своем составе в общей сложности и тысячи человек[9]); в Иваново-Вознесенске только в июне 1906 г. образовался союз рабочих ситце-печатного дела, и

---

[1]) Святловский, Професс. движение в 1905 г: «Крас. Летопись» за 1922 г., № 2—3, стр. 167 и след.

[2]) Общ. движ., II, 1, стр. 250 (статья Кольцова).

[3]) Святловский, в «Кр. Летоп.» за 1922 г., № 2—3, стр. 182.

[4]) Там же, стр. 183.

[5]) Там же, стр. 184—185.

[6]) Там же, стр. 185.

[7]) Там же, стр. 187.

[8]) Там же, стр. 183.

[9]) Там же, стр. 182.

к октябрю в нем состояло 600 человек [1]). В остальных провинциальных городах союзы насчитывали в своем составе рабочих только десятками.

Не говоря уже о слабости организации, профессиональное движение 1905 и первой половины 1906 г. протекало под знаменем политического нейтрализма; притом главными его участниками были социал-демократы — меньшевики и внефракционные, а тем и другим, в особенности первым, как увидим ниже, было свойственно особое понимание тактических задач момента. Поэтому, чтобы понять политическое положение и влияние профессиональных союзов в эпоху конституционных иллюзий, надо обратить внимание на историю с.-д. партии в это время.

Переходным моментом к этому может служить характер профессионального движения на окраинах — в Прибалтийском крае, Юго-Западном крае (Литве и Белоруссии) и в Польше. В Прибалтийском крае в 1905 г. существовали только элементы будущей профессиональной рабочей организации, главное же значение не только в политической, но и в экономической борьбе пролетариата занимала латышская социал-демократия. Несравненно более оживленным и более старым по происхождению было профессиональное движение в Польше и особенно в Литве и Белоруссии. Везде тут организующей силой для еврейских рабочих являлся Бунд, что же касается рабочих польской национальности, то первенство в деле их профессиональной организации принадлежало, несомненно, польской социал-демократии, польская же партия социалистов (ППС) играла здесь лишь второстепенную роль [2]). И только эта последняя партия проводила в основываемых ею союзах тактику политического нейтрализма, Бунд же и польская социал-демократия учреждали только партийные союзы, подчинявшиеся в политическом отношении руководству соответствующих партий. Обе эти национальные политические организации рабочего класса не питали в первые месяцы 1905 г. никаких конституционных иллюзий и решительно выступили за тактику бойкота первой думы.

Сложнее было положение в российской социал-демократии, где обнаружились сильные разногласия между фрак-

---

[1]) Там же, стр. 180.
[2]) Там же, стр. 188—194.

циями в вопросе об отношении к выборам в государственную думу.

Позиция большевиков определилась после попытки созвать 4-й съезд партии в декабре 1905 г., неудавшейся вследствие железнодорожной забастовки, на конференции фракции в Таммерфорсе в Финляндии, где представлено было 26 местных организаций, насчитывавших более четырех тысяч членов. Конференция большевиков приняла тактику бойкота: исходя из того соображения, что дума — подделка народного представительства, она постановила использовать предвыборные собрания для расширения революционной организации пролетариата и агитации за вооруженное восстание [1]). Вместе с тем, таммерфорская конференция приняла еще два важных решения: во-первых, о переработке аграрной программы—в том смысле, что партия должна стоять не только за возвращение крестьянам отрезков, но и за полную поддержку крестьянских требований в аграрном движении, вплоть до конфискации всей земли [2]); во-вторых, о необходимости немедленного объединения фракционных центров с целью единства революционного действия; объединенный с.-д. центр должен был состоять из шести человек—по три от каждой фракции.

Меньшевики также в ноябре 1905 г. на своей фракционной конференции приняли план временного объединения на равных правах фракционного представительства во временном «объединенном центральном комитете». Но по вопросу о выборах в думу они оказались на иной позиции. Практический вывод, которого они держались, сводился к участию в выборах с целями развития и укрепления «революционного самоуправления»—старой меньшевистской идеи, поэтому рекомендовалось выбирать уполномоченных и выборщиков, но не выбирать членов думы: коллегии выборщиков и в особенности уполномоченных и должны были явиться новыми очагами «революционного самоуправления», действительным представительством рабочего класса.

Эта тактика встретила критику со стороны большевиков, и вместе с тем Ленин подробно обосновал тактику бойкота. С другой стороны, Дан и Мартов мотивировали свою

---

[1]) Ленин (Ульянов), Собрание сочинений, т. VII, изд. 1921 г., стр. 54.

[2]) Там же, т. VII, стр. 53.

тактическую позицию. Необходимо познакомиться подробнее с мотивировками обеих фракций.

Ошибочно было бы думать, что Ленин вообще отрицал агитационное значение думской трибуны. Ничего подобного он не говорил и не писал. Он, как и всегда, обусловливал тактику данного момента его особенностями—разбором конкретных обстоятельств и задач, из них вытекавших. Конечно, и думская трибуна могла иметь агитационное значение. Но в данный момент не сошел еще со сцены вопрос о восстании: не наступил еще в русской революции 1849 год, так как силы пролетариата и крестьянства не исчерпаны, экономический кризис и финансовое расстройство углубляются, даже буржуазия признает возможность нового взрыва. Каутский правильно отмечает четыре существенных отличия московского восстания 1905 года от парижских июньских дней 1848 года: во-первых, во Франции поражение Парижа было поражением всей страны, а в России рабочие Петербурга, Киева, Одессы, Варшавы, Лодзи не разбиты; во-вторых, в России идет революционное крестьянское движение, а во Франции крестьяне были на стороне реакции; в третьих, во Франции экономический кризис прекратился, а в России режим правительственного террора его усиливает; в четвертых, в России изобретены новые методы баррикадной борьбы. Пока, таким образом, возможность вооруженного восстания не исчезла, нельзя выбирать в думу, надо слить рабочее, крестьянское и военное движения в единый поток; партизанские выступления партийных боевых дружин—не авантюра, не террор, а военные действия, подготовляющие боевых руководителей масс, необходимая составная часть будущего восстания [1]).

Таков первый ряд мотивов бойкота, вытекающий из той особенности момента, что вооруженное восстание не сошло с очереди, и угашать его дух было бы со стороны социал-демократии контр-революционным актом.

Другой ряд мотивов вытекал из той особенности времени, что массы были пропитаны конституционными иллюзиями, верили, что дума — подлинный парламент, и что в России существует действительная конституция. Борьба с этими конституционными иллюзиями при таких условиях являлась

---

[1]) Там же, т. VII, стр. 70—71, 76—78.

обязанностью партии пролетариата. Между тем, участие в выборах поддерживало в народе веру в думу и ослабляло борьбу против подделки народного представительства. Всякого рода органы революционного самоуправления — напр., советы рабочих депутатов — могут быть оживлены только подготовкой восстания; выборы в думу не при чем в их образовании; создавать свободное рабочее представительство на основе выборов уполномоченных для выборов в думу, значит, передавать этих представителей в руки полиции. К тому же, если выбирать уполномоченных и выборщиков, то придется выбирать и членов думы [1]).

Участие социал-демократии в выборах и отказ от бойкота были бы возможны и даже необходимы, как и развитие в первую очередь профессиональных союзов и вообще легальных рабочих организаций, только при отказе от восстания, как очередного лозунга. Теперь же необходимы бойкот и борьба за учредительное собрание [2]).

Такова была аргументация Ленина, всецело принятая большевиками. Позицию большевиков разделяли и латышская, и польская социал-демократические партии, и Бунд. Здесь все было последовательно и ясно, и революционная задача поставлена была во всей широте, без всяких урезок. Нежелание содействовать угашению революции, хотя бы невольно, стремление развить в массах максимум революционной энергии—вот что лежало в основе тактики бойкота первой думы.

Мы видели, что тактика меньшевиков в ее конечном выводе была в сущности также бойкотистской, только непоследовательной. И практика оправдала предсказание, что там, где будут выбраны уполномоченные и выборщики, придется участвовать и в выборе членов думы.

Но, как нам теперь известно, вожди меньшевиков выбрали эту тактику, «дабы облегчить дело соглашения с другой фракцией» [3]), на самом же деле они были за выборы в думу. И это совершенно ясно видно из мотивировки их тактической позиции. В самом деле, как же можно было не выбирать в думу, веря в то, что «с поражением декабрьского движения политический центр переходит к государственной

---

[1]) Там же, т. VII, стр. 57—58, 79—80.

[2]) Мартов, История росс. соц.-дем., стр. 160.

[3]) Там же, т. VII, стр. 79—80, 59.

думе», что «вокруг нее сконцентрируются все оппозиционные силы», что, именно, участвуя в выборах в думу, социал-демократия помешает заключению думой контр-революционного соглашения со старой властью» [1]).

Объединенный центральный комитет из трех большевиков—Красина, Лалаянца и Саммера— и трех меньшевиков—Крохмаля, Тарасевича и Иорданского—не мог, конечно, дать никакой другой директивы, кроме компромиссной: местным организациям предложено было или проводить тактику бойкота или участвовать в выборах уполномоченных и выборщиков с отказом выставлять кандидатуры в самую думу [2]).

Каковы же были результаты?

Бойкот выборов безусловно удался только на окраинах—в Прибалтийском крае, Литве, Белоруссии и Польше: везде тут рабочие массы, подчинявшиеся в большинстве и в профессиональных организациях влиянию социал-демократии, практически осуществили отказ от выборов. Иное получилось в районе действия русской части социал-демократии: здесь результат оказался пестрый, и нигде решительной победы бойкотистская тактика не одержала, хотя в отдельных случаях успех ее был значителен. Относящиеся сюда данные таковы: в Харьковской губ. бойкотировало выборы 50% фабрично-заводских предприятий, в Петербурге 39%, в Костромской губ. 36%, в Херсонской 33%, в Киеве 30%, в Москве 22%, в Ярославской губ. 20%; далее следовали Екатеринославская губ. с 17-ю процентами бойкотировавших выборы предприятий, Владимирская с 15-ю, Тверская с 13-ю, Тульская с 6-ю процентами [3]). Как уже было сказано, там, где выбирали уполномоченных и выборщиков, пришлось выбирать и членов думы: выборщики не понимали тактики меньшевиков, прямо ее отрицали, вследствие ее нежизненности. Несомненно, при этом, что там, где рабочие участвовали в выборах, они выбирали членов думы для органической работы, не для дальнейшего развития прямого революционного действия или, по крайней мере, не только для этого.

Итак, необходимо сделать вывод, что, если не большинство, то, во всяком случае, весьма значительная часть ра-

---

[1]) Там же, стр. 160.

[2]) Там же, стр. 161.

[3]) Общ. движ., II, 1, стр. 265—266 (статья Кольцова)

бочего класса питала конституционные иллюзии, как и остальные массы населения.

Была ли тактика бойкота первой думы ошибочной? Не ослабила ли она силы революции?

На эти вопросы надо ответить отрицательно: бойкот выборов первой думы был революционным актом не только по субъективным заданиям, но и по объективным результатам. Впоследствии справедливо указывалось, что «бойкот оправдан комедией законодательной деятельности думы и ее разгоном» [1]. Нельзя было сильнее, чем тактикой бойкота, бороться с конституционными иллюзиями масс, и такая борьба была совершенно необходима. Наконец, необходимо было до конца исчерпать все революционные возможности: еще можно было ожидать восстания. Но, конечно, следовало учесть результаты бойкотистской кампании и, не упорствуя доктринерски на раз принятой линии, а изменяя ее согласно требованиям жизни, вести революционную работу и на думской трибуне. Это и сделал объединительный съезд в Стокгольме в апреле 1906 года.

На съезде было представлено 57 организаций партии, причем всего участвовало 111 делегатов, выбранных по одному на 300 членов партии. Сверх того, были участники съезда с совещательными голосами. Большинство на съезде — десятка в полтора голосов—принадлежало меньшевикам, причем, конечно, решающим фактором в образовании этого большинства было поражение революции в декабре 1905 г. и вообще упадок революции. Для объединения с национальными организациями—Бундом, с.-д. Польши и латышской социал-демократией—на съезде присутствовали с совещательными голосами представители этих организаций.

На стокгольмском съезде поставлен был ряд важнейших тактических, отчасти и программных вопросов. Исходным пунктом решения должна была явиться оценка текущего момента, на которой справедливо настаивали и, действительно, настояли большевики.

Докладчиком по этому вопросу от меньшевиков был Мартынов. Он, прежде всего, констатировал тот факт, что декабрьский натиск на самодержавие кончился поражением

---

[1]) Особое мнение 14-ти делегатов первой конференции объединенной партии: Ленин, Собр. соч., т. VIII, стр. 6.

Причина этого заключалась, по Мартынову, в том, что к моменту натиска не сформировалась и не встала в центре движения буржуазная демократия, что необходимо для успешного хода буржуазной революции. Достигнуть этой цели можно теперь только в связи с думой, дума является политическим центром, конституционное строительство в революционную эпоху имеет большую важность, и дума является краеугольным камнем в строительстве конституционных учреждений. Пока не встала в центре движения буржуазная демократия, до тех пор прогрессивную роль будет играть буржуазный либерализм; объективно кадеты сыграют большую роль в революции, чем эс-эры. Соответственно этому несостоятельна тактика большевиков, предлагающих техническую подготовку стачки и восстания и выдвигающих старую идею Ткачева о захвате власти.

Докладчик большевиков Ленин, критикуя позицию меньшевиков, указывал на ее внешнюю двойственность,—на то, что меньшевики готовы и в думу итти и там устанавливать конституцию, и в восстании принять участие, если оно осуществится; они не учитывают неизбежности восстания. «Меньшевики исходят из предпосылок подъема революции и в то же время рекомендуют средства, которые соответствуют не подъему, а упадку ее. Этим они играют в руку кадетам». Не бороться с конституционными иллюзиями значит равняться кадетам, быть оппортунистом. Главная форма движения сейчас — не парламентаризм, а движение безработных, движение в войсках и крестьянское движение.

Большевистский делегат от московской окружной организации Васильев поддерживал точку зрения Ленина, заявляя: «наша партия бьется в попытках встать при теперешних событиях на надлежащую высоту»; но меньшевики «нам не дают ничего нового», а повторяют старый, шаблонный призыв организовывать пролетариат на почве экономической и политической борьбы и отвлекают партию на линию наименьшего сопротивления—к использованию легальных возможностей.

Разногласия обнаружились, таким образом, совершенно непримиримые, и меньшевики, будто бы для сохранения единства, не пожелали взять на себя ответственность за свое понимание момента и предложили не принимать никакой резолюции по этому вопросу. Напрасно большевики возражали

против этого, требовали отчетливой формулировки точки зрения съезда. Съезд большинством 62 голосов против 44-х отказался вынести резолюцию по определению современного момента и текущих задач пролетариата. Причина такого голосования понятна: колеблясь между революционным натиском и использованием думской трибуны и легальных возможностей, меньшевики не решились прямо сказать, что они на деле за второе, а не за первое: это вызвало бы раскол и в их собственной среде, не говоря уже о пропасти между ними и большевиками.

В ближайшей связи с текущим моментом и определением его особенностей находился вопрос об отношении к государственной думе. И здесь действительная позиция меньшевиков выявилась с совершенною ясностью.

Плеханов, Аксельрод и Дан выработали резолюцию, внесенную на съезд от меньшевиков. Сущность этой резолюции заключалась в том, что, созданная, как орудие поддельного конституционализма, дума объективно будет играть прогрессивную роль, почему задачей социал-демократии является использовать в интересах демократии конфликты и между правительством и думой и внутри думы; необходимо образование социал-демократической думской фракции. Кавказские меньшевики предложили к этой резолюции дополнение, обязывавшее партию выставлять партийных кандидатов в думу без каких-либо соглашений с другими партиями там, где выборы еще предстоят.

Резолюция, предложенная большевиками, гласила следующее: избирательный закон и фактические условия выборов исключали возможность для социал-демократии участвовать в выборах; участие в выборах содействовало бы затемнению классовой позиции пролетариата; тактика бойкота была правильна, так как дала возможность «поддержать лозунг учредительного собрания, возложить всю ответственность за думу на к.-д. и предостерегать пролетариат и крестьянскую демократию от конституционных иллюзий»; на основании всего этого, попытка образования с.-д. думской фракции вредна и может скомпрометировать партию; необходимо использовать конфликты в думе в интересах пролетариата и разоблачать двойственность к.-д. партии, которая колеблется между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности; шаткость

и непоследовательность к.-д. необходимо нейтрализовать и обезвредить соглашением с крестьянской демократией.

Аксельрод в своем докладе в защиту меньшевистской резолюции говорил больше всего о значении парламентаризма в деле организации пролетариата и с.-д. агитации; исходя из убеждения, что «основным двигателем русской революции является непримиримый антагонизм насущных жизненных потребностей всего общества и национальных интересов капиталистического развития России с сословно-абсолютистским строем», меньшевики возлагали все надежды на думу, которая, будучи даже карикатурой на парламент, явится важным средством развития классового самосознания и политической самодеятельности пролетариата, потому что в ней «рабочие массы, руководимые социал-демократией, столкнутся лицом к лицу с организованными силами других классов».

Ленин, делая свой доклад в противовес Аксельроду, отмечал абстрактность соображений Аксельрода об организационном и агитационном значении парламентаризма: необходимо было учесть конкретные условия момента, чего докладчик меньшевиков не сделал; не отметил Аксельрод и того, что дума — орган классовых буржуазных интересов, не указал и двойственности и колебаний к.-д. Кадетская дума не может не проявлять свойств кадетской партии.

Резолюция меньшевиков прошла на съезде большинством 62-х голосов против 46, при трех воздержавшихся меньшевиках, что обличало несогласия в их среде. Образование с.-д. думской фракции было принято 59-ю голосомаи против 33-х. Предложение кавказцев о выборах без соглашения с другими партиями именно в виду классовой позиции, в нем отстаивавшейся, было поддержано и частью большевиков во главе с Лениным и потому собрало большинство решительное: за него было 77 голосов, против 11, а 16 воздержались.

О вооруженном восстании внесены были на съезд три резолюции: Акимова-Махновца, предлагавшего прямо и принципиально отказаться от вооруженного восстания, большинства меньшевиков и большевистская. Меньшевики в своем большинстве не решились одобрить слишком откровенный и прямой отказ от восстания, предлагавшийся Акимовым, за резолюцию которого подано было только два голоса. Но их собственная резолюция недаром иронически называлась на

съезде также резолюцией против вооруженного восстания: не прямо, косвенно и скрыто она его отвергала. В самом деле, резолюция, формально признавая, что политическое развитие ведет к решительной борьбе за власть [1]), вместе с тем обставляла эту «решительную борьбу» такими условиями, которые откладывали ее на деле на неопределенно-далекое время и снимала с очереди всякую техническую подготовку восстания; для успешной борьбы необходимо участие в ней наряду с пролетариатом «широких слоев городской буржуазии и крестьянства»; надо противодействовать вовлечению рабочих в борьбу «при неблагоприятных условиях», и необходим отказ «от возбуждающего ложные надежды обязательства вооружения народа». Череванин в своем докладе порицал декабрьское восстание, а Ларин в особом письменном заявлении, им поданном, высказал, что меньшевики ошиблись, действуя в октябре, ноябре и декабре по-большевистски.

Ленин поддерживал резолюцию большевиков о восстании, признававшую его «не только необходимым средством борьбы, но уже фактически достигнутой ступенью движения, открывающей переход от оборонительных к наступательным действиям», и рекомендовавшую соответствующую подготовку. Большинство съезда приняло резолюцию меньшевиков и вместе с тем отвергло партизанские выступления.

Для всех ясно было, что в конце концов решающим фактором в дальнейшем ходе революции явится крестьянство. Поэтому вопрос об аграрной программе партии был поставлен на съезде в качестве одного из основных вопросов.

Ленин, как это он делал уже и раньше в литературе, выступил на съезде с проектом национализации земли, т.-е. крупной и средней земельной собственности, в случае победы революции и торжества республики.

Однако, эта точка зрения объединила не всех большевиков. Часть последних защищала точку зрения Рожкова, высказанную в брошюре «К аграрному вопросу». Сущность этой точки зрения заключалась в следующем: аграрная программа социал-демократии в буржуазно-демократической ре-

---

[1]) Плеханов внес было поправку: «за права», т.-е. не за свержение царской власти, а за уступки от нее, но потом взял ее обратно, так как она вызвала протесты даже в среде меньшевиков.

волюции может строиться только на уничтожении всех остатков крепостнического хозяйства в деревне, т.-е. на конфискации и на разделе между крестьянством всей арендуемой им частновладельческой и казенной земли,—примерно 50 миллионов десятин; но так как в острый момент революции, когда решающей ее судьбы силой является крестьянство, программные задачи должны отойти на второй план перед тактическими, то, отвечая стремлениям крестьянской массы, социал-демократия может и должна пойти на раздел всех частновладельческих земель крестьянству без выкупа.

От меньшевиков Маслов выступил на съезде, как и до съезда в своей книге «Об условиях развития сельского хозяйства в России» (в позднейших изданиях «Аграрный вопрос»), с программой муниципализации земли: он находил, что национализация способна укрепить буржуазную государственность, дать ей небывалую экономическую мощь, и потому предлагал заменить национализацию муниципализацией, т.-е. передачей государственных и частновладельческих земель в руки демократически на основе всеобщего избирательного права организованных земств крупных областей России, при чем эти областные земства должны были вести общественное крупное хозяйство в бывших хорошо организованных технически сельскохозяйственных предприятиях, а остальную землю обязаны были сдавать в аренду крестьянам.

Плеханов и в литературе—в своем «Дневнике социал-демократа»—и на съезде высказывался против национализации земли еще резче: он находил, что она укрепляет старый порядок, экономическую его основу—принадлежность земли государству—и тем привлекает к самодержавию, к реакции крестьянские массы. Кроме того, Плеханов считал ленинский проект национализации тесно связанным с захватом власти, с участием во временном правительстве, а участие социал-демократии во временном правительстве при демократической революции признавалось Плехановым признаком оппортунизма.

Однако, и среди меньшевиков программа чистой муниципализации не встретила поддержки. Принимая муниципализацию как принцип, основу, и Плеханов признал исключения в пользу частичной национализации и частичного раз-

дела. В результате получилась аграрная программа, сильно напоминающая лоскутное одеяло, сшитое из разных кусков: решено было, что национализации, переходу в собственность демократического государства, подлежат земли, необходимые для переселенческого фонда, а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение; что остальные земли передаются в собственность областных, демократически построенных, земств для ведения в хорошо устроенных имениях общественного хозяйства и для сдачи других имений и земель в мелкую аренду крестьянам; что, наконец, в случае неблагоприятных для такой муниципализации условий, допустим и желателен и «раздел между крестьянам тех земель, на которых фактически ведется мелкое хозяйство или которые составляют необходимые для его округления угодья». Надо признать, что на деле ни программные, ни тактические задачи разрешения аграрной проблемы в программе объединительного съезда по аграрному вопросу решены не были. Поэтому сыграть роль революционного фактора эта программа не могла, и было нелегко вести на ее основе пропаганду и агитацию перед массами рабочих и крестьян: для этого требовались, кроме большого искусства и глубокого знания вопроса, определенные отступления от программы, ее расширение и углубление.

Некоторой поправкой и дополнением к аграрной программе, до известной степени улучшавшими положение, была принята съездом резолюция о крестьянском движении, признававшая его революционный характер и устанавливавшая поддержку аграрных требований крестьян, содействие их организации, организацию сельскохозяйственных рабочих, борьбу против аграрного террора и необходимость перехода крестьянского движения к более решительным формам политической борьбы.

Наконец, съездом единогласно была принята резолюция о профессиональных союзах, основные пункты которой сводились к признанию необходимости образования и укрепления союзов и работы в них членов партии с целью в борьбе и агитации органически связать союзы с партией и расширять рамки легальности, в то же время пользуясь ими.

Стокгольмский съезд явился объединительным не только в том смысле, что на нем объединились в одну партию российские большевики и меньшевики, а также и в том, что

его постановлениями утверждено было вступление в партию с.-д. Польши и Литвы, Бунда и латышской социал-демократии. Принят был новый устав партии, по которому Ц. К. и редакция центрального органа выбирались съездом, и в основу всего организационного строительства положен был принцип демократического централизма. Из 10 членов Ц. К. семь были меньшевики, три большевика; позднее к ним присоединились один латыш, два бундовца и, наконец, два представителя польской социал-демократии [1]).

Сводя, таким образом, воедино результаты стокгольмского объединительного съезда, приходится признать, что хотя не только большевики, но даже и меньшевики не имели конституционных иллюзий, что, следовательно, передовые элементы российского пролетариата понимали всю фиктивность новорожденной русской конституции, но съезд объективно, независимо от воли всех его участников и даже от воли его меньшевистского большинства уже тем содействовал росту конституционных иллюзий, что не поставил борьбу с ними во главу своей работы и, в сущности, отверг решительное революционное выступление, как очередной тактический лозунг.

Надо прибавить к этому слабость партийной организации и малую даже профессиональную организованность рабочего класса: весной 1906 г. во всей России, включая и Польшу и Кавказ, было 652 профессиональных союза с 245 335 членами, что составляло всего 3½% рабочих и служащих; из всех профессий значительно организованной была только типографская: союзы рабочих печатного дела охватывали 43% рабочих и служащих типографий; в остальных производствах количество профессионально-организованных рабочих и служащих колебалось между 1% и 8½%, не более [2]).

Если сознательные и организованные верхи рабочего класса, не страдая сами конституционными иллюзиями, в большинстве своем оказывались уже не в состоянии решительно с ними бороться, то ясно, что вера в российскую конституцию свойственна была рабочим массам, не говоря уже

---

[1]) Протоколы Стокг. съезда; Мартов, Ист. росс. соц.-дем., стр. 163—176; Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, стр. 155—226.

[2]) П. Колокольников и С. Рапопорт, 1905—1907 г.г. в профессиональном движении, М. 1925, стр 475 и таблица перед ней.

о других слоях населения. Период конституционных иллюзий в развитии первой русской революции имеется таким образом на-лицо с полной очевидностью.

История первой думы явилась ярким выражением и этого уровня общественного сознания и революционного бессилия, с таким уровнем связанного.

Первая государственная дума собралась 27 апреля 1906 г. Соотношение общественных сил, в ней представленных, и вытекающих отсюда партийных группировок, представлялось в следующем виде: наиболее сильной в ней фракцией была кадетская (конституционно-демократическая, фракция народной свободы), в которой насчитывалось 171 депутат; за ней следовали трудовики—105 депутатов, далее беспартийные 92 депутата, члены польского коло 34, социал-демократы 18, октябристы и партия демократических реформ по 14, группа Западного края 10, правые 8, литовская группа 6, мусульманская группа 4, мирнообновленцы 3, торгово-промышленники, умеренные и эстонская группа по два депутата[1]). Общее число депутатов, не считая одного отказавшегося до Думы и одного, выбранного накануне ее роспуска, было 485.

Эту группировку необходимо свести в более крупные деления, руководясь уже не названиями групп, а существом их воззрений, выразившимся в выступлениях и голосованиях.

К кадетской партии были очень близки прежде всего из беспартийных 32 «прогрессиста», затем 4 члена мусульманской группы, 14 членов фракции демократических реформ, далее 3 мирнообновленца, 2 эстонца, 10 депутатов группы Западного края и 6 литовской группы, — всего, следовательно, 71 депутат, которые составляли, таким образом, правое крыло либеральной крупной и средней буржуазии, тогда как кадеты были ее левым крылом; всего этот общественный слой имел, значит, 242 депутата — половину всего личного состава первой думы. Таков был максимум, которого могла достигнуть либеральная буржуазия при избирательном законе 11 декабря и при бойкоте думы революционными партиями.

---

[1]) В литературе данные расходятся у разных авторов; мы произвели свой подсчет, руководясь поименным списком членов думы в Словаре бр. Гранат.

Особо и правее к.-д. держалась польская крупная и средняя буржуазия, преставленная польским коло с его 34 членами (7% общего состава думы).

Октябристы и правые разных наименований (торгово-промышленники, умеренные, правые и 56 просто беспартийных, из которых некоторые временами—особенно в аграрном вопросе—изменяли правому знамени) составляли группу в 80 человек, менее 16½% состава думы, т.-е. находились в безнадежном меньшинстве. Таким образом консервативная и реакционная буржуазия с подчинявшимися ее гегемонии элементами буржуазии мелкой даже и при избирательном законе 11 декабря не могла быть влиятельной в думе, как невлиятельна она уже была и в стране.

Мелкую буржуазию представляли 105 трудовиков, к которым надо причислить и 4-х «беспартийных социалистов» — всего 109 человек—22½% общего числа членов думы.

Наконец, 18 социал-демократов (ок. 4% состава думы) представляли пролетариат, в значительном своем числе бойкотировавший думу.

При таких условиях руководящей партией первой думы являлась, несомненно, кадетская [1]).

Еще до думы в правительственных кругах произошли довольно значительные перемены.

С точки зрения придворных кругов, выражавших интересы совершенно заскорузлых помещиков и стремившихся поэтому сохранить самодеяжавие по возможности в полной неприкосновенности, граф Витте был только наименьшим злом, временно терпимым при создавшихся обстоятельствах. Николай II и Александра Федоровна видели опору свою в Трепове и с его помощью провели в качестве министра внутренних дел (до января 1906 г. управляющего министерством, а после удачной расправы с восстанием и карательных экспедиций министра и действит. тайного советника) П. Н. Дурново, как свое доверенное лицо в правительстве. Участие Дурново было основной причиной того, что не удались переговоры Витте о вступлении в министерство октя-

---

[1]) Классовый состав членов думы по партиям только подтверждает сделанную характеристику: см. Слепков, Классовые противоречия в 1-й государственной думе, Петр., 1923 г., стр. 48—53.

бристов и мирнообновленцев—Гучкова, Шипова, Стаховича, князя Евгения Трубецкого [1]). Министерство составилось поэтому чисто-бюрократическое. Позднее Витте вел еще переговоры с кадетами, но они были также неудачны,—разбились о тот же факт сохранения министерства внутренних дел за Дурново и о разногласия по аграрному вопросу.

По этому последнему вопросу в придворных и вообще помещичьих кругах происходила в дни свободы и во время ликвидации захваченных свобод целая эволюция в связи с переменою обстоятельств: не только будущий усмиритель московского восстания адмирал Дубасов, но даже сам Трепов сначала, напуганные крестьянским аграрным движением, готовы были поступиться половиною помещичьих земель, чтобы сохранить другую половину [2]); но потом, когда министр земледелия в кабинете Витте Кутлер приготовил свой проект, предусматривавший принудительное отчуждение части помещичьей земли, он поплатился отставкой.

Победа над восстанием и расправа с восставшими распалили черносотенную энергию и реакционные аппетиты, и министр юстиции Манухин, человек «доктринерски-славянофильского направления», был заменен Акимовым, который, хотя и «держал себя законнее, чем Дурново», но был уже совершенно «консервативным министром» и не давал повода тому же Дурново жаловаться на «слабость репрессии» в судах [3]).

Третьей знаменательной переменой было издание ряда додумских указов, которые сильнейшим и решительнейшим образом ограничивали права думы. Сюда относился ряд мероприятий, которые мы изложим вкратце в хронологическом порядке.

Указом 20 февраля 1906 года государственный совет был преобразован во вторую, верхнюю палату. Он должен был состоять наполовину из сановников, назначаемых императорской властью, а на другую половину из выборных от дворянства, крупных землевладельцев, богатой буржуазии, высшего духовенства, наконец, от академии наук и университетов. Законодательные права государственного совета

---

[1]) Гр. Витте, Воспом., II, стр. 87.
[2]) Там же, II, стр. 116, 157.
[3]) Там же, II, стр. 145—150.

были равны соответствующим правам думы. При этом в манифесте 20 февраля установлена была и возможность законодательства без думы и совета, во время перерыва их сессий: в чрезвычайных обстоятельствах в таком случае царь по представлению совета министров мог издавать законы, не вносящие изменения в основные законы, учреждения думы и совета и в избирательный закон, с тем, чтобы затем, по возобновлении сессии законодательных учреждений, в них был в течение двух месяцев внесен соответствующий законопроект; если же законодательные учреждения этого законопроекта не примут или он не будет внесен в эти первые два месяца по возобновлении их заседаний, то закон, изданный без думы и совета, должен был терять свою силу.

8 марта 1906 г. особым указом были чрезвычайно ограничены, почти совершенно сведены к нулю бюджетные права государственной думы. Из ведения думы изъяты были кредиты на расходы по министерству двора, по императорской канцелярии и на непредвиденные расходы на экстренные нужды—все в размере не выше расходов 1906 года. Дума не могла затем сокращать платежи по государственным долгам. Изменять бюджет по другим статьям дума могла только после изменения тех законов и положений, на которых эти статьи были основаны. При неутверждении думой бюджета оставалась в действии смета предшествующего года.

За несколько дней до созыва думы, 23 апреля 1906 г., были опубликованы основные законы, не подлежавшие отмене и изменению иначе, как по почину верховной власти. Здесь нашли себе место те ограничения прав думы, которые выразились в законах 20 февраля и 8 марта, и, кроме того, императору обеспечены были права ведения внешней политики, объявления войны и заключения мира, руководства армией и флотом, чеканки монеты, заключения государственных займов, назначения пенсий и пособий. Документальный материал и мемуары одинаково свидетельствуют, что здесь Витте действовал не менее консервативно, чем столпы черносотенной бюрократии: инициатива основных законов исходила от Трепова и встретила энергичную поддержку со стороны Витте. Витте же настоял на опубликовании основных законов до созыва думы [1]).

---

[1]) Там же, II. стр. 237—244.

Наконец, до думы же и независимо от нее, заключен был правительством заем во Франции и Германии в размере 843 миллионов 750 тысяч рублей из 6%. Это было также делом по преимуществу Витте, при чем французский банкир Нецлин специально по делу о займе приезжал в Петербург, и участие в этом деле приняли также немецкие банки во главе с берлинским банкиром Мендельсоном [1]). Таким образом, международная финансовая буржуазия не упустила ничего, чтобы укрепить самодержавие и ослабить думу, сделать совершенно призрачной новорожденную русскую «конституцию».

Когда 27 апреля 1906 г. собралась первая государственная дума, — сразу оказалось, что, если оставаться на почве закона, то дума — бессильна, а правительство вооружено до зубов. Казалось, преддумское правительственное законодательство должно было рассеять конституционные иллюзии у всех без исключения. И тем не менее, кадетская партия продолжала сознательно их внушать населению с думской трибуны своими выступлениями и действиями в думе.

Причина заключалась, конечно, в социальной природе этой партии и в той позиции по отношению к революции, которую сознательно заняла либеральная буржуазия, даже самая передовая ее часть.

Либеральная буржуазия—крупная и средняя—стремится в эпоху буржуазно-демократической революции, как это нам известно из многих примеров других стран [2]), в социально-экономическом отношении к развитию производственного капитализма—сельско-хозяйственного и промышленного — и к замене собою в качестве правящего класса полукрепостнического землевладельческого дворянства и грубо-хищнической торговой и промышленной буржуазии, а в политическом отношении к сохранению монархии с преобразованием ее из самодержавной в конституционную. Эти цели вовсе не требуют полной и совершенной победы революции, для их достижения нужна только полупобеда, необходим компромисс со старыми правящими классами. Полная победа революции была бы опасна не только для этих прежних господ положения, но и для либеральной буржуазии.

---

[1]) Там же, II, стр. 180—198.

[2]) См. «Русскую историю в сравнительно-историч. освещении», том VIII.

потому что она развязала бы широкие трудящиеся массы, дала бы им возможность выявить и попытаться провести в жизнь свои классовые интересы, которые у пролетариата идут дальше перехода к производственному капитализму, а у крестьянской массы простираются на захват и раздел всей земли, чего не желает допустить даже самая передовая часть производственной буржуазии.

Контр-революционность либеральной буржуазии, таким образом, имеет серьезную и солидную классовую основу, и здесь нет никаких оснований говорить ни об «измене», ни о недомыслии или непонимании положения. Конституционные иллюзии сеялись ею сознательно, с намерением не дать революции возможности развиться до конца и добиться вместе с тем компромисса с прежними господами положения.

Последовательно-революционной силой является только сознательный пролетариат. Крестьянство в своей массе революционно только в вопросе о земле, в остальных вопросах оно вместе с мелкой буржуазией городов занимает колеблющуюся, нерешительную позицию между либеральной буржуазией и пролетариатом.

История первой думы на каждом шагу подтверждает эту характеристику оппозиционных и революционных общественных сил.

Уже первое вступительное слово выбранного председателя думы С. А. Муромцева показывало, что правящая в думе партия к.-д., к которой он принадлежал, и не думает превратить думу в учреждение революционное, в орудие дальнейшего развития революции: он гласило об «уважении к прерогативам конституционного монарха», т.-е. сеяло все те же конституционные иллюзии.

Компромисс с правящими силами старого порядка и прекращение революции, как цели либеральной буржуазии, нашли себе с самого же начала яркое выражение в вопросе об амнистии, которой не могла обойти дума, так как «улица», народные массы настоятельно требовали амнистии. Недаром Родичев и другие кадетские ораторы говорили не о требовании амнистии, а о «желании и мольбе народа» о ней, о слиянии путем амнистии, исходящей от царя, «души народа» с «верховной властью», т.-е. о прекращении революции путем соглашения, компромисса. Предложение об амнистии и внесено было в виде просьбы, мольбы в ответный адрес

думы на тронную речь. В этом вопросе кадеты одержали в думе полную победу, повели за собою всю мелкую буржуазию.

Прения и голосование по поводу ответного адреса вообще дали чрезвычайно яркую характеристику настроения и соотношения классовых сил в думе.

Само содержание адреса выражало тенденции либеральной буржуазии. В адресе отмечено, что установлен «порядок законодательства, соответствующий строго конституционным началам», и заявлено, что дума «внесет закон о народном представительстве на началах всеобщего избирательного права», при чем, когда трудовики во время прений настаивали на развернутой формуле четыреххвостки, кадеты сознательно ее отвергли «во избежание разногласий»: на самом деле они были непрочь от многостепенных выборов и готовы были отвергнуть избирательные права женщин. Затем адрес наметил необходимость парламентарной системы — ответственности правительства перед думой и назначения его из большинства последней, отмены исключительных положений, уничтожения государственного совета, отмены основных законов, ограничивающих права думы, законодательного установления всех свобод, уничтожения сословий, отмены смертной казни, уменьшения земельной нужды крестьянства «путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих». Сказав два слова о законодательной «охране наемного труда» и свободе рабочих организаций, адрес упоминал о «справедливом распределении налоговой тяготы», местном самоуправлении, основанном на всеобщем избирательном праве, «укреплении в армии и флоте начал справедливости и права», «удовлетворении требований отдельных национальностей», и заключался просьбой об амнистии.

В обшем, таким образом, ответный адрес содержал в себе всю программу кадетской партии и не допускал ничего, что шло бы далее этой умеренно-либеральной программы. Вот почему отвергнута была поправка трудовиков об учреждении гражданской милиции—революционной армии, это значило бы вооружить революцию, чего кадеты не хотели, и прав был поэтому Набоков, заявивший, что эта поправка «нарушит общее равновесие адреса». Точно также, отвергая

государственный совет, кадеты, по заявлению того же Набокова, вовсе не были против двухпалатной системы.

Отношение к адресу со сторочы других думских фракций не менее характерно. Трудовики—мелкая буржуазия города и деревни—и не подумали о том, что следует принципиально отвергнуть адрес царю. Мало того: они совершенно не понимали классового характера царизма и вслед за кадетами лепетали бессмысленные фразы о том, что «довольно средостений между народом и монархом»,—конституционные иллюзии владели мелкой буржуазией. Ограничившись попытками ввести в адрес некоторые демократические поправки, о которых у нас шла речь выше, трудовики затем, после неудачи этих попыток, покорно поплелись вслед за кадетами и проголосовали за кадетскую редакцию адреса. Нельзя себе и представить более яркого выражения гегемонии крупной и средней буржуазии над мелкой, чем это голосование. Мелкая буржуазия сразу обнаружила в думе и силу традиционных пережитков в своей среде, и слабость революционных тенденций, и склонность итти по стопам культурной, крупной и средней буржуазии, и вечные колебания, отсутствие своей точно-определенной, выдержанной линии.

Несравненно более определенную позицию занимала рабочая группа, не превратившаяся еще пока в социал-демократическую фракцию, что случилось позднее, с приездом кавказских депутатов. Рабочая группа резко высказалась вообще против двухпалатной системы устами Савельева. Михайличенко от ее имени говорил об учредительном собрании, основанном на всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве без различия пола, вероисповедания и национальности. Ильин протестовал от имени рабочих против всего адреса в целом. Но при всем том рабочая группа только воздержалась от голосования адреса, а не голосовала против него, не разоблачала конституционных иллюзий и не провозгласила борьбу народа за власть [1]. Воздерживаясь от голосования, рабочие депутаты, сами того не желая, недостаточно отделили себя от мирнообновленческой группы графа Гейдена, которая ушла из заседания, чтобы не голосовать против адреса.

---

[1]) Стенографический отчет. 1-й государственной думы, т. I; Слецков, Клас. противор. в 1-й гос. думе, стр. 54—73; Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, стр. 246.

Итак, кадеты провели свой адрес, им удалось предложить правящим классам от имени думы парламентарный компромисс. Несомненно, с точки зрения интересов либеральной буржуазии это был важный акт, и она хотела подчеркнуть его важность представлением адреса через особую депутацию во главе с председателем думы.

Как же ответили на эту попытку соглашения правящие круги?

Ответ их был решительно-отрицательным и выразился в двух актах: во-первых, в отказе принять депутацию и в указании, что адрес должен быть препровожден при особой записке председателя думы; во-вторых, в особой правительственной декларации, прочитанной в думе председателем совета министров Горемыкиным и заключавшей в себе полное и безусловное отрицание всей программы, изложенной в адресе. Стало ясно: предложение компромисса не удалось, протянутая кадетами и трудовиками рука повисла в воздухе.

Если при первом из этих актов можно еще было, как это и было сделано, «принять хорошую мину при дурной игре», притворно объяснить отказ в приеме депутации придворным этикетом, сознавая на самом деле истинный смысл этого отказа [1]), то декларация правительства не давала уже совершенно возможности сеять лицемерно какие бы то ни было иллюзии, питать дальнейшие надежды на компромисс. По предложению кадетов в ответ на декларацию дума выразила недоверие министерству Горемыкина и предъявила требование министерства, пользующегося доверием государственной думы. К.-д. Набоков провозгласил требование: «исполнительная власть да подчинится власти законодательной» [2]).

То был, несомненно, конфликт думы с правительством, но кадеты и его, в полном соответствии со своей программой и тактикой, построили не революционным способом, старались придать ему чисто-парламентский характер. Они все еще надеялись на компромисс, на составление правительства с их участием. И надо сказать, что в этой борьбе за думское, кадетское министерство кадеты не остались одинокими: их поддерживали не только трудовики, но и

---

[1]) Винавер, Конфликты в 1-й думе, стр. 64—65.
[2]) Стеногр. отчет; Общ. движ., т. IV, ч. 2-я стр. 17—20.

часть социал-демократии, именно меньшевики: в меньшевистской петербургской газете «Голос Труда» лозунг кадетского министерства был объявлен обеспечивающим истинную, действительную конституцию, что является ярким доказательством того, что правое крыло социал-демократии также не осталось чуждо влиянию конституционных иллюзий. И только когда Ленин указал, что думское министерство может быть простой игрушкой в руках придворной камарильи, и что в этом лозунге классовая борьба подменяется идеей солидарного общественного прогресса, меньшевики стали требовать, чтобы раньше думского министерства было отменено действие исключительных положений, проведена амнистия и восстановлены гражданские свободы. Это значило, что раньше установления думского министерства кадеты должны встать на революционный путь.

Между тем вопрос о думском министерстве выдвинулся и в правительственных кругах. Горемыкин был безусловным его противником и сторонником роспуска думы, но Трепов стоял за попытку составить думское министерство и вместе с министром внутренних дел Столыпиным вступил в переговоры по этому вопросу с к.-д. Муромцевым и Милюковым и с мирнообновленцами графом Гейденом, Стаховичем и Шиповым. Даже «Новое Время» высказалось за новую министерскую комбинацию. Однако, кадеты не пошли на безусловную и полную сдачу своих позиций: они считали необходимым условием составления думского министерства амнистию и настаивали на проведении аграрной реформы на основе принудительного отчуждения части частновладельческих земель. Они чувствовали, что революция еще не погибла, и потому без амнистии обойтись не могли, а в аграрном вопросе считали необходимым уничтожить полукрепостническое хозяйство, «пожертвовать диким помещиком» для торжества капиталистического сельского хозяйства. Но старый порядок и его социальная опора—тот же «дикий помещик»—не хотел жертвовать собой и надеялся утишить революцию без амнистии, и потому Столыпину удалось уговорить Николая II, вопреки Трепову, отказаться от думского министерства [1]).

---

[1]) Гр. Витте, Воспом., II, стр. 291; Общ движ., IV, 2, стр. 24 (статья Дана); Ленин, Собр соч., VII, 1, стр. 300—330. Покровский, Русск. истр. в сам. крат. оч. III. 1, стр. 241, 243.

Участь, постигшая проект думского министерства, и все вообще судьбы первой государственной думы могут быть вполне поняты только в том случае, если мы припомним, в каком состоянии находилось во время заседаний первой думы массовое революционное движение,—рабочее и крестьянское. Мы уже говорили об этом выше и установили, что хотя весной 1906 г. движение—в особенности крестьянское—значительно усилилось сравнительно с зимой 1905—6 годов, но оно далеко не достигло высоты, на которой оно находилось весной, летом и осенью 1905 г. И понятны причины этого: напуганные движением 1905 года, землевладельцы увеличили площадь земли, сдаваемой в аренду крестьянам, понизили арендную плату, увеличили заработную плату батраков. Цифры, указывающие, какое количество уездов было захвачено аграрным движением весной и летом 1906 г., свидетельствуют сами по себе, что оно тогда было слабее, нежели в «дни свободы» 1905 года: тогда как с октября по декабрь 1905 г. аграрным движением охвачены были 52% всех уездов Европейской России, с января по апрель 1906 г. число таких уездов понизилось до 24%, и даже с мая по сентябрь—за 6 месяцев—дошло только до 50%, т.-е. было меньше, чем в три последних месяца 1905 года [1]). Надо еще прибавить к этому, что в 1906 г. исчезли наиболее пугавшие помещиков методы борьбы, особенно известное уже нам «выкуривание» помещиков. Нельзя поэтому преувеличивать значение аграрного движения 1906 года, как делают некоторые [2]): оно было уже ослабленным и не сулило полной победы, хотя все еще было опасно. Реакция поэтому не так уже его боялась и не хотела уступить, не исчерпав сначала всех реакционных возможностей. В этом и заключается главная причина неудачи думского министерства и гибели первой думы.

Нам теперь и остается проследить основные моменты этой гибели, процесса умирания первой думы вплоть до ее роспуска.

Кадеты и в это время остались верны себе, ни разу не вступили на настоящий революционный путь.

---

[1]) Е. Мороховец, Крестьянское движение 1905—7 г.г. и социал-демократия: «Пролет Революц.» 1925 г., № 2 (37), стр. 95.

[2]) Покровский и за ним особенно Слепков, Клас противореч. в 1-й гос. думе, стр. 90.

В думу был представлен ряд запросов правительству главным образом о погромах и смертных казнях. Число этих запросов простиралось, по подсчетам, до 236-ти. Смертные казни правительство в своих ответах объявляло законными и уместными, а за погромы министр внутренних дел Столыпин ответственность возлагал на местную администрацию, путавшую будто бы распоряжения центральной власти и вообще неумелую, и говорил, что приходится «стрелять из кремневого ружья» за неимением более совершенного оружия. И когда в ответ на это князь Урусов, бывший товарищ министра внутренних дел в кабинете графа Витте, разоблачил погромную деятельность департамента полиции, кадеты отвергли предложенную социал-демократами революционную формулу перехода к очередным делам и провели в думе осуждение «темных сил», перед которыми «бессильно правительство» [1]).

Когда, раздраженные формальными отговорками правительства в вопросе о смертной казни, трудовики потребовали немедленного постановления думы об отмене смертной казни, кадеты настояли на соблюдении «конституции»,—на том, чтобы выждан был, согласно «Учреждению Государственной Думы», месячный срок для получения заключения правительства, и когда по истечении этого срока правительство высказалось против законопроекта, он хотя и был принят, но так и застрял по дороге в государственный совет.

В дальнейшем деятельность думы выразилась, главным образом, в обсуждении трех вопросов—законопроектов о гражданских свободах, продовольственной помощи голодающему населению и аграрного вопроса.

Равенство перед законом и гражданские свободы, возможно более широкие, почти без ограничений, составляют черту, свойственную передовым капиталистическим странам Европы и Америки: без этого развитие культурного капитализма оказалось бы затрудненным, стало бы испытывать задержки. Русская либеральная буржуазия, даже передовые ее слои, возглавлявшиеся кадетами, далеко отстала в понимании этого от буржуазии передовых капиталистических стран и тем лишний раз засвидетельствовала об отсталости, недоразвитости русского производственного капитализма. Это

---

[1]) Стеногр. отчет; Общ. движ., IV, стр. 41—45.

особенно ярко выразилось в двух кадетских законопроектах, принятых первой думой, — в законопроектах о свободе собраний и о свободе печати.

Собрания обставлены были по первому из этих законопроектов рядом ограничений: они должны были происходить не ближе, чем за одну версту от местопребывания царя и думы, не на полотне железных дорог, с извещением полиции за сутки, полиции предоставлено право распускать собрание не только в случае несоответствия условий его созыва закону, но и «если оно примет характер, непосредственно угрожающий общественной безопасности».

Еще хуже обстояло дело со свободой печати: не только, не в пример таким странам, как Англия, признаны были особые преступления в печати, отличающиеся от обычных для всех нарушений закона, но кары за эти преступления доведены были в важнейших случаях до пятилетней каторги.

По-истине можно сказать, что законопроекты первой думы о гражданских свободах следует назвать законопроектами о возможно большем в буржуазных условиях ограничении гражданских свобод [1]).

Пойдет ли далее крестьянство по революционной дороге или оно успокоится, — была, конечно, основная проблема времени. И потому особенную важность имели вопросы, непосредственно касающиеся крестьянства, — продовольственный и аграрный. При их обсуждении особенно ярко выявились и соотношение общественных сил, и степень сознательности и революционной или контр-революционной их активности.

Правительство просило ассигновать в его распоряжение 50 миллионов рублей для помощи голодающему крестьянству. Трудовики попытались робко провести ту идею, что деньги, ассигнуемые на продовольственное дело, должны быть под контролем думы и не в распоряжении правительства, и после кадетских возражений тотчас же отказались от этой мысли. Социал-демократы Рамишвили и Гомартели выступили с последовательно революционными предложениями отказать правительству в каких бы то ни было суммах, немедленно образовать продовольственный комитет при государственной

---

[1]) Стеногр. отчет; Слепков, Клас. противор., стр. 80—81 Ленин, Собр. соч., VII, 1, стр. 290.

думе и поручить ему командировать своих членов на места для организации местных комитетов, а средства для продовольствия голодающего населения взять посредством обращения на эту потребность секретных фондов, расходов на жандармов, части расходов на пенсии и жалованья высшим чинам, доходов с кабинетских, удельных, церковных и монастырских имений и капиталов. Кадеты, конечно, были против всего этого, но и трудовики не поддержали представителей пролетариата, а снова пошли в поводу у представителей крупной и средней либеральной буржуазии, проголосовали за то оппортунистическое, «конституционное» решение вопроса, которое было изобретено Герценштейном и им предложено было от имени кадетской партии: кадеты предложили ассигновать на июль на продовольствие 15 миллионов с тем, чтобы думе был представлен через месяц после того точный отчет в этой сумме, а на дальнейшие продовольственные нужды правительство должно испрашивать у думы ассигнований по мере надобности [1]). Это хитроумное построение, имевшее в виду провести принцип финансовой зависимости правительства от думы, несомненно, сеяло конституционные иллюзии: на деле правительство не считалось ни с какими ограничениями его прав, исходящими от думы.

Наконец, по аграрному вопросу, явившемуся поводом к роспуску думы, было внесено в нее три проекта: первый, подписанный 42 депутатами, был кадетским, второй—проект 104-х—был внесен трудовиками, третий, подписанный 33-мя членами думы, представлял собою компромисс между левыми трудовиками (эс-эрствующими) и социал-демократами.

Только этот последний, третий проект являлся революционными. Он прежде всего имел в виду рассеять конституционные иллюзии, почему во вступлении было заявлено, что закон о земле может быть издан только учредительным собранием. Затем объявлялось полное уничтожение частной собственности на землю без всякого выкупа и передача всей земли в распоряжение демократически выбранного «народного управления», т.-е. ее национализация. Разумеется, этот проект не только был отвергнут думой, но не был даже ею допущен и в аграрную комиссию.

---

[1]) Стеногр. отчет; Слепков, Клас. противор., стр. 81—89; Ленин, Собр. соч., VII, 1, стр. 321—322.

Аграрный проект 104-х трудовиков предполагал осуществление реформы местными комитетами, демократически избранными: им предоставляется определить и площадь национализируемой земли и размеры оплаты бывших владельцев, так что не признавалось ни полное уничтожение частной собственности на землю, ни отчуждение ее без выкупа; проект устанавливал также, что наделение землей малоземельных и безземельных должно произойти не по потребительной, а по трудовой норме, т.-е. в таких размерах, чтобы каждая крестьянская семья без наемных рабочих своими силами могла обработать весь надел. Кадеты были недовольны и этим проектом, но надеялись согласовать его со своим и потому передали в аграрную комиссию.

Туда же после общих прений был передан и кадетский проект 42-х, выражавший с полной точностью аграрный идеал либеральной буржуазии в эпоху первой думы. Основные положения его сводились к следующему: 1) необходимо дополнительное наделение малоземельных и безземельных государственными, удельными, кабинетскими, монастырскими, церковными и частью частновладельческих земель, принудительно отчуждаемой государством «по справедливой оценке, т.-е. сообразно с нормальной для данной местности доходностью, при условии самостоятельного ведения хозяйства, не принимая во внимание арендных цен, созданных земельной нуждой»; 2) «отчужденные земли поступают в государственный земельный запас», из которого малоземельные и безземельные и получают надел по потребительной норме за особую плату в возмещение выкупа у прежних владельцев; 3) отчуждению подлежат земли, сдававшиеся в аренду, обрабатывавшиеся крестьянским инвентарем и лежавшие впусте, хотя и годные к обработке.

Несомненно, кадетский проект имел в виду уничтожить крепостническое и полукрепостническое хозяйство, «пожертвовать диким помещиком» и, утолив таким путем отчасти и на время земельный голод крестьянства с целью его успокоения, расчистить путь для развития культурного капитализма в сельском хозяйстве и вместе создать в русской деревне хороший внутренний рынок для фабричных изделий.

Но в том-то и дело, что «дикий помещик» не хотел допустить, чтобы им жертвовали, и правительство, на него опиравшееся в значительной степени, не могло поэтому при-

нять кадетский проект и в особенности принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель. Представители правительства, в особенности Гурко, вели по этому поводу обширную дискуссию с Герценштейном и другими кадетскими лидерами, имея в виду перетянуть на свою сторону депутатов крестьян посредством воздействия на их собственнические инстинкты. Но так как большинство крестьян-депутатов принадлежало все-таки к малоземельным и середнякам, у которых инстинкт собственности не был высоко развит и терять им было большею частью нечего, то усилия представителей правительства потерпели крах.

Тогда решено было действовать иначе: в противовес думским планам, предположениям и проектам правительство обратилось к крестьянам с сообщением о том, как оно думает разрешить аграрный вопрос. Здесь говорилось о том, что правительство имеет в виду «передать малоземельным крестьянам, на выгодных для них условиях, все годные для земледелия казенные земли», что государство купит у частных владельцев для перепродажи малоземельным крестьянам земли, добровольно ими продаваемые, при чем землеустроительные комиссии будут помогать крестьянам в покупке этих земель через Крестьянский банк, что принудительное отчуждение земли ведет к уничтожению частной земельной собственности, в том числе и крестьянской, почему «противно прежде всего выгодам самого крестьянства».

То был поистине «боевой манифест реакционной монархической партии», ее «смелый натиск»: правительство объявило, что не допустит ни передачи всей земли народу, ни принудительного отчуждения хотя бы части частновладельческой земли, но даст малоземельным крестьянам некоторую земельную подачку. Здесь была явная спекуляция на то, что голодный обрадуется и сухой корке хлеба и предпочтет получить синицу из правительственных рук, чем гнаться за журавлем на думском небе. Более холодного ушата, вылитого на головы, продолжавшие еще питать конституционные иллюзии, нельзя себе и представить.

Как же реагировали на этот правительственный акт, обращенный помимо думы прямо к народу, дума и отдельные думские фракции?

Решено было обратиться и думе к народу, к тому же крестьянству, при чем трудовики опять беспомощно попле-

лись за кадетами, обращение которых справедливо было названо тогда же не более, как «робкой защитой».

В самом деле: кадеты и трудовики увещевали крестьянство спокойно ждать, пока дума не выработает аграрный закон. Здесь и боязнь революции, и снова сеяние конституционных иллюзий, веры в то, что дума может дать соответствующий крестьянским интересам аграрный закон. Только социал-демократы и небольшая часть левых трудовиков настаивали, что надо было указать в обращении к народу на бессилие думы, на необходимость, чтобы сам народ взял дело в свои руки и завоевал учредительное собрание, которое одно может удовлетворить его нужды. Конечно, их настояния остались голосом вопиющего в пустыне [1]).

Впрочем, и думскому большинству не удалось опубликовать свою «робкую защиту»: в ночь с 8 на 9 июля первая государственная дума была распущена.

Известен последний ее акт: 9 и 10 июля в Выборге в гостинице «Бельведер» более двухсот членов первой думы во главе с ее председателем Муромцевым приняли и подписали так называемое «Выборгское воззвание», которое призывало население в виду разгона думы не платить податей и не давать рекрутов, т.-е. оказывать так называмое пассивное сопротивление власти, на том основании, что без думы правительство не имеет права ни собирать налоги, ни производить рекрутские наборы. Члены первой думы поступили так же, как члены прусского учредительного национального собрания в 1849 году, разогнанные в Бранденбурге, и с тем же результатом: ни в России, ни в Пруссии население не последовало их призыву. Разница заключалась только в том, что в Пруссии правительство не преследовало за этот призыв депутатов, а у нас они поплатились трехмесячным заключением и лишением избирательных прав.

Выборгское воззвание было актом, противоречившим всему характеру деятельности первой думы и ее правящей партии: оно было, при всей недостаточной решительности, при урезанности лозунга, заранее сулившей неудачу, все же революционным актом. Конечно, надо было разъяснить на-

---

[1]) Стеногр. отчет; Ленин, Собр. соч., VII, 1, стр. 342—348; Общ. движ., IV, 1, стр. 50—57; Слепков, Клас. противор., стр. 90 и след.; Покровский, Русск. ист. в сам сжат. оч., III, 1, стр. 241—246.

селению бессилие думы, конституционный обман, необходимость решительной революционной борьбы, чего воззвание в себе не заключало. Но все-таки и призыв к пассивному сопротивлению означал вступление на революционный путь, которого кадеты раньше совершенно чуждались. Скоро потом и это половинчатое вступление на революционный путь было ими осуждено.

Но объективно, независимо от воли к.-д. партии и ее деятелей, выборгское воззвание явилось заключительным моментом периода конституционных иллюзий: оно констатировало тот факт, что монарх, которого председатель думы в своей вступительной речи назвал «конституционным», вовсе не хочет никакой конституции, кроме призрачной, что правящие классы старой России отвергли соглашение с либеральной буржуазией. Парламентарная монархия хотя бы с цензовой конституцией оказалась мечтой, не воплотившейся в действительность.

VI.

Крушение революции.

С лета 1906 года начинается и летом 1907 года заканчивается последний момент революции 1905—1907 годов,—ее крушение.

Правящие классы—старое дворянство, наполовину переродившееся в буржуазию сельскохозяйственную, и октябристская промышленная и банковая буржуазия, вступившая с ним в тесный союз,—дали возможность и силу правительству репрессиями подавить волнения—забастовки и восстания, вспыхнувшие после разгона первой думы, и заложить основы контр-революционного законодательства. Но эта возможность превратилась в действительность только потому, что не удались, не оказались достаточно сильными, организованными, дружными, едиными те попытки массового революционного движения, которые произошли после разгона первой думы.

Было ясно, что центр тяжести положения лежит в той позиции, которое займут в отношении революции вооруженные силы старого режима—императорские армия и флот. Вот почему депутаты трудовой группы и социал-демократической фракции первой государственной думы не ограничились тем, что подписали вместе с кадетскими депутатами выборгское воззвание, но выпустили также от своего имени 12 января 1906 года особый «манифест к армии и флоту». Здесь было указано, что царь оказался не с думой, а с великими князьями, министрами, генералами и богатейшими помещиками, солдаты и матросы призывались не стрелять в народ, не защищать правительство, угнетающее и их, и

объявлялось, что обязанность армии и флота—«освободить русский народ от изменнического правительства и защищать государственную думу»[1]).

К осени 1906 года несколько организовались и усилили свою работу и военные организации революционных партий, имевшие сравнительно больший успех во флоте, чем в сухопутной армии. Предполагалось, что именно в это время вся Россия будет охвачена массовым революционным движением, и решено было поднять восстание во флоте—в Свеаборге и Кронштадте. Это решение было окончательно принято на заседании военных революционных организаций 2 июля совместно с представителями финской социал-демократической партии.

День восстания не был, однако, назначен ни тогда, ни позднее, после разгона думы, не был выработан окончательно и план восстания.

Но 16 июля комендант Свеаборга генерал Лайминг, получив сведения, будто суда балтийской эскадры собираются захватить Свеаборг, велел минировать подступы к крепости. Минеры отказались выполнить это приказание и были арестованы. Тогда стихийно и началось выступление, хотя главный организатор дела штабс-капитан Цион сделал все, от него зависящее, чтобы его отсрочить для более тщательной подготовки. Артиллеристы в ночь с 17 на 18 июля бросились освобождать арестованных минеров, но были отражены пехотой. Восстание охватило в Свеаборге острова Михайловский, Александровский, Артиллерийский и Инженерный, причем убиты и арестованы были многие офицеры. «Земля и воля» и «учредительное собрание» были лозунгами восставших. Артиллеристы, составлявшие главное ядро восставших, начали обстреливать Лагерный остров, где засел комендант крепости с оставшейся верной правительству пехотой. Но стоявшие на гельсингфорском рейде минные крейсера «Финн», «Трухменец» и «Эмир Бухарский» оказались против восстания. Не удалось и сухопутное восстание в Гельсингфорсе. Наконец, 19 июля прибыла к Свеаборгу балтийская эскадра во главе с броненосцами «Цесаревич» и «Слава» и минным крейсером «Богатырь» и расстреляла восставших из дальнобойных орудий, сама будучи неуязвимой для бата-

---

[1]) «Красная Летопись» за 1922 г., № 2—3, стр. 399—300.

рейных орудий Свеаборга. Восставшие вынуждены были сдаться [1]).

Во время этих событий в Кронштадте заседал объединенный комитет сухопутных и флотских воинских частей и рабочих с участием 11-ти представителей петербургских революционных организаций. По настоянию последних и под влиянием слухов об успехе свеаборгского восстания и о присоединении к восстанию четырех больших судов балтийской эскадры началось в 12 часов ночи 19 июля восстание в Кронштадте. Восставшие матросы, однако, встретили решительное сопротивление со стороны пехоты — гвардейского Финляндского полка и армейского Енисейского. Хотя восстание и было поддержано минерами и саперами, но кронштадтские артиллеристы не встали на сторону восставших. К тому же из Петербурга непрерывно прибывали подкрепления правительственным войскам. 20 июля восставшие вынуждены были сдаться [2]).

Наконец, в этот же день—20 июля—на крейсере «Память Азова» произошел неудавшийся военный бунт, а на ревельском рейде на судах имели место беспорядки, тоже вскоре ликвидированные.

Все эти факты весьма красноречиво говорят о причинах неудачи повстанческих попыток во флоте: хотя военные организации революционных партий сделали значительные успехи с 1905 года, хотя большевики устроили в Москве конференцию военных организаций, но эта конференция в самом начале ее работы была арестована, и вообще работа в армии не в состоянии оказалась раскачать на решительные действия преобладавшее в ней крестьянское большинство и даже в более пролетарском по составу флоте, с одной стороны, не удалось достигнуть организованности, планомерности и единства революционных выступлений, с другой, пришлось столкнуться с сопротивлением большинства сухопутных военных сил.

Утомление пролетариата и упадок его революционной энергии, выразившиеся, как мы видели, еще в конце 1905 года в разрозненности действий, сказались с особенной

---

[1]) Ольшанский, Свеаборгское восстание: «Красная Летопись» за 1922 г., №№ 2—3 и 4.

[2]) Ольшанский, Кронштадтское восстание: «Красн. Летоп.» за 1922 г., № 4.

силой в неудачной всеобщей политической забастовке, объявленной центральным комитетом Р. С.-Д. Р. П., в котором преобладали меньшевики. Этому способствовало и то, что лозунгом забастовки был выбран меньшевиками скорейший созыв новой думы, что неспособно было вызвать подъем в рабочей среде. Ленин в своей брошюре «Роспуск думы и задачи пролетариата» справедливо указывал, что не следует выступать по поводу разгона думы и тотчас после него: необходимо единство действия пролетариата и крестьянства, возможное лишь в том случае, если осенью, с окончанием полевых работ, возобновится аграрное крестьянское движение. Но это движение замирало все более, несмотря на то, что партия социалистов-революционеров призывала крестьянство к восстанию. Упадок революционного массового движения привел, наконец, к тому, что оно выродилось в акты индивидуального террора и экспроприаций: самыми яркими проявлениями этого были покушение на жизнь нового председателя совета министров Столыпина путем взрыва бомбы на даче на Елагином острове в Петербурге, убийство Мина и эс-эровская экспроприация большой суммы казенных денег в Фонарном переулке в Петербурге. В ноябре, по настояниям большевиков, в Гельсингфорсе созвана была конференция военных и боевых организаций социал-демократической партии, настаивавшая на развитии боевых и военных организаций, на установлении единства действий рабочих, военных и боевых организаций и на разрешении экспроприации казенного имущества при условии контроля партии и отчетности перед всем населением страны.

Упадок революционной энергии масс дал возможность правительству Столыпина довести репрессии с целью подавления революции до крайней степени. Введена была чрезвычайная охрана в Петербурге, ликвидирована легальная революционная печать, установлены военно-полевые суды. Затем произошел еврейский погром в Седлеце, и убит был черносотенцами в Финляндии кадетский лидер в первой думе М. Я. Герценштейн.

Правительство и господствующие классы не ограничивались, однако, репрессиями, погромами и убийствами, — они приняли и ряд положительных мер, направленных к умиротворению главным образом крестьянства — той основной общественной силы, без решительного присоединения кото-

рой к революции невозможна была победа последней. Помещики увеличили заработную плату батракам, уменьшили арендные цены на землю. Правительство Столыпина внесло важные перемены в аграрную политику.

Еще до революции Витте, будучи председателем особого совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности, высказался за создание зажиточного, «крепкого», проникнутого собственническим инстинктом и потому консервативного социально и политически крестьянства. Эта мысль, в особенности благодаря А. А. Кофоду, была воспринята всецело Столыпиным. Отсюда вышел указ 9 ноября 1906 года. Мы не будем здесь долго останавливаться на его содержании, характере и значении, откладывая полную его оценку до того, как речь пойдет об утверждении его думой и советом в 1910 году; отметим только, что он поставил целью аграрной политики уничтожение общины и выделение крестьян на отруба и хутора.

Далее: в распоряжение Крестьянского банка переданы были 8 миллионов десятин государственной земли и 2 миллиона десятин удельной для составления вместе с приобретаемыми банком у частных владельцев по собственному их согласию, с исключением принудительного отчуждения, землями особого земельного фонда, предназначенного для наделения малоземельных крестьян землей путем продажи ее им по ее стоимости согласно оценке, производимой банком при всех его операциях.

Таким образом голодному крестьянству брошена была сухая корка хлеба, и этого оказалось достаточным для значительного его успокоения. На непосредственное, прямое выступление не было надежды, и социал-демократическая партия без различия фракций решила принять участие в выборах во вторую думу. На это же пошли на деле и социалисты-революционеры. Естественно выдвинулся на первый план вопрос о блоках, избирательных соглашениях. Наряду с этим большое внимание стал привлекать вопрос о рабочем съезде, поднятый Аксельродом и поддержанный Плехановым, наконец, доведенный до конца Лариным. Аксельрод и Плеханов предлагали, чтобы сама социал-демократическая партия взяла на себя созыв рабочего съезда и тем обеспечила себе руководство им, а в то же время получила бы связи с широкими рабочими массами и приобрела бы массовое влияние, кото-

рое обеспечило бы победу революции. Ларин пошел дальше: он проектировал создание на рабочем съезде или в результате его созыва широкой рабочей партии в несколько сот тысяч человек из социал-демократов, социалистов-революционеров и беспартийных рабочих.

Большевики являлись горячими противниками и рабочего съезда и такой широкой партии. Они были убеждены, что, как «все дороги ведут в Рим», так и все пути развития капиталистического общества и связанных с этим развитием рабочих организаций ведут к торжеству социализма. Но рабочий съезд и широкая партия подменяли социалистическую и революционную партийность бесформенной и неопределенной программой либерального характера и оппортунистической тактикой, на первое особенно время могли потопить сознательное меньшинство в бессознательной массе и потому являлись самым длинным и наиболее извилистым путем к вожделенной цели.

Что касается избирательных соглашений, то разногласия здесь были также весьма важны и глубоки и разделяли некоторые группы и внутри фракций. Череванин и Плеханов занимали в меньшевистской фракции наиболее правую позицию, отстаивая блоки с кадетами во время выборов во вторую думу. Мартов возражал против крайностей в этом отношении. Большевики во главе с Лениным отстаивали самостоятельную избирательную кампанию с.-д. партии, при чем в рабочей курии проводили этот принцип до конца, а в остальных допускали соглашения с революционными и республиканскими партиями, резко отмежевываясь от кадетов.

Разногласия между фракциями по важнейшим вопросам момента заставляли большевиков требовать созыва съезда партии. Меньшевистский в большинстве своем центральный комитет не хотел рисковать возможностью поражения меньшевиков при выборах на новый съезд и потому вместо съезда созвал партийную конференцию. Конференция собралась в Финляндии, в Таммерфорсе, в ноябре 1906 года. На ней присутствовали 32 делегата, при чем преобладание оставалось за меньшевиками.

Основной вопрос—об избирательных соглашениях—был решен большинством 18-ти голосов против 14-ти в меньшевистском духе. Однако, меньшевики потерпели поражение по вопросу о рабочем съезде: большинство конференции

признало, что «активные шаги по организации рабочего съезда недопустимы до решения общепартийного съезда». Наконец, решено было созвать съезд партии весной 1907 года. [1]).

Выборы во вторую думу показали, что масса избирателей настроена если не революционно, то во всяком случае резко-оппозиционно: ни уродливый избирательный закон, ни административное давление во время избирательной кампании не могли затушевать этот результат. Из 513-ти членов второй Думы [2]) было 206 левых [3]), 174—оппозиционного центра [4]) и 133 правых [5]). Было ясно, что правительство не может работать с такой думой. Положение создалось такое, что или правительство должно было бы уйти, если бы народные массы проявили достаточную революционную энергию, или, если бы этого не случилось, — дума должна была быть разогнана. А между тем центр, руководимый кадетами, ставил себе целью «беречь думу», т.-е. всячески избегать конфликтов с правительством, что было совершенной утопией.

Если руководителями центра были кадеты, то во главе левых второй думы стояли, несомненно, социал-демократы. И хотя в с.-д. фракции преобладали меньшевики, а меньшевистские лидеры в Ц. К. и в партийно-фракционной печати готовы были итти на урезанные лозунги вроде ответственного министерства и склонны были к поддержке кадетов, но все-таки с.-д. фракция в большинстве своих выступлений выдвигала на первый план революционно-социалистическую агитацию и революционную борьбу со старой властью.

Третьей силой, выступавшей в думе, было правительство Столыпина и поддерживавшие его правые партии. Правительство настойчиво требовало, чтобы дума утвердила бюд-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. VIII, стр. 6—114; Мартов, Ист. росс. с.-д-тии, стр. 186—194.

[2]) Мы не считаем двоих, не знавших русского языка и потому утративших полномочия. Расчет по именному списку в 17 томе «Энц. Словаря», изд. бр. Гранат.

[3]) В том числе 26 с.-р., 5 членов крест. союза, 2 дашнакц., 3 левых, 102 трудовика и 68 с.-д.

[4]) В том числе 7 беспарт., 24 беспарт. прогр., 3 прогр., 116 к.-д., 15 н. с., 2 нац., 2 мирно-обновл., 2 партии дем. нар. и 2 мусульм. гр.

[5]) В том числе 36 польск. коло, 65 правых и кр. правых и 32 окт.

жет, контингент призыва в армию и флот и приняла законы, изданные правительством во время междудумья в порядке 87 статьи основных законов. В частности, по аграрному вопросу правительством попрежнему безусловно отвергалось принудительное отчуждение хотя бы части частновладельческих земель.

Все эти три различных точки зрения, отражавшие определенные классовые интересы, ясно и ярко выразились и столкнулись в отдельных актах деятельности второй государственной думы.

Они сказались прежде всего в правительственной декларации, прочитанной Столыпиным. Смысл этой декларации заключался в том, что если дума хочет существовать, она должна выполнить волю правительства, приложить покорно свой штемпель к его мероприятиям. Кадеты во имя принципа «беречь думу», предложили простой переход к очередным делам, т.-е. хотели оставить совсем без ответа правительственную декларацию. И не только думский центр, но и все группы народнической левой — вплоть до эс-эров — пошли здесь за ними в поводу. Исключение представили одни социал-демократы, и от их имени Церетели дал решительную отповедь Столыпину, вызвавшую реплику последнего, законченную заявлением «не запугаете»: правительство чувствовало уже, что революция замирает. Происходивший перед созывом второй думы съезд эс-еровской партии высказался именно за единый фронт всей оппозиции во главе с кадетами и тем ярко подчеркнул подчинение народнической мелкой буржуазии руководству крупной культурной буржуазии. Только представители пролетариата сразу заняли революционную, боевую позицию. В большевистской публицистике эта необходимая для пролетариата позиция была определена на второй день после созыва думы: было определенно указано, что сберечь думу можно только сохранением власти в старых руках, изменой революции; если дума не будет организовать массы для победы над реакцией, она будет лишена доверия народа; «боятся только сильных и уважают только сильных; истерические вопли «берегите думу» недостойны свободного народа и его избранников» [1]).

---

[1]) Ленин, Собр. соч., VIII, стр. 321 и след. (статья, цитируемая здесь Лениным, написана мною), Мартов, Ист. росс. с.-д-ии, стр. 196 — 197.

В вопросе о помощи голодающему населению социал-демократам удалось оторвать от кадетов все народнические группы: вся думская левая, вопреки кадетам и правым, настаивала на посылке на места особой думской комиссии для расследования действий правительства, что, несомненно, могло бы связать думу с народными крестьянскими массами и тем сделать ее сильной перед лицом старой власти.

Аграрный вопрос наряду с продовольственным и даже преимущественно перед ним мог связать думу с крестьянскими массами. Правительство устами Столыпина опять-таки прямо и определенно, без всяких обиняков, высказалось за создание «крепкого», экономически, социально и политически консервативного крестьянства без какого бы то ни было принудительного отчуждения частновладельческой земли. Левые во главе с социал-демократами настаивали на отрицательном отношении к новой аграрной политике правительства, наиболее ярким выражением которой явился указ 9 ноября, и требовали принудительного отчуждения. Вместе с тем с.-д. внесли свой проект аграрной реформы. Но кадеты и вслед за ними весь центр, при поддержке правых, провели опять «береженье думы», — простой переход к очередным делам в ответ на аграрную декларацию Столыпина.

Очень ярко проявились классовые противоречия в думе и в стране во время общих прений о бюджете.

Социал-демократическая фракция встала в вопросе о бюджете на ту точку зрения, что бюджет должен быть отвергнут в целом без перехода к постатейному обсуждению, так как он носит на себе печать самодержавно-полицейской, крепостнической государственности. Вопреки мнению большевиков, которые находили необходимым, чтобы в бюджетных прениях социал-демократы подчеркнули также, что они будут голосовать как социалисты и против всякого бюджета буржуазной государственности, меньшевики провели именно эту свою точку зрения, имея в виду увлечь за собою всю буржуазную демократию, по крайней мере, трудовиков. Это, однако, не было достигнуто: к социал-демократам с их урезанной, несоциалистической формулировкой голосования против бюджета присоединились только социалисты-революционеры, трудовики же последовали за кадетами и проголосовали вместе с последними и

правыми за постатейное обсуждение бюджета и передачу его для этой цели в бюджетную комиссию. Очевидно, и без урезки был бы достигнут точно такой же эффект: социалисты-революционеры проголосовали бы и за социалистическую мотивировку тем более, что ею только дополнялась, а вовсе не аннулировалась мотивировка буржуазно-демократическая.

Во время обсуждения вопроса о контингенте армии с.-д. Зурабов был лишен слова за «оскорбление армии», хотя он говорил только о том, что не следует давать армии полицейские функции. Кадеты, весь центр и правые и в этом вопросе голосовали за правительство.

Дума, вопреки правительству, правым и кадетам, приняла в принципе законопроект об амнистии, но кадеты все же настояли на передаче его в комиссию.

Левая часть думы выдвинула затем также вопрос об отмене смертной казни. Но правые и центр, по инициативе кадетов, вместо этого вопроса выдвинули на первую очередь законопроект о местном суде, во время обсуждения которого вторая дума была разогнана.

Причиной разгона было решение правительства, продиктованное ему советом объединенного дворянства, путем государственного переворота изменить избирательное право. Поводом явилось то, что социал-демократические депутаты вели работу не только в думе, но и вне ее. Они выступали на рабочих собраниях и партийных конференциях; делегация фракции присутствовала на лондонском съезде партии, во фракцию поступали со всех концов России, в особенности от рабочих, наказы, запросы и обращения, являлись депутации. Правительство Столыпина устроило провокационное участие своих полицейских агентов в одной депутации от частей петербургского гарнизона и потребовало от думы, на основании доноса со стороны этих агентов, исключения из думы всей с.-д. фракции и ареста 12-ти ее виднейших членов. Обвинение предъявлялось в устройстве военного заговора для государственного переворота, лишения государя верховной власти и установления демократической республики «с социалистическим в ней укладом общественных отношений».

Обвинение это было явно вздорным, никакого заговора на деле не было. Вся левая часть думы единодушно

требовала немедленного отказа правительству в его требовании, отвержения бюджета и всего междудумского законодательства. Но кадеты вместе со всем центром и правыми постановили передать требование правительства в особую комиссию, и в этот трагический момент дума занялась рассмотрением законопроекта о местном суде...

3-го июня 1907 года вторая дума была распущена, и опубликован был новый избирательный закон, изданный без думы и совета, в нарушение основных законов, т.-е. произведен был государственный переворот. Число членов думы было уменьшено до 442-х, при чем окраинное инородческое население пострадало в этом отношении особенно сильно, а некоторые области на окраинах совершенно лишены были избирательных прав. Создана особая курия крупных землевладельцев, и число выборщиков от нее оказалось настолько велико, что во многих местах оно оказалось решающим при выборах членов думы. В городской курии установлено два разряда избирателей — крупных и мелких—по состоятельности и доходам, при чем количество выборщиков от первого разряда — крупной буржуазии — оказалось в 1½ раза большим, чем от разряда второго—мелкой буржуазии. В Петербурге и в Москве были введены, впрочем, «в виде опыта», прямые выборы депутатов от каждой из двух городских курий. Вдвое уменьшено было число выборщиков от крестьян: рассеялась иллюзия о крестьянском консерватизме. Уменьшено было и число выборщиков от рабочих. Богатый помещик и крупный буржуа—вот те устои, на которые должна была после 3-го июня опираться российская «конституция».

Вопреки существующему мнению[1]), 1907 год и эпоха второй думы вовсе не были временем, когда совершенно прекратилось массовое движение — рабочее и крестьянское. Крестьянское движение, как мы уже указывали, продолжалось во всех дворянских губерниях. Общее число стачечников—рабочих доходило до 740 тысяч, только на треть меньше, чем в 1906 г. [1]) Правда, это уменьшение числа стачечников все же свидетельствовало о сильном ослаблении рабочего движения, особенно по сравнению с 1905 г., когда

---

[1]) Покровский, Русск. ист. в сам. сжат. оч., III, 1. предисл.

[2]) Вл. Ильин (Ленин), О статистике стачек в России, «Мысль» за 1911 г., январь, стр. 18.

10*

всех забастовщиков было 2 миллиона 863 тысячи [1]). Правда и то, что крестьянское движение выродилось в форму, главным образом, лесных порубок. Массовое движение не прекратилось еще, но оно сильно ослабело.

Это сказалось с особенной ясностью при роспуске второй думы. Петербургская с.-д. организация созвала конференцию, целью которой было осведомить партию о настроениях рабочей массы и решить вопрос, возможна ли забастовка протеста против разгона думы, ареста с.-д. депутатов и государственного переворота. Члены Ц. К., выбранные на лондонском съезде, присутствовали на этой конференции. Для тех из них, кто, как пишущий эти строки, был в Москве перед декабрьским восстанием 1905 г. и наблюдал настроение рабочих на конференции 5 декабря, контраст был поразительный, удручающий: тогда как там, в Москве, в декабре 1905 г. все было—один горячий, неукротимый порыв вперед, к борьбе, и решительному удару, и напрасны были все попытки сдержать и отрезвить массу, — здесь, в Петербурге, в июне 1907 года один за другим вставали рабочие и повторяли формулы вроде: «наш завод будет бастовать, если другие заводы забастуют» или: «если забастуют другие заводы и железные дороги». Было ясно, что такое условное согласие бастовать означало полную неготовность к забастовке, невозможность стачки, и когда я, выслушав все заявления делегатов, так именно и формулировал общий вывод из них,—конференция всецело с этим согласилась, и с болью в сердце, с глубокой горечью было решено забастовки не объявлять, что не помешало правительству обрушиться на рабочих градом репрессий.

С.-д. депутаты были привлечены к суду. Напрасно они требовали открытых дверей, публичного разбирательства их дела. Им было в этом отказано. Тогда они отказались присутствовать на суде и были заочно осуждены на каторгу и ссылку. Петербургский пролетариат нашел в себе еще достаточно силы, чтобы реагировать на этот «суд» однодневной забастовкой протеста.

Так кончилась революция 1905—1907 годов.

---

[1]) Там же.

VII.

Общая характеристика революции 1906 — 1907 гг.

В восьмом томе нашего труда мы изучали буржуазно-демократическую революцию на западе Европы как процесс, во-первых, и как бурное проявление, ряд событий решительной классовой борьбы, во-вторых. Мы пришли там к тому первому выводу, что буржуазно-демократическая революция, как процесс, слагается из четырех основных моментов: первый из них—подготовка революции, второй—первый бурный ее момент, третий—реакция, четвертый—вторая революция или заменяющие ее войны.

Из этих четырех моментов в истории русской буржуазно-демократической революции мы изучили пока только два первых: подготовку революции в одиннадцатом томе и бурный ее момент в настоящей главе.

В том же восьмом томе установлено было различие между ранними и поздними, запоздалыми буржуазно-демократическими революциями, между буржуазно-демократическими революциями передовых и отсталых стран. Изучая подготовку русской буржуазно-демократической революции в XI томе, мы констатировали, что русская революция явилась именно поздней, запоздалой, более поздней, чем какая либо иная в Европе: она еще не наступила, а производственный капитализм в России со всеми вытекающими отсюда социальными и культурными, в частности идеологическими, последствиями сделал уже решительные и весьма значительные успехи. Из резкого противоречия государственной, политической надстройки, упорно сохранявшей возможный максимум остатков прошлого, с этим новым экономическим

и социальным базисом и сопровождавшей его новой идеологией и психологией и вышел тот первый бурный момент революции, который исследован в настоящей главе.

Соответственно социологической (а не только хронологической) запоздалости, буржуазно-демократической революции в России, природа и соотношение социальных сил в ней были иными, чем в соответствующих революциях запада Европы. Остановимся на минуту на этом различии, имеющем первостепенную важность, чтобы понять правильно ход и исход революционных событий 1905—1907 годов.

Первой важной, можно сказать, важнейшей, особенностью России было здесь то, что ни в одной буржуазно-демократической революции не было такого многочисленного по своему составу пролетариата, как именно у нас. Конечно, появление и умножение этого класса—вождя, гегемона революции и передового ее борца, явились следствием развития производственного капитализма. Способность пролетариата России к единству, к массовым выступлениям, диктовалась огромной концентрацией капиталистического производства в индустрии: именно такая концентрация, равная концентрации в передовых капиталистических странах Запада, сплачивала рабочих, будила их классовое сознание и внушала им чувство классовой солидарности, т.-е. революционизировала пролетариат. И потому уже в 1905 году он быстро изжил царистские иллюзии, чему содействовала и правительственная политика по рабочему вопросу, в особенности полицейский социализм.

В то время, однако, как мы видели в XI томе, техника русского фабричного производства была ниже, чем в Западной Европе, в лучшем случае на 50—70%, а иногда на 200, 300, 400 и более процентов. Это имело свои плюсы и минусы для революции: пролетариат не был под гегемонией квалифицированных рабочих, которых было относительно немного. В то же время, вследствие отсутствия права коалиции, он не имел массовых организаций и прочных экономических достижений. Ему нечего было терять, и это его революционизировало. Но он не был организован и не был одинаково во всех своих слоях и во всех местах страны сознателен. Отсюда вышла недостаточная одновременность, разрозненность, разнобой пролетарских выступлений. И это явилось одной из причин поражения революции.

Другой важной революционной силой было крестьянство — среднее и мелкое, малоземельное. Его революционная энергия и в то же время недостаточная напряженность и определенность этой энергии были одинаково созданы реформой 19 февраля 1861 г. Реформа эта была хуже всех способов освобождения крестьян, какие нам известны в истории: она обезземелила крестьян, создала чересполосицу их земель с землями частных владельцев, обременила крестьянство огромными платежами, сохранила наполовину крепостническое хозяйство. Все это революционизировало крестьян и не давало простора широкому развитию их собственнических инстинктов. Но факт реформы сверху, от царя, питал царистские иллюзии. К этому присоединяется и то мелкобуржуазное шатание между крупной буржуазией и пролетариатом, которое всегда крестьянству свойственно, и крестьянское смирение, готовность голодного удовлетвориться сухой коркой хлеба, ему брошенной. Из всего этого вышли вечные колебания крестьянства, смена революционных порывов отступлением. Здесь вторая причина поражения революции.

Развитие производственного капитализма, численно увеличивая как пролетариат, так и крупную буржуазию, тем самым уменьшило количественный состав и удельный вес мелкой городской буржуазии, не дало ей первенствующей роли и значения в революции, сделало ее слабой.

Крупная и средняя буржуазия, чувствуя у себя за спиной пролетариат и крестьянство, уже не расположенные — особенно первый—играть роль только революционного пушечного мяса, вынимать каштаны из огня для нее, никогда и нигде, за исключением разве Германии 1848 г., не была в такой степени, как в России, расположена в пользу компромисса, соглашения, уступок старой власти тем более, что крепостническое наполовину землевладение и сельское хозяйство давало этой власти, хотя и поколебленную, но все еще довольно реальную социальную почву.

При таком сочетании общественных сил и при могущественной поддержке, оказанной старому режиму в России со стороны международного, особенно французского, капитализма, главным образом, финансового, наиболее заинтересованного в эксплуатации отсталых стран и, следовательно, в сохранении их отсталости, понятно, что ближайшие ре-

зультаты революции 1905—1907 годов оказались чрезвычайно жалкими. Гражданское равноправие достигнуто не было: сословный строй сохранился. Не создано было права коалиции. Представительное собрание, жалкое по функциям, оказалось цензовым в высшей степени, что делало едва слышным голос и умеренной и революционной оппозиции. Одним словом: русский капитализм и после революции 1905 — 7 годов остался некультурным, грубохищническим.

Что касается самого хода революционных событий, если взять один только бурный момент революции, то здесь, при всем своеобразии отдельных частностей, проявилась закономерность, общая всем буржуазно-демократическим революциям: и наша революция началась на широкой социальной базе, действием всех социальных сил, враждебных старому порядку, при чем инициатива и главная активность выпала на долю рабочего класса, и в то же время каждый класс относился к революции по своему, сообразно своим классовым интересам; затем после октябрьской полупобеды началось расхождение оппозиционных и революционых сил; это явление, а также неодинаковая сознательность трудящихся масс и происходящая отсюда разновременность, несогласованность их революционных выступлений, наконец, поддержка сил старого общества и правительства международной буржуазией—создали крушение революции.

Как и всегда и везде, и в России после первого бурного момента буржуазно-демократической революции началась реакция. И опять-таки, как всегда и везде, эта реакция характеризуется не только неистовствами и эксцессами, погоней за прошлым, попытками повернуть назад колесо истории, но и органическим процессом приспособления сколько-нибудь жизненных элементов старого общества к изменяющимся под влиянием революции условиям, а также новым ростом революционных сил. История этой реакции и должна явиться предметом нашего ближайшего внимания.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ.

Реакция 1907—1914 годов.

I.

Сельское хозяйство и аграрная политика.

Мы уже отмечали выше, при изучении условий, при которых собралась и действовала вторая государственная дума, некоторые признаки новой аграрной политики правительства, успокаивавшей до известной степени, по крайней мере, на время, крестьянскую массу. Теперь, переходя к изучению народного хозяйства в эпоху реакции, необходимо подробнее и обстоятельнее характеризовать эту аграрную политику.

Жизненным центром ее был известный уже нам указ 9 ноября 1906 года, превратившийся после утверждения его с некоторыми малозначительными изменениями законодательными учреждениями и верховной властью в закон 14 июня 1910 года.

Этим законом установлено было, что крестьянские общества, совсем не переделявшие мирской земли со времени реформы 19 февраля 1861 года, признаются перешедшими к подворно-участковому наследственному владению без переделов, что—далее—каждый домохозяин имеет право выдела из общины, при чем при переделе община обязана отделить ему отрубной участок с устранением чересполосицы, а если передела нет,—выдел отрубных участков обязателен по требованию не менее одной пятой числа всех домохозяев и даже по требованию отдельного домохозяина, «когда выдел

участка не связан с особыми неудобствами», о наличности которых должны судить правительственные землеустроительные комиссии, всегда расположенные содействовать выделу; затем тем же законом предусматривался и выход на хутора, т.-е. не только выделение сплошного, нечересполосного участка, но и перенесение на него двора, поселение не деревнями, а особыми хуторами; разрешен был залог надельной земли, т.-е. фактическое ее отчуждение, приравнивавшее ее к частной, личной собственности; закон не предусматривал возврата от отрубного и хуторского владения к мирскому, т.-е. не допускал такого возврата; установлен был только наибольший размер надела, выше которого никто не мог получать или приобретать; на практике путем приобретения наделов членами семьи можно было, впрочем, и эту нормировку обходить.

Положение о землеустройстве, дополняющее закон 14 июня 1910 г., и окончательно утвержденное 29 мая 1911 года, имело задачей уничтожение чересполосицы — внутренней, т.-е. между крестьянскими землями, и внешней, т.-е. между крестьянскими и некрестьянскими владениями. С этою целью для земель подворного владения было установлено, что устранение чересполосицы обязательно, если того требует простое большинство владельцев, тогда как раньше требовалось единогласие; для общинных земель повторено постановление закона 14 июня о решающем значении требования, заявленного пятою частью членов общины и даже отдельным домохозяином при переделе, а вне передела—«когда выдел участка не связан с особыми неудобствами». При уничтожении чересполосицы крестьянских земель с некрестьянскими установлены были, в случае невозможности обмена участками в натуре, приплаты деньгами, при чем крестьянам не было предоставлено право отказа от приплат и право требования обмена участков в натуре.

В том же духе затем было составлено и проведено Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях сибирских губерний и областей. Их наделы утверждены были за ними в собственность При этом общинное владение с переделами допускалось лишь по решению двух третей всех домохозяев, но и в таком случае обязателен был для желающих, хотя бы для одного домовладельца, выдел общиной сплошного участка в полную соб-

ственность без дальнейшего передела, в хуторский или отрубной участок.

Основная мысль, проникающая все эти новые законы, хорошо была выражена в третьей государственной думе председателем совета министров Столыпиным: это — создание «крепкого», зажиточного, обладающего достаточным наделом крестьянства, проникнутого собственническим инстинктом и являющегося опорой и буржуазного строя, и монархии. Перед руководителями новой аграрной политики рисовался идеал прусского «крепкого» крестьянства. Ликвидация остатков крепостнического сельского хозяйства и переход к хозяйству всецело капиталистическому должны были совершиться путем наиболее выгодным для помещиков, сколько-нибудь сохранивших еще способность к перерождению в сельско-хозяйственную буржуазию, в капиталистических предприниматилей в сельском хозяйствен.

Далее: в распоряжение Крестьянского банка были переданы 8 миллионов десятин государственной земли и 2 миллиона десятин удельной для составления вместе с землями, приобретаемыми банком у частных лиц на основании свободного соглашения, с исключением принудительного отчуждения, особого земельного фонда, предназначенного для наделения малоземельных крестьян землей за деньги по ее стоимости согласно оценке, производимой банком при всех его операциях. Этой мерой правительство, не имея, конечно, в виду уничтожить крестьянское малоземелье, стремилось его до некоторой степени ослабить, несколько заполнить зияющую бездну земельного голода крестьянства, чтобы предотвратить таким способом возрождение аграрного движения 1905 и 1906 годов.

Той же цели должно было содействовать усиленное развитие крестьянского переселения в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток.

Мы должны теперь учесть результаты новой аграрной политики, поскольку они определились в период времени между первой революцией и началом империалистической войны в 1914 году.

Начнем этот учет с результатов деятельности Крестьянского банка и хода переселения.

В 1906—1913 годах крестьяне через посредство Крестьянского банка купили у частных владельцев всего 5 миллио-

нов 282 тысячи десятин земли [1]). В 1906—1915 годах из земельного фонда банка, о котором мы говорили выше, было куплено, кроме того, 9 миллионов 761 тысяча десятин [2]) В общей сложности через Крестьянский банк крестьянство, следовательно, приобрело за те годы 15 миллионов 43 тысячи десятин.

Число всех переселенцев—семейных, одиноких и ходоков—в 1906 — 1914 годах равнялось почти 3 миллионам 764 тысячам человек [3]). Если даже вычесть около 340 тысяч обратных переселенцев [4]), останется 3 миллиона 424 тысячи. Если положить душевой надел на новых местах в 5 десятин, то получится, что крестьяне путем переселения получили земли немногим больше 15-ти миллионов десятин. Всего, значит, крестьянство через банк и путем переселения приобрело 30 миллионов десятин. Если вспомнить, что и исследователи, и сельско-хозяйственные комитеты перед революцией 1905—7 годов определяли минимальные размеры утоления крестьянского земельного голода в 50 миллионов десятин, и принять во внимание, что за указанные годы эти размеры должны были сильно возрасти, то придется признать, что крестьянское малоземелье могло быть при таких условиях уменьшено разве только на половину.

Однако, и этот вывод оказывается неправильным по двум причинам: во-первых, и Крестьянский банк снабжал землею главным образом не малоземельных, а более или менее зажиточных крестьян, и чем позднее, тем эта тенденция в его деятельности все более крепла и усиливалась, а, во вторых, и среди переселенцев преобладали середняки, вообще не наиболее малоземельные и маломощные крестьяне. Ограничимся минимально-необходимыми данными, подтверждающими оба эти наблюдения. Так, единоличными покупателями банковских или приобретаемых при помощи банка земель были за 1906—1913 годы 4 миллиона 360 тысяч человек, а товариществами и обществами купили 5 милл. 400 ты-

---

[1]) Тюменев, Революция 1905 г. и расслоение деревни: «Вестн. Соц. Ак.», кн. пятая, стр. 144.

[2]) Отчет Крест. банка за 1915 г., стр. 156—167; Карпов, Аграрная пол. Столыпина, стр. 10.

[3]) Обзор деятельности Главного Управления Земледелия и Землеустр. за 1914 г., прилож., стр. 18; Карпов, Аграрн. пол. Столыпина, стр. 22.

[4]) Там же, стр. 24.

сяч, т.-е. почти половина всех покупщиков была зажиточной. Перевес единоличных покупок над коллективными особенно заметным становится с 1908 года и все усиливается с тех пор почти без исключений [1]). Банк содействовал, с одной стороны, росту деревенской буржуазии, с другой, пролетаризации крестьянства [2]), а вовсе не уменьшению крестьянского малоземелья. То же самое можно лишь в несколько меньшей мере сказать и о результатах переселения.

Такое же классовое расслоение крестьянства наблюдается в результате землеустроительной политики правительства Столыпина. Во всех районах — и в тех, где преобладало еще раньше капиталистическое хозяйство, и в тех, где перевес принадлежал хозяйству крепостническому, и, наконец, в районах промежуточного типа — слой среднего крестьянства сильно уменьшался, и росли обе крайности — крестьянство крупное и малоземельное или совершенно опролетаризировавшееся: там, например, где до землеустройства процент крупных крестьянских хозяйств доходил до 16-ти, а мелких немногим превышал 14, так что на среднее хозяйство приходилось около 70%, после землеустройства оказывалось только 59% средних хозяйств, процент же хозяйств крупных повысился до 25½, а мелких до 15½% [3]). Но результаты землеустроительной политики, не устраняя крестьянского малоземелья, создавая, как мы только что видели, характерное для развития капитализма классовое расчленение крестьянства, сказались и в ряде других явлений, типичных для того же процесса капиталистического развития. Прежде всего здесь обращает на себя внимание уменьшение чересполосицы, как внутринадельной, так и вненадельной, т.-е. чересполосицы крестьянских земель с некрестьянскими. В уездах с преобладанием крепостнического хозяйства от 90 до 99% всех крестьянских хозяйств снимали вследствие черезполосицы в аренду чужие земли на крепостнических условиях, т.-е. на короткие сроки, за отработки и исполу,—после землеустройства картина существенно меняется: аренда земли крестьянами у лиц других сословий сокращается вдвое, впятеро, даже в десять раз, и это в первую

---

[1]) Карпов, Аграрная политика Столыпина, стр. 9. 10.

[2]) Там же, стр. 6.

[3]) Рожков, Аграрный вопрос и землеустройство: «Современный Мир» за 1915 г., март, стр. 53.

очередь объясняется сильнейшим уменьшением чересполосицы; надел оказывается здесь разбросанным более, чем в трех участках, после землеустройства очень редко [1]).

В то же время и под влиянием той же землеустроительной политики стала улучшаться техника сельскохозяйственного производства. Так, в районе крепостнического хозяйства до землеустройства нередко более половины всех хозяйств обходились без удобрения, и где удобрение применялось, оно было почти исключительно навозным. В то же время севооборот был почти всегда трехпольным, а из улучшенных орудий в сколько нибудь значительном количестве встречались лишь плуги—и то не везде. После землеустройства техника производства прогрессировала, хотя и не сильно: употребление плугов увеличилось местами в 2½ раза, стали распространяться молотилки, появились интенсивные севообороты [2]).

Таким образом тенденции крестьянского хозяйства в направлении к развитию сельскохозяйственного капитализма под влиянием землеустроительной политики правительства оказываются совершенно несомненными. Весь вопрос был лишь в том, хватит ли правительству времени для создания нового буржуазного, собственнического, «крепкого» крестьянства. И это тем более, что разложение общины под влиянием землеустроительной политики шло вперед весьма быстрыми шагами: из общего числа крестьянских дворов в 1913-м году только 39% не было затронуто антиобщинным движением, т.-е. почти в двух третях всех дворов общины или никогда не было, или она исчезла, или, наконец, начала исчезать [3]). Но как раз именно те же официальные сведения лучше всего указывают на недостаточность времени для достижения конечной цели правительственной политики: землеустроительные работы к началу 1916-го года из 14.100.000 крестьянских дворов в 48-ми губерниях охватили лишь немногим более 2.700.000 дворов [4]). Русские помещики опоздали с попыткой перевода массы крестьянства

---

1) Там же, стр. 58.

2) Там же, стр. 59—60.

3) Лосицкий, Распадение общины, Петерб., 1912.

4) Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1-е января 1916 г., Петр., 1916, стр. 11.

на буржуазные рельсы: война и революция не дали закончить это дело.

При всем том и помещичье хозяйство стало все более приобретать формы капиталистического предпринимательства, с происходящими отсюда техническими переменами. Посевная площадь десяти главных хлебов с 1905-го по 1913-ый год увеличилась на $10\frac{1}{2}\%$, а посевная площадь сахарной свекловицы даже на 40%; валовой сбор десяти хлебов за то же время возрос на 24%, а свекловицы даже почти на 80%, что указывает на несомненный технический прогресс; по сельскохозяйственной переписи 1916-го года площадь кормовых трав за пятнадцать лет увеличилась в $2^{1}/_{8}$ раза, т.-е. значительно увеличились улучшенные севообороты [1]). Однако, не следует преувеличивать успехи русской сельскохозяйственной техники за время между 1905-м и 1914-м годами: по урожайности главных пяти хлебов и сахарной свекловицы Россия занимала последнее место в ряду других стран, и, например, урожай пшеницы с десятины в это время во Франции превосходил урожай в России вдвое, в Англии и в Германии он был в три раза выше русского, а в Бельгии и в Дании в четыре и в четыре с половиною раза больше [2]).

---

[1]) Ден, Положение России в мировом хозяйстве, Петр., 1922, стр. 10—12.

[2]) Там же, стр. 48.

II.

Промышленный и финансовый капитализм.

В соответствии с темпом и результатами развития сельскохозяйственного капитализма в России между 1905-м и 1914-м годами находились рост промышленного капитализма и темп этого роста за то же время. Если взять для сравнения два десятилетия—с одной стороны с 1891-го по 1901-ый год, с другой с 1905-го по 1914-ый,—то результаты получатся следующие: производство каменного угля в 1-ое из этих десятилетий увеличилось более, чем вдвое, а во 2-ое только вдвое; выплавка чугуна в 90-х годах девятнадцатого века возросла почти в 2½ раза, а между 1905-м и 1914-м годами только на 58%; годичное производство нефти с 1905-го по 1914-ый год даже уменьшилось на 60 миллионов пудов, т.-е. на 10% [1]); что касается хлопчатобумажной промышленности, то во второе из рассматриваемых нами десятилетий число прядильных веретен выросло только на 29%, тогда как в первое десятилетие этот рост достигал 70%; соответствующие цифры для среднего годичного количества изготовленной пряжи оказываются для десятилетия начала XX века 62%, а для десятилетия конца XIX века 107%; число ткацких станков увеличилось в 90-х годах на 67%, а в 1905-м—1914-м годах лишь на 30%; наконец, в десятилетие конца XIX века количество изготовленных хлопчатобумажных тканей возросло на 74%, между тем, как в десятилетие между первой революцией и войной это увеличение достигло лишь 46% [2]).

---

[1]) Там же, стр. 16; Ден, Каменноугольная и железоделательная промышленность, стр. 24, 86.

[2]) Ванаг, Финансовый капитал в России накануне мировой войны, М., 1925, стр. 12; Ден, Положение России в мировом хозяйстве, стр. 18.

Приведенные цифры в их сопоставлении дают основание для совершенно определенного и бесспорного заключения: развитие промышленного капитализма в России после революции 1905-го—1907-го годов, несомненно, продолжалось, но, вопреки высказывающимся в последнее время в литературе мнениям, это развитие было далеко не грандиозным и уж во всяком случае не беспримерным, а, напротив, шло несравненно более замедленным темпом, чем то было в эпоху Витте. Ко всему этому надо прибавить, что, во-первых, промышленное развитие России очень далеко отставало от роста ее населения, во-вторых, процентное отношение суммы оборотов внешней торговли России к общей сумме оборотов мировой торговли оставалось между первой революцией и войной все время неизменным. На долю России приходилось в 1913-м году 10,2% общего населения земного шара, тогда как добыча каменного угля в России составляла лишь 2¾% мировой добычи, выплавка чугуна только 6,2% и столько же процентов приходилось на число бумагопрядильных веретен; только нефти добывалось относительно гораздо больше—17,8% [1]).

Во внешней торговле доля России в 1904-м году и в 1912-м составляла одинаково 3,4% [2]). Наконец, не надо забывать, что Россия вплоть до 1909-го года переживала промышленную депрессию [3]), что подъем начался лишь в 1910-м году, что—далее—технически русская индустрия далеко отставала от западно-европейской и особенно американской, и что она все время оставалась подчиненной, филиальной по отношению к промышленности передовых капиталистических стран в том смысле, что в России лишь в зародыше существовало промышленное машиностроение и вообще производство средств производства.

В результате таким образом оказывается, что русская промышленность между 1-ой революцией и войной развивалась несравненно медленнее, чем прежде, и оказывалась и технически и по своему количественному развитию по прежнему сильно отсталой. Это приводило к тому, что в России, не в пример Западу, слабо увеличивалось число квалифицированных рабочих. В то же время, однако, русская

---

[1]) Ден, Положение России в мировом хозяйстве, стр. 27.
[2]) Там же, стр. 29.
[3]) Ванаг, Финансовый капитал в России, стр. 18—19.

фабричная промышленность достигла колоссальной концентрации: в 1913-м году на фабриках, насчитывавших тысячу и более рабочих, работало 44,6% всего фабричного пролетариата России [1]. ,

Мы скоро увидим, к каким важным социальным и политическим последствиям приводило такое состояние русской индустрии. Теперь же необходимо указать на основную причину отсталости и медленного темпа развития промышленности. Эта причина заключалась, несомненно, в неудаче революции 1905-го—1907-го годов, в уродливости и урезанности той «конституции», которая действовала после 3-го июня 1907-го года и которая не могла в достаточной мере развязать, освободить для надлежащего развития производительные силы страны.

В смысле характеристики социальных отношений и вытекающих из них политических перспектив огромное значение имеет вопрос, принял ли русский промышленный капитализм в период между первой революцией и войной сколько-нибудь культурное обличье? Ответ на этот вопрос может быть дан только отрицательный по целому ряду соображений.

Основным признаком культурного капитализма является, конечно, право коалиции, т.-е. свобода союзов, собраний и стачек. Правда, формально стачки еще в 1905 г. были признаны ненаказуемыми, разные «временные правила» о союзах и собраниях были изданы в 1906 г., но, во-первых, все эти временные правила по самому своему содержанию были не обеспечением свободы собраний и союзов, а средством в руках администрации довести эту свободу до минимума, почти совершенно ее уничтожить, во-вторых, административная практика шла еще дальше законодательной формы: на деле все союзы душились, а собрания не разрешались или разгонялись.

Нечего и говорить, конечно, о том, что невозможна была легальная, открытая политическая партия рабочего класса. Социал-демократия в обоих ее течениях оставалась партией нелегальной, преследуемой. Административная мысль и практика, тупая и косная попрежнему, не в состоянии оказалась пойти навстречу социал-демократическому ликвидаторству,

---

[1]) Там же, стр. 21.

которое в крайних своих проявлениях направлено было, несомненно, к пересмотру и отмене революционной тактики и к замене нелегальной, подпольной партии открытой, законной политической организацией рабочего класса.

Но и экономические организации пролетариата—профессиональные союзы—преследовались властями всячески. Временные правила о союзах исключали возможность национальных и даже районных, областных объединений профессиональных союзов. Союзы должны были по закону оставаться чисто-местными. Поэтому и преследовались местные бюро профессиональных союзов, объединявшие в отдельных городах разные союзы, и пресекалась возможность областных и особенно центральных, всероссийских конференций и съездов, которые должны были ответить неустранимой потребности в профессиональных объединениях на пространстве всей страны. После второй конференции в феврале 1906 года больше не удалось созвать ни съезда, ни конференции. Только 15, 16 и 17 апреля 1907 года состоялось расширенное совещание организационной комиссии по созыву съезда и представителей центральных бюро Петербурга, Москвы, Киева и Вильны [1]). К январю 1908 года пришлось окончательно отказаться от созыва съезда [2]).

Но и местные профессиональные организации влачили жалкое и эфемерное существование и погибали от правительственных репрессий на каждом шагу. Уже в апреле 1907 года, хотя формально существовали 359 союзов с 239 тысячами членов, но фактически большинство не платило членских взносов; в Петербурге, напр., ежемесячно платила только четвертая или пятая часть всех числившихся в союзах, так что во всей России фактически профессионально организовано было не более 50-ти тысяч человек, может быть даже только 30 тысяч [3]), — число совершенно ничтожное на 2½ миллиона фабрично-заводских рабочих. После того число профессионально-организованных рабочих неизменно шло на убыль, пока 1914 год, с началом войны, не положил конца существованию последних уцелевших к тому времени профессиональных союзов. Правительство таким образом

---

[1]) Колокольников и Рапопорт, 1905—1907 г.г. в професс. движ., стр. 528.

[2]) Там же, стр. 695.

[3]) Там же, стр. 528—529.

оказалось не в состоянии понять все значение с точки зрения охраны существующего строя той сильнейшей в рабочем классе тенденции к трэд-юнионизму, на которую справедливо указывал Ленин в «Что делать». Напротив, оно с тупым упорством закрывало и плотно закупоривало все щелки, все предохранительные клапаны и тем подготовляло объективно взрыв.

Естественно, что рабочее движение в легальных формах шло по линии наименьшего сопротивления, направлялось в особенности по линии кооперации, в частности потребительской кооперации. Только в области потребительской по преимуществу кооперации пролетариат и мелкая буржуазия — городская и сельская—достигли в изучаемое нами время значительных успехов, свидетельствовавших лучше всего о том, что страна созрела для торжества культурного капитализма: ведь потребительская кооперация является культурной, демократической формой капитализма.

Между 1907 и 1913 годами возникло более 9-ти тысяч потребительских кооперативов в России, более четырех пятых всего их числа, которое к 1914 году достигло почти 12 тысяч [1]). Замечательно при этом то, что та сотня независимых рабочих потребительных обществ, которая тогда существовала, была во всех отношениях передовой, в наибольшей чистоте и полноте проводила принципы рочдэльских пионеров. В то время как паевые капиталы всех вообще потребительских обществ в России делали 10—11 оборотов в год [2]), в рабочих обществах паевой капитал оборачивался нередко до 20 раз [3]); на товары налагалось обычно несравненно—иногда на 40%—меньше обычного, и чистая прибыль почти целиком шла на культурно-просветительные цели [4]).

Итак, промышленный капитализм в 1907 — 14 годах в России оставался попрежнему некультурным, хотя действительность того времени неуклонно напоминала о необходимости и неотложности перехода именно к культурно-производственному капитализму.

---

[1]) Хейсин, 50 лет потребительской кооперации в России. Петр., 1915, стр. 4, 43.

[2]) Прокопович, Кооперативное движение в России, Спб., 1913.

[3]) Ежегодник Моск. союза потребительских обществ, вып. IV, М., 1916, стр. 35.

[4]) Там же, стр. 35.

Наиболее, может быть, ярким свидетельством этого является то уродливое, куцое государственное страхование рабочих от болезней, увечий и на случай смерти, которое правительство все-таки вынуждено было провести через законодательные учреждения и установить в виде закона.

Строго говоря, государственным это страхование не являлось, так как государство не давало на это дело ни гроша, — все расходы возлагались—приблизительно пополам—на предпринимателей и рабочих. Уже это огромное материальное обременение рабочих ясно указывает, чьи интересы здесь по преимуществу ограждались: ясно, что предприниматели, раньше одни несшие тяжесть страхования, теперь были значительно облегчены за счет рабочих. Соответственно этому недемократическим, нерабочим было и управление страховыми кассами и другими страховыми учреждениями, при чем при стачках во всех этих учреждениях выборные от рабочих, участвовавшие в стачках, заменялись назначенцами. Наконец, и суммы, получавшиеся рабочими в результате страхования, были совершенно ничтожны, далеко не соотвествовали результатам страхования, реализовавшимся в соответствующих случаях западно-европейскими рабочими. Для полноты картины остается только добавить, что распространение страховых учреждений шло медленно. На 1 сентября 1914 г. были начаты, напр., операции только в 201 кассе с 162 тысячами участников, и были произведены подготовительные действия по организации 453-х новых больничных касс с 358½ тысячами участников. Телега рабочего страхования двигалась вперед постаринке, — очень медленно и с большим скрипом.

Набросанная сейчас общая картина промышленного капитализма дает уже некоторый фон для изображения состояния и финансового капитализма в России. Новейший исследователь этого вопроса [1]), несомненно, прав, когда он отрицает господство финансового капитализма или империализма в России до 1905 года. Русские банки концентрировались к концу XIX века, но они тогда исполняли обычные кредитные операции, не распоряжались промышленностью и держали в своих руках промышленные бумаги на ничтожную сумму,

---

[1]) Ванаг, Финансовый капитал в России накануне мировой войны, М., 1925, стр. 8, 14.

к тому же еще уменьшенную ими во время кризиса начала XX века [1]). Строго говоря, начало развития финансового капитализма в России относится к тому времени, когда кончился в 1909 г. период длительной депрессии, и в 1910 году начался промышленный подъем. Таким образом финансовый капитализм в России до войны насчитывал всего неполных четыре года своего существования. Уже этот факт свидетельствует, что преувеличивать его значение не следует: в такой непродолжительный срок и даже во время войны он не мог достигнуть сколько-нибудь широкого развития и большого влияния, соответствующих тому, что наблюдалось тогда на западе Европы и о чем нам еще придется вести речь в следующей главе.

Существует, как известно, спор, является ли финансовый капитал в России русским или иностранным. И в этом отношении прав тот же исследователь: у русских банков их собственные капиталы были слишком малы, и потому первенствующую, господствующую роль в русском финансовом капитализме сыграл иностранный капитал, преимущественно французский [2]).

Понятно при этих условиях, что русскому финансовому капитализму не была свойственна одна из отличительных черт западно-европейского финансового капитализма — экспорт или вывоз капитала [3]): у нас финансовый капитал не вывозился, напротив — он к нам ввозился. Несомненно, здесь перед нами новое доказательство отсталости русского финансового капитализма.

Пойдем дальше: посмотрим, насколько иностранный капитал, проникнув к нам прямо, в собственном виде или под прикрытием русских акционерных банков, монополизировал русскую промышленность. В цитированном уже не раз исследовании мы имеем на этот вопрос совершенно определенный ответ, сводящийся в конце-концов к следующей формуле: иностранные банки через посредство отчасти и русских к концу войны распоряжались металлургическими обществами, основной капитал которых составлял 88% всего вложенного в русскую металлургию капитала, и руководили

---

1) Там же, стр. 15—17.
2) Там же, стр. 24—25.
3) Там же, стр. 27.

нелегальным трестом, распоряжавшимся 61% добычи чугуна, синдикатом, распоряжавшимся 80% производства железа, 76% производства рельс; далее банки распоряжались всеми паровозостроительными заводами (100% капитала), большинством судостроительных (96% капитала), вагоностроительных (81,2%) и прочих машиностроительных (68%); в горной промышленности у банков в руках было 75% производства каменного угля, 60% нефти, 80% меди; банки же распоряжались 32% русских железных дорог, 40% капиталов русских пароходных обществ. Что касается легкой индустрии, то текстильное, резиновое, стеклянное и другие производства не были монополизированы еще крупным банковым капиталом,—здесь возникали только синдикаты, союзы предпринимателей, и банковый капитал проникал сюда лишь частично. Главное значение в русской индустрии имел французский и английский финансовый капитал; им далеко уступал финансовый капитал немецкий, применявшийся, главным образом, лишь в электротехнических и вагоностроительных предприятиях [1]).

Уже эта формулировка указывает на довольно значительные ограничения монополии иностранного банкового капитала в русской промышленности. Надо к тому же прибавить, что не во всех частностях мотивировка выводов автора нам кажется вполне убедительной: нужна в некоторых случаях критическая поверка, которая, повидимому, несколько должна уменьшить приведенные сейчас цифры. Здесь не место входить в подробности—это дело дальнейшего, особого, специального исследования. Для примера ограничимся следующими замечаниями: необходимо было подробнее анализировать некоторые приводимые автором факты [2]); слабы доказательства банковой монополии на Урале, почему и выводы, сюда относящиеся, оказываются преувеличенными [3]).

Но всего важнее то, что мало исследованными оказываются конкретные функции иностранного банкового капитала в России. Дело в том, что, как увидим скоро, при исследовании финансового капитала в Западной Европе, надо строго различать настоящее руководство, управления про-

---

[1]) Там же, стр. 151—178.
[2]) Там же, стр. 60.
[3]) Там же, стр. 77.

мышленными предприятиями и спекуляцию. С этой точки зрения нельзя ограничиваться замечанием о том, что «старая функция учета векселей вытесняется новыми операциями с корреспондентами и по онкольным счетам» [1]), — здесь необходим более детальный анализ. Он приводит как раз к выводу, что, по сравнению с деятельностью иностранного банкового капитала в других местах, в России он функционировал по преимуществу именно как спекулятивный капитал, особенно поскольку это сказывалось в работе русских банков, так что капиталистическая отсталость России и в данном отношении сказывалась вполне определенно. Этот вывод будет обоснован нами ниже, при исследовании финансового капитализма в Западной Европе: только тогда можно будет внести сюда сравнительно-историческую точку зрения, без которой нельзя было бы надлежащим образом понять это важное явление.

---

[1]) Там же, стр. 35.

III.

Финансовая политика правительства, попытки реформ и внешняя политика.

Экономический базис таким образом характеризуется для всей эпохи реакции, как капиталистическая отсталость, малокультурность, недоразвитость, незавершенность капитализма сельскохозяйственного, промышленного и финансового.

Это имело ближайшим следствием те особенности, которые отличали правительственную политику. С важнейшими проявлениями этой политики в соцальной сфере — в аграрном и рабочем вопросах — мы уже знакомы. Теперь остается представить краткий обзор других отраслей этой политики, — в первую очередь политики финансовой.

Для того, чтобы составить себе конкретное и фактически-обоснованное представление о государственном хозяйстве и финансовой политике периода реакции, последовавшей за революцией 1905 — 1907 годов, мы возьмем бюджет 1912 года в его сравнении с бюджетом 1911 года: и характерные черты и некоторые тенденции, указывающие на неизбежные перемены в будущем, таким образом получат точное, четкое и конкретное выражение. Не менее важно и сравнение пореволюционного государственного бюджета с бюджетом дореволюционным, напр., с бюджетом 1902 года, анализ которого в свое время был уже сделан [1]).

По проекту государственной росписи доходов и расходов на 1912 год, система доходов имела следующий вид:

---

[1]) См. том XI, стр. 249 и след.

I. Государственные налоги:

прямые	225,0	милл.	руб
косвенные . . .	638,1	»	»
пошлины	179,8	»	»

II. Доходы с казенных имуществ и капиталов:

с казенных железных дорог . .	110,7	мил.	р. [1])
от винной монополии	558,8	»	» [2])
от почты и телеграфа	35,6	»	» [3])
от прочих имуществ и регалий .	143,4	»	» [4])
III. Возвратные и случайные доходы .	125,2	»	»
Всего . . .	2.016,6	»	»

Анализируя бюджет 1902 года, мы отнесли к косвенным налогам не только пошлины, но и доход от винной монополии и получили тогда такое процентное соотношение разных ветвей доходов: 12% всех государственных доходов приходились тогда на прямые налоги, 61% на косвенные и 27% на доходы с казенных имуществ и капиталов, возвратные и случайные.

Следуя тому же распределению доходов по категориям в 1912 году, получаем следующие результаты: прямые налоги 225,0 милл. руб. или 11,1% всех доходов, косвенные налоги 1.376,7 милл. руб. или 68,2% всех доходов, с казенных имуществ, возвратные и случайные 414,9 милл. р. или 20,7% всех доходов.

Сопоставление данных доходного государственного бюджета 1902 и 1912 годов показывает таким образом, что за десятилетие наблюдается не прогресс, а регресс, не улучшение, а ухудшение: процент прямых налогов понизился, а процент налогов косвенных, ложившихся главной тяжестью на трудящиеся массы населения, увеличился.

Чтобы оценить долю финансового влияния государственного капитализма, надо особо сосчитать доходы от казенных железных дорог, винной монополии, почты и телеграфа и прочих имуществ и регалий. Это составит в общем 848,5 милл. руб. или более 42% всего доходного бюджета.

---

[1]) Доход 634,1 мил. р., расход 523,4 мил. р.
[2]) Доход 751,9 мил. р., расход 193,1 мил. р.
[3]) Доход 106,9 мил. р., расход 71,3 мил. р.
[4]) Доход 194,2 мил. р., расход 50,8 мил. р

В общем и целом можно сделать два вывода: 1) революция ничему не научила правящие классы в отношении системы государственных доходов, 2) государственный капитализм попрежнему развивался с большой силой.

Сравнение системы доходов 1912 года с такой же системой предыдущего, 1911 года, показывает однако, что жизнь повелительно диктовала тенденции в сторону относительного увеличения доли прямых налогов и такого же уменьшения налогов косвенных: в 1911 г. прямые налоги составляли только 11% всех доходов, а косвенные — 69,1%.

Характерны и результаты, к которым приводит изучение отдельных ветвей прямого и косвенного обложения: здесь важны и остатки прошлого, многочисленные, можно сказать, господствующие, и некоторые новшества, внесенные революцией.

Если начать с последних, то придется отметить исчезновение последних прямых остатков крепостничества в доходном бюджете с отменой выкупных платежей. Доходный бюджет, таким образом, принял чисто-буржуазный характер.

Однако, были две черты, существенно отличавшие его от бюджета передовых капиталистических стран Запада: во-первых, в русском доходном бюджете не было прогрессивно-подоходного налога — одного из существеннейших признаков культурного капитализма; во-вторых, в России, как нигде в другой стране, был сильно развит государственный капитализм, существенно ограничивавший поле применения частной инициативы, частного капитала и свободной конкуренции — все неотъемлемых признаков развитой капиталистической хозяйственной системы.

Во всем остальном детальная характеристика отдельных доходных статей оставалась той же, как и в 1902 году: поземельный налог был тяжелее для крестьян, чем для всех прочих его плательщиков, крестьянство вообще несло главную тяготу обложения — прямого и косвенного; классовый характер питейного дохода в целом и отдельных его частях выступал попрежнему ясно; таможенное обложение было попрежнему весьма высоким, более высоким, чем где бы то ни было; сахарная нормировка со всеми ее уродливостями и яркой классовой окраской продолжала действовать [1]).

---

[1]) См. Русск. ист. в ср.-ист. осв., т. XI, стр. 250—255.

Обращаясь к рассмотрению расходного бюджета 1912 года, мы имеем следующую общую картину его:

I. Внешняя и внутренняя самозащита	934,5	мил. р.	50,1%
II. Двор и церковь	21,5	» »	1,1%
III. Содействие развитию хозяйства (пути сообщения, финансы, государственные контроль и кредит) .	690,7	» »	37,1%
IV. Культурно-просветительные нужды	204,4	» »	10,9%
V. Непредвиденные расходы	10,0	» »	0,8%
Всего . .	1.861,1	мил. р.	—

Двор и церковь в 1902 г. поглощали гораздо больше, чем в 1912 г., — 3,1% всех расходов. Конечно, это указывает на приобретение расходным бюджетом более буржуазного и менее феодального характера, чем прежде, хотя абсолютная цифра расхода по этой статье не уменьшилась, — она только очень мало увеличивалась. Причина относительного сокращения здесь заключается в сильном росте расходов на развитие хозяйства и особенно на внешнюю и внутреннюю самозащиту государственного аппарата.

Особенно знаменательным для эпохи был именно огромный рост расходов на самозащиту—на армию и флот — 597 милл. руб. и на министерство внутренних дел, юстиции и пр. — 337,5 милл. р. В общем это составляло в 1912 г. более половины всего расходного бюджета, тогда как в 1902 г. процент соответствующих расходов равнялся 32,5. Это понятно: во-первых, революция, потрясшая все же, несмотря на неудачу, старый порядок до самого его основания, заставила его вооружиться до зубов в направлении внутренней самозащиты — административной, судебной и полицейской; во-вторых, Россия в эпоху реакции, последовавшей после первой революции, усиленно развивала — особенно на Балканах — агрессивную внешнюю политику, что в связи с франко-русским союзом и с соглашением с Англией заставляло напрягать до крайности и военные расходы. Здесь реакционные — феодальные и буржуазные — потребности переплетались самым причудливым образом и влияли с чрезвычайной силой.

Вследствие этого за десятилетие с 1902 года относительно уменьшились и расходы на хозяйственные нужды: с 62,4% они упали до 37,1%.

Некоторый рост получился в расходах по культурно-просветительным нуждам: с 2% они выросли до 10,9%. Буржуазная тенденция все же диктовала здесь известное движение вперед. Впрочем, поскольку это зависело от правительства, оно стремилось во что бы то ни стало и здесь влить в школьную работу возможно более широким потоком феодально-клерикальное содержание: к началу 1914 года всех церковно-приходских школ — высшего типа (двуклассных), низшего (одноклассных) и школ грамоты — было более 37.600 с числом учащихся почти в два миллиона человек (1.968.800). Всякому хорошо известно и понятно было, что за «культура» и какое «просвещение» насаждались в церковно-приходских школах, этом любимом детище Победоносцева и Саблера.

Остается только прибавить, что страшно росли расходы по государственному кредиту,—т.-е. дань русской реакционной государственности иностранному, по преимуществу ростовщическому, капиталу: в 1912 г. они достигли 452,8 мил. руб., что составило 24,3%, т.-е. почти четверть всего расходного бюджета.

Из всего сказанного видно, что финансовая политика периода реакции всецело соответствовала общей отсталости сельско-хозяйственного, промышленного и банкового капитализма в России: все и здесь шло по рутине, через пень-колоду, в расчете на возможно большее и более продолжительное сохранение старых порядков, без каких-либо технических даже, не говоря уже о социально-политических, новообразований и хотя бы частичных перемен. В этом отношении в высшей степени характерными и показательными надо признать два факта, относящиеся к финансовым планам правительства и к финансовой работе третьей государственной думы. Факты эти следующие:

На рауте у Столыпина, куда приглашена была и большая часть членов думы, министр финансов Коковцев с редким даже и для старого русского бюрократа цинизмом — и притом с цинизмом двойным, потому что он не только отрицал принципиально необходимость реформ, но и говорил с врагом винной монополии и пьяного бюджета октябристским депутатом Челышевым,—заявлял, что все финансовые затрудне-

ния легко преодолеть при помощи все того же волшебного средства — винной монополии: будет внесен законопроект об увеличении цены на водку с 8 р. 40 к. за ведро до 10-ти рублей; так как водки ежегодно выпивается в России 85 миллионовв ведер, то это составит дополнительный доход казны в 136 милл. руб. в год; в 10 лет получится 1 миллиард 360 миллионов рублей лишних, а на оборону в те же годы понадобится как раз 1 миллиард 300 миллионов рублей. Магическая палочка винной минополии производила чудеса, и старая бюрократия могла гарантировать правящим классам сохранение архаической финансовой системы, с тупым упрямством отвергая приемы культурного ведения государственного хозяйства, диктовавшиеся самой жизнью и неизбежные в будущем.

Другой факт ярко характеризует финансовое бессилие третьей думы, сохранившееся и в думе четвертой, и самодержавно-бюрократический произвол правительства в финансовых вопросах. Третья дума трижды отказала правительству в кредитах на судостроение. И все-таки правительство, вопреки думе, взяло на это 29 миллионов рублей.

Теми же старыми замашками и устарелым социальным, классовым смыслом отличалась и политика правительства по другим вопросам, не по одним только финансовым. И в этом отношении дума следовала всецело по стопам правительства. Так, напр., по законопроекту о волостном земстве, принятому думой, активными участниками в выборах в волостное земство признавались все плательщики земских налогов, даже и самые мелкие, даже и женщины, но вместе с тем избиратели были разделены на три курии, из которых каждая выбирала треть волостных гласных: первую курию составляли крупные землевладельцы, обладатели имущества в размере одной десятой земского ценза и выше, вторую — ниже $^1/_{10}$ до $^1/_{20}$, третью—ниже $^1/_{20}$. Мелкие плательщики, таким образом, оказывались бессильными по сравнению с крупными и средними, державшими мелкоту всецело в своих руках. Государственная дума творила волостное земство по образу своему и подобию. Впрочем, сотворить его окончательно ей и на таких условиях не удалось: проект так и не получил законодательной силы, не претворился в жизнь.

Известна история распространения земства на Западный край, где в землевладении преобладало польское дворянство: Столыпин именно по этой причине придал этому земству не только грубо-националистическую, но и бюрократическую, чиновничью окраску. И когда даже третья дума и во главе ее большинства даже октябристы, руководимые Гучковым, готовы были здесь протестовать, — Столыпин провел проект в порядке 87 статьи, искусственно создав междудумье, перерыв сессии законодательных учреждений на три дня. Эта наглядная иллюстрация российской «конституции» заставила даже Гучкова разойтись со Столыпиным и покинуть пост председателя думы.

Но за то та же дума вполне сочувствовала уничтожению финляндской конституции: еще на царскосельском совещании в начале 1906 г. Витте впервые высказал мысль, что необходимо воспользоваться русской конституцией, чтобы свести на нет финляндскую; эта мысль окончательно восторжествовала на совещании 1908 года: за финляндским сеймом остались лишь права земства — издавать обязательные постановления.

Третья государственная дума много занималась вопросом об устройстве местного суда. Но что из этого вышло, — хорошо показал такой умереннейший из умеренных, как Н. Н. Львов: он справедливо говорил, что «при господствующем положении дворянства в земстве, дворянам проектом устройства местного суда даруется новая привилегия — поставлять судей. Эта привилегия несомненно вызовет отпор и раздражение».

Таким образом, если не считать аграрного вопроса, то деятельность правительства в 1907 — 1914 годах проявлялась наиболее сильно в двух сферах — в сфере вооружения, создания огромной военной силы, в особенности сухопутной, и в сфере внешней политики, ставшей агрессивной в особенности на Балканах и в частности в Сербии. Но эта военная и дипломатическая энергия как раз более всего и подготовляла падение строя, потому что приближала войну: перспективы колоссального увеличения русской армии наряду с образованием Антанты — сближением Англии, Франции и России, — делали необходимой и неизбежной «превентивную», предупредительную войну со стороны Германии, а великосербская политика на Балканском полуострове, приведя

к двум балканским войнам 1912 года, — одной войне Сербии, Болгарии и Греции с Турцией и другой — Сербии, Румынии и Греции против Болгарии, — приблизила и ускорила великий мировой конфликт — империалистическую войну 1914 — 18 годов. Поскольку дело касается России, ее завоевательные планы не подлежат сомнению: Босфор и Дарданеллы и Армения рисовались империалистической русской буржуазии, как лакомые куски, распалявшие ее аппетиты; нет сомнения, что министр иностранных дел Сазонов сознательно вел дело к разрыву и войне. Промышленная буржуазия в России тем более радовалась войне, что вожделела уже давно переделать невыгодный для нее торговый договор с Германией, заключенный во время японской войны в 1904 году. Зато старые бюрократы и дворяне государственного совета скорбели и тревожились по поводу войны, а П. Н. Дурново определенно занял позицию, которую нельзя характеризовать иначе, как назвав ее немецкой ориентацией. В записке, поданной им в феврале 1914 г. Николаю II, он определенно мотивировал свою точку зрения: он справедливо указывал на неизбежность войны мжду Англией и Германией, отмечал, что Россия не получила выгод от сближения с Англией, что разгром Германии России невыгоден и экономически и особенно политически, и предвидел революцию в России как неизбежное последствие участия ее в войне.

IV.

Общественное движение.

Переходя к общественному движению, мы не будем долго останавливаться на правых течениях. Такие колоритные в своем роде фигуры, как Марков 2-й и Пуришкевич, слишком хорошо памятны и понятны всякому, чтобы стоило фиксировать на них внимание. Отметим только, что даже консервативные, не грубо-реакционные, элементы в дворянстве, подчас склонявшиеся даже к некоторым уступкам налево, не выдерживали веяния надвигавшегося, как лавина, будущего и говорили явно-реакционным языком. В этом отношении особенно поучителен пример члена государственного совета Корвин-Милевского. В своих брошюрах он заявлял: «единственная дворянская задача — забота о самих себе». «Кастовость? Точно так, господа демократы, кастовость!» «Мы много просим от царского правительства, но и сами можем дать нечто, имеющее цену, а именно помощь сплоченного сословия, крепко еще держащегося за землю, которое, ведя борьбу против революции, боролось бы за собственное существование». Чем принципиально и даже конкретно отличаются эти выступления Корвин-Милевского от следующих слов Маркова 2-го на съезде объединенного дворянства: «Нечего считаться с такими понятиями, как гуманность, справедливость. Поздно заботиться о том, что скажет о нас пресса, общественное и публичное мнение. Дворяне должны раз навсегда признать, что пресса, общественное мнение — их отчаянные враги. Враг силен и война неминуема, а на войне некогда думать о справедли-

вости». Совершенно ясно, что погибавший класс, судорожно цеплявшийся за свои сословные привилегии как за лишнюю скрепу, испытывал настроение отчаяния — лучший признак неизбежной гибели.

Довольна ли была политикой 1907 — 14 годов промышленная буржуазия, видела ли она для себя отрадные перспективы?

И на этот вопрос в общем и целом, по крайней мре, для большей части этого периода, надо дать отрицательный ответ. Ряд фактов и наблюдений, несомненно, в этом убеждает

Московские купцы на обеде, данном ими министру торговли Тимирязеву, говорили: «одних обещаний и слов, как бы красивы и хороши они ни были, мало». С ними «не гармонирует окружающая нас суровая действительность». «Последние события в области международной политики дали достаточно хороший урок, чтобы не медлить долее с осуществлением давно обещанных реформ, без которых нельзя пробудить силы страны и достигнуть ее экономического благосостояния».

В октябре 1910 г. среди предпринимателей раздавались голоса, получившие довольно ясное эхо и в совете съездов представителей промышленности и торговли: составлен был в этом совете от его имени доклад об устоях русской промышленности, при чем основная мысль доклада сводилась к тому, что промышленность не может развиваться при существующей правительственной опеке над ней, что экономический расцвет возможен лишь при поощрении частной инициативы и насаждении профессиональных союзов и сельскохозяйственных кооперативов. Консервативная часть совета съездов была недовольна этими мыслями и достигла поэтому отсрочки созыва очередного съезда на неопределенное время.

Накануне войны, в 1913 году, возник, по инициативе самарского земства, вопрос об устройстве всероссийской промышленной выставки. Но когда министерство торговли и промышленности запросило мнение по этому поводу крупных промышленных организаций, — большинство последних высказалось против выставки, «находя, что русской промышленности в настоящем печальном ее состоянии нечего будет экспонировать. Решительнее других высказался по этому вопросу московский биржевой комитет, который на-

ходил, что для русской промышленности еще не настало время для праздников».

Таким образом, и крупная торговая и промышленная буржуазия была недовольна. Мы уже знаем, почему так было: необходимые для освобождения всех сил, содействующих развитию капитализма и в особенности капитализма культурного, условия не имелись налицо, и отсюда вытекало капиталистическое малокровие и худосочие и медленность темпа промышленного развития сравнительно даже с недавним прошлым конца XIX века.

При всем том, однако, росшие, как грибы, синдикаты предпринимателей задавались далеко не культурно-капиталистическими целями: к 1 января 1910 г. в России существовало уже 150 предпринимательских союзов в 50-ти отраслях промышленности и торговли, но они редко занимались ликвидацией технически-отсталых предприятий и созданием более совершенных, главным же образом, стремились к повышению цен, т.-е. увеличению предпринимательской прибыли: так, цены на железо и железные изделия были повышены на 10—30%, а на самосадочную соль— на 85% [1]).

Мелкая буржуазия — городская и сельская — не находила никакого другого исхода из того настроения отчаяния, какое ее охватило, кроме террора. Для примера городских террористических актов отметим взрыв в кафе «Централь», в Петербурге. План террористического акта возник в среде максималистов-эс-эров, главным образом, в группе примыкавшей к ним молодежи. Но эта террористическая попытка осложнилась и правительственной провокацией: бомбу в кафе принес член Союза русского народа Сатунин, «из патриотизма» служивший в охранке.

Упадок и вырождение городского эс-эровского терроризма особенно явственно выразился в истории провокации Азефа, который, одновременно служа в департаменте полиции и будучи членом Ц. К. партии социалистов-революционеров, за всю свою революционную и полицейскую карьеру, по признанию директора департамента полиции Лопухина, сам принимал участие в 28 террористических актах.

---

[1]) См. статью Кафенгауза в «Русских Ведсмостях» за 1910 г., № 167.

Деревенский стихийно-массовый терроризм был серьезнее и находил себе выражение, главным образом, в поджогах помещичьих имений, а также и зданий, принадлежавших зажиточным крестьянам. В 1907 и 1908 годах в Смоленской губернии количество деревенских пожаров увеличилось на 120%, в Воронежской оно возросло на 70%, в Рязанской на 87% и т. д.

Торговый пролетариат — приказчики — представляет собою тот элемент рабочего класса, который ближе всего соприкасается с городской мелкой буржуазией. Ничего нет характернее думского законодательства о приказчичьем труде. Закон об отдыхе приказчиков был даже ухудшен думой сравнительно с проектом правительства. Проект договора найма торговых служащих, внесенный министерством торговли и промышленности в государственную думу, носил на себе яркий отпечаток защиты предпринимательских интересов. Поэтому, напр., здоровье торговых служащих ограждалось не безусловно, а лишь «насколько это по свойству работы представляется возможным»; допускалось досрочное увольнение приказчика за грубую неосторожность или недобросовестность или за поступки, «вследствие которых служащий сделается недостойным доверия хозяина», что, конечно, открывало хозяину возможность преследовать служащего за участие в профессиональном союзе или за его политические убеждения.

Переходя к истории рабочего движения, необходимо прежде всего обратить внимание на его политический авангард — Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию, судьбы которой мы должны теперь проследить, начиная с Лондонского съезда весной 1907 года.

На съезде было 305 делегатов с решающими голосами, представлявших около 150 тысяч членов партии, причем большевики имели некоторое большинство.

На Лондонском съезде, который, по поручению меньшевистского Ц. К., был открыт вступительной речью Плеханова, присутствовала в качестве делегатки от польской социал-демократии, входившей в состав объединенной российской партии со времени Стокгольмского съезда, как и Бунд и латышская социал-демократия, Роза Люксембург. По поручению Ц. К. германской с.-д. партии она передала российской партии привет и пожелание успеха и произнесла при-

ветственную речь, имевшую большое политическое значение. В речи указывалось, что уроки русской революции не прошли даром для германской социал-демократии и немецкого пролетариата, что лозунг всеобщей забастовки стал под влиянием русской революции принимать в Германии реальное значение.

Вместе с тем Роза Люксембург отметила, что в Германии буржуазный либерализм окончательно себя дискредитировал, оказавшись простым прикрытием реакции, и что союз с буржуазными либералами для пролетариата является невозможным и нецелесообразным. В связи с этим Люксембург напомнила, что и в революцию 1848 г. в Германии Маркс поддерживал буржуазию «хлыстом и пинками», а вовсе не блоком с нею, и что он тогда поставил задачу самостоятельной классовой политики пролетариата в буржуазно-демократической революции,—задачу, практическое решение которой стоит перед российским рабочим классом.

Несомненно, это выступление было важной поддержкой той революционной тактической линии, которую проводили все время большевики.

Тактические разногласия, между двумя течениями в партии нашли себе яркое выражение прежде всего при обсуждении отчета Центрального Комитета.

После того, как этот отчет был заслушан, с критикой действий меньшевистского Ц. К. выступил Ленин, который в своей речи указал, что Ц. К. звал народ не к борьбе за власть, а к борьбе за сделку либералов с властью; даже тогда, когда Ц. К. действовал революционно, — напр., когда он высказался за июльскую забастовку после разгона первой думы, — он урезывал лозунги, провозглашая борьбу за думу как орган власти до созыва учредительного собрания; выборы во вторую думу показали фиктивность черносотенной опасности, и политика блоков с кадетами, поддерживавшаяся Ц. К-том именно во избежание этой опасности, оказалась политикой зависимости пролетариата от либеральной буржуазии.

Речь Ленина была потом дополнена сообщением Богданова о роли большевистского меньшинства в Ц. К. и блестящим полемическим выступлением Гольденберга-Мешковского против Плеханова. Большевиками была внесена и соответствующая резолюция с выражением недоверия Ц. К-ту,

с указанием, что он «не выражал воли большинства партии».

Меньшевики, само-собой разумется, желали полного одобрения работы Ц. К. Тогда выступил Бунд, предложивший резолюцию, характерную для съезда с его колеблющимся, недостаточно-определенным большинством: «съезд, выслушав отчет Ц. К-та, переходит через все резолюции к очередным делам». Резолюция эта была принята съездом.

Затем заслушан был отчет думской с.-д. фракции, вызвавший также чрезвычайно напряженную фракционную борьбу. Ленин указывал, согласно выработанному проекту большевистской резолюции, на политические шатания фракции, выразившиеся в хождении на совещания с определенно контр-революционной и антипролетарской, погромной в отношении к рабочим, партией польских народовцев, в голосовании за кадетского кандидата в председатели думы, в попытках выбросить конфискацию земли и т. д. Представители фракции Церетели, Джапаридзе и др. грозили отставкой в случае принятия большевистской резолюции. На этот раз провели компромиссную резолюцию польские социал-демократы, предложившие признать, что фракция «в общем и целом стояла на страже интересов пролетариата», хотя ораторы польской с.-д., главным из которых по этому вопросу был Иогихес-Тышко, по существу присоединялись к точке зрения большевиков. Однако, директивы думской фракции в ее будущей деятельности были приняты те, которые предлагались в большевистской резолюции: во-первых, указаны были непосредственные задачи социал-демократии в думе: разрушение конституционных иллюзий и «выяснение неизбежности открытой борьбы народных масс с вооруженной силой абсолютизма» за учредительное собрание; во-вторых, в соответствии с этим, выдвинута была на первый план не законодательная работа в думе, а пропагандистская, агитационная работа в связи с внедумской борьбой пролетариата, в частности в особенности с экономической его борьбой; в-третьих, запрещалось принижение лозунгов, в частности провозглашение лозунга ответственного перед думой министерства.

Множество поправок вносилось меньшевиками и по резолюции об отношении к буржуазным партиям, в которой каждое слово большевикам приходилось отстаивать с бою.

Однако, все же большевикам удалось отстоять и эту резолюцию, блестяще и основательно мотивированную Лениным соображениями против меньшевистского представления буржуазной революции в России, за диктатуру пролетариата и крестьянства и за гегемонию пролетариата в демократической революции. В принятой резолюции был дан классовый анализ всех русских партий, характеризована в зависимости от этого их тактика и отношение к ним социал-демократии.

Лондонским съездом окончательно разрешен был далее вопрос о рабочем съезде и широких рабочих организациях, главными поборниками за которые были среди меньшевиков Аксельрод и Ларин. Здесь большевики одержали решительную победу тем более, что не только национальные с.-д. организации, примкнувшие со времени Стокгольмского съезда к Р. С.-Д. Р. П., но и некоторые из меньшевиков были против позиции, занятой Аксельродом и Лариным. Принятая резолюция гласила, что с.-д. партия — единственная политическая организация пролетариата, а профессиональные союзы и кооперация — его главные экономические организации; во время революционного подъема для развития социал-демократии используются беспартийные советы; так как идея рабочего съезда представляет собою попытку замены социал-демократии беспартийными организациями и ведет к дезорганизации партии, то съезд, признавая необходимость расширения партии и участия социал-демократов в беспартийных организациях и съездах, объявляет вредной агитацию за рабочий съезд и запрещает партийные выступления за него.

Наконец, съездом — его большинством, при протесте одних только меньшевиков, — была принята важная резолюция о профессиональных союзах, покончившая с нейтрализмом в профессиональном движении и подготовившая резолюцию Штутгартского конгресса 2-го Интернационала 1907 года. Резолюция Лондонского съезда была такова: «подтверждая резолюцию объединительного съезда о работе в профессиональных союзах, съезд напоминает партийным организициям и социал-демократам, работающим в профессиональных союзах, об одной из основных задач с.-д. работ в них — содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установле-

нию организационной связи с ней и необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь» [1]).

В общем и целом все-таки идейный перевес на съезде принадлежал, несомненно, большевизму. Организационно это выразилось в некотором, правда, небольшом, численном преобладании большевиков и в избранном на съезде Ц. К.

В самом же начале своей работы Ц. К. встретился с фактом разгона второй думы. После крушения революции он направил свое внимание на вопрос об отношении к третьей думе. Вопрос этот был решен на специальной партийной конференции в Финляндии.

Среди большевиков обнаружились по отношению к третьей думе разногласия. Большинство большевистских организаций высказывалось за бойкот выборов, но в петербургской организации несколько более половины стояли за участие в выборах, за что высказался и Ленин, находивший справедливо, что во время реакции нельзя пренебрегать и думской трибуной как агитационным, пропагандистским и организационным средством. В этом смысле и принято было решение на конференции.

Наступавшая реакция вызывала необходимость обратить особое внимание на работу в профессиональных союзах и в кооперации. Избранный на Лондонском съезде Центральный Комитет посвятил этому вопросу много внимания в 1907 году и выработал по инициативе большевиков две резолюции, объединившие вокруг себя всех членов Ц. К.; даже меньшевики не решились голосовать против них, а воздерживались от голосования, а за одну из них даже голосовал и один член Ц. К. — меньшевик.

Впрочем, за границей меньшевистский центр был недоволен таким оборотом дел и отозвал из Ц. К. членов-меньшевиков, не заменив их новыми. Этим меньшевики еще раз доказали, что они не могут и не хотят быть в меньшинстве в партии и, оказавшись в таком положении, ориентируются на раскол.

---

[1]) О Лонд. съезде см. Протоколы Лондонск. съезда; Ленин (Ульянов), Собр. соч., т. VIII, стр. 383 и след.; Мартов, Истр. росс. с.-д-ии, стр. 200—204; «Прол. Револ.» за 1922 г., № 5, стр. 124 и след., стр. 30 и след.: Итоги Лондонского съезда.

1908 и 1909 годы были годами наибольшего напряжения реакции. В связи с этим находится в рабочем движении и в частности в социал-демократии возникновение и развитие так называемого «ликвидаторства».

Ликвидаторство, если брать его во всей широте, — пестрое и сложное явление. Были ликвидаторы, которые и не думали о ликвидации нелегальной партии, а только настаивали на борьбе за легальность и на усиленной работе в легальных, открытых организациях и в легальной печати. Но были и такие, которые готовы были ликвидировать партию и всецело отдаться одной легальной работе. Влияла, здесь, несомненно, и интеллигентская психология в условиях, созданных поражением революции, но влияло также и нежелание многих рабочих непосредственно примыкать к революционным лозунгам, которые временно теряли действенное значение: нежелание оторваться от рабочей массы заставляло итти по преимуществу в легальную работу.

Большевистский заграничный центр во главе с Лениным вел горячую борьбу против всех видов ликвидаторства. Ленин идейно снова сблизился на время с Плехановым, который порвал с меньшевиками-ликвидаторами. В декабре 1908 г. созвана была партийная конференция, которая констатировала, что «объективные задачи буржуазно-демократической революции остаются нерешенными», и настаивала на необходимости укрепления партии, учета опыта минувшей революции, революционной работы в массах, борьбы с ликвидаторством, использования всех полулегальных и легальных возможностей.

В 1909 г. среди большевиков появились крайние течения — «отзовизм» и «культиматизм»: отзовисты, исходя из колебаний и невыдержанности с.-д. фракции 3-й думы, требовали отзыва фракции, бойкота думы; ультиматисты требовали предъявления фракции от имени партии ультиматума в смысле необходимости подчинения партийным директивам, а в случае отказа фракции принять ультиматум, отзыва ее, т.-е. опять-таки того же бойкота. Расширенная редакция большевистского «Пролетария» летом 1909 г. осудила отзовизм и ультиматизм.

В январе 1910 г. созван был заграницей пленум Ц. К., где присутствовали представители всех отдельных течений, имевшихся в социал-демократии, и сделана была попытка

установить партийное единство путем выбора нового Ц. К., издания нового центрального органа «Социал-Демократ» с приложением особого «Дискуссинного Листка», где отдельные течения могли бы выявлять себя, и использования всех легальных учреждений, как опорных пунктов с.-д. работы. Но новый Ц. К. был в декабре 1910 г. арестован в Москве, и все дальнейшие попытки восстановить Ц. К. терпели неудачу. Меньшевики сорвали соглашение, и восстановить единство оказалось невозможным [1]).

С 1911 г., с наступлением некоторого промышленного подъема, началось заметное оживление рабочего движения. Большое значение здесь имело появление легальной рабочей печати, в особенности большевистской. В декабре 1910 г. с.-д. фракции 3-й думы стала издавать еженедельную газету «Звезда». В апреле 1912 г. появился № 1 ежедневной рабочей газеты «Правда». Потом и меньшевики стали издавать «Луч». Эти легальные печатные рабочие органы просуществовали под разными названиями до 1914 г., до империалистической войны. Большевистская рабочая пресса существовала по преимуществу на пожертвования и подписку самих рабочих.

Чрезвычайно важную роль в оживлении рабочего движения в России в эпоху реакции после революции 1905 — 7 годов сыграл Ленский расстрел.

Уже в 1910 и 1911 годах стачечное движение во всей России начало заметно расти: в 1910 г. экономических стачек было 222, а число стачечников превысило 46.600; в 1911 г. число стачек возросло до 422, а количество их участников до 98.000. Ленский расстрел дал толчек дальнейшему огромному развитию массового рабочего движения.

Ленское золотопромышленное товарищество владело сорока приисками на севере Иркутской губернии, по реке Лене. Центром золотых промыслов здесь был город Бодайбо. Золотые прииски были монополизированы английской, главным образом, компанией. Монополист этот понижал заработную плату, увеличивал штрафы с рабочих, вздувал цены на съестные припасы и все товары, которые в тайге, где находились прииска, можно было покупать только в лав-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XI; Лепешинский—в «Прол Револ.» за 1922 г., № 6.

ках той же компании; заработок выдавали рабочим не деньгами, а талонами на приисковые лавки; рабочие казармы содержались отвратительно; оборудование шахт было опасно для здоровья и жизни рабочих. Одним словом, здесь велась та грубо-хищническая эксплуатация наемного труда, которая обычна во всех колониальных капиталистических предприятиях.

Для улучшения этих каторжных условий труда, о которых писалось и в местной прессе за месяц до событий, разыгравшихся на приисках [1]), рабочие устроили стачку, для руководства которой был выбран особый комитет. Рабочие требовали при этом восьмичасового рабочего дня вместо десятичасового, увеличения платы на 30%, отмены штрафов, уничтожения расплаты талонами, признания выбранной рабочими комиссии, которая должна была следить за правильностью замера забоев и выработки породы, и без согласия которой невозможно было бы увольнение рабочих, и т д. Требовалось и увольнение 27 лиц из администрации приисков.

Администрация в главных требованиях рабочим наотрез отказала, вызвала войска из уездного города Киренска, и стачечный комитет был арестован, а из Иркутска были присланы товарищ прокурора окружного суда и жандармский ротмистр Трещенко. 6 апреля рабочие пошли с заявлением товарищу прокурора на Надеждинский прииск; в заявлении они просили об освобождении арестованных. Неожиданно они были расстреляны войсками, по инициативе Трещенко, при чем убитых, не считая раненых, оказалось 270 человек С.-д. фракция внесла в думу запрос о ленских событиях и получила ответ от министра внутренних дел Макарова: «так было, так будет» [2]).

15 апреля в Петербурге произошла огромная забастовка простета против Ленского расстрела, при чем бастовало до

---

[1]) В газете «Иркутское Слово», издававшейся в Иркутске группой ссыльных социал-демократов.

[2]) Позднее, в 4-й думе, рассматривался Ленский расстрел, при чем мною в с.-д. фракцию были доставлены все официальные секретные документы по этому делу. О порядках на ленских приисках и о ленских событиях вообще см. Тюшевский, К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках. Птб., 1921; Лелевич, Ленский расстрел: «Прол. Революц.» за 1922 г., № 5, стр. 12 и след.

100 тысяч рабочих. 23 апреля забастовка перекинулась в Москву.

После Ленского расстрела и экономические и политические забастовки в России стали увеличиваться чрезвычайно быстро и сильно: с 1 мая 1912 г. по 1 мая 1913 в политических стачках принимали участие 1.290.000 рабочих. В мае 1912 г. в экономических стачках участвовало 64.000 человек, а в политических 348.000, а в мае 1914 г. в экономических забастовках принимали участие 300 тысяч рабочих, а в политических 548 тысяч. Всего в мае 1912 г. бастовало 364 тысячи человек, а в мае 1914 г. 647 тысяч, т.-е. почти вдвое больше.

Массовое рабочее политическое и экономическое движение было налицо, когда началась империалистическая война в 1914 году.

Что в это время делалось в партии рабочего класса?

Раскол в ней стал окончательно фактом и сопровождался также расколом маленькой с.-д. фракции в четвертой думе: 5 большевиков во главе с Петровским составили особую рабочую фракцию отдельно от шести меньшевиков во главе с Чхеидзе. Обе главные фракции Р. С.-Д. Р. П. — большевики и меньшевики — накануне войны превратились в две особые партии, не связанные одна с другой.

В начале войны, как известно, большевики лишились своего думского представительства: их депутаты были арестованы вместе с приехавшим из-за границы Л. Б. Каменевым, выданы думой, судимы и сосланы в Сибирь на поселение, где и оставались до революции 1917 года.

Таким образом эпоха реакции готовила грядущие бури в России и будущие партийные группировки среди социал-демократии.

V.

Общая характеристика реакции 1907—1914 годов.

Реакция была обычным явлением после каждой буржуазно-демократической революции в любой стране и везде она заключалась не только в попытках вернуться назад или сохранить побольше остатков старины, но и в приспособлении всего жизненного в старых общественных классах к новым условиям, созданным революцией, т.-е. в некотором новом созидательном общественном творчестве. Но, как буржуазно-демократическая революция в России имела свой особый облик, так своеобразную во многих отношениях физиономию имела и русская реакция, последовавшая за революцией 1905—1907 годов. Общая характеристика реакции 1907—1914 годов и должна заключать в себе изображение этого своеобразия.

Первая черта послереволюционной реакции в западноевропейских странах заключалась в том, что она считалась там с той степенью решения аграрного вопроса, какая возможна в буржуазно-демократическом обществе. В Англии этот вопрос был решен в смысле полного обезземеления крестьянства, совершенной его пролетаризации, в Соединенных Штатах путем создания массы зажиточного крестьянства с приблизительным равенством земельных владений, во Франции посредством образования огромной, значительно-дифференцированной экономически крестьянской массы при сохранении наряду с этим и крупного и среднего предпринимательского хозяйства, в Пруссии, наконец, созда-

но было богатое, зажиточное, «крепкое» крестьянство, а остальная масса была обезземелена, пролетаризована, так что получился результат промежуточный между Англией и Францией.

В России ни реформа 1861 года ни революция 1905—1907 годов не решили аграрного вопроса даже в том относительном смысле, в каком его решение возможно в буржуазно-капиталистическом обществе: реформа дала сохранение наполовину крепостнического хозяйства, революция только обострила аграрный вопрос, но не разрешила его. Поэтому первой реальной задачей реакции явилось решение аграрного вопроса в смысле приспособления к буржуазно-капиталистическим условиям. Оставшиеся у власти и после революции классы в соответствии со своими интересами усвоили себе именно прусское решение вопроса. Однако, реакция в России не имела достаточно времени, чтобы осуществить свои аграрные планы: сам Столыпин считал реально-осуществимыми результаты своей реформы и исключающими возможность революции лишь по истечении двадцати лет, а реакция длилась только с 1907 по 1914 год, самое большее по 1917 год, т.-е. лет семь или десять. Решение аграрного вопроса, избранное правящими классами, следовательно, ни в каком случае не могло дать желательные для них результаты, создать возможность дальнейшей мирной, безбурной эволюции, длительного процесса развития, на деле крайне-болезненного для широких трудящихся масс, более болезненного для них, сопровождающегося бо̀льшими жертвами, чем бурный переворот.

Во всех европейских странах и в Америке результатом буржуазной революции был сильнейший—в одних более сильный, в других менее сильный — подъем промышленности, крупной индустрии. Но русская революция меньше, чем какая-либо другая революция того же буржуазно-демократического типа, освободила производительные капиталистические силы: ее поражение, поэтому, повело к замедленному темпу развития промышленного капитализма при всех успехах концентрации производства. В то же время финансовый, банковый капитал, подчиняясь и собственной концентрации и в значительной степени монополии иностранного ростовщического капитала, носил на себе печать спекуляции, а не настоящего культурно-капиталистического

руководства промышленностью: мировой ростовщический капитал вел в России колониальную экономическую политику.

Основным проявлением такого отсталого сочетания экономических сил страны в эпоху русской реакции явилось осутствие гражданского равноправия, сохранение сословности, юридического неравенства отдельных групп населения, а между тем уничтожение сословий, полное равенство всех перед законом — необходимая предпосылка развития капиталистического общества, и потому она удержана и развита была в эпоху западно-европейских после-революционных реакций.

Со всем, что отличало русскую реакцию в экономическом и социальном отношениях, гармонировала политика правительства: в ней преобладало не новое творчество по пути создания основ культурного капитализма, а беспомощное топтание на месте, штопанье дыр, постановка заплат, преследование всего, что сколько-нибудь отражало потребности культурного капитализма. Внешняя политика и вооруженная сила составляли главную заботу правительства, здесь, в этих сферах, кроме аграрного вопроса, наиболее проявлялась его активность, и эти-то активнейшие проявления его деятельности и приводили к войне, которая своей продолжительностью и тяжестью окончательно вызвала революцию, сокрушила всякие надежды на мирную эволюцию. Правящие классы, таким образом, своей внешней политикой и милитаризмом подрубали тот самый сук, на котором сидели.

В результате вышло всеобщее недовольство, обострение классовой борьбы, в особенности рост рабочего движения, в котором наметились ясно грядущие основные течения.

Войну русская буржуазия встретила с надеждами и подъемом: здесь инстинктивно сказалась тенденция сделать русский капитализм культурным, европейским посредством войны, а не путем революции, как это именно и случилось в бисмарковской Германии после войн 1866 и 1870 — 71 годов. Но в России так не случилось: правы были не буржуа, чаявшие от войны благ для себя, а дворяне-реакционеры, с болью в сердце на нее шедшие и предвидевшие в результате ее неизбежную революцию. Это предвидение свойственно было и крайним левым в российской социал-демо-

кратии, которые, разумеется, не с болью в сердце, а с чаянием блестящих революционных и социалистических перспектив смотрели в будущее.

Нам предстоит теперь проследить подготовку великих мировых событий последнего времени прежде всего в области тех перемен, которые пережил в XX веке мировой капитализм.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ.

Финансовый капитализм и мировая война.

I.

Происхождение финансового капитализма.

Изучая историю производственного капитализма в Западной Европе [1]), мы видели, как росла в передовых капиталистических странах техника промышленного производства, и как в тесной связи с этим увеличивалась производительность труда, и накоплялись огромные реальные ценности. Несколько цифр характеризуют лучше всего этот рост капиталистического накопления.

В 1891 г. обороты мировой торговли простирались до 30-ти милиардов рублей; десять лет спустя они увеличились до 74-х миллиардов, т.-е. на 147%. По подсчету Международного статистического института, общая мировая ценность одних только процентных бумаг (государственных займов и акций торгово-промышленных предприятий) составляла в 1910 г. 225 миллиардов рублей. Успехи техники наглядно характеризуются тем, что машины, занятые в мировом производстве, имели количество сил, почти вдесятеро превосходящее силы населения земного шара.

На всем земном шаре в 1913 году добыто было 80 миллиардов 280 миллионов пудов каменного угля, и выплавлено

[1]) См. «Русск. ист. в ср.-ист. осв.», т. IX.

было 4 миллиарда 757 миллионов пудов чугуна [1]); еще в 1910 году число бумагопрядильных веретен, работавших во всем мире, доходило почти до 133½ миллионов [2]).

Сказаного достаточно, чтобы понять, что знаменитый некогда спор ревизионистов с марксистами о степени *объективной* подготовленности коллективного ведения хозяйства решен был жизнью в пользу марксистов: современное общество, несомненно, достаточно богато и обладает достаточно развитой техникой, чтобы удовлетворить требованию: «от каждого по его силам, каждому по его потребностям».

Огромное производство и высоко развитая техника являлись таким образом первыми двумя объективными предпосылками социализма в капиталистическом обществе начала XX века. К ним присоединялась еще третья предпосылка огромная концентрация производства.

Эта концентрация совершалась прежде всего старыми, прежними способами, — путем образования огромных акционерных обществ и могущественных союзов предпринимателей, охватывавших бо́льшую часть предприятий в отдельных отраслях индустрии. Достаточно в этом отношении указать, что, напр., в Германии в 1885 г. было всего 90 союзов предпринимателей, в 1900 году уже 350, в 1902 г. 385. С 1910 г. по 1912 число предпринимателей, входивших в союзы, выросло почти на 11%, достигнув 127½ тысяч человек, а число занятых в их предприятиях рабочих превысило 4 миллиона, увеличившись за те же два года на 3%.

Уже эти союзы и акционерные предприятия создавали промышленную олигархию, руководившую индустрией передовых капиталистических стран. Во главе всякой акционерной компании, как известно, стоит группа основателей, фактически руководящая всем делом. Она тем влиятельнее, могущественнее и самостоятельнее, чем больше в данной компании мелких акционеров. Против данной олигархической группы и ее господства существует в акционерных компаниях только одно средство — создание другой группы, которая сменила бы старую, т.-е. образование новой олигар-

---

[1]) Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности, Петр., 1915, стр. 276, 225.

[2]) Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 г.г., Спб., 1911, стр. 11.

хии. Ничего демократического в акционерных компаниях нет и в помине [1]).

Но в XX веке старых средств и приемов концентрации оказалось уже недостаточно: необходимы были новые, более объединяющие капиталистов, способные создать монополию не только в национальном, но и в мировом масштабе. Понятно, почему желательна была для капиталистов такая монополия: во-первых, тут, при господстве над рынком, открывалась возможность произвольного повышения цен, т.-е. огромного роста прибылей, во-вторых то же господство над рынком при монополии внушало надежду на возможность предотвращения или по крайней мере ослабления кризисов, ведения и развития планомерного хозяйства при сохранении капиталистической системы. Из этого стремления к дальнейшей концентрации, к монополии, и вышел в XX веке так называемый «бумажный» [2]) или «финансовый капитализм» [3]).

В свое время [4]) мы проследили развитие банков и биржи — кредитных учреждений—в странах производственного капитализма. В XIX веке, даже в конце его, финансовый капитал финансировал, кредитовал промышленность, но еще не руководил ею. И в нем, как и в других отраслях капитализма, совершился, как мы видели, процесс концентрации. Наконец, мы наблюдали в ней то время — особенно в Англии, в меньшей степени во Франции и еще в меньшей в Германии — развитие солидных банковых операций за счет грубой и элементарной биржевой спекуляции.

Но уже кредитование, финансирование промышленных предприятий постепенно и неизбежно втягивало финансистов, банковых дельцов в управление индустрией. Правда, раньше, на заре развития акционерного дела, акционерные компании отличались друг от друга своим характером в зависимости от того, кто являлся их основателем, — индустриалы или финансисты. Если основателями были индустриалы, то они преследовали цель приобщения чужих капиталов к своим и

---

[1]) Steinitzer, Oekonomische Theorie der Aktiengesellschaft, Leipz., 1908. стр. 63—65, 190.

[2]) Liefmann, Beteiligungs und Finanzierungsgesellschaften, 2-te Aufl., 1913.

[3]) Гильфердинг, Финансовый капитал.

[4]) См. IX том «Русск. ист. в ср.-истр. осв.»

были заинтересованы в прочности основываемого предприятия. Финансисты имели в виду сначала только выгодно продать акции, не интересуясь делом и преследуя, таким образом, чисто спекулятивные цели. Но скоро оказалось, что фактически отделить себя от основываемого предприятия и финансисты не могут: основание предприятия, эмиссия, выпуск акций — длительный процесс, и часто на руках у основателей акционерной компании оказывается на продолжительное время много акций. Это делает и финансиста в известной мере индустриалом, заставляет его интересоваться производством и сбытом промышленных изделий; притом он сразу же оказывается индустриалом особого, высшего типа: будучи связан с банком, он имеет в виду не только данное предприятие, но и целую систему экономических отношений, которые банки должны неизбежно принимать во внимание [1]).

Таков один, самый первоначальный, корень происхождения финансового капитализма. К нему присоединяются затем другие.

Кредитование уже существующих предприятий также способствует, употребляя термин Бухарина, «сращиванию» финансового капитала с промышленным. Банки, финансируя существующие предприятия, дают им средства на постоянный, а не на переменный капитал, т.-е. на приобретение и улучшение средств производства, — машин, материалов, вообще оборудования предприятия, — а не на заработную плату. Но постоянный капитал оборачивается медленно, почему и банковый кредит промышленным предприятиям должен быть долгосрочным, а долгосрочность кредита увеличивает заинтересованность банков в предприятиях и их влияние на предприятия [2]).

Дальнейшим шагом в направлении увеличения влияния банков на индустрию является особое положение финансового капитала сравнительно с промышленным в передовых капиталистических странах. «Так как при развитых капиталистических отношениях уровень процента изменяется слабо, а норма прибыли, наоборот, падает, то доля процента

---

[1]) Steinitzer, Oekonomische Theorie der Aktiengesellschaft, стр. 84—95.

[2]) Гильфердинг. Финансовый капитал. Перевод Степанова, М., 1912, стр. 115—116.

в общей прибыли до известной степени возрастает в сравнении с предпринимательской прибылью». Это тоже является одной из причин возрастающего могущества банков и превращения капиталов промышленных предприятий в финансовый капитал [1]).

Затем развивается комиссионная продажа фабрикатов банками: этим путем банк овладевает сбытом, и его отношения к промышленности становятся еще более тесными, он расширяет сферу своего господства над торговлей и промышленностью [2]).

Все более связываясь с промышленностью, финансовый капитал приобретает указанными сейчас способами вследствие отмеченных причин власть над всем национальным капиталом данной страны. Он вводит своих представителей в правления акционерных обществ, скупая большую часть их акций [3]). Но капитализм интернационален, он стремится захватить внешние рынки и не только рынки сбыта, но еще более источники сырья и рынки капиталов в отсталых странах и колониях [4]). Источниками сырья в колониях и отсталых странах дорожат тем более, что предвидится в будущем не недостаток средств продовольствия, а скорее всего острая и все более обостряющаяся нужда в сырье [5]). Необходимость обладения капиталами и их приложения в отсталых странах и колониях вытекает из потребности передовых капиталистических стран не терять своих капиталов и прибыли от них путем эмиграции капиталов в отсталые страны, т.-е. переселения в них капиталистов с их капиталами для основания промышленных предприятий. Банки здесь приходят на помощь тем, что эмиграцию капитала заменяют его экспортом или «вывозом стоимости, предназначенной производить заграницей прибавочную стоимость», но с оставлением прибавочной стоимости в стране, вывозящей стоимость. Банки через свои заграничные отделения основывают сами промышленные предприятия, выпускают в вывозящей капитал стране их акции и путем продажи их вывозят капитал, но прибыль от него, прибавочная стоимость достается капитали-

---

1) Там же, стр. 133.
2) Там же, стр. 233, 245.
3) Там же, стр. 162 и след.
4) Ленин, Империализм, стр. 84.
5) Там же, стр. 85.

стам вывозящей капитал страны [1]). Как велик рост именно банковых эмиссий, видно из того, что тогда как бумаги государственных, городских и местных займов железнодорожных и промышленных предприятий по ценности своей за трехлетие 1910 — 12 г.г. сравнительно с 1907 — 9 годами остались на одном уровне, банковские эмиссии за то же время, по вычислению Неймарка, увеличились на 80%. Капиталисты, очевидно, даже капиталами своими, не только предприятиями, не хотят распоряжаться сами, а отдают их в полное распоряжение банков, которые уже сами определяют их назначение.

С этим вывозом финансового капитала и его господством в отсталых странах связана колониальная политика или империализм с сопровождающей их пролетаризацией масс населения в этих странах. Насколько значителен вывоз капиталов, видно из следующих цифр: Англия вложила в заграничные предприятия к 1914 году 100 миллиардов франков, Франция 60 миллиардов, Германия 44 миллиарда, при чем Англия помещала свои капиталы главным образом в своих собственных колониях, Франция по преимуществу в отсталых странах Европы, Германия вывозила капитал равномерно в Европу и внеевропейские страны [2]).

Как осуществляется финансовым капиталом монополия, составляющая главную, основную его конечную цель?

Способов этого осуществления много: чтобы лишить возможности самостоятельного существования отдельные промышленные предприятия, банки лишают их сырья, отнимают рабочих, заключая договоры с профессиональными союзами о работе только в картелированных предприятиях, лишают транспортных средств, возможностей сбыта продуктов, сбивают цены, лишают кредита, проводят бойкот предприятий [3]).

В результате господства финансового капитала мировое хозяйство идет крупными шагами к монополии и внутри капиталистических стран и вне их, в странах отсталых. Колонии достигают колоссальных размеров: площадь их составляла в начале XX века более 90% территории всей Африки, 99% Полинезии, 56½% Азии, 100% Австралии и 27% Америки. Весь мир был уже поделен, возможен был только передел.

---

[1]) Гильфердинг, Фин. капитал, стр. 474.
[2]) Ленин, Империализм, стр. 64, 65.
[3]) Там же, стр. 21—22.

Англия в 1899 г. владела 9,3 миллионами квадратных миль с населением в 309 миллионов человек, Франция 3,7 миллионами квадр. миль с 56½ милл. населения, Германия 1 миллионом кв. миль с 14¾ милл. населения [1]).

Оставляя до следующего отдела рассмотрение социальных и политических последствий финансового капитализма, мы познакомимся теперь с тем, как финансовый капитализм отразился на самом устройстве банков и биржи, и какие типы и степени развития наблюдаются в этом отношении в отдельных странах.

---

[1]) Там же, стр. 75—76.

II.

Новейшая банковая система в Европе.

Первым крупным явлением в новейшей банковой системе Западной Европы следует признать усиленную концентрацию банков. Нам уже известно, что в Англии в конце XIX в. совершался процесс концентрации, и что он по мере приближения к концу века ускорялся и усиливался. Уже в 90-х годах XIX века концентрация совершалась в связи с развитием филиальных отделений больших банков. В XX веке банковая концентрация в Англии шла уже медленнее, так как уже ранее она зашла очень далеко. В 1877—86 годах было 42 амальгамирования (объединения) банков в Англии, в 1887—96 годах 117, в 1897—1906 85, в 1907—1909 уже только 16. В результате концентрации число английских депозитных акционерных банков в 1909 году уменьшилось до 39-ти, из которых 10 были крупные банки, имевшие не менее 200 филиалов и 20 миллионов фунтов стерлингов чужих денег, 10 — средних, у которых было не менее ста филиалов и 10 милл. ф. стерл. чужих денег, и 19 малых банков. Эти цифры сами по себе достаточно показательны. Еще характернее в качестве свидетельства о концентрации банков в Англии тот факт, что ответственность за 80% обращающегося через банки капитала лежит на плечах всего нескольких человек из лондонского Сити. Олигархия и монополия выступают таким образом в ярких красках [1]).

В Германии банковая концентрация усилилась с началом XX века. В результате ее в Германии оказалось только

[1]) Edgar Jaffé, Das englische Bankwesen, Leipz., 1910, 2-te Aufl., стр. 277—282.

шесть больших банков—Немецкий, Дрезденский, Disconto-Gesellschaft, Торгово-Промышленный, Шафгаузенский, Берлинский Торговый; каждый из первых трех имел акционерный капитал в 200 миллионов марок, четвертый в 160 миллионов, пятый в 145, шестой в 110 миллионов марок. Способы концентрации были весьма разнообразны: увеличивались капиталы крупных банков, происходило прямое слияние банков мелких с крупными, приобретались акции, основывались филиалы, агентуры, депозитные кассы [1]).

Наконец, и во Франции концентрация банков достигла широкого развития; перед войной было только пять крупных банков, которые фактически держали в своих руках всю французскую систему финансового капитала [2]).

Банковая концентрация находилась в теснейшей связи с переменами в самой технике банкового дела, с изменением относительного значения различных банковых операций. С развитием финансового капитализма выступают на первый план контокоррентные операции [3]), т.-е. операции, вытекающие из соглашения двух лиц или различных предприятий о взаимном кредите по сделкам, заключаемым друг с другом в течение определенного времени; тут то клиент является должником банка, то наоборот, так что контокоррентные операции банка могут быть и активными (когда банк кредитует) и пассивными (когда он кредитуется); выгода для клиента здесь заключается в возможности займа в банке без векселя и притом на короткий и вообще любой срок; банк же благодаря контокорренту имеет постоянный круг клиентов и может свободно распоряжаться большими денежными суммами [4]). Активная контокоррентная операция — прямой путь к увеличению могущества банков и их прибылей; ею создается длительное влияние банков на промышленность путем обладания акциями промышленных предприятий и уча-

---

[1]) Riesser, Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration im Zusammenhang mit der Entwicklung der Gesamtwirtschaft, in Deutschland, 4—te Aufl., Jena, 1912, стр. 75, 519, 527.

[2]) Eugen Kaufmann, Das französische Bankwesen, Tüb. 1911, стр. 323 и сл.

[3]) Гильфердинг, Фин. капитал, стр. 119—120.

[4]) Идельсон, Кредитн. банки и биржа, Спб., 1912, стр. 128—130.

стия в наблюдательных комитетах, получается и сближение банков с картелями и синдикатами предпринимателей, устанавливается прочная связь между банками и индустриальными группами [1]). И как раз для успешности контокоррентных операций необходимой оказывается концентрация банков [2]), образование крупных банков, финансовая монополия или по крайней мере олигархия.

Но не только развитие контокоррентных операций связано с концентрацией банков и вообще с торжеством финансового капитализма, — со всем этим находится в связи постепенное сокращение грубо-спекулятивных банковых операций и относительный и абсолютный рост тех отраслей банковой деятельности, которые дают банкам возможность руководить промышленностью, кредитовать и направлять действительно солидные индустриальные предприятия, а не спекулятивные однодневки, при финансировании которых главная задача — тоже спекуляция, быстрый сбыт ненадежных акций публике по вздутым ценам и легкая нажива финансистов при разорении публики от краха дутых предприятий. Но для того, чтобы проследить этот в высшей степени интересный и важный процесс изменений в банковой технике, происходящий вследствие торжества финансового капитализма, необходимо уяснить себе особенности банковой системы отдельных стран, так как финансово-технические перемены были не одинаковы в разных странах.

Начнем с Англии.

Главная отличительная черта английского банкового строя — это разделение труда, специализация отдельных отраслей дела, распределенных между банками разных категорий. Англия знает: 1) эмиссионные банки, имеющие право выпускать банкноты, кредитные билеты, 2) депозитные банки, получающие огромные вклады, имеющие небольшие сравнительно собственные капиталы и производящие солидные и верные кредитные и вообще финансовые операции, 3) особые банки для финансирования промышленных предприятий (Trust Companies), 4) колониальные банки (Merchant Bankers, Foreign Banks), имеющие большие собственные капиталы и ведущие рискованные и слож-

---

[1]) Riesser, Die deutschen Grossbanken, стр. 221—222.
[2]) Там же, стр. 230.

ные операции в области внешней торговли и колониальной промышленности [1]).

Это разделение труда между различными категориями банков в Англии имеет весьма большое значение для развития финансового капитализма. При специализации банкового дела грубый обман публики, беззастенчивая спекуляция доводятся в Англии до возможного при капитализме минимума: кто желает спекулировать, рисковать, тот обращается в соответствующие банки и знает, на что он идет, в прочих же банках можно вести только солидные, верные операции с прочными бумагами. И потому эти солидные банки полагают свою устойчивость не в скоплении больших собственных капиталов, а в краткосрочности открываемых ими кредитов, в возможности быстро вернуть отдаваемые в долг деньги, в легкости того, что называется на банковом языке «ликвидитетом», текучестью банковых рессурсов).

Уже эти наблюдения указывают на сокращение спекулятивных банковых операций в Англии и на соответствующий рост солидных операций, настоящего руководства промышленностью. Еще важнее в этом смысле исследование вопроса о соотношении спекулятивных и неспекулятивных операций английских банков. К сожалению, в специальной литературе такого исследования не имеется, налицо у нас только некоторые сырые материалы для решения вопроса,— и то не всегда достаточно систематизированные и приведенные в порядок. Делая на основании этих материалов необходимые вычисления и принимая во внимание, что спекулятивными операциями являются онкольные счета, репорт и ломбард (ссуды под залог бумаг), а контокоррент и акцепты — главная сфера операций, при помощи которых финансовый капитал руководит промышленностью, мы видим, что во всех банках Великобритании и Ирландии в 1909 г. акцепты возросли сравнительно с 1895 годом на 53%, а ссуды под залог процентных бумаг только на 9% [3]). Если взять английские депозитные банки, то окажется, что с 1890 по 1912 год акцепты в них увеличились на 117%;

---

[1]) Jaffé, Das englische Bankwesen, стр. 5—6.
[2]) Там же, стр. 300.
[3]) Там же, стр. 360—361.

в то же время учет и ссуда возросли только на 77%, а ценные бумаги лишь на 45% [1]).

При всем том в английской банковой системе есть свои недостатки: так, Английский банк не является единым эмиссионным банком: он делит право выпуска банкнот с некоторыми другими банкаим, правда, немногими, при чем и доля выпуска ими банкнот не велика; затем Английский банк следует устарелому закону Пиля, полагающему в основу эмиссионной операции строго установленную норму золотого запаса [2]). Но это — не что иное, как простые пережитки старины, обломки прошлого, являющиеся результатом того, что Англия была пионером капитализма не только производственного, но и финансового, и потому развитие в ней капиталистических отношений совершалось стихийно, не было достаточно освещено в свое время теорией. В общем же и целом английская банковая система является наиболее передовой, самой совершенной, всего лучше приспособленной к управлению, руководству промышленностью и вводящей в сравнительно узкие границы грубую спекуляцию.

Специализация, разделение труда между банками осуществилась и во Франции только в меньшей степени, чем в Англии: и во Франции возникли особые банки для финансирования промышленных предприятий — banques d'affaires, — имеющие большие собственные капиталы. Кроме того, Франция осуществила вполне идеал централизации эмиссионного дела: правом выпуска кредитных билетов пользуется здесь один лишь Французский банк, при чем и устарелый закон Пиля здесь не действует, нет строго установленной нормы золотого запаса, как в Англии, а установлен лишь максимум выпуска кредитных билетов в 6 миллиардов 800 миллионов франков, и таким образом, вся эмиссионная операция Французского банка покоится на теоретически общепринятом принципе, по которому в банковом деле важнее всего не золотой запас, а краткосрочность и легкая реализуемость долгов, сделанных банку его дебиторами, т.-е. все тот же «ликвидитет» [3]).

---

[1]) Финн-Енотаевский, Современный капитализм: «Соврем. Мир» за 1914 год, № 12, стр. 124.

[2]) Jaffé, Das englische Bankwesen, стр. 10—12, 68, 321 и др.

[3]) Kaufmann, Das französische Bankwesen.

Французские банки так же, как и английские, приспособляли себя к управлению промышленностью и развивали контокоррент и акцепты, сокращая относительно онкольные счета, репорт и ломбард: Лионский кредит с 1900 по 1909 г. увеличил контокоррент и акцепты на 54%, а репорт и ломбард только на 24% [1]). Однако, эти перемены не были так резко выражены, как в Англии: онколь в 1912 г. в трех важнейших банках Франции был вдвое большим, чем в то же время в депозитных банках Англии [2]).

Германская банковая система смешанная: все банки исполняют разные функции — депозитные, учредительские и проч. Даже эмиссионных банков в Германии целых пять — Имперский, Баварский, Саксонский, Вюртембергский и Баденский. Но в последнее время перед войной и в Германии стали возникать специальные банки для кредитования вновь возникающих предприятий — Finanzierungsgesellschaften [3]).

Некоторая отсталость германской банковой системы сравнительно с французской и особенно английской сказывалась в том, что онкольные счета, репорт и ломбард являлись во всех немецких банках наиболее распространенными кредитными операциями. Так, онколь в немецких банках в 1913 г. составлял 69,6% активных их операций, тогда как в трех важнейших французских банках только 39,2%, а в английских депозитных 17,3% [4]).

К сказанному остается в дополнение к предыдущей главе добавить несколько слов о характере деятельности русских банков. Здесь разделение труда, специализация были меньшими, чем где-либо и соответственно этому спекулятивные операции преобладали еще более, чем в Германии. На 1 июля 1913 г. корреспондентские счета, учет и ссуды под залог процентных бумаг составляли 74% всех активных операций [5]).

---

[1]) Там же, стр. 350.

[2]) Финн-Енотаевский, Совр. капит.: «Совр. Мир» за 1914 год, № 12, стр. 124—125.

[3]) Riesser, Die deutschen Grossbanken.

[4]) Финн-Енотаевский, в «Совр. Мире» за 1914 г., № 12, стр. 124—125.

[5]) Там же, стр. 126.

III.

Социальные и политические последствия финансового капитализма.

Общую формулу социальных последствий господства финансового капитализма дал исследователь, который в последнее время, повидимому, отступил от нее, склоняется к реформизму вследствие ложного понимания сущности переживаемого момента в смысле минования революционных возможностей на очень продолжительное время. Эта формула гласит: вследствие господства финансового капитала старая профессиональная борьба заменяется в высшей степени затяжными массовыми конфликтами, которые трудно закончить чисто трэд-юнионистскими способами; «ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только социализм»; «социализм перестает быть отдаленным идеалом..., он становится существенным элементом в непосредственной практической политике пролетариата»; финансовый капитал — общественный контроль за производством, но «господство над общественным производством остается в руках олигархии»; предстоит отнять у олигархии это господство; завоеванное пролетариатом государство овладеет финансовым капиталом [1]).

Конечно, нельзя сказать, что в субъективном сознании трудящихся масс Европы этот вывод перед империалистической мировой войной был вполне ясен и стал их прочным и всеобщим достоянием: это значило бы преувеличивать сознательность этих масс. Но объективные предпосылки, созданные финансовым капитализмом, действительно вызывали массовые конфликты, будили классовое сознание и усиливали классовую организованность пролетариата. В Англии

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 559, 567, 568.

в 1912 году бастовало 1½ миллиона человек, в 1913 году — около 700 тысяч. Соответствующие цифры для Германии и Франции за те же годы — 300 — 400 тысяч человек. Два с половиной миллиона членов английских и немецких профессиональных союзов, 3 — 4 миллиона участников кооперативных организаций в Англии и Германии, миллионные рабочие партии в тех же передовых странах наглядно свидетельствовали об огромном развитии организованности трудящихся масс. В пролетариате, таким образом, ясно назревали субъективные предпосылки торжества социализма.

И это тем более, что организованность и сознательность были не в состоянии отстоять перед лицом концентрированного капитала лучшие условия труда и существования трудящихся, так что действительно разрешение конфликтов трэд-юнионистскими способами становилось очень трудным, подчас даже совершенно невозможным. Капитал, особенно благодаря банковой концентрации и союзам предпринимателей, присваивал себе огромную долю народного дохода. Один из наиболее ярких тому примеров — 50-ти-процентная прибыль международного ниточного треста. И в то же время и именно по этой причине на малоимущее большинство населения тяжким, все менее выносимым гнетом ложилось вздорожание жизни.

Несомненно, одной из главных причин дороговизны жизни или, что то же, вздорожания предметов необходимости являлся рост населения, главным образом городского населения, или, другиими словами, развитие фабричной промышленности во всех капиталистических странах, индустриализация этих стран.

В чистом, почти беспримесном виде влияние этой причины проявлялось в Англии. Под влиянием индустриализации и роста городского населения на счет сельского здесь цены на предметы первой необходимости повысились за последние 10 лет перед войной на 25%.

Во Франции происхождение вздорожания жизни значительно отличалось от английского: здесь рост городского населения совершался гораздо медленнее, чем в Англии, но за то действовала другая причина—протекционизм, несравненно более высокие, чем в Англии, пошлины на иностранные товары, особенно на хлеб и другие продукты сельского хозяйства. В Англии хлеб был совершенно свободен от обло-

жения, а на все другие товары пошлины были так низки, что составляли менее 5% их цен, а во Франции пошлины были почти вдвое выше английских и составляли 8½% цен ввозимых иностранных товаров, на сельскохозяйственные же продукты гораздо больше. Поэтому во Франции за последнее десятилетие перед войной цены выросли на 30%.

Но есть еще третья причина дороговизны, и она всех важнее: это — развитие союзов предпринимателей — картелей, синдикатов, трестов, сильно вздувающих цены, и вместе с тем рост финансового капитализма, действующий в том же направлении. В Германии и индустриализация, и протекционизм, и союзы предпринимателей действовали совместно. Как быстро шла индустриализация Германии — видно из того, что там с 1908 по 1913 г. население увеличилось на 5%, а число фабричных рабочих возросло на 19%. Немецкий протекционизм более, чем в полтора раза, был сильнее французского: пошлины составляли в Германии 14,3% цен ввозимых товаров. И вот, под влиянием совокупного действия всех трех причин—индустриализации, протекционизма и синдицирования предпринимателей—цены в Германии выросли за последние 10 лет перед войной на 40—50%.

Но ведь индустриализация—необходимый признак роста капитализма, особенно капитализма финансового. Все требования «освобождения от иностранного экономического засилья», которые так часто и так громко раздавались перед войной во всех капиталистических странах,—следствие роста их индустриализации.

Эти требования служили также основанием и протекционизма: предприниматели всех стран желали монополизировать в своих руках весь без остатка внутренний рынок своего отечества, не считаясь не только с интересами потребителей, т.-е. большинства населения, но и с развитием отечественных производительных сил: ведь протекционизм вообще, и особенно преувеличенный, гипертрофированный, чрезмерный, часто даже мешает развитию производительных сил, поддерживая высокими пошлинами технически отсталые предприятия. Протекционизм — это экономический национализм во что бы то ни стало. Он—следствие не только своекорыстия предпринимателей, но и той экономической безурядицы, неприспособленности производства к потреблению, отсутствия планомерности хозяйства, которая

характерна для капитализма даже в высшей степени его развития.

Те же две причины—своекорыстие и хозяйственная безурядица—вызвали к жизни и союзы предпринимателей: поднять цены и ослабить экономические кризисы — вот цели предпринимательских союзов, поддерживаемых здесь и высшими руководителями финансового капитализма — банками, финансовой олигархией, haute finance.

Таким образом основной, общей причиной дороговизны жизни перед войной был капитализм в последней стадии его развития. И чем дальше стал бы развиваться капитализм, тем сильнее пошло бы и вздорожание жизни. Развивавшийся капитализм все сильнее бил по массам населения, все больше их революционизировал.

Но он бил по ним не только возраставшей дороговизной, а и обострявшимися кризисами и сопряженными с ними ужасами массовой безработицы.

Так как кризисы были опасны и для буржуазии, то финансовый капитал проявил стремление к их уничтожению. Ожидала ли его в этом стремлении удача?

На достижение победы над кризисами и другими болезнями капитализма затрачено было много ума, таланта и знаний теоретиками и практиками банкового дела. Но все оказалось напрасным.

Одно время, правда, думали, что удалось ослабить кризисы, что острые и бурные экономические потрясения сменились длительными депрессиями, притупленным застоем, угнетенным состоянием промышленности. Но великий кризис начала XX века рассеял все эти надежды, оказавшись стремительным, разрушительным, чрезвычайно обостренным. И накануне войны призрак нового кризиса начинал уже реализоваться: Германия вступила уже в его полосу.

Теоретики и практики банкового дела напрасно ломали голову над задачей дальнейшего улучшения банковой техники, как средства уничтожения болезней капиталистического хозяйства. Это—задача, технически совершенно неразрешимая. Решить ее можно только экономически и социально, а не технически. Болезни капитализма устранимы только с преобразованием капиталистического хозяйства и общества в новую, высшую экономическую и социальную

форму, основанную на планомерной организации общественного, коллективного хозяйства.

Это и было основной тенденцией хозяйства передовых стран Европы накануне войны.

Наиболее дальнозоркие и проницательные политические деятели буржуазии давно уловили эту тенденцию и направили все свои усилия к тому, чтобы предотвратить ее осуществление в действительности или хотя бы отстрочить это осуществление, в крайнем случае, если уж оно окажется неизбежным, придать ему возможно более мирные формы. Путь к этому был один — широкие социальные реформы, которые заставляли бы возможно более широкие круги рабочего класса дорожить кое-чем более или менее существенным в его современном положении и предпочитать иметь в руках синицу, относительное трэд-юнионистское благополучие, погоне за журавлем в небе в виде социалистического переворота. Этот тонкий подкуп рабочего класса нашел себе наиболее талантливого представителя в лице либерального вождя английской буржуазии Ллойд-Джорджа.

Английские тори находились у власти до 1909 года и с тупым упорством вели грубо-реакционную политику. Главными их политическими панацеями были протекционизм, во-первых, и во-вторых — борьба с самостоятельной политической организацией рабочего класса, — с рабочей партией, сильной, главным образом, вследствие участия в ней профессиональных рабочих союзов, трэд-юнионов. Но протекционизм восстановлял против себя не только рабочих, которые при нем страдали бы еще более от дороговизны, но и очень значительную и влиятельную часть английских капиталистов—главным образом текстильных фабрикантов Ланкашира, менее всего страдавших от немецкой конкуренции вследствие высокого состояния техники хлопчатобумажного и вообще текстильного производства в Англии. Больше терпели от этой конкуренции бирмингамские и шеффильдские сталелитейные заводчики и вообще хозяева металлургических предприятий, которые в свое время под предводительством Джозефа Чемберлена откололись от либеральной партии и присоединились под именем унионистов к тори. Виги настаивали на том, чтобы и английская металлургия перенесла центр тяжести своей работы на улучшение техники с целью успешной борьбы против немецкой кон-

куренции и в этой области индустрии, т.-е. на сохранении культурно-производственного капитализма и свободной торговли. И эта экономическая платформа и связанные с нею финансовые реформы, целью которых являлись реформы в рабочем законодательстве и страховании рабочих, дали вигам на выборах 1909 года победу.

В то же время борьба тори за разрушение или ослабление рабочей партии подготовила постановку на очередь важного вопроса о ниспровержении оплота торизма — палаты лордов.

В 1908 году член одного из трэд-юнионов рабочий Осборн, подкупленный торийской буржуазией, возбудил судебное дело против своего союза, тратящего часть своих средств не на профессиональные цели, а на политическую борьбу и поддержку рабочей партии. Благодаря тому, что за ним стояли влиятельные и богатые люди, Осборн довел дело до высшей судебной инстанции—палаты лордов, и она решила вопрос в пользу Осборна. Этим сделано было явное, открытое нападение на политические права, политические организации рабочего класса и на право профессиональных союзов свободно распоряжаться своими средствами. Уничтожение полномочий палаты лордов с тех пор стало боевым политическим лозунгом английского рабочего класса.

На выборах 1909 г. по всем этим причинам победили виги, составилось министерство Асквита, и министром финансов (канцлером казначейства) в нем стал Ллойд-Джордж. В 1910 г. он внес в парламент свой знаменитый бюджет. Основными отличительными чертами этого бюджета были увеличение налога на наследства и доходивший до 20% налог на незаслуженный прирост ценности, получающийся от спекулятивной продажи незастроенных участков, особенно в больших городах вследствие того, что цена этих участков повышается механически, с ростом городов. Новые доходы, которые должны были от этого получиться у государства, Ллойд-Джордж предлагал употребить на пенсии инвалидам труда и на государственное страхование от болезней, увечий и безработицы. Бюджет Ллойд-Джорджа принят был палатой общин, но палата лордов, в нарушение установившегося в парламентской практике обычая, по которому в бюджетных вопросах палата лордов не вступает в конфликт с нижней палатой, отвергла бюджет. Тогда палата

общин была распущена, и в избирательной кампании 1910 года основным лозунгом сделана была борьба против права veto палаты лордов, за бюджет Ллойд-Джорджа и проектируемое им новое рабочее законодательство.

Выборы 1910 г. снова дали победу вигам, министерство Асквита сохранило власть, права палаты лордов были ограничены, Ллойд-Джордж провел свой бюджет и осуществил проектировавшееся им рабочее законодательство.

Ограничение прав палаты лордов заключалось в следующем: она совершенно потеряла право veto в вопросах бюджетных и вообще финансовых; в вопросах нефинансовых ее veto получило лишь временный и условный характер: если какой либо законопроект был принят палатой общин, но отвергнут палатой лордов, то если затем в течение двух лет после второго его чтения в палате общин эта же палата примет дважды его вновь, то он получает силу закона, хотя бы палата лордов осталась при прежнем своем отрицательном к нему отношении. Закон об этом ограничении — фактически почти о полном уничтожении — законодательных прав палаты лордов прошел в 1911 году.

Еще в 1909 году проведен был закон о пенсиях старикам 70-ти и более лет, имеющим доход менее 31 фунта 10 шиллингов в год. Получили также потом силу законы о государственном страховании от болезней, увечий, на случай смерти и, главное, от безработицы. Страхование от безработицы существовало до закона, проведенного министерством Асквита — Ллойд-Джорджа, и в Англии, и в Германии, и в некоторых других странах в виде муниципального страхования: муниципалитеты, городские общественные учреждения там, где в них приобретала большинство демократия, устраивали такое страхование, внося свои деньги в прибавок к тому, что получалось для этого в виде особо установленных взносов от предпринимателей и рабочих. Английское законодательство было большой новостью в том смысле, что здесь впервые осуществлен был принцип *государственного* страхования от безработицы, при чем и пособия безработным оказались теперь более значительными, чем те, которые давались при муниципальном страховании. В английском государственном бюджете на 1913 — 14 год на государственное страхование от безработицы назначено было 70 миллионов фунтов стерлингов. При этом застраховано от безработицы было около 2½ миллионов рабочих.

Огромная стачка углекопов в 1912 году заставила правительство Асквита провести закон о минимуме заработной платы в горной промышленности Англии. Этот минимум устанавливается в каждом из промышленных округов Англии особой комиссией из представителей предпринимателей и рабочих.

Изменен был срок выборов в палату общин — сокращен с семи до пяти лет. Члены палаты общин стали получать жалованье — по 400 фунтов стерлингов в год, что открыло возможность вступления в палату и несостоятельным людям и избавило трэд-юнионы и рабочую партию от необходимости поддерживать материально своих кандидатов, выбранных в палату общин.

Наконец, в 1914 г. установлены были основы ирландского гомруля, автономии Ирландии: учрежден был особый парламент Ирландии, ведавший всем внутренним ее управлением; в ведомстве британского парламента остались только иностранные дела, военные и морские, монета и вес. После войны Ирландия стала окончательно самоуправляющейся республикой — доминионом.

Несколько более культурные формы приняла отчасти и английская колониальная политика. Большинство английских колоний, как Канада, южная Африка, Австралия и др., стали «доминионами», самоуправляющимися, автономными республиками. Но самая большая из английских колоний — Индия — попрежнему управлялась автократически; допущено было только совещательное выборное, притом недемократическое, представительство при английском вице-короле. Поэтому в Индии крепло и развивалось революционное национальное движение, тем более, что в стране развивался производственный, промышленный капитализм.

Если передовая европейская буржуазия — английская — усвоила политику уступок и компромиссов, предохранительных клапанов во избежание революционного взрыва, политику подачек рабочему классу с целью развить у него сознание необходимости дорожить кое-чем в его положении в культурно-капиталистическом обществе, то это было можно главным образом потому, что английской буржуазии, владевшей беспримерно-богатыми колониями, было из чего уступать. Буржуазия Франции и в особенности Германии не имела таких колоний и потому не могла быть столь уступчивой.

Во Франции внутренняя политика с начала XX века отмечена была главным образом борьбой с клерикализмом и поддерживавшей церковь реакционной буржуазией, представительницей грубо-хищнического капитализма. Борьба эта велась особенно в министерство Комба под лозунгом отделения церкви от государства и установления вполне светской, лишенной религиозного элемента, школы. Она закончилась в 1905 г. победой радикалов, представителей культурной буржуазии, отделением церкви от государства. В 1911 г. проведен был и во Франции закон о пенсиях инвалидам труда из рабочих и крестьян, достигшим 65-летнего возраста.

Что касается Германии, то единственным послаблением в отношении к рабочим здесь было прекращение преследований с.-д. партии и профессиональных союзов, после отвержения так называемого «каторжного законопроекта» в 1899 г. Вообще же здесь торжествовали реакционеры в лице аграриев, основавших в 1891 г. свой «Союз сельских хозяев», а также в лице представителей промышленности, как крупные заводчики Крупп и Штумм. В 1903 г. в угоду аграриям установлены были высокие пошлины на хлеб.

Рабочее движение в Западной Европе нашло себе наиболее яркое, характерное выражение в деятельности германской социал-демократии и Второго Интернационала.

Мы видели [1]), как шло развитие германской социал-демократии в последние десятилетия XIX века. Внешне и даже отчасти внутренне — в принятии Эрфуртской программы и в борьбе с Бернштейном и бернштейнианством — германская социал-демократия в то время под идейным руководством Каутского и под практическим водительством Бебеля проявляла себя как революционная политическая организация рабочего класса. Но тот реформизм, который отличает теперь Каутского и его сторонников, изощряет наше внимание по отношению к прошлому германской социал-демократии, делает необходимым проследить генезис ее реформизма с самого начала, уловить его зародыши в той же самой Эрфуртской программе.

В этом отношении характерно не то, что говорит эта программа — говорит она ортодоксальные и революционные

---

[1]) См. «Русск. ист. в ср.-ист. осв.», том IX.

вещи, — а то, чего она не договаривает или о чем совершенно умалчивает.

Если даже оставаться в пределах буржуазных отношений, то характерно для Эрфуртской программы умолчание о республике. Без сомнения, оно вызвано было тем же соображением, которое заставляло всегда немецких социал-демократов настаивать на конгрессах Второго Интернационала на том, чтобы не принималась резолюция о революционной работе в армии: боялись подвергнуться правительственным преследованиям, лишиться легального положения. Стремление к легальности во что-бы то ни стало являлось источником оппортунизма.

Точно также характерно, что положение «религия — частное дело каждой личности» распространялось на деле и на членов партии, так что, следовательно, допускались в партию люди религиозно-верующие. Этим таким образом также создавался источник оппортунизма.

Еще больше оппортунистических умолчаний мы находим в Эрфуртской программе тогда, когда речь заходит о социалистическом будущем и о переходе к нему от капитализма. Программа не говорит о диктатуре пролетариата. Несмотря на ясные заявления Маркса в его «Гражданской войне во Франции» и в переписке, в ней нет ни слова о том, что пролетариат в переходное время, во время своей диктатуры, сломает буржуазную государственность и создаст свою, новую, основанную на отрицании милитаризма и бюрократизма. Получается впечатление, что пролетариат просто овладеет машиной буржуазной государственности и при ее помощи проведет в жизнь социализм.

Была ли затем у германской социал-демократии ясно осознанная и облеченная в плоть и кровь тактической директивы идея о борьбе с милитаризмом? Ответ на этот вопрос должен быть дан отрицательный. Более того: Бебель прямо заявлял, что пойдет с ружьем на плече для защиты немецкой территории от покушений извне, т.-е. отстаивал оборонительную войну, как прямую обязанность социал-демократии, между тем как известно, что оборона не может быть отделена от наступления, что представители буржуазной государственности всякую свою войну объявляют оборонительной, обвиняя противника в наступлении, что, наконец, никогда нельзя решить, кто обороняется и кто

наступает, имеет завоевательные цели. Здесь «ноготок увяз,—всей птичке пропасть»: нельзя бороться с буржуазным милитаризмом, приемля его хотя бы частично, как средство обороны, пока существуют капиталистическое общество и буржуазное государство.

Но этот вопрос более, чем какой-либо другой, сближает немецкую социал-демократию с международным рабочим движением, и потому необходимо бросить взгляд на деятельность Второго Интернационала.

Второй Интернационал был основан на международном рабочем конгрессе в Париже в 1889 году. Когда Маркс и Энгельс в 1876 г. распустили Первый Интернационал, они совершенно определенно и ясно формулировали очередную тогда организационную задачу рабочего движения,—образование и укрепление национальных рабочих социалистических организаций — партий и профессиональных союзов. Ко времени основания Второго Интернационала эта задача в главных, общих чертах была уже решена: и национальные партии, и профессиональные союзы в передовых капиталистических странах имелись уже налицо и принимали массовый характер. В этом отношении Второй Интернационал осуществил заветы основателей и вождей Первого Интернационала.

Но организационно он в то же время в значительной мере и в очень важном вопросе отступил от традиций Первого Интернационала. Основной организационный принцип, на котором был построен Первый Интернационал, был принцип демократического централизма. Нам известно, как энергично и победоносно боролись за него Маркс и Энгельс против Бакунина и бакунистов. Второй Интернационал отказался от этого принципа: Международное Социалистическое бюро и секретариат бюро — исполнительные органы Второго Интернационала — отнюдь не напоминали собою Генерального совета Первого Интернационала; они не управляли, не руководили международным рабочим движением в промежутках между конгрессами по директивам последних, а были просто статистическими, осведомительными, посредничающими и справочными учреждениями. То было осуществлением организационного идеала не Маркса, а Бакунина. Отсюда — бессилие Международного бюро и секретариата и слабость самого Второго Интернационала, как организации.

К числу организационных постановлений Парижского конгресса 1889 г. принадлежало определение того, какие именно рабочие организации могут быть приняты в Интернационал: установлено было, что необходимое условие принятия — признание принципа классовой борьбы. Конечно, это — необходимое и правильно формулированное условие. Но на практике Второй Интернационал открывал свои двери далеко не одним организациям классовой борьбы, но и тем также, которые проводили политику классовых соглашений, компромиссов. Все дело ограничивалось, следовательно, словесным признанием здорового принципа, а проведение его на практике не проверялось — по крайней мере в достаточной мере — Вторым Интернационалом.

Обратимся теперь к самому содержанию работы Второго Интернационала, к важнейшим постановлениям его конгрессов.

Первый же, Парижский конгресс 1889 г. установил пролетарский праздник 1-го мая и его лозунги: социализм, восьмичасовой рабочий день и борьба с милитаризмом. В дальнейшем в пределах еще XIX века — в 1899 г. — на первую очередь выдвинулся вопрос о министериализме, об участии социалистов в буржуазных министерствах. Сторонников такого участия выступил в особенности Жорес. Он подчинился, однако, резолюции конгресса, предложенной и мотивированной Каутским и гласившей, что участие социалистов в буржуазных правительствах возможно только по решению социалистической партии и под ее контролем, причем по первому же ее требованию социалист должен выйти из правительства.

Весьма важное значение имел Штуттгартский конгресс 1907 года. Здесь первенствующую роль имеют две резолюции: о колониальной политике и о профессиональных союзах. Вопрос о колониальной политике был отголоском того ревизионистского течения, которое тогда усилилось в особенности в Германии. Начались разговоры о том, что не всякая колониальная политика неприемлема для социалистов, заговорили даже о социалистической колониальной политике. В этом духе составлен был и проект резолюции. Но Ленин и Роза Люксембург провели на конгрессе поправку к этой резолюции, придавшую ей революционный смысл, осудившую колониальную политику как образец классовой по-

литики буржуазии, совершенно не приемлемый для пролетариата. Характерно, однако, что эта поправка была принята большинством лишь весьма незначительным: почти половина Второго Интернационала не согласна была с последовательной революционной и социалистической точкой зрения на колониальную политику. Это был симптом очень грозный и печальный тем более, что, как нам уже известно, колониальная политика имела первенствующее значение в эпоху финансового капитализма и, как показали события последующего времени, ей же принадлежала решающая роль в вопросе о войне. Оппортунистические тенденции партий, входивших во Второй Интернационал, определились, таким образом, с достаточной ясностью уже в 1907 году.

По вопросу о профессиональных союзах Штуттгартский конгресс признал принцип единства классовой борьбы пролетариата — экономической и политической—и отсюда сделал необходимый вывод о связи союзов с партией, о влиянии последней на первые, об организационном и идейном единстве там, где это возможно без нарушения единства профессиональных организаций. Позиция политического нейтрализма, таким образом, бесповоротно осуждена, как это было сделано раньше в резолюции Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П. Но практика передовых капиталистических стран опять таки мало отвечала этой правильной точке зрения: достаточно сказать, что в Англии не партия направляла союзы, а, наоборот, союзы диктовали свою волю партии, да и в Германии Центральная Комиссия свободных (т.-е. с.-д.) профессиональных союзов во главе с Легином оказывала на партию решающее влияние в смысле реформизма и оппортунизма, с чем нам еще придется встретиться ниже.

Копенгагенский конгресс 1910 года указал на важность рабочей кооперации не только для улучшения материального положения рабочих, но и для развития хозяйственной самодеятельности пролетариата и для воспитания в нем навыков к социалистическому строительству. Тот же конгресс, как и другие до него, занимался вопросом о борьбе с милитаризмом. Резолюция его в этом отношении весьма характерна для Второго Интернационала. Всеобщая стачка, как средство борьбы против войны, была отвергнута. О превращении империалистических войн в гражданскую войну пролетариата против буржуазного государства, с целью произвести

социалистический переворот, и речи быть не могло. Конгресс ограничился рекомендацией социалистическим депутатам в парламентах противодействия вооружением, отказа в средствах на вооружения, требования разоружения и учреждения третейских судов, настаивания на отмене дипломатических тайн; наконец, рекомендовалось в очень неясной форме «использовать для пробуждения народа экономический и политический кризис, созданный войной». Ясной революционной тактической директивы для действия масс, таким образом, дано не было; сразу бросалось в глаза бессилие Второго Интернационала в деле предупреждения войны и робость его в деле использования военного кризиса в интересах пролетариата. Оппортунизм был ясно выражен, и будущее поведение национальных социалистических партий в грядущей войне не вызывало особенных сомнений и не внушало страха буржуазии. Дальше буржуазного по существу пацифизма Второй Интернационал не шел.

Когда в 1912 г. в связи с известными уже нам двумя балканскими войнами международная дипломатическая атмосфера раскалилась, и стало чувствоваться приближение страшной катастрофы, — в Базеле созван был специальный конгресс для установления способов борьбы против войны. Однако, и Базельский конгресс обнаружил те же бессилие, робость и тот же бесплодный пацифизм. Издан был красноречивый и марксистски-выдержанный по форме и содержанию манифест к рабочим всего мира. В нем дан был анализ войн и милитаризма, уяснена их классовая подкладка, пропагандировалась борьба против войны все теми же маленькими, почти исключительно парламентскими средствами. Но не было дано опять таки никакой тактической директивы для массового действия. И Базельский конгресс остался на почве оппортунистической недоговоренности и неопределенности.

Оппортунистический и реформистский характер западноевропейского рабочего движения, таким образом, несмотря на дороговизну, на кризисы, на капиталистическую монополию, на объективную подготовку торжества социализма, определился совершенно ясно и определенно. В чем основная, главная причина этого?

Рабочий класс передовых западно-европейских капиталистических стран собственной своей классовой борьбой — эко-

номической и политической — приобрел некоторые достижения, которыми он дорожил. Буржуазия — особенно английская, как мы видели, — сделала многое, чтобы к этому самоподкупу рабочего класса присоединить подкуп от себя. Больше всего и от этого рабочего самоподкупа и от буржуазного подкупа получали квалифицированные рабочие, та «рабочая аристократия», которая является важнейшим и вернейшим оплотом оппортунизма и реформизма [1]). Из любопытной анкеты, произведенной в течение ряда лет перед войной одним немецким исследователем и охватившей 5 тысяч немецких рабочих, видно, что квалифицированные немецкие рабочие были социалистами, даже марксистами, но что реформистский уклон среди них господствовал, преобладал [2]). Между тем техника фабричного производства была настолько высока, что слой квалифицированных рабочих был достаточно многочислен и в Англии, и в Германии, и во Франции, чтобы подчинять своему моральному и политическому влиянию чернорабочие массы, являться их фактическим гегемоном. В этом и заключается основная причина реформизма и оппортунизма западно-европейского рабочего движения.

Следует ли отсюда, что эти оппортунизм и реформизм совершенно непреодолимы? Ответить на этот вопрос положительно—значило бы совершить очень большую ошибку по двум, главным образом, причинам.

Первая заключается в том, что, вопреки мнению Бакунина, и квалифицированный пролетариат — все-таки пролетариат, а не буржуазия, и он страдает от безработицы и кризисов, и он не имеет в подавляющем большинстве своем иного выхода из своего положения, как социализм.

Вторая состоит в том, что чистый реформизм — такая же утопия, как и чистое бунтарство. И пролетариат весь — и квалифицированный и неквалифицированный — поймет своим здоровым классовым инстинктом и просветленным жизнью и борьбою сознанием, что без революционного давления масс немыслимы и неосуществимы никакие самые умеренные социалистические реформы, не говоря уже о коренном перевороте в хозяйстве и обществе.

---

[1]) М. Рубинштейн, Социальные основы реформизма: «Под знаменем марксизма», № 3, март 1925 г., стр. 190.

[2]) Adolf Levenstein, Die Arbeiterfrage.

IV.

Происхождение империалистической войны.

К числу ближайших и важнейших последствий финансового капитализма принадлежит и мировая империалистическая война.

Изучая происхождение этой войны, необходимо прежде всего определить ее экономические корни.

Вопреки всем высказываемым иногда в этом отношении сомнениям, вопрос о рынках сбыта товаров — предметов непосредственного потребления и средств производства — далеко не снимается здесь с очереди, играет важную, хотя и не исключительную, роль. Несколько десятилетий Германия довольно успешно конкурировала с Англией в области индустрии, на рынках сбыта фабрикатов в Европе, в других странах света, в английских колониях, наконец, даже в самой Англии. Избалованная прежним монопольным положением на мировом рынке, английская индустрия почила было на лаврах достигнутой ею раньше высокой степени технического развития, и это облегчало немецкую конкуренцию. Правда, несмотря на это, в технике текстильного, в частности хлопчатобумажного производства, Англия все время сохраняла за собою первое место, не боялась в этой отрасли никакого соперничества. Но в области металлургии и машиностроения германская конкуренция оказалась одно время особенно сильной, что и расположило английских предпринимателей этой отрасли промышленности к протекционизму. Английская демократия и текстильные фабриканты остались, впрочем, верны старой английской системе свободной торговли и помешали осуществлению протекцио-

нистских планов. Поэтому и здесь в последние годы перед войной стало наблюдаться в Англии постепенное и неуклонное дальнейшее развитие техники, приведшее к тому, что и здесь этим культурно-капиталистическим способом конкуренция немецкой индустрии по крайней мере на внутреннем рынке самой Англии была сильно сокращена. В результате и получилось, что вывоз в Англию немецких товаров, составлявший в 1900 году 19½% всего германского экспорта, понизился в 1910 году до 14½%.

Параллельно этому начали постепенно относительно сужаться для Германии рынки других капиталистических стран — Соединенных Штатов, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии, даже Испании. Это сужение было тем более чувствительно для Германии, что еще в начале XX века Германия должна была вывозить заграницу 37% своего фабричного производства, тогда как Англия вывозила 33%, Франция 31%, а Соединенные Штаты даже только 13% [1]).

Естественно при таких условиях, что немецкий промышленный капитализм стал особенно перед войной искать рынков сбыта по преимуществу в отсталых странах и колониях и начал проявлять усиленную тенденцию к колониальной экспансии. Но здесь он встретил непреодолимые мирными способами затруднения: Англия и Франция, хронологически опередившие Германию в развитии прозводственного и финансового капитализма, успели раньше захватить все более лакомые куски, и германскому колониальному империализму не нашлось достаточно теплого и светлого места под солнцем. Все было разделено, оставался только передел, невозможный без войны. И что этот передел колоний составлял одну из основных целей Германии в войне, — это показывает заявление германского правительства английскому тогда, когда война России и Франции была объявлена: германское правительство, желая купить английский нейтралитет, обещало не трогать европейских владений Франции, а взять только ее колонии.

Но, конечно, не меньшее, если не большее, значение в немецкой империалистической колониальной политике имело

---

[1]) Рыбников, Торговая политика Германии и война, М., 1915, стр. 44.

приобретение рынков для вывоза с них сырья и рынков для приложения промышленного и финансового капитала. И здесь столкновение интересов капиталистических стран было еще сильнее: недаром в 1912 г. ввоз сырья в Англию составлял 33% всего ее ввоза, в Германию 55%, во Францию 59% и в Соединенные Штаты 52% всего ввоза [1]).

Центральным узлом всего этого столкновения империалистических интересов — и в отношении рынков сбыта, и в отношении рынков вывоза сырья, и, наконец, в смысле экспорта капитала — явились Балканский полуостров и особенно западная Азия вплоть до Месопотамии. Эта именно территория выбрана была германским капитализмом, как исходный пункт дальнейшей экспансии — в Персию, Индию, центральную Азию. Остановиться в своей экспансии германский капитализм не мог: немецкую промышленную систему справедливо сравнивали с волчком: «чтобы сохранить свое равновесие сил, она должна была постоянно и непрерывно ускорять свой ход» [2]). Надо, впрочем, заметить, что этот образ характеризует, в большей или меньшей мере, всякую капиталистическую систему, не только немецкую.

Агрессивные намерения немецкого империализма проявлялись неоднократно в XX веке и не раз грозили мировой войной. Когда в 1908 г. Австро-Венгрия окончательно присоединила к своим владениям Боснию и Герцеговину, Германия грозила России войной в защиту Австро-Венгрии. В 1911 году, когда Франция начала завоевание Марокко, был послан туда немецкий крейсер «Пантера», и Франция купила себе свободу действий в Марокко тем, что уступила Германии часть французского Конго. Во время балканских войн 1912 г. Вильгельм II предлагал России устроить «пробу сил» [3]). Канцлер Бетман-Гольвег сдерживал императора, но военная партия во главе с адмиралом Тирпицем стояла открыто за войну.

Центр тяжести империалистических противоречий лежал все-таки в Азии, — в Багдадской железной дороге, которая строилась почти исключительно на немецкие капиталы. Англия усмотрела в этом прямую угрозу ее колониальной

---

[1]) Там же, стр. 45.

[2]) Кэйнс, Экономические последствия мира.

[3]) Betman-Hollweg, Betrachtungen Zum Weltkrieg; Гельферих, Накануне мировой войны.

империи. и Эдуард VII именно поэтому устроил военно-дипломатическое окружение Германии путем соглашения («Entente» — «Антанты») Англии с Францией и Россией. Однако, казалось, что накануне войны вопрос о Багдадской железной дороге стал терять свою остроту: в 1913 году французский капитал окончательно вышел из числа пайщиков Багдадской железной дороги, а с Англией у Германии состоялось соглашение, по которому для судоходства по Шат-эль-Арабу, т.-е. по нижнему течению сливающихся вместе Тигра и Евфрата, составлена была компания, 60% капитала которой составляли английские деньги, 20% — немецкие и 20% турецкие, при чем и оросительные работы в Месопотамии и разработка месопотамской нефти должны были производиться совместно и английскими и немецкими капиталистами [1]).

Дипломатия, таким образом, срезывала острые углы и старалась всячески, если не предотвратить, то отсрочить конфликт. Но все же справедливо, что «англо-германское противоречие сделалось непреодолимым и не могло быть устранено никакими соглашениями по отдельным вопросам» [2]). Конфликт со стихийной силой вытекал из этого противоречия, чему содействовали, с одной стороны, массовые вооружения — сухопутные и морские, с другой, — противоречия, неудержимо развивавшиеся на Балканском полуострове.

Напряженное состояние вооруженного мира, милитаризма и маринизма, страшной тяжестью давившее на все капиталистические страны, становилось все более невыносимым. В 1913 году почти одновременно были решены две меры — одна в ответ на другую: то были — новый военный закон в Германии, вызвавший страшное возбуждение во Франции, и внушенный тою же Францией проект преобразования и увеличения военных сил России, сделавший в Германии особенно популярной идею «превентивной», предупредительной войны, которая нашла себе яркое выражение в имевшей огромный успех брошюре Фробениуса на эту тему.

Морские вооружения Германии, предпринятые но плану адмирала Тирпица и проводившиеся с конца XIX века, были

---

[1]) Гельферих, Накануне мировой войны, М., 1924, стр. 101—102.

[2]) Там же, стр. 111.

направлены, несомненно, против Англии и вызвали английскую тактику, по которой в Англии строилось ежегодно вдвое более военных судов, чем в Германии [1]). И здесь, таким образом, напряжение достигло крайней степени; котел не мог выдержать повышенное давление и должен был лопнуть.

Что касается балканских противоречий, то они обострялись особенно великосербской идеей, империалистическими тенденциями сербской буржуазии, мечтавшей о Великой Сербии и захвате сербо-хорватских провинций Австро-Венгрии, при чем русский посланник в Белграде Гартвиг и вообще русская дипломатия всячески разжигали эти империалистические аппетиты. В Сербии составилось политическое общество, организовавшее террористический акт, жертвами которого пали в столице Боснии и Герцеговины—Сераеве, — посетившие ее австро-венгерский наследный принц Франц-Фердинанд и его жена. Тогда Австрия без совещания о подробностях с Германией [2]) предъявила Сербии ультиматум, сводившийся к полному почти уничтожению самостоятельности Сербии. Ответ Сербии был таков, что Вильгельм II готов был счесть его вполне удовлетворительным [3]). В Германии в эту минуту почти вполне были уверены в мирном разрешении конфликта, не готовы были к войне, и чиновники министерства иностранных дел были в отпуску или готовились ехать в отпуск [4]). Но стихия вынудила на войну: австрийская дипломатия не удовлетворилась ответом Сербии и двинула на нее войска; русская дипломатия также решила воевать во что бы то ни стало. Русская мобилизация вызвала немецкую, а затем и объявление войны Германией России и Франции. Вторжение немецких войск в Бельгию окончательно решило вопрос о положении Англии в войне: Англия присоединилась к Франции и России.

Мировая империалистическая война стала фактом и, развиваясь, втянула на сторону Германии Турцию и Болгарию, а на сторону Антанты—Италию, Соединенные Штаты, Японию, Китай, Грецию, Румынию, Португалию.

---

[1]) Lord Holden, Before the War; Fischer, Memories.
[2]) Гельферих, стр. 116.
[3]) Каутский, Происхождение войны.
[4]) Эрцерберг, Германия и Антанта, стр. 11.

Происхождение мировой империалистической войны показывает, что при наличии неустранимых при капиталистическом строе экономических противоречий, несмотря на все старания предотвратить войну, она — неизбежна. Развитие капитализма ставит его в непримиримое и неустранимое противоречие с развитием производительных сил. Империалистическая война поэтому есть лишнее свидетельство о близкой гибели капиталистических отношений.

Ход, исход и ближайшие последствия войны.

Говоря о ходе войны, мы не имеем в виду, конечно, дать подробное изображение военных действий: в нашу задачу входит не это, а лишь изображение общего хода событий, поскольку он указывал на соотношение сил воюющих сторон.

В план немецкого ведения войны входило в качестве основного начала, несомненно, нанесение французской армии молниеносного удара, быстрый и полный разгром Франции и взятие Парижа, скорейшее, таким образом, окончание войны. С этою именно целью и предпринято было наступление через Бельгию, так как укрепления на восточной границе Франции — система крепостей, там сооруженных,— исключали возможность молниеносного удара с этой стороны.

Эта операция завершилась сражением на Марне и завершилась неудачей не только вследствие помощи России, совершившей в то время вторжение в Восточную Пруссию, правда, неудачное, но все же отвлекшее часть немецких сил, но и вследствие французской стратегии, нашедшей свое выражение в плане и операциях Жоффра и особенно в диверсии командующего парижской армией генерала Галлиени.

Сражение на Марне ликвидировало возможность окончания войны одним молниеносным ударом [1]) и сделало необходимой длительную позиционную войну, неудача которой для немецкого командования в особенности была обнаружена защитой Вердена, которою руководил генерал Петен.

[1]) Немецкий генерал Фалькенгайн после сражения на Марне считал всю войну проигранной: Эрцбергер, Германия и Антанта, 1923, стр. 198.

Наконец, наступил третий решающий момент — наступление немцев на Сен-Кантен в 1918 году, когда немцы еще до Брестского мира [1]) перебросили массу войск с русского фронта и попытались сделать последний, отчаянный натиск с целью разрезать англичан и французов, отделить их друг от друга и потом сбросить англичан в море и взять Париж. Они чуть было не достигли своей цели, когда Ллойд-Джордж и сэр Генри Вильсон убедили Клемансо принять план Фоша и назначить его верховным главнокомандующим. Фош остановил немецкое наступление, а потом, несколько времени спустя, сам сделал натиск и прорвал немецкий фронт в четырех местах. Этим война была кончена [2]).

Решающим фронтом был, таким образом, западный французский, и нам нет никакой нужды касаться других фронтов. Немцы были побеждены французской стратегией, английской промышленной техникой и американскими танками. Надежды немцев на подводную войну оказались тщетными: подводной войной удалось потопить самое большее одну восьмую всего английского тоннажа; в январе 1918 г. Германия имела 143 подводных лодки, в сентябре того же года 151 лодку, но из них только треть сражалась, остальные были в починке или в пути [3]). Не имели большого значения и аэропланные налеты на Лондон и Париж.

Генерал Людендорф в своих воспоминаниях, как известно, упрекал революцию в Германии в том, что был слишком поспешно, без попытки сопротивления на собственной территории Германии, заключен мир. Но это опровергается тем, что нота 5 октября 1918 г. о мире была продиктована Вильгельму II самим Людендорфом, что либеральное министерство принца Макса Баденского начало мирные переговоры не только под военным давлением, но и по военному приказу [4]); известно, наконец, что военное командование все время войны, особенно в последний ее год, имело диктатуру и распоряжалось всем в Германии [5]).

Война возникла от того, что капиталисты не хотели самоуничтожения, что они не могли и не хотели допустить

---

[1]) Hoffmann, Der Krieg der versäumten Gelegenheiten.
[2]) Whright, At the Supreme War Council.
[3]) Эрцбергер, Германия и Антанта, стр. 186, 196—197.
[4]) Там же, стр. 290.
[5]) Людендорф, Воспоминания о войне 1914—1918 г.г.

применения принципа «каждому по его потребностям», не допускали социалистического исхода из положения. Она явилась, следовательно, логически-неизбежным последствием капитализма, и потому учет экономических потерь, понесенных человечеством в войне, имеет огромное значение, он наглядно показывает, что капитализм является силой, разрушающей, уничтожающей производительные силы, следовательно, представляет собою хозяйственный и социальный строй, обреченный на гибель. Разумеется, мы должны помнить, что учет этот — приблизительный, далеко не полный, что мы можем учесть только минимум понесенного вреда.

Число одних только убитых и умерших, не считая увечных и раненых, к 8 ноября 1918 г. во всех воевавших странах исчислялось в 13 миллионов человек [1]). А так как число увечных и раненых было приблизительно вдвое больше, то сюда надо причислить еще 26 или 27 миллионов, так что потери воюющих сторон людьми доходили до 40 милл. человек из почти 70 миллионов мобилизованных.

Население потеряло во время войны еще от недостатка рождаемости: в России этот недостаток рождаемости определен в 6½ милл. человек [2]), что составляет более трети по отношению к общему числу мобилизованных. Если исчислить в этой же пропорции к числу мобилизованных недостаток рождаемости во всех странах, участвовавших в войне, то на 70 миллионов это составит около 24-х миллионов. Еще со времен Адама Смита известно, что потери в населении составляют главный способ разрушения производительных сил, что силы эти быстро восстанавливаются, если население не сильно уменьшилось в числе. Если так, то империалистическая война нанесла огромный, колоссальный ущерб важнейшему источнику производительных сил в мире: если бы не было войны, население воевавших стран, не считая потерь ранеными и увечными, но считая уменьшения рождаемости, было бы на 37 миллионов больше, чем теперь, а если считать в числе потерь и утративших большую часть своей трудоспособности раненых и увечных, — больше на 64 миллиона. Соответственно этой цифре сузилось число производителей,

[1]) Павлович, Итоги мировой войны, М., 1924, стр. 7, прим.
[2]) Санитарные последствия войны, М., 1922, статья Новосельского.

а на 37 миллионов сократилось количество потребителей, т.-е. сузился товарный рынок.

Прямые денежные расходы, понесенные воевавшими странами на войну, определяются английскими и американскими статистиками приблизительно в 200 миллиардов долларов. Косвенные денежные потери — дефицит в производстве, убытки собственности на суше и на море и потери нейтральных стран — составляли около 120 миллиардов долларов [1]), так что общий денежный убыток равнялся 320 миллиардам долларов. Значение этой цифры будет понятно, если принять во внимание, что она почти равнялась сумме всего национального богатства Великобритании, Франции, Германии, России и Австро-Вентрии в 1915 г. [2]). Война, таким образом, уничтожила почти все, что было создано рядом поколений в капиталистическом мире.

Дальнейшим последствием войны был огромный, небывалый упадок производства, расстройство обмена и транспорта. Преодолеть этот беспримерный кризис, стабилизировать до некоторой степени капитализм удалось только к 1925 году. Важнейшие относящиеся сюда цифры таковы [3]) (в миллионах тонн):

	Добыча угля			Выплавка чугуна			Производство стали		
	1913 г.	1919 г.	1924 г.	1913 г.	1919 г.	1924 г.	1913 г.	1919 г.	1924 г.
Соединенные Штаты . .	570	544	636	30,9	30,5	41	31,3	37	37
Великобрит.	287	229	242	10,4	7,4	7,4	7,8	7,9	7,2
Франция . .	41	24,4	32,4	4,8	4,8	7,2	5	5	7,2
Германия . .	191	108	222 [4])	19,3	6,5	8	18,9	6,8	9

[1]) Финн-Енотаевский, Современное положение мирового хозяйства, Петербург, 1920, стр. 1—2.

[2]) Их нац. богатство в 1915 г. определялось в 68 миллиардов ф. ст., т.-е. в 680 млрд. руб. или в 340 млрд. долл.: Павлович, Итоги мировой войны, стр. 76—77.

[3]) Мы берем эти цифры из книг Боголепова, Европа после войны, Спб., 1921; Финн-Енотаевского, Современное полож. миров. хоз.; Дена, Новая Европа из новейших публикаций в иностранных и русских журналах и газетах.

[4]) С бурым углем.

Из этих цифр можно сделать такие выводы: 1) общее производство каменного угля в названных главных странах, равное в 1913 году 1.089 милл. тонн, понизилось в 1919 году до 905,4 милл. тонн или на 17%, а в 1924 г. достигло 1.152,4 милл. тонн, т.-е. превысило на 5,6% добычу 1913 г.; изменение выплавки чугуна было таково: в 1913 г. 65,4 милл. тонн, в 1919 г. 49,2 милл. тонн, т.-е. почти на 25%, а в 1924 г. 63,6 милл. тонн, на 2,7% меньше, чем в 1913 г.; стали всего добыто было в 1913 г. 63 милл. тонн, в 1919 г. 56,7 милл. тонн, меньше на 10%, в 1924 г. 60,4 милл. тонн, меньше 1913 года на 4%; таким образом в общем в передовых капиталистических странах стабилизация довоенного капитализма не достигла завершения даже и к 1925 г., хотя завершение ее уже близко; 2) действительное повышение продукции заметно только в Соединенных Штатах и во Франции; что же касается Великобритании и Германии, главных противников в войне, то они испытывают и теперь кризис, упадок продукции.

Чтобы понять причины последнего явления, необходимо оценить экономические последствия Версальского мира, который был заключен Антантой с Германией.

По определению Кэйнса, сущность Версальского договора заключается в разрушении морской торговли Германии, в сильнейшем сокращении добычи в ней угля и железа, в сокрушении транспортной и тарифной немецкой системы. Поэтому Германия выдала весь свой торговый флот, потеряла все колонии, уступила Франции Саарский угольный бассейн, а Польше верхнюю Силезию, в возмещение потерь, понесенных от войны французскими департаментами Па-де-Кале и Северным, бывшим и главным театром военных действий, обязалась доставлять Франции бесплатно натурой в течение 5 лет по 20 миллионов тонн в год каменного угля и в течение других пяти лет по 8 миллионов тонн в год, и сверх того 7 милл. тонн кокса, не считая денежных платежей союзникам вознаграждения за понесенные ими в войне убытки. Эти платежи натурой и деньгами и носят название «репараций». Репарации в общей сумме простираются до 5 миллиардов фунтов стерлингов (50 миллиардов золотых рублей), тогда как потери стран Антанты, заключавших Версальский договор, равняются всего менее 2-х миллиардов фунтов стерлингов: убытки Франции оцениваются в 800 миллионов ф. ст.,

Англии в 540 милл., Италии в 100 милл. и Бельгии в 500 милл. ф. ст. Победители хотели по Версальскому миру получить в $2\frac{1}{2}$ раза более, чем потеряли в войне.

Сказанное вполне объясняет, почему хозяйство Германии не могло выйти из тяжкого кризиса. Очень скоро оказалось, что платить полностью репарации Германия не в состоянии, и происшедшая отсюда оккупация Рурского бассейна Францией не могла помочь беде. Тогда на Лондонской конференции 1924 года был принят и стал проводиться в жизнь план американца Дауеса, цель которого — дать возможность Германии расплатиться с Антантой без дальнейших потрясений — внутренних и внешних — и, вместе с тем, подчинить Германию иностранному капиталу, главным образом американскому, приблизить для последнего ту монополию, которая составляет, как нам известно, основную тенденцию финансового капитализма.

По этому плану Германия получила заем в 800 миллионов золотых марок, при чем кредиторы получили оформленное, проведенное в законодательном порядке через германский рейхстаг, влияние на германский эмиссионный банк, на немецкие железные дороги и на банки, промышленность и торговлю. Таким путем, в сущности, проведен, во-первых, залог важнейших статей немецкого государственного доходного бюджета — таможенных пошлин, налогов на алкоголь, пиво, табак и сахар на неопределенное число лет с передачей поступлений от них иностранному капиталу; во-вторых, немецкая железнодорожная сеть отдана в концессию на 40 лет особому международному акционерному обществу; в третьих, эмиссия, выпуск банкнот, передана на 50 лет особому частному акционерному банку, находящемуся под контролем союзных правительств и вне контроля германского правительства; в четвертых, банки, промышленность и торговля Германии (но не ее сельское хозяйство) поставлены под контроль и отданы в залог иностранному капиталу.

Во главе контроля поставлен агент по репарационным платежам американец Гильберт и ряд комиссий — по эмиссии, бюджету, железным дорогам, банкам, промышленности и торговле.

Этими способами предполагается получить от Германии в первый год действия плана Дауеса 1 миллиард золотых марок, во второй — 1 миллиард 220 миллионов, в третий —

1 миллиард 200 миллионов, в четвертый — 1 миллиард 750 миллионов, в пятый — 2 миллиарда 500 миллионов золотых марок, а в последующие годы к этой сумме присоединяется прибавка, соответствующая так называемому «коэффицинту благосостояния», представляющему собою среднее из шести цифр, указывающих на рост населения и важнейших отраслей немецкой промышленности.

Мы не будем останавливаться на всех подробностях организации, созданной планом Дауеса, отметим только некоторые важнейшие ее черты. Эмиссионный банк находится под руководством генерального совета, в котором 14 членов, из которых 7 немцев и 7 иностранцев — по одному представителю от Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Соединенных Штатов, Голландии и Швейцарии, при чем генеральному совету даны «исчерпывающие полномочия в таких вопросах организации и деятельности банка, которые могут затронуть интересы держав-кредиторов». Совету подчинено правление банка, состоящее из одних немцев. Один из иностранных членов совета является комиссаром. Совет решает все вопросы простым большинством голосов, но если представитель правления и комиссар окажутся в меньшинстве, то требуется квалифицированное большинство 10-ти голосов против 4-х. Особые комиссары и комиссии установлены и для железных дорог, и для промышленности и банков, и для государственных доходов, при чем везде фактически обеспечено преобладание иностранного капитала [1]).

Социально-экономический смысл плана Дауеса ясен: американский капитал стремится, сохраняя и охраняя в Германии капиталистический строй, подчинить немецкий капитализм себе, выжать из него для себя все соки, сделать решительный шаг в направлении к своей экономической монополии. Понятно, что при таких условиях и при потерях, понесенных Германией после войны — она лишилась 13-ти процентов территории, 10-ти процентов населения, 26% угля, 75% руды, — наконец, при бесполезности для самой Германии ее дальнейших экономических успехов, от которых только немецкая буржуазия, но не рабочий класс, может получить кое-что, — развитие немецкого капиталистического хозяйства не имеет широких перспектив.

---

[1]) План Дауеса, с введением проф. Любимова, см. особ. стр. 8—12, 37—38, 63, 202 и др.

Насколько в германскую промышленность проникает американский капитал, — мы точно не знаем. Но бесспорен факт, что он захватывает уже теперь горную промышленность Вестфалии и Рейнской области, в некоторых предприятиях химической промышленности он владеет 51% и более акций, проник в морское судоходство и даже в текстильную промышленность [1]).

Угольные и рудные богатства, потерянные после войны Германией, достались Франции, что и дало последней возможность до известной степени развивать свою тяжелую индустрию. Зато Англия — в угле в особенности — многое потеряла именно вследствие конкуренции немецкого дарового репарационного угля, доставлявшегося во Францию. Вообще дешевизна немецких фабрикатов при бумажной инфляции, изобилии и дешевизне бумажных немецких денег, причиняла большой ущерб английской промышленности и задерживала ее рост.

Оставаясь пока только на почве ближайших хозяйственных последствий войны, необходимо отметить, что война, переместив хозяйственный центр капитализма из Европы в Америку, содействовала развитию концентрации производства, усилению гегемонии тяжелой индустрии и, что важнее всего, создала еще большее, чем прежде, господство финансового капитала, создав огромную государственную задолженность воевавших стран. На крови и железе нажилась, следовательно, опять-таки финансовая, ростовщическая буржуазия и тем самым обложила данью в свою пользу все страны. Важно составить себе общее представление о государственных долгах, явившихся непосредственным результатом войны. Военный долг всего мира определяется по крайней мере в 40 миллиардов фунтов стерлингов. Долг и проценты, по нему уплачиваемые, под влиянием войны возросли приблизительно в 8½ раз [2]).

Переходным звеном от экономических последствий войны к ее ближайшим социальным и политическим последствиям могут служить данные о росте дороговизны и изменении заработной платы.

---

[1]) Материалы для изучения мирового хозяйства, III—IV, 1924, Берлин, стр. 28—30 (статья Айзенштадта).

[2]) Финн-Енотаевский, Соврем. полож. мирового хоз., стр. 12.

Мы уже указывали, что рост дороговизны является необходимым результатом развития капитализма, так как зависит от неизбежно связанных с капитализмом индустриализации, протекционизма и развития союзов предпринимателей и господства финансового капитала над промышленностью. Выше было уже отмечено, что в результате войны рост концентрации, развитие предпринимательских союзов и финансового капитализма пошли вперед. Уже это обстоятельство должно было увеличить дороговизну.

Но война создала еще бестоварье и бумажно-денежную инфляцию, — и эти обстоятельства еще усилили дороговизну.

Известно, как велика была бумажно-денежная инфляция. В России количество бумажных денег к 1 января 1918 года увеличилось в 10 раз сравнительно с тем, что было до войны[1]). Количество бумажных денег в 1914 г. во всем мире было 7,2 миллиарда долларов, а ко времени заключения перемирия оно дошло до 40 миллиардов долларов[2]), так что увеличилось в $5\frac{1}{2}$ раз.

В то же время в еще большей степени — под влиянием и обесценения денег, и бестоварья, и спекуляции — возросла дороговизна. В России к 1 января 1918 г. цены на товары увеличились в 40 раз [3]), в Соединенных Штатах высшего подъема цены достигли в феврале 1920 г. и составляли тогда 130% довоенных цен[4]), т.-е. увеличились в 2,3 раза, а потом пошли на убыль и остановились на одном уровне тогда, когда повышение оказалось только в 40% сравнительно с довоенными ценами[5]). В Англии высшая степень дороговизны достигнута была в ноябре 1920 г. и дошла до 176% довоенных цен (увеличение в $2^3/_4$ раза), а потом цены пошли на убыль и в июне 1921 г. составляли 119% довоенных цен (увеличение в $2\frac{1}{2}$ раза[6]). Во Франции оптовые цены достигли максимума в сентябре 1920 г., когда они равнялись 607,5% довоенных (т.-е. увеличились всемеро). К марту 1921 г. они понизились, составляли 411,90% довоенных цен (повышение

---

[1]) Павлович, Итоги миров. войны, стр. 54.

[2]) Финн-Енотаевский, Соврем. полож. мирового хоз, стр. 14.

[3]) Павлович, Итоги мировой войны, стр. 54.

[4]) Финн-Енотаевский, Соврем. полож. мирового хоз., стр. 19.

[5]) Боголепов, Европа после войны, стр. 27.

[6]) Там же, стр. 21—22.

несколько больше, чем впятеро)[1]. В Германии в апреле 1920 г. цены были на 894% выше, чем до войны, а потом пошли на убыль[2].

Все эти цифры поучительны и знаменательны прежде всего в том отношении, что указывают всюду, во всех странах огромный рост дороговизны, совершенно небывалый до войны. Затем из них видно, что не во всех странах дороговизна росла одинаково: Соединенные Штаты и Англия резко выделялись в этом отношении из всех остальных: в них рост дороговизны, огромный сам по себе сравнительно с мирным временем, был по сравнению с другими странами во время войны невелик. Наконец, характерно то, что после войны, по мере приближения к стабилизации хозяйства, и дороговизна везде уменьшалась, но она нигде не достигла довоенной нормы, везде цены сильно повысились сравнительно с тем, что было до войны.

Ко всему этому надо прибавить, что и во время войны и после нее, несмотря на товарный голод, на бестоварье, правящая капиталистическая буржуазия не видела иного средства для борьбы с страшным кризисом, как сокращение производства, иногда полную его остановку, т.-е. увеличение безработицы, следовательно, новое сужение рынка[3].

Дело в том, что буржуазия попрежнему, как и всегда, была грубо-эгоистична: под шумок войны, среди тягостных мучений небывалого кризиса она наживалась совершенно беззастенчиво, не думая о будущем. В Соединенных Штатах предприятия, дававшие до войны 6—10% прибыли, довели эту прибыль в 1919 г. до 25 и 40%[4]. В Англии прибыли в 1919 г. увеличились на 3, 10, 25, даже 61% сравнительно с 1918 г.[5].

Понятно, что на почве всех этих явлений развивалось и принимало новые формы рабочее движение во всех странах.

---

[1]) Там же, стр. 28.
[2]) Там же, стр. 31.
[3]) Финн-Енотаевский, Соврем. полож. мирового хоз., стр. 21.
[4]) Там же, стр. 30.
[5]) Там же, стр. 31.

Важнее всего, конечно, эти новые формы. Но прежде, чем перейти к ним, отметим количественный рост рабочих организаций и увеличение числа экономических стачек. В Германии число членов профессиональных союзов было в 1913 г. 3 милл., а в 1920 6½ милл. Соответствующие цифры в Англии 3 милл. и 7½ милл. Число членов потребительных обществ в Германии между 1913 и 1919 годами увеличилось с 950 тыс. до 3-х милл., а в Англии с 3-х до 4-х миллионов человек.

В Англии в 1919 г. было 1413 стачек, в которых участвовало 2 миллиона 600 тысяч рабочих. В Соединенных Штатах в том же году бастовало 4 миллиона рабочих. И пока дело кончалось трэд-юнионистски: уменьшением продолжительности рабочего дня. Оговариваемся: мы характеризуем пока лишь *ближайшие* последствия войны.

Переходим к новым формам рабочего движения.

Мы уже отмечали, что весь почти пролетариат передовых европейских стран в начале войны поддался шовинистическому угару и поддержал в войне свои правительства, отбросив всякую борьбу против войны и милитаризма, забыв о международной солидарности рабочего класса. Была указана и книга Левенштейна, бросающая свет на психологию немецкого рабочего перед войной, сходную, как показала сама война, и с психологией рабочих других капиталистических стран. Мы считаем поэтому здесь полезным подробнее остановиться на наблюдениях Левенштейна, получившего ответы на поставленные им в особой анкете вопросы от 5040 человек, при чем ответы дали в том числе 2084 горнорабочих, 1153 текстильщика и 1803 металлиста.

Опрос Левенштейна, несомненно, убеждает в том, что социалистическое сознание глубоко проникло в рабочую среду. Так, подавляющее число рабочих отрицали сдельную оплату труда и стояли за почасовую, и мотивировка здесь очень характерна: многие цитировали прямо слова Маркса, что «сдельная работа — убийственна», другие отмечали, что «при почасовой оплате предприниматель не так переполняет свой карман, как при сдельной». Существование капиталистического строя многими рабочими признавалось основной причиной того, что работа причиняла страдания и не возбуждала никакого интереса. Многие мечтали о победе

социал-демократии, торжестве государства будущего, крушении капитализма. Три четверти или даже четыре пятых рабочих были атеистичны, в бога не верили. 20—25% их уже преодолели влияние буржуазной культуры, читали главным образом научную и социалистическую литературу, усвоили себе научное миросозерцание: многие металлисты находили, что неверие опирается на научные основания; иногда прямо заявляли о «новом миросозерцании»; «мои мысли стоят в полном противоречии с идеями христианства», писал один рабочий металлист; другого привело к неверию знакомство с дарвинизмом; «мой бог, — социализм, он приведет нас к победе», говорил третий; «нам, рабочим, бог не нужен», заявлял четвертый.

Все сказанное относится далеко не к одним квалифицированным рабочим, но и к рабочим-массовикам. Мы видим таким образом, что здоровый классовый инстинкт, часто возвышавшийся и до ясного классового сознания, играл видную роль в психологии немецких и вообще западно-европейских рабочих. Именно поэтому они отдавали предпочтение в условиях капиталистического хозяйства почасовой оплате труда над сдельной, отмечали тяжесть работы и страдания от нее именно при капитализме, несмотря на гнетущие и тягостные обстоятельства, у них прорывались высшие интересы — научные и технические, — они высоко ценили социализм и его грядущую победу, сознавали и понимали классовую природу религии и переходили в лагерь неверующих, усердно и внимательно читали научную, профессиональную и партийную литературу. Конечно, среди них было и немало отчаявшихся, забитых, угнетенных, которые ни о чем не хотели и не могли думать, ничего не читали, держались рутины и традиции, безмолвно и с терпеливым отчаянием несли на себе цепи капиталистического рабства.

Конечно, этот привесок неактивных людей пониженного психического уровня, окончательно забитых непосильной работой и капиталистическим гнетом, многое объясняет в торжестве оппортунизма во время войны. Рабочие-рутинеры, слепо плетущиеся за преданиями прошлого, висели на ногах пролетариата, как ядро на ногах каторжника. Но не в этом только было дело.

Дело было также в подчинении рабочих, привыкших к организации и дисциплине, — авторитету и гегемонии ква-

лифицированного пролетариата, который боялся потерять синицу в руках в погоне за журавлем в небе, опасался сильных и резких потрясений с неизбежными при этом жертвами и потерями.

Вот почему характерно отношение к политическому и профессиональному социалистическому движению именно квалифицированных рабочих. Книга Левенштейна дает в этом отношении также ценный материал.

Один квалифицированный рабочий, например, писал, что он считает неизбежным и необходимым торжество социализма, «государства будущего», и средством для этого считает «лавинообразное развитие техники». Но мы тщетно стали бы искать у него ответа на вопрос, как же *практически* следует и можно перейти от развитой техники к «государству будущего». Характерно и то, что торжество последнего рисуется ему в каком-то неопределенно-далеком будущем: «рано или поздно» Сразу виден здесь ясный реформистский уклон. И примеров тому много, сколько угодно.

Все это дополняется еще нотками пессимизма и безнадежности: квалифицированные рабочие верили в социализм, но они не надеялись на его торжество при своей жизни: «будущее — ничто, жизненно только настоящее», — писал один; «конечная цель — в туманной дали, следовательно, не имеет практической ценности», вторил ему другой; а третий делал заключительный реформистский, оппортунистический вывод: «я верю в социальную революцию, которая произойдет эволюционным способом». И потому большинство даже и рабочих-массовиков, признавая благодетельное на них влияние профессионального и политического рабочего движения, особенно подчеркивая облагораживающее его влияние и пробуждение им самостоятельной мысли и сознания, в то же время часто не имело надежды на скорую победу и самую победу эту представляло себе чисто реформистски [1]).

Таково было настроение европейских рабочих накануне и в начале войны. Но война давала серьезные и тяжелые уроки пролетариату воюющих и нейтральных стран. Отсюда и образовались постепенно новые формы рабочего движения.

Правительства буржуазных стран делали все, от них зависящее, чтобы предотвратить образование этих новых

---

[1]) Adolf Levenstein, Die Arbeiterfrage. München, 1912.

форм, чтобы вообще уничтожить классовую борьбу пролетариата и подменить ее классовым компромиссом, фактической гегемонией буржуазии над пролетариатом.

Этой цели, помимо целей военно-технических, должно было служить то, что называлось «военным социализмом». Важнейшие способы применения военного социализма нашли себе место в Англии и Германии.

В Англии уже в начале 1915 года, т.-е. в первый же год войны, правительство Асквита заключило соглашение с трэд-юнионами на следующих условиях: трэд-юнионы соглашаются допустить ночные, сверхурочные и праздничные работы, против которых раньше английскими рабочими велась систематическая и планомерная борьба, и которые достигли особого развития и напряжения именно под влиянием войны; с другой стороны, правительство согласилось ограничить прибыль предприятий, находящихся под его контролем, т.-е. работавших на нужды войны, десятью процентами с тем, чтобы излишек сверх этих десяти процентов поступал в пользу государства.

Несомненно, что это регулирование предпринимательской прибыли нарушало самую основу частно-хозяйственных, капиталистических отношений. Характерно и то, что дополнялось этим регулированием прибыли, — контроль государства над производством, фактическая национализация ряда предприятий. Эта национализация всецело себя оправдала и тем лишний раз доказала, что капиталистическое хозяйство передовых стран совершенно подготовило уже переход к социализму. Успех национализации, отмеченный в свое время и в литературе — в книге Хэда «Замечательная национализация» — сильно беспокоил английских предпринимателей, и они тотчас после окончания войны ходатайствовали перед Ллойд-Джорджем о ликвидации ее, что и было исполнено.

Таковы были в главных чертах проявления военного социализма в Англии в области индустрии. Но он пошел и дальше, проявился в сфере сельского хозяйства.

Весной того же 1915 года «Национальный рабочий комитет», учрежденный рабочей партией в самом начале войны для охраны интересов рабочего класса, указал на повышение фрахта на перевозку в Англию американского хлеба в 5—6 раз сравнительно с мирным временем и потребовал,

чтобы правительство реквизировало 10—12 частных пароходов и взяло в свои руки перевозку хлеба. Правительство не вполне осуществило эту просьбу, но все же вынуждено было собственным вмешательством умерить дороговизну хлебного транспорта.

Но Англия еще меньше других воевавших стран испытала гибельное влияние войны на хозяйство. Полностью это гибельное влияние сказалось в Германии, и потому там военный социализм вылился в еще более яркие формы. Мы не будем останавливаться на нормировке цен, на таксах, на пайках и вообще потребительских нормах, — обратим внимание главным образом на так называемые «деловые объединения» («Arbeitsgemeinschatten») предпринимателей и рабочих, наиболее ясные проявления военного социализма в Германии.

Основой этих объединений явились старые тарифные соглашения профессиональных союзов и союзов предпринимателей, т.-е. коллективные договоры об условиях труда. Война расширила функции совместных предпринимательско-рабочих объединений. «Деловые объединения» стали ведать получением заказов, контролем за их распределением в разных отраслях промышленности, обеспечением рабочим условий труда, более или менее близких к условиям мирного времени, предоставлением работы максимальному числу рабочих путем сокращения числа часов дневной работы для каждого из них и путем равномерного распределения заказов между отдельными предприятиями. Цель — ясна: буржуазия этими средствами имела в виду уничтожить классовую борьбу и заменить ее классовым компромиссом. Соответствовал этой цели и состав «деловых объединений»: в каждой отрасли промышленности существовал свой центральный комитет и местные, провинциальные комитеты, состоявшие из равного числа представителей рабочего профессионального союза и союза предпринимателей.

Как ни ясна сама по себе буржуазная классовая цель «деловых объединений», но они являлись очень ярким выражением военного социализма: целый ряд чисто-производственных вопросов, ведавшихся раньше одними только предпринимателями, теперь вошел в крут ведения наполовину и представителей рабочих союзов.

Нет, конечно, никаких оснований идеализировать военный социализм; по существу своему он был одним из средств, к которым прибегала буржуазия передовых капиталистических стран с целью подкупа и обмана рабочих во время войны. Но, не делая из нужды добродетель, необходимо все же признать, что военный социализм оказался необходимым в интересах самой буржуазии. Конечно, все эти нацонализации и объединения после войны исчезли, развеялись, как дым, но они были — пусть уродливыми, но важными — признаками того, что пора хозяйского абсолютизма в индустрии безвозвратно миновала, что социализм назрел как практическая задача: исторические прецеденты часто бывают уродливы, но это не мешает им быть прецедентами.

Несомненно, военный социализм, наряду с другими факторами, приводившими главным образом к гегемонии оппортунистического и реформистского квалифицированного пролетариата в передовых странах, принес свои плоды.

В Германии в результате всего этого явилась определенная шовинистическая позиция рабочих организаций. Правительство решилось объявить войну, только запросив вождя немецких «свободных» союзов Легина и убедившись, что здесь оно найдет полную поддержку [1]). Хотя «свободные» союзы считались руководимыми с.-д. партией, но на деле не партия руководила ими, а они диктовали свою волю партии, тем более, что в союзах было 2½ милл. членов, а в партии только 1 миллион и весь этот миллион входил в союзы; на деле Легин подчинял себе и Эберта и Шейдемана [2]) и своим влиянием усиливал их оппортунизм, которого и без того было достаточно, — хоть отбавляй. Отсюда и вышла «политика 4 августа» — заявление с.-д. фракции рейхстага о согласии ее голосовать за военные кредиты «на защиту Германии против русского деспотизма», при чем оппозиция 14-ти, подчиняясь фракционной и партийной дисциплине, голосовала с большинством [3]).

Однако, с самого начала войны некоторое количество немецких рабочих было против политики 4 августа. В том же смысле высказался и занял оппозиционную позицию и редак-

---

[1]) Richard Müller, Vom Kaiserreich zur Republik.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 28, 46.

тор центрального органа партии «Vorwarts» Деймиг. При голосовании 2 декабря 1914 г. вторичных военных кредитов Карл Либкнехт голосовал против, вопреки партийной дисциплине.

К осени 1915 г. оппозиция в германской социал-демократии настолько усилилась, что решила связаться с иностранными товарищами. На помощь здесь пришли швейцарские социал-демократы, и с 5 по 8 сентября 1915 года состоялась международная конференция социалистической оппозиции в Циммервальде, а летом 1916 года в Кинтале.

И здесь и там — и в Циммервальде и в Кинтале — не оказалось полного единодушия: в оппозиции наметились правая и левая. Левая во главе с Лениным не видела иного выхода, как превращение империалистической войны в войну гражданскую и вытекающий отсюда социалистический переворот. Циммервальдская правая, составившая таким образом, если считать правыми социал-патриотов, социалистический центр, не предвидела возможности скорой социалистической революции и не разделяла поэтому тактики гражданской войны. В результате получился манифест циммервальдской конференции, под заглавием «К пролетариям Европы»: здесь рекомендовалась тактика стремления к прекращению войны без завоеваний и насилий над нациями, с исключением их расчленения.

В декабре 1915 г. 20 с.-д. депутатов рейхстага голосовали против военных кредитов и в своих выступлениях выявили свое отношение к войне в духе циммервальдской правой. Вождями этой группы оппозиции были Гаазе, Ледебур и Каутский. В 1916 г. составилась и лево-циммервальдская группа в Германии «Спартак» во главе с Мерингом, Либкнехтом, Розой Люксембург и Кларой Цеткин. Весной 1915 г. состоялись две демонстрации в Берлине, организованные спартаковцами. На демонстрации 1 мая 1916 года был арестован Либкнехт. Обе группы с.-д. оппозиции устроили в день суда над Либкнехтом, 28 июня 1916 г., массовую забастовку в Берлине, в которой участвовало 55 тысяч рабочих, из которых тысячи были уволены с фабрик и отправлены на фронт.

После бесплодных попыток составить единую организацию оппозиции, в 1917 г. весной циммервальдская правая в немецкой социал-демократии составила особую от большин-

ства, с одной стороны, и от спартаковцев. с другой, независимую рабочую партию.

Группировки в партии отражали на себе настроения рабочих масс. По мере того, как война затягивалась, правительство все более нажимало на рабочих, усиливало репрессии, провело особый «закон о вспомогательной службе отечеству» (Hilfsdienstgesetz), который окончательно лишал рабочих всяких гарантий и делал невозможными, строго преследуемыми не только боевые экономические и политические выступления, но и мирные заявления со стороны пролетариата. К этому присоединился страшный неурожай картофеля в 1916 г. и вообще недостаток предметов продовольствия. Отсюда в конце 1916 г. произошла массовая забастовка, в которой участвовали 300 тысяч человек. Затем союзу «Спартак» удалось устроить большую стачку в Брауншвейге, где наряду с экономическими требованиями выставлены были и политические: мир без аннексий и контрибуций, отмена исключительных законов, свобода собраний, освобождение политических заключенных и т. д.

Русская революция, в особенности октябрьский переворот и предложение Советским правительством мира всем воюющим странам вызвали в конце января 1918 года всеобщую стачку в Германии с лозунгом заключения мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Стачка продолжалась несколько дней во всей Германии, причем в одном Берлине бастовало 500 тысяч человек, и вызвала новые репрессии со стороны правительства.

Поражения на фронте вызвали затем ряд перемен в правительстве. Сначала Бетман-Гольвег был заменен на посту канцлера Михаэлисом, так как Вильгельм II, вопреки оппозиции, усилившейся присоединением к ней партий центра, демократов и национал-либералов, упорствовал в сохранении полуавтократического режима. Напрасны были попытки националистов во главе с Тирпицем и Каппом поддержать императора. В октябре 1917 года оппозиция во главе с национал-либералом Штреземаном, вождем центра Эрцбергером и правым социал-демократом Эбертом провела в канцлеры графа Гертлинга. Но Гертлинг стал лавировать между двором и рейхстагом, затягивал демократизацию прусского избирательного права, которой требовало большинство рейхстага, и потому он был заменен в октябре

1918 года принцем Максом Баденским, при чем в министерство вошел с.-д. Шейдеман. Правые социал-демократы были за сохранение установившейся парламентской монархии и всячески старались предотвратить революцию, настаивая только на отречении Вильгельма II и на замене его на престоле кронпринцем.

Но массы пролетариата шли дальше, и преодолеть их революционную энергию на этот раз не удалось. 9 ноября 1918 года произошло крушение монархии в Германии, причем имели место лишь несколько стычек с офицерами, и из рабочих и солдат оказалось всего 15 убитых, а с противной стороны еще меньше.

Еще раньше, в конце октября, когда император отрекся в пользу кронпринца, канцлером сделался Эберт, назначивший в министерство двух социал-демократов — Шейдемана и Ландсберга. 9 ноября наступил критический момент: поставлен был вопрос об организации нового республиканского, революционного правительства. Каков должен быть состав правительства, и к чему должна была сводиться его программа?

Два обстоятельства делали неизбежным и необходимым участие правой социал-демократии в правительстве: во-первых, ее представители уже были в правительстве, и Эберт после падения монархии даже возглавлял правительство в качестве канцлера и, только что став канцлером, пригласил независимых социал-демократов также принять участие во власти; во-вторых, — что особенно важно — большинство немецкого пролетариата вообще и в частности большинство профессионально-организованных рабочих шли за правой социал-демократией.

Группа «Спартак» в лице Либкнехта не только не хотела участвовать в правительстве вместе с шейдемановцами, но требовала установления советской власти, что встретило категорические возражения Шейдемана и его единомышленников, хотя фактически советы рабочих и солдатских депутатов были уже организованы.

Социал-демократический центр — независимая социал-демократия — колебался и не был единодушен: часть его стояла на точке зрения Либкнехта, часть за участие в правительстве вместе с правыми социал-демократами и за созыв учредительного собрания.

Начались переговоры между шейдемановцами и независимыми по вопросу о программе правительства. Большинство независимых сформулировало шесть условий: 1) Германская республика должна быть социалистической, 2) вся власть — у уполномоченных всего промышленно-работающего населения и солдат, 3) представители буржуазии не должны участвовать в правительстве, 4) независимые посылают временно трех своих представителей, чтобы создать правительство, способное заключить перемирие, 5) должен существовать кабинет, которому отдельные министры подчиняются безусловно, 6) в кабинете шейдемановцы и независимые должны быть в равном числе.

Эти предложения доведены были до сведения правых социал-демократов, и на них со стороны последних дан был такой ответ: 1) и правые — за социалистическую республику, но вопрос об ее установлении должно решить учредительное собрание, 2) второе предложение независимых отклоняется, как противоречащее принципам демократии, 3) и буржуа должны быть допущены в правительство, — иначе грозит опасность затруднений в продовольствии, 4) участие независимых в правительстве необходимо не только до заключения перемирия, но и до созыва учредительного собрания; пятое и шестое условия приняты были и правыми. Позиция правых социал-демократов таким образом была ясна: они стремились предотвратить социалистическую революцию, диктатуру пролетариата и советскую власть путем соглашения с буржуазией, удержать революцию в рамках демократического переворота и сделать независимую социал-демократию, путем ее участия во временном правительстве, ответственной за эту оппортунистическую линию.

В ночь с 9-го на 10-е и в течение всего дня 10 ноября независимая социал-демократия обсуждала создавшееся положение. Не решившись ранее занять позицию группы «Спартак», встать прямо на революционный путь, свергнуть революционным натиском Эберта и его правительство, предложив, наконец, правым определенные условия соглашения, независимые социал-демократы сами уже вступили на путь оппортунизма и теперь сделали новый шаг в сторону компромисса с правыми и буржуазией. Независимые пошли здесь за Каутским, написавшим книгу против диктатуры

пролетариата по русскому образцу и в сущности против диктатуры пролетариата вообще. И в результате состоялось соглашение: они согласились послать в кабинет (временное правительство) троих своих представителей — Гаазе, Диттмана и Барта — вместе с тремя представителями правых с.-д., но с исключеним участия буржуазии; однако, признана была возможность того, что министрами-специалистами, административными техниками, политически подчиненными с.-д. кабинету, будут и буржуа, при непременном условии, чтобы при каждом из них было по два социал-демократа в качестве помощников и наблюдателей: один из правых, другой из независимых; вопрос о созыве учредительного собрания оставлен открытым, созыв его поставлен в зависимость от того, как сложатся обстоятельства; пока же политическая власть признана за советами рабочих и солдатских депутатов.

Борьба перенесена была именно в эти советы. И здесь большинство оказалось за правыми: утвержден был, несмотря на возражения Либкнехта, горячо оспаривавшего кандидатуру Эберта, состав временного правительства из трех названных выше независимых и трех правых — Эберта, Шейдемана и Ландсберга — и исполнительный комитет советов определен также на основе равенства двух главных с.-д. партий.

Политика временного правительства в существе своем направлялась правыми социал-демократами: никаких мер к социализации принято не было; солдатские советы в армии имели лишь совещательный характер, вся власть фактически и даже юридически оставалась у главнокомандующего Гинденбурга и у офицерского состава, сохранены были старые технические министры: хозяйственным диктатором сделано было доверенное лицо королей тяжелой индустрии, выработан демократический закон о выборах в учредительное собрание, которое должно было аннулировать власть советов; отвергнуто было предложение Радека вести на Рейне общую борьбу с капиталистическими странами. Лишний раз подтверждено было на деле старое наблюдение, что блок правых с левыми всегда ведет к преобладанию правых.

Одновременно с переворотом имперским пали и монархические правительства отдельных немецких государств

и везде к власти пришли правые и независимые социал-демократы.

С 16 по 21 декабря 1918 г. в Берлине состоялся общегерманский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. И здесь победили правые: несмотря на настояния левого независимого Деймига, отстаивавшего систему советов, принят был большинством 344 голосов против 98 созыв учредительного собрания.

Тогда на революционную попытку решились спартаковцы. Напрасно Роза Люксембург и Карл Либкнехт настаивали на отсрочке этой попытки, на участии в выборах в учредительное собрание: большинство было за нее, и они подчинились и пали под ударами убийц из среды прямых реакционеров при попустительстве правой социал-демократии. «Железная бригада» из офицеров и унтер-офицеров, организованная с.-д. Носке в Киле, и «бригада Эрхарда», составленная последним из молодых офицеров и старых солдат, довершили дело контр-революции. Попытка учреждения советской республики в Баварии, сделанная Куртом Эйснером, как и попытка советской революции в Венгрии, кончились неудачей [1]).

Таковы были непосредственные, ближайшие социальные и политические последствия войны в Германии. Они сводились к немецкой республиканской революции, к крушению монархии в Германии и к торжеству формальной демократии. Но германское учредительное собрание не оказалось на стороне социалистической революции: при выборах в него 16 миллионов 574 тысячи голосов получили буржуазные партии, 11 миллионов 510 тысяч голосв получили социал-демократы, при чем на долю независимых с.-д. пришлось только 2 миллиона 317 тысяч [2]).

Прежде, чем обратиться к таким же ближайшим результатам войны в других странах, бросим общий взгляд на формы немецкого рабочего движения в последующие годы— 1919 — 1925 г., т.-е. остановимся на дальнейших последствиях войны в Германии.

---

[1]) Немецкая революция изложена по воспоминаниям Шейдемана, Эрцбергера и др., в особенности же по Richard Müller, Vom Kaiserreich zur Republik, 1924 и К. Радек, Германская революция, т. II, М., 1925.

[2]) R. Müller, Vom Kaiserreich zur Republik, II. стр. 99—100.

Здесь прежде всего обращают на себя вниамние перемены в немецком профессиональном рабочем движении. Появление в нем оппозиции было вызвано, как политической позицией генеральной комиссии свободных профессиональных союзов, всецело, как мы знаем, примкнувшей к оппортунизму, так и экономической линией, которой она держалась после окончания войны: профессиональные союзы заключали после войны тарифные соглашения с предпринимателями на долгие сроки и тем предотвращали надолго возможность экономической борьбы; не боевыми организациями пролетариата являлись таким образом союзы, а систематическими проводниками классовых компромиссов. К тому же старые немецкие союзы очень мало вмешивались в производство и нисколько не приучали своих членов к руководству им, т.-е. не являлись в этом важнейшем смысле школой социализма. Наконец, и организационные дефекты давали себя знать; было еще слишком много остатков и преданий старых цеховых союзов, — чувствовалась необходимость перейти к устройству союзов производственных.

Уже в 1919 г. на общем собрании союза металлистов, где левая оппозиция оказалась в большинстве, было вынесено решение об образовании производственного союза, объединяющего всех работников физического и умственного труда в металлической промышленности. Подобное же требование выставила в 1920 г. многочисленная оппозиция, оставшаяся, однако, в меньшинстве, на общем собрании союза типографских рабочих. За то же стояли тогда и горнорабочие Рурского бассейна.

Все это сопровождалось, однако, пока лишь частичным успехом. И потому разные революционные течения в немецком профессиональном движении, отчаявшись в победе внутри старых союзов, обнаружили тенденцию к образованию своих особых революционных по целям и формам профессиональных организаций.

Немецкие синдикалисты образовали поэтому «Свободный Союз Рабочих Германии», воспринявший принципы французской Всеобщей Конфедерации Труда, т.-е. отстаивавший экономическую борьбу, как единственную форму борьбы за освобождение рабочего класса, и «прямое действие» — всеобщую забастовку — тактическую панацею. Местные союзы здесь объединяются на основе федерализма.

Но организационно эти синдикалистские организации отнюдь не являются, за малыми исключениями, производственными, а сохраняют цеховой характер.

Но массовая стихийная стачечная борьба во время войны убедила многих немецких рабочих в необходимости именно производственных союзов, как боевых классовых организаций и основы грядущего социалистического строя. Низшей ячейкой такой организации должны были служить фабрично-заводские комитеты. Это в 1919 г. отстаивал Фриц Вольфгейм, а в средней Германии Карл Данненберг, формулировавшие то, что бродило и слагалось в революционно-настроенных немецких рабочих массах. Стали слагаться местные производственные профессиональные союзы в противовес старым, и в апреле 1920 г. в Ганновере состоялся первый съезд их представителей, объявивший об основании центрального объединения под названием Всеобщего Рабочего Союза Германии. Окончательно этот союз конституировался несколько спустя на конференции в Бремене. Союз должен был направлять организацию и тактику отдельных производственно-профессиональных союзов, в него входивших; но он провозгласил также профессиональную децентрализацию, отверг профессиональную бюрократию и заявил о своем отрицательном отношении к демократическому парламентаризму.

К весне 1921 г. во Всеобщем Рабочем Союзе было до 200 тысяч участников. В Берлине преобладали централистские тенденции в организации, в Гамбурге федералистские. Соответственно этому гамбургцы склонялись и в тактике к синдикалистской позиции и отвергали связь с какой бы то ни было политической партией, а берлинцы отстаивали связь с Коммунистической Партией Германии [1]).

Таким образом, революционное профессиональное движение в Германии под влиянием войны и сложившихся после нее хозяйственных и социальных условий обособилось от старых массовых рабочих профессиональных организаций. Впоследствии Красный Профессиональный Интернационал и Коммунистический Интернационал, о которых мы будем говорить особо в связи с русской революцией, осудили эту

---

[1]) Bötcher, Zur revolutionären Gewerkschaftsbewegung in America, Deutschland und England, Jena, 1922, стр. 57 и сл.

обособленность, выдвинули принцип единства профессионального фронта, организационного общения революционно-настроенных рабочих с профессионально-организованными пролетарскими массами.

В области политической пролетарской организации важное значение имело основание Коммунистической Партии Германии, составившейся в том виде, как она существует теперь, из членов бывшего союза «Спартак» и из левой половины расколовшейся на съезде в Гааге, где выступал, как представитель Коммунистического Интернационала Зиновьев, Независимой Социал-Демократической Партии, причем правая половина этой партии воссоединилась с шейдемановцами.

Тактика коммунистической партии Германии подверглась испытанию в 1923 году, когда после оккупации Рура французами, вследствие неуплаты репараций и под влиянием падения курса марки и роста дороговизны, Германия оказалась снова на пороге революции. Тогда восторжествовала в партии тактика правого крыла, возглавляемого Брандлером. Тактика эта заключалась в союзе с левыми элементами в Германской социал-демократии и проявилась в особенности в Саксонии и Тюрингии. Коалиционные правительства были свергнуты буржуазией и правой социал-демократией. Революция не вспыхнула, попытка восстания в Гамбурге не увлекла масс, и Германия вступила на путь буржуазной стабилизации, особенно после принятия плана Дауеса. Германская социал-демократия окончательно усвоила позицию чистого реформизма и отчаянной борьбы с коммунизмом, что сделало ее фактической союзницей буржуазии. Новая программа, принятая в 1925 г., вытравила из эрфуртской программы все элементы революционности, ей свойственные, и окончательно утвердила реформистскую линию партии. Демагогическим прикрытием оппортунистической программы и тактики партии является развиваемый теоретиками германской социал-демократии план «экономической конституции», участия рабочих и особенно рабочих организаций в управлении фабриками и заводами [1]). Вопрос этот, являющийся одним из видов постановки вопроса о рабочем конт-

---

[1]) Zwing, Soziologie der Gewerkschaftsbewegung, Erster Teil, Gewerkschaften und Wirtschaft, Jena, 1925.

роле над производством, представляющий собою самый смягченный его вид, стоял практически еще в эпоху ноябрьской революции 1918 года, но был тогда решен всецело в пользу капиталистов: рабочие в местных и центральных учреждениях, специально для того созданных, по признанию самих реформистских теоретиков, получили, при равенстве своего численного положения с предпринимателями в этих учреждениях, только способ решения компромиссом с капиталистами разногласий по вопросу о заработной плате и вообще условиях труда, но по вопросу о производственном процессе за ними признан был только совещательный голос [1]). Жалкие результаты, достигнутые таким образом ноябрьской революцией в этом отношении, — результаты, напоминающие нашу так и неосуществившуюся в политической сфере во время революции 1905 года совещательную булыгинскую думу — лучше всего свидетельствуют, какого максимума можно достигнуть от буржуазии без полной победы над ней, тем более при чистом реформизме: можно приобрести внешнее украшение, декорацию, отказавшись взамен этой мишуры от боевых действий даже и в деле защиты ближайших интересов рабочего класса, подменив эти боевые действия принципиальным принятием тактики компромисса. Ни о какой «хозяйственной демократии», «экономической конституции» не может быть и речи без революционного давления масс. И сколько бы реформистские теоретики ни рассуждали о «народном единстве», созданном не «господством большинства», а «равенством в хозяйстве» [2]), — неумолимая действительность, отчасти и под влиянием агитации за «хозяйственную демократию», убедит рабочий класс Германии, что без революции невозможно реальное участие пролетариата в организации и ведении хозяйства: разочарование рабочих масс в реформистской тактике в этом отношении приведет несомненно к их революционизированию.

Из дальнейших событий в новейшей послевоенной истории Германии обращают на себя особенное внимание два — выбор в президенты Германской республики после смерти с.-д. Эберта монархиста фельдмаршала Гинденбурга и проект

---

[1]) Там же, стр. 87 и след.
[2]) Там же, стр. 126.

так-называемого гарантийного договора, выдвинутый буржуазным немецким министром иностранных дел Штреземаном.

Выбор Гинденбурга показал, что половина взрослого политически-полноправного населения Германии, в большинстве женщины, настроена реакционно в буржуазном и даже монархическом смысле.

Гарантийный договор, т.-е. проект, устанавливающий согласие Германии на произведенные после войны аннексии и вступление ее в Лигу Наций, эту хранительницу старого строя после войны, подобную в существе своем реакционному Священному Союзу после наполеоновских войн, означает тяготение Германии к сохранению буржуазно-капиталистических отношений. В этом смысле и в смысле отрыва Германии от союза с революционной коммунистической Россией понимают этот договор и английские консерваторы. Однако, немецкая буржуазия, даже самая правая, представляемая партией националистов, вследствие неустранимых противоречий своих интересов с интересами буржуазии стран-победительниц, не решается на окончательный разрыв с Советской Россией и обставляет гарантийный договор условиями, исключающими или, по крайней мере, ослабляющими возможность участия Германии в интервенции против России или содействия Германии этой интервенции.

Оценивая общее положение в Германии после войны с точки зрения грядущих перспектив, приходится признать, что и среди буржуазии, и в пролетариате обнаруживаются тенденции, во многих отношениях отличные от тех, которые частично намечались в первые годы после войны. В среде буржуазии такие люди, как вождь партии центра Эрцбергер и культурный представитель крупной промышленности Ратенау, обнаруживали несомненные левые тенденции: Эрцбергер готов был к широкой буржуазно-реформистской деятельности и искренне поддерживал республику; Ратенау, во многом с ним в этом отношении солидаризировавшийся, в качестве министра иностранных дел заключил с Советской Россией рапалльский договор, открывший широкие возможности к экономическому и политическому общению обеих стран. Но оба они были убиты немецкиим фашистами. И на смену им пришли деятели типа Штреземана, оппортунистически лавирующие между Востоком и Западом и фактически идущие в поводу у самой безоглядной буржуазной и

монархической реакции. Во всяком случае политика немецкой буржуазии не отличается широтой размаха и смелостью заданий и служит наглядным свидетельством, что буржуазия изжила себя и не имеет будущности. Ведь и в экономике немецкая буржуазия не идет далее надежд, что ей удастся укрепить свое положение и ухватить кое-какие крохи путем полного подчинения американской монополистической буржуазии.

Что касается немецкого пролетариата, то большинство его имеет тенденцию к мирному реформизму. Конечно, остаются, крепнут и множатся и революционные кадры. Разумеется, чистый реформизм — такая же утопия, как и чистое бунтарство, и пресловутый план Дауеса, — этот пресс для выжимки пота и крови из немецкого рабочего класса, — станет, вероятнее всего, совершенно невыносим для немецкого пролетариата через несколько лет, когда он развернет свои действия полностью, но все же пока — на эти несколько лет — германскому революционному, политическому и профессиональному движению придется совершать еще упорную и длительную агитационную, пропагандистскую и организационную работу. Наглядным свидетельством оппортунистических, нереволюционных, даже реакционных тенденций немецкого рабочего класса в его большинстве является отказ немецких рабочих-горняков поддержать английских рабочих горной промышленности, готовивших оборонительную стачку в начале августа 1925 года.

В результате революционные и социалистические перспективы в Германии, конечно, не устраняются, несомненно существуют и растут, но их реализация в ближайшие годы представляется неопределенной. Все здесь будет зависеть, главным образом, от того, что произойдет в других странах, само собой разумеется, при усиленной, неослабной работе революционных организаций.

Положение Франции после войны, как мы уже видели отчасти, существенно отличалось от положения Германии. Страна-победительница, получившая обширные угольные и рудные районы, снабжавшаяся большими промышленными ценностями в виде немецких репараций, Франция получила широкую возможность развивать свою индустрию. От безработицы она страдала меньше, чем какая-либо другая капиталистическая страна. Поэтому, и социальные и поли-

тические перемены в ней были сравнительно невелики, гораздо менее значительны, чем где бы то ни было. Однако, финансы были после войны в тяжелом положении; валюта сильно хромала, курс франка падал, война причинила народным массам неисчислимые и невыносимые страдания. И потому французское рабочее движение еще во время войны стало в значительной степени приобретать революционный характер.

Главная массовая рабочая организация Франции — синдикалистская Всеобщая Конфедерация Труда — насчитывала в 1914 году, в год начала войны, свыше миллиона членов. Ее конгрессы — амьенский 1906 года и парижский 1912 года — высказывались за всеобщую стачку, как средство противодействия войне, и встали всецело на интернационалистическую платформу. Жуо и Дюмулен, вожди французского синдикализма, в 1914 г. в Брюсселе запрашивали Легина, готовы ли немецкие профессиональные союзы реагировать на войну всеобщей стачкой. Вопрос их остался без ответа, и тем снята была с очереди дня забастовка и во Франции. Всеобщая Конфедерация Труда ограничилась поэтому лишь выпуском воззвания и манифестациями против войны. Ее федеральный комитет во главе с Жуо занял оппортунистическую, шовинистическую позицию, когда война началась [1]).

Оппозиция в среде синдикалистов ведет свое начало с 1915 года: редактор «La Vie Ouvrière» Монатт тогда вышел из состава федерального комитета и выпустил декларацию в духе революционного интернационализма. Его поддержали Росмер, секретарь союза металлистов, Мерргейм и секретарь федерации бочаров Бурдерон. Мерргейм и Бурдерон присутствовали на Циммервальдской конференции и там присоединились к циммервальской правой [2]).

С 1916 года во Франции начинает крепнуть массовое рабочее оппозиционное движение: начинаются стачки, возникают протесты профессиональных организаций против произвола буржуазии и правительства. Словом, гражданский мир начинает нарушаться, трещит по всем швам. В 1917 и

---

[1]) Поль Луи, Французский синдикализм от Амьенского до Сент-Этьенского съезда (1906—1922).

[2]) Гальперин, Профессиональное движение Франции со времени войны, М. 1924, стр. 29—30.

1918 годах все чаще созываются съезды профессиональных организаций. Под влиянием роста дороговизны стачечная борьба в те же годы сильно увеличивается. Когда 18 января 1917 года издан был декрет об обязательном арбитраже для предотвращения стачек, то не только Марргейм, но и Жуо и федеральный совет Всеобщей Конфедерации Труда заявили протест, оставшийся, однако, без последствий [1]).

В 1917 году в Клермон-Ферране съезд Всеобщей Конфедерации Труда высказался за мир без аннексий и контрибуций. Когда Мерргейм перешел на сторону Жуо, — видную роль в оппозиции стал играть Монмуссо [2]).

В 1918 году, когда война кончилась, Всеобщая Конфедерация Труда выставила требования участия рабочих в управлении производством, рабочего контроля, национализации важнейших отраслей индустрии. В ответ на это для успокоения рабочих буржуазная французская республика вынуждена была в 1919 году издать ряд законов, расширявших права рабочих синдикатов и делавших частичные уступки рабочим, тем более, что началось наступательное стачечное движение: 25 марта 1919 г. издан был закон о коллективных договорах рабочих с предпринимателями, 23 апреля о восьмичасовом рабочем дне, 11 — 18 июня положено основание серьезному улучшению юридического положения профессиональных рабочих союзов, существенно менявшему их положение по сравнению с законом 1884 г. Это было окончательно завершено законом 12 марта 1920 года, по которому союзы признаны юридическими лицами, разрешено участие в них женщин. Обещано было также издание особого статута о государственных служащих, расширявшего их права.

В 1920 г. потерпела неудачу крупная стачка железнодорожных служащих и рабочих во Франции. Это было началом перелома во французском рабочем движении после войны: пришлось уже обороняться, а не наступать. Но это не ослабило, а только усилило рост оппозиции. В конце июня 1919 г. был основан Амстердамский Профессиональный Интернационал, объединявший профессиональные союзы 14-ти стран с 17 миллионами рабочих, в них входивших.

---

[1]) Поль Луи, Французский синдикализм от Амьенского до Сент-Этьенского съезда.

[2]) Гальперин, Профессиональное движение во Франции, стр. 35, 39.

Во главе его стояли реформисты — Гомперс, Эппльтон и Легин. Это еще усилило фракционную борьбу во французской Конфедерации Труда, и борьба эта кончилась в 1921—1922 г., с основанием Красного Профессионального Интернационала в Москве, расколом: наряду с реформистской Всеобщей Конфедерацией, во главе которой остался Жуо, образовалась под водительством Монмуссо и Семара революционная Унитарная Конфередация Труда, примкнувшая к Красному Профинтерну. Отделились от реформистской организации и анархисты, во главе с Бенаром. В 1923 г. в Унитарной Конфедерации насчитывалось до 450 тысяч участников, и в реформистской — до 300 тысяч [1]).

Исчезло также единство и во французской социалистической партии: от ее большинства, возглавляемого Блюмом, Лонге и Реноделем, чисто-реформистского, в котором Лонге и его группа приближаются к немецкому центру, отделилась коммунистическая партия, вождями которой являются Кашен и Дорио , а затем от коммунистов отошла в особую организацию группа Фроссара, промежуточная между социалистами и коммунистами.

Развитие французской крупной индустрии, перспективы которого несомненно расширились после войны, должно вывести французское рабочее движение на революционную дорогу, к чему оно обнаруживает уже теперь заметную тенденцию.

Англия получила после войны всеобщее избирательное право, стала окончательно, несмотря на сохранение монархических форм, демократической республикой. В политическом ее развитии после войны замечательны появление небольшой пока, но уже имеющей значение коммунистической партии, и крупный рост рабочей партии. Чем далее идет политическое развитие Англии, тем резче обозначаются классовые противоречия даже в области политических отношений, не говоря уже о социальных, о которых речь пойдет особо. Вследствие этого падает склонная к компромиссам партия старых либералов-вигов, и противопоставляются лицом к лицу пролетариат и воинствующая буржуазия, рабочая и коммунистическая партия, с одной стороны, и

---

[1]) Поль Луи, Франц. синд.; Гальперин, Проф. движение Франции, стр. 44—87.

тори-консерваторы — с другой. В палате общин большею частью сохранялось консервативное большинство. Но на выборах 1924 года тори не получили абсолютного большинства. Тогда соглашением вождя либералов Ллойд-Джорджа и вождя рабочей партии Макдональда создано было временное большинство, поддерживавшее рабочее правительство Макдональда. Пока это правительство проводило политику, угодную вигам, — оно держалось. Но как только Макдональд и его помощник по министерству иностранных дел Понсонби согласились, под давлением рабочей партии, заключить торговый договор с Советской Россией, гарантируя ей заем в 40 милл. фунт. стерл., большая часть которого должна была итти на заказы английской промышленности, — рабочее правительство было свергнуто коалицией тори и вигов. Большинство на выборах 1925 г. получили снова тори, хотя количество голосов, поданных за рабочую партию, возросло. Во время избирательной кампании тори не погнушались воспользоваться для агитации подложным «письмом Зиновьева».

Тем не менее, английское рабочее движение после войны и особенно в последнее время более, чем какое-либо другое в Европе, обнаруживает революционные тенденции.

Целый ряд обстоятельств этому способствовал. Прежде всего — еще задолго до войны, около 1905 года — в Англии начинает зарождаться идея рабочего контроля над производством, как средства перехода к грядущему социалистическому хозяйству. Первым пропагандистом этой идеи явился в то время Коннолли, впоследствии, в 1916 г., казненный; он думал, путем установления рабочего контроля, создать индустриальную республику, которая должна потом расколоть скорлупу старой буржуазной государственности и занять ее место. К Коннолли в 1910 г. примкнул ветеран рабочего движения в Англии, один из основателей неоюнионизма и политической рабочей организации, неутомимый и непримиримый революционер, теперь один из лидеров английской коммунистической партии, Том Манн. Влияние этого течения после войны усилилось: в 1917 году резолюция о рабочем контроле была принята конгрессом союза железнодорожников, в 1919 г. — конференцией почтовых и телеграфных служащих; в том же 1919 г. возник проект национализации горной промышленности в Англии: управлять производством

по этому проекту должны были шахтовые комитеты, в которых 50% должно быть выборных от рабочих, а 50% — представителей правительства [1]).

Еще во время войны реформистские элементы в английском рабочем движении стали принимать меры предосторожности против роста этих несомненно-революционных тенденций. Под председательством одного из лидеров профессионального движения Уитли был создан комитет для регулирования отношений между предпринимателями и рабочими. И после окончания войны это учреждение ненадолго получило свое продолжение и развитие в виде так-называемых «советов Уитли». Для предотвращения конфликтов и для сотрудничества между предпринимателями и рабочими были учреждены национальные промышленные советы в каждой отрасли промышленности из равного числа представителей предпринимателей и рабочих; ниже их стояли на тех же основаниях составленные окружные советы, а в отдельных предприятиях — заводские советы. В 1918 г. конгресс трэд-юнионов высказался за советы Уитли, но скоро затем, в 1919 г., их значение пало, и они исчезли: классовый компромисс потерпел неудачу [2]).

Это движение не осталось, однако, без последствий; заводские советы или комитеты сохранились, чему способствовало особенно то, что они существовали в более крупных отраслях индустрии — напр., особенно в металлической промышленности, — еще и до войны. Со времени войны движение в пользу учреждения заводских комитетов («Shop Stewards») распространилось на всю страну. Они сыграли большую роль во время войны в качестве защитников интересов рабочих. Позднее заводские комитеты получили и свою самостоятельную центральную организацию, объединяя всего больше революционные элементы в рабочем движении Англии [3]).

1905 год был исходным хронологическим пунктом и синдикалистского движения в Англии и в особенности родственного ему гильдейского социализма. Этот послед-

---

[1]) Сидней и Беатриса Вебб, История трэд-юнионизма. изд. ВЦСПС, вып. V, стр. 63—73.

[2]) Филипп, Гильдейский социализм и трэд-юнионизм.

[3]) Bötsher, Zur revolutionären Gewerkschaftsbewegung in America, Deutschland und England, стр. 152—153.

ний — гильдейский социализм — окончательно сложился в 1905 г., когда основана была «Национальная гильдейская лига» [1]).

В основу всей хозяйственной организации гильдейский социализм ставит так называемую «национальную гильдию», объединяющую каждую отдельную отрасль производства. Устройство национальной гильдии представляется в следующем виде: во главе каждой мастерской стоит мастер, выбранный рабочими, в ней работающими; во главе завода или фабрики — директор, выбранный советом; его помощники — технический и коммерческий — выбираются: первый рабочими предприятия, второй — его служащими; в округе для статистических работ и для регулирования спроса и предложения на местном рынке существуют окружной совет и выбранный им секретарь; наконец, во главе гильдии во всей стране для данной отрасли производства стоит собрание делегатов, которое выбирает исполнительный комитет и утверждает избранного им генерального секретаря.

Все это — организация производителей, которая должна решать, *как* должны быть произведены хозяйственные блага. Но гильдия производителей в данной отрасли промышленности по отношению к другим отраслям является гильдией потребителей. В качестве таковой она решает, *какое количество* товаров надо сфабриковать. *Цены на товары* устанавливаются договором гильдий-производительниц с гильдиями-потребительницами [2]).

Само собой разумеется, что для гильдейского социализма профессиональный союз является основной единицей всего строя гильдии, и что признается такой единицей именно союз производственный, а не цеховой [3]).

От синдикализма гильдейский социализм отличается тем, что он сильнее, чем синдикализм, отстаивает централизацию хозяйственного руководства и не отрицает совершенно государства и парламентаризма, настаивая лишь на «очищенном парламентском народном представительстве» и признавая необходимыми поэтому сильную политическую рабо-

---

[1]) Там же, стр. 130—131.

[2]) Филипп, Гильд. соц. и трэд-юнионизм.

[3]) Botcher, Назв. соч., стр. 133.

чую партию и участие профессиональных союзов в парламентских выборах[1]).

Но как ни замечательны и ни знаменательны все эти новые течения в английском рабочем движении, — всего важнее, однако, являются перемены в собственно профессиональном движении — в его структуре, идеалах и направлении.

Что касается структуры, то здесь особенно обращает на себя внимание образование производственных союзов, вливание мелких цеховых союзов в крупные производственные, охватывающие всех без различия специальностей рабочих и служащих, занятых в данной отрасли промышленности. К числу таких новых больших производственных союзов принадлежат в особенности три самых крупных союза Великобритании — федерация горняков, национальный союз железнодорожников и федерация транспортных рабочих, причем наиболее умеренной из них является организация железнодорожников, руководимая крайним реформистом Томасом: пока только меньшинство железнодорожных рабочих и служащих настроено действительно революционно[2]).

Конечно, огромный рост концентрации капиталистических предприятий, наступление капитала и дороговизна, приведшие к уменьшению реальной заработной платы, сыграли огромную роль и в революционизировании трэд-юнионов и в образовании огромных производственных союзов: необходимо было противопоставить объединенному капиталу такой же объединенный труд, тем более, что заработная плата в 1921 г. составляла 112% довоенной, а в 1924 г.— 98% довоенной.

Вот почему в 1922 г. горняки, железнодорожники и траспортники заключили тройственный союз, основание которому положено было еще раньше, — в 1913 и 1915 годах, — и горняки начали забастовку под лозунгом национализации копей, рассчитывая на поддержку двух других союзов. Но дело кончилось неудачей вследствие измены железнодорожников, а затем и транспортников. «Черная пятница» 1922 г. осталась надолго тяжким, мрачным воспоминанием для английских горняков.

---

[1]) Там же, стр. 134—137. Ср. Кол, Введ. в соц.; Кол, Мир труда.

[2]) Bötcher, Назв. соч., стр. 142—143.

К этому присоединились еще два обстоятельства, революционизировавшие английских рабочих горной промышленности: во-первых, дурное влияние немецких репараций на сбыт английского угля, во-вторых, настоятельная необходимость глубоких, решительных перемен в технике добывания каменного угля в Англии.

Репарации привели к массовой доставке немецкого угля в Бельгию и Францию — важные рынки для английского угля — и тем сократили в этих странах потребление английского угля. В технике наметилась необходимость удешевить производство и победить конкуренцию нефти, для чего закрыть отсталые копи, ввести электрификацию, придать углю жидкий вид. Все это возможно в сущности только при национализации копей, на чем и настаивают английские горнорабочие [1]).

В противовес этому предприниматели, владельцы копей, выставили план понижения заработной платы. Это вызвало энергичнейший отпор со стороны рабочих-горняков, которые не захотели в 1925 году допустить повторения «черной пятницы» 1922 года. Англии стала грозить грандиознейшая и упорнейшая забастовка. И чрезвычайно характерно, что даже консервативное, торийское правительство Болдуина не нашло старого, трэд-юнионистского, решения вопроса, а прибегло к мере, которую вождь вигов Ллойд-Джордж назвал «самой худшей из национализаций»: правительство выговорило у владельцев угольных копей обязательство не понижать заработной платы до весны 1926 года и взамен этого обещало им приплаты из казны в случае, если прибыль упадет ниже 13-ти процентов. Это значит, не контролируя производства, давать подачку из народных средств капиталистам-предпринимателям в угольной промышленности. Конфликт отсрочен путем меры, грубо-классовый характер которой ясен для всякого, и которая вместе с тем показывает, что пора трэд-юнионистского разрешения классовых конфликтов в Англии миновала: необходимы глубокие экономические и социальные перемены.

В сознании этого масса английских рабочих — членов профессиональных союзов — революционизируется быстро и

---

[1]) См. фельетон Радека в «Правде» за 1925 г. и его ссылки на работы Валляса Торнэйкрафта и комиссии партии вигов.

сильно: последний конгресс трэд-юнионов 1925 года принял резолюции против войны, империализма, колониальной политики, за полное право самоопределения угнетенных наций, вплоть до полной их независимости, наконец, за мировое единство профессионального рабочего движения.

Реформистская рабочая партия на своем съезде большинством голосов постановила не допускать в свои ряды коммунистов и исключить их. Это дало смелость консервативному правительству обрушиться на коммунистическую партию судебными репрессиями. В то же время готовится усиление полиции на случай грядущих забастовок. Крепнет и наглеет в Англии фашистская организация. Атмосфера классовой борьбы раскаляется все более и сулит грядущие революционные бури, которые будут, несомненно, иметь огромные последствия для мирового рабочего движения.

И везде — и во Франции, и в Германии, и в Англии, и в других странах Западной Европы — все более крепнет ясное и твердое сознание того, что существование СССР и его укрепление и развитие имеют огромное значение для развития мирового рабочего движения, что Союз является могучим фактором усиления и успехов этого движения, почему пролетариат всех стран должен всячески противиться посягательствам буржуазии на советскую власть в России и всяким попыткам интервенции — явной и скрытой, во всех ее формах и видах.

Нам остается теперь подвести итоги рабочему движению в Соединенных Штатах Америки и бросить общий взгляд на пробуждающийся Восток, особенно — на Китай.

Соединенные Штаты оказались после войны и в ее результате не только могущественнейшей экономически капиталистической страной в мире, но и главным центром финансовой империалистической монополии. Колоссальное развитие сельскохозяйственной и промышленной техники привело к господству крупного производства. Тысячи мелких хозяев, насажденных известной уже нам «надельной системой» при колонизации земель к западу от Миссисипи, разоряются и бросают свои земли. Электрификация в Америке достигла небывалого распространения. Финансовый капитализм в Америке только еще начинает развертываться во всю ширь и потому устремляется в первую очередь на кредитование иностранных правительств, но так же все

более распространяет свое руководящее влияние и на промышленные предприятия в других странах. План Дауеса является не чем иным, как попыткой подчинения немецкой промышленности, главным образом, американскому и английскому капиталам.

Выгоды, получаемые американскими капиталистами и до войны и особенно после нее, давали им возможность делать значительные экономические уступки многочисленному в Америке квалифицированному пролетариату. Поэтому важнейшая массовая профессиональная организация такого пролетариата, Американская Федерация Труда, под водительством Гомперса, а по его смерти — Грина, представляла собою типичную трэд-юнионистскую организацию старого типа: в основе ее лежали старые цеховые союзы обученных рабочих, взаимопомощь в болезнях и безработице и защита высокой заработной платы лишь в крайних случаях стачкой, по преимуществу же компромиссами с предпринимательскими союзами, составляли их основные цели. Боевой классовой организацией пролетариата Американская Федерация Труда, таким образом, не являлась и не является, о социализме она не помышляет и вообще является очагом оппортунизма и реформизма.

Но объединение капитала, дружный натиск капиталистических трестов и монополий промышленного и финансового типа на рабочий класс посеяли зерно оппозиции и в Американской Федерации Труда. В ее недрах появились именно в противовес капиталистической монополии новые производственные союзы, главным из которых являются «Объединенные горняки Америки». Производственные союзы постепенно все растут и укрепляются в недрах Американской Федерации, и их оппозиция несомненно будет расти далее и определяться резче. Таков один — быть может самый важный — источник революционизирования американского рабочего движения [1]).

Необученные рабочие, находящиеся вне Американской Федерации, дают начало другому источнику того же процесса: они создают свои производственные союзы, отрицающие и старый цеховой принцип, и компромиссы с буржуазией, и профессиональную бюрократию [2]). Мало того,

[1]) Botcher, Назв. соч., стр. 15—17.
[2]) Там же, стр. 18—21.

часть их составила особую национальную организацию трудящихся, близкую по тактике организации и целям к синдикалистам, — это так называемые «Индустриальные Работники Мира». В конце 1904 года шестеро активных участников революционного рабочего движения составили проект новой организации, и 27 июня 1905 г. в Чикаго состоялся ее первый съезд, на котором реально объединилось до 40 тысяч американских рабочих. Вождями движения были: Даниэль де-Леон, Хэджерзи и другие, зерно составляли портовые рабочие, деревообделочники, металлисты и особенно горняки. Видную роль стал играть также потом производственный союз сельскохозяйственных рабочих.

Состав «Индустриальных Работников Мира» не был постоянен: члены приливали в организацию в боевые моменты экономических кризисов и отливали от нее в более спокойные времена. Однако, сотни тысяч американских рабочих периодически подвергались влиянию Индустриальных Работников Мира. В тактике они главным образом выдвигали саботаж и стачку — синдикалистские приемы прямого действия. Преобразование капиталистического общества в социалистическое, путем такого прямого действия, выставляли целью, ясно сознанной и определенной.

В отношении к политическим партиям и парламентской борьбе произошли большие раздоры внутри организации, особенно тогда, когда в Америке появилась своя небольшая пока коммунистическая партия. Марксистское крыло организации «Индустриальных Работником Мира», возглавляемое де-Леоном, высказывалось за союз с коммунистической партией и за использование также и парламентских возможностей, следовательно, и за участие в выборах в американский конгресс и представительные собрания отдельных штатов. Но чистые синдикалисты во главе с Джоном и Хэйвудом отклонили это и собрали вокруг себя большинство [1]).

Мы видим таким образом, что везде — во всех капиталистических странах Европы и Америки, — несмотря на все препоны и затруднения, на гегемонию рабочей аристократии, которой есть чем дорожить в ее положении, пробивается, зреет и крепнет в разных формах революционная оппозиция. Чистый реформизм является несомненной уто-

---

[1]) Там же, стр. 27—29, 34, 48—50, 51—56.

пией, и это становится для пролетарских масс очевидным все более и более. Конечно, Англия и Соединенные Штаты не являются такими бюрократическими странами, как капиталистические государства европейского континента. Несомненно также, что сухопутный милитаризм тех же Англии и Америки менее напряжен: с окончанием войны перестала действовать всеобщая воинская повинность, временно введенная в военное время, и совершился возврат к наемной армии. Но воздушный и морской флоты усиливают милитаризм и в них и делают поэтому неосуществимым мирный переход к социализму путем выкупа права собственности на средства производства у капиталистов, лишают возможности «откупиться от этой банды», как выражался в свое время Маркс. И в этих странах революционное движение масс таким образом неизбежно, хотя оно и может здесь принять своеобразные формы и привести к своеобразным результатам.

В странах европейского континента бюрократизм и милитаризм составляют характерные черты, делающие здесь революционные приемы, формы и результаты борьбы еще более неизбежными. Конечно, и здесь возможны и весьма вероятны местные особенности и своеобразия.

Дело осложняется еще пробуждением азиатского востока, в особенности Индии и Китая. В обеих странах несомненно происходит буржуазно-демократическая революция, острием своим направленная против иностранного империализма. Но если в Индии всецело господствует английский империализм, то в Китае скрещиваются японское, английское и американское влияния, и это делает Китай ареной междоусобной войны: империалистические страны не решаются выступить сами, со своими вооруженными силами, потому что это привело бы к новой мировой войне; они выставляют поэтому своих китайских приверженцев: Чжан-Цзо-Лин является слугой японского капитала, У-Пей-Фу — английского, пекинское правителство Дуан-Цзи-Чжуя лавирует между этими врагами, ориентируясь главным образом на Америку; но растет и множится новая освобожденная народная сила, оплотами которой являются кантонское правительство и его войска, руководимые демократической партией гоминдан, основанной Сун-Ят-Сеном, отчасти также народная армия Фынь-Юй-Сяна. Победоносный исход демо-

кратической революции в Китае должен нанести смертельный удар мировому империализму. В тот момент, когда пишутся эти строки, после заключения гарантийного пакта на конференции в Локарно, западные границы революции и реакции окончательно определились: они проходят по западной пограничной линии Советского Союза. Но на восток они идут очень далеко — до Китая, а на юг в Азии — до Индии. Здесь и решится окончательно вопрос о ближайших судьбах не только азиатского Востока, но и европейского Запада.

VI.

Общая характеристика последнего периода развития передовых капиталистических стран.

Двадцатое столетие дало миру последний период развития капитализма в Европе и Соединенных Штатах Америки. Развитие техники и вообще прозводительных сил достигло чрезвычайной высоты, свидетельствовавшей о том, что переход к социализму был объективно подготовлен. Концентрация производства, совершаясь старыми способами развития акционерных компаний и образования могущественных союзов предпринимателей, нашла себе последнее, наиболее яркое выражение в финансовом капитализме, в управлении предприятиями, всей промышленностью при помощи грандиозной банковой системы, в руководящем хозяйственном положении кредитного, растовщического капитала, властно распоряжавшегося в капиталистическом хозяйстве и наметившего тенденцию к своей мировой монополии. Образование финансового капитализма объясняется необходимостью кредита и его руководства целыми отраслями промышленности, долгосрочностью кредита, предназначаемого для приобретения постоянного капитала, при чем эта долгосрочность создает длительную заинтересованность финансового капитала в предприятиях, развитием комиссионной продажи товаров банками, захватом внешних рынков и источников сырья в отсталых странах, наконец, заменой эмиграции капиталов их экспортом.

Финансовый капитализм привел в области банкового дела к небывалой прежде концентрации банков, к перевесу

солидных банковых операций над спекулятивными и к разделению функций между банками разных разрядов и категорий.

В области социальных отношений влияние финансового капитализма сказалось главным образом в обострении классовых конфликтов и в приближении такого положения, при котором старое трэд-юнионистское разрешение их становится все менее возможным. К тому же финансовый капитализм был силой, увеличившей и без того возраставшую в капиталистическом обществе дороговизну и обострявшей кризисы и безработицу.

Эти социальные условия предвещали бурю, и из стремления предотвратить эту бурю вышли социальные и политические реформы в Англии — государственное страхование рабочих от болезней, увечий и безработицы, пенсии инвалидам труда, лишение палаты лордов права абсолютного вето, закон о минимуме заработной платы. В этих отношениях Франция и Германия далеко отставали от Англии: их буржуазия лишена была возможности уступать, так как не имела таких колоний, как английская буржуазия.

Высокое развитие промышленной техники выдвинуло на первый план в передовых странах довольно численный слой рабочей аристократии, квалифицированных рабочих, которые особенно при помощи профессиональных и партийных организаций подчинили своей гегемонии необученные массы рабочих. Поэтому программа и тактика социалистических партий и их объединения — Второго Интернационала — приняли постепенно оппортунистический, реформистский характер: рабочая аристократия, которой было что терять в буржуазном, капиталистическом обществе, тянула рабочий класс от классовой борьбы к соглашениям с буржуазией. Тем не менее, так как и квалифицированные рабочие остаются пролетариями, и чистый реформизм является утопией, — революционный социализм должен был неизбежно пробиваться вперед и развиваться.

Его развитию способствовала империалистическая война 1914 — 1918 годов, обязанная своим происхождением финансовому капитализму, — поискам за внешними рынками для сбыта фабрикатов, стремлению захватить источники сырья, поместить экспортируемые капиталы, наконец, захватить экономическую монополию.

Война кончилась поражением Германии и ее союзников, достигнутым английской техникой, американскими танками (бронированными автомобилями) и французской стратегией. Война создала огромные жертвы людьми и материальными средствами, подчеркнула, как нельзя более ярко, тот факт, что капитализм уже противодействует развитию производительных сил, разрушает их. Она создала также небывалый упадок производства во всех капиталистических странах, расстройство обмена и транспорта, породила огромную задолженность. И даже к концу первой четверти XX века стабилизировать капиталистическое хозяйство вполне не удается. Действительное повышение продукции сравнительно с довоенным временем получилось только в Соединенных Штатах и во Франции.

Державы-победительницы, потерпев неудачу в прямом ограблении Германии, которая не могла вынести тяжесть наложенных на нее «репараций», в 2½ раза превышающих убытки ее противников в войне, прибегли к рассрочке этого ограбления при помощи плана Дауеса, при чем этим была вместе с тем обеспечена гегемония главным образом американского капитала в немецком народном хозяйстве.

Американская капиталистическая, в особенности финансовая монополия вообще приняла после войны ясно выраженные формы и проявления. Господство финансового капитала и промышленная концентрация после войны усилились в чрезвычайной степени.

Бумажно-денежная инфляция, дороговизна, уменьшение реальной заработной платы, рост безработицы, явившиеся также последствиями войны, содействовали развитию рабочего движения, проникнутого в значительной своей части оппозиционным и революционным духом. Синдикализм в разных его проявлениях и разновидностях и особенно коммунизм, явились крайними выражениями революционности. Но оппозиционное и революционное настроение стало захватывать и профессионально-организованные массы рабочих, особенно в Англии. Параллельно этому перестраивалась и сама профессиональная организация: вместо цеховых союзов возникали производственные, ставилось на очередь прямое и решительное движение к национализации средств производства, к социализму, а в качестве зачатка этого проектировался рабочий контроль над производством.

Наконец, национально-демократическое движение в отсталых странах Востока усиливало кризис.

В результате, мы находимся накануне огромных и важных перемен во всех капиталистических странах. Эти перемены примут своеобразную форму в каждой из них, но их неизбежность и в той или другой мере революционный их характер несомненны и неустранимы.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ.

Революция 1917 и последующих годов в России.

I.

Февральская революция и первое временное правительство.

Истории русской революции 1917 и последующих годов, пишущий эти строки, если силы и время ему позволят, предполагает в будущем посвятить особый большой труд, подготовительная работа к которому в большей своей части уже исполнена. Но именно это последнее обстоятельство дает право, а общий план и задачи «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» налагают обязанность и здесь дать общий сжатый очерк этой революции.

Февральская революция 1917 года произошла на широкой социальной базе, — в ней участвовали в той или иной мере все сколько-нибудь жизнеспособные классы общества, но, само собой разумеется, сразу же сказались все особенности их классовой природы.

Когда 27 июля 1914 года собрались в торжественные и единственные тогда свои заседания, впервые после начала войны, государственная дума и государственный совет, — в речах партийных лидеров и в постановлениях обеих палат выразилось с достаточною ясностью отношение разных классов русского общества к войне. Прежде всего резко определилась разница между дворянско-бюрократическим по преимущественному составу советом и буржуазной в общем

и целом думой: тогда как первый со скорбью и болью выражал сожаление и опасение, хотя и верноподданническую готовность на жертвы, вторая приветствовала войну с радостью и патриотическим подъемом. И даже оратор трудовиков Керенский своей речью попал в тон думскому буржуазному патриотизму. Единственным диссонансом прозвучала речь представителя социал-демократии Чхеидзе, высказавшегося против войны, правительства, правящих классов и в том числе против буржуазии, проникнувшейся воинственным азартом. «Война до полной победы в полном согласии с союзниками» — вот лозунг, который одушевлял тогда все политически-сознательные элементы общества, кроме пролетариата. Впрочем, как показали потом заявления некоторых представителей социал-демократии в печати и даже в государственной думе, и в рабочей среде оборончество, с оговорками или без них, пустило отчасти некоторые корни.

Чем дольше продолжалась, однако, война, тем больше убеждались отдельные группы буржуазии в невозможности обороны страны и, тем более, победы силами самодержавия. Началось это разочарование слева — с мещанского социализма трудовиков: позднейшие думские речи Керенского звучали уже не так, как речь 27-го июля, которая осталась, таким образом, единственной в своем роде. Затем возник вопрос об «ответственном министерстве», которое в духе последовательного парламентаризма, при сохранении старой думы отстаивали представители крупного промышленного капитала — прогрессисты, и которое земские либералы, землевладельческая по преимуществу, т.-е. кадетская, буржуазия пробовала в напрасной надежде на компромисс со старой властью подменить «министерством общественного доверия». Страшные поражения на фронте и многочисленные преступления старой власти и ее агентов заставили буржуазию перейти в активную оппозицию, но не охладили и не уменьшили воинственного азарта буржуазных «патриотов» и не отучили их от завоевательных мечтаний об Армении, части Малой Азии, Константинополе и проливах и т. д.

Кризис назревал. Увеличивавшаяся, обострявшаяся все сильнее хозяйственная разруха, дороговизна, бестоварье осложняли его до чрезвычайности, волнуя массы. Буржуазия, встречая влиятельную поддержку в авторитетных

союзнических кругах — в английском и французском посольствах, — мечтала о дворцовом перевороте, об отречении Николая II, даже подготовляла его. Но она запоздала.

Февральские и мартовские дни вывели на улицу рабочих и городскую обывательскую бедноту с лозунгом «хлеба», который рабочими после первых же опытов расстрела, произведенного по приказанию министра внутренних дел Протопопова, был осложнен лозунгом «свободы». Солдатская масса, давно изверившаяся в старую власть, состоявшая притом уже не из линейных или кадровых солдат, а из призванных из запаса людей от сохи и станка, после недолгого колебания встала на сторону народа. Быстро был организован Совет рабочих депутатов. Государственная дума и ее временный комитет волей или неволей должны были примкнуть к движению. Старая власть рухнула от первого сильного толчка, как давно прогнившее дерево, державшееся только корой.

Ближайшие причины революции, таким образом, ясны. Но в основе их лежала одна более глубокая объективная необходимость: старый режим не создал ни культурного, ни самостоятельного народного хозяйства России; и более культурная часть буржуазии и трудящиеся массы — та и другие по своему, сообразно своему классовому положению,—именно и стремились к хозяйственной культурности и самостоятельности. Реальными, действительными, как показали потом события, были стремления не буржуазии, а именно пролетариата.

Сразу после первой победы революции вскрылись с полною ясностью глубочайшие противоречия между общественными классами, которые произвели революцию. Петроградский совет рабочих депутатов провозгласил в своем воззвании «Ко всем народам» 14 марта формулу «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов»: пролетарская воля к миру была таким образом ясно выявлена. Но буржуазия оказалась глухой к этой формуле, осталась попрежнему верной воинственной и завоевательной политике. Она хотела фактически заменить принцип «революция—это мир» лозунгом «война до полной победы». Здесь ярко обнаружились непримиримые противоречия между пролетариатом и буржуазией во внешней политике. Первое временное правительство, буржуазное по своему составу, с единствен-

ным «заложником демократии» в лице министра юстиции Керенского, и не думало претворять в действительность лозунг, провозглашенный советом рабочих депутатов.

Какие задачи ставило себе первое временное правительство в области внутренней политики? Только одну—подготовку выборов в учредительное собрание фактическим осуществлением гражданских свобод, выработкой и проведением в жизнь избирательного закона для земств и городских дум и разработкой устава для выборов в учредительное собрание. При этом сразу обнаружились две тенденции: с одной стороны—к введению несколько повышенного (до 25, потом до 21 года) возрастного ценза и ценза оседлости (в шесть, потом три месяца), с другой—к затяжке выборов и созыва учредительного собрания. Понятны мотивы такой тактики: надеялись путем оттяжки народного волеизъявления достигнуть больших результатов для буржуазии в расчете на утомление масс.

Но еще характернее — неделание во всех других вопросах внутренней политики. Революция совершилась, а по острейшим вопросам, затрагивавшим крестьянство и пролетариат,—аграрному и рабочему — не было сделано ничего. Еще при старом режиме много говорилось, напр., о регулировании народного хозяйства, о мерах к прекращению или хотя бы сокращению выпуска бумажных денег. Теперь по этим вопросам наложена была печать молчания на уста. И когда, как это случилось с министром финансов Терещенко во время его московской поездки, приходилось все-таки отвечать на ребром поставленные вопросы,—ответы давались дипломатически-уклончивые, пробавлялись больше всего ссылками на недостаток времени и непродолжительность существования новой власти. И попрежнему бездействовали. Почему?

Это понятно: ведь случилось большее, чем желала крупная и средняя буржуазия. Она желала только дворцового переворота, смены лиц, самое большее — устранения «маленьких недостатков механизма», а революция «выплеснула из ванны вместе с грязной водой и ребенка» — монархию. Недаром сделана была неудавшаяся попытка сохранить престол для Михаила Романова. Политическая революция приняла крайние формы. Буржуазия не могла, конечно, не понять, что она переходит и в социальную революцию, напра-

вленную уже не против царизма, а против нее самой, буржуазии.

Итак, аннексии, война, отсрочка учредительного собрания на возможно более продолжительное время и отказ от каких бы то ни было преобразований, в которых были заинтересованы массы, — вот знамя, сознательно и с определенными намерениями развернутое первым временным правительством революционной России. Классовые интересы буржуазии, боящейся резких перемен и империалистической, несмотря на свое относительное—сравнительно с буржуазией передовых стран—худосочие, сказались здесь с совершенной, законченной полнотой и ясностью. Могла ли российская буржуазия занять иную позицию?

Конечно, нет. Правда, она была худосочна. Но именно поэтому империалистическое хищничество было близко ее сердцу: чем примитивнее капитализм, тем более склонен он — при прочих равных условиях — к грубым приемам эксплуатации. А затем ведь и худосочие российского капитализма, если исключить влияние на него иностранного капитала, принимавшее также, как мы выше видели, грубо-хищнические формы, было тесно связано с пагубной экономической и финансовой политикой старого режима, обескровливавшей, истощавшей массы населения, лишавшей их покупательной способности. Сразу создать эту способность было невозможно. Следовательно, хищничество, империализм попрежнему оставалось вожделенным, единственным выходом из положения при последовательной защите классовых интересов буржуазии.

Но массы не могли итти за буржуазией. В них прошла уже трещина, значительная их часть уже проникла́сь советскими лозунгами: здесь опять-таки были выражены их насущные, жизненные классовые интересы, от которых нельзя было отречься. И наиболее импульсивная часть масс сделала первое, робкое пока, выступление 21 апреля. Впервые в нашей революции, менее, чем через два месяца после ее начала, столкнулись физически демократия и буржуазия, при чем боевым лозунгом рабочей демократии было: «долой министров-капиталистов», «долой империалистскую, завоевательную войну».

Классовые противоречия сказывались достаточно сильно, и потому скоро началась агония первого временного прави-

тельства. Авторитет министра иностранных дел Милюкова был уже подорван его нотой к представителям союзных держав, в которой советский лозунг был им иезуитски или, если угодно, дипломатически истолкован в империалистическом смысле. Совет столкнулся затем и с военным министром Гучковым, пытавшимся положить предел политической агитации на фронте и не пожелавшим ни реорганизации армии на новых основаниях, ни умаления своей власти. Гучков заявил о своем уходе. Но этот уход был уже началом конца: вся система первого временного правительства рухнула, раз выпала одна из существенных частей, ее составлявших. Произошел правительственный кризис. К маю 1917 года выяснилось, что правительство первого состава, чисто-буржуазное, не могло более существовать. Грозила гражданская война, если бы оно не обновилось.

II.

Коалиционное правительство.

Обновление мыслимо было лишь в двух смыслах: могло быть составлено или коалиционное правительство, или правительство из одних только представителей революционной демократии.

Буржуазия была, конечно, за первое: она и здесь преследовала те же свои классовые интересы, хотела по прежнему и прежними, только несколько прикрытыми, средствами— неделанием, «саботажем» — парализовать революцию.

Представители не капиталистической, мелкой буржуазии социалисты-революционеры не хотели брать на себя одни ответственность за всю власть или даже за коалицию с капиталистической буржуазией.

Социал-демократия была разделена резко. Большевики составляли в сущности уже особую партию, основная позиция которой определялась тезисами Ленина, провозглашенными им тотчас же по возвращении из заграницы. Главными пунктами здесь являлись — вся власть советам до учредительного собрания, немедленная передача всей земли в руки крестьянских земельных комитетов и установление рабочего контроля на фабриках и заводах. То был очевидный и смелый приступ к осуществлению заданий циммервальдской левой, первые шаги к социалистической революции в России, а через ее посредство и в Европе. Большевики в то время не были еще достаточно сильны, чтобы захватить власть всецело в свои руки. Участие в коалиции с буржуа-

зией для них да и для буржуазии, разумеется, было принципиально исключено.

Меньшевики делились на правых — оборонцев, центр — революционных оборонцев и левых—интернационалистов во главе с Мартовым. Все эти группы без различия считали революцию буржуазной, практически по крайней мере не социалистической. Меньшевики-интернационалисты были противниками коалиции с буржуазией, стояли за чисто-социалистическое временное правительство, подчиненное до созыва учредительного собрания советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Но большинство меньшевиков не мыслило буржуазно-демократической революции без участия капиталистической буржуазии. К этому присоединялось — верное или нет,—это другой вопрос,—сознание слабости культурных и технических сил и средств революционной демократии. Наконец, решающую роль сыграл ультиматум эс-эров: они соглашались итти в правительство только вместе с меньшевиками. Меньшевики-оборонцы обоих оттенков охотно подбросили бы, подкинули власть другим, сохраняя удобное, вожделенное с меньшевистской точки зрения положение оппозиции, приличествующее партии пролетариата в буржуазной революции. Но жизнь оказалась сильнее схемы, теории. Пришлось пойти в правительство.

Конечно, решили пойти на определенных условиях, с соблюдением социалистических приличий, установленных Вторым Интернационалом: с разрешения и под контролем партии и советов, с ответственностью перед ними, наконец, на основе определенной, точно выработанной программы.

Каковы были основные пункты этой программы? Главных из них было четыре: активная работа в пользу мира на основах советской формулы 14 марта, борьба с хозяйственной разрухой путем государственного регулирования промышленности и финансовых реформ, подготовка демократического решения аграрного и рабочего вопросов и скорейший созыв учредительного собрания.

Программа была положена в основу коалиции и принята и капиталистической буржуазией и организованной в советы революционной демократией в ее большинстве, подчинявшемся тогда руководству меньшевиков и эс-эров. Но капиталистическая буржуазия приняла ее только формально,

вынужденная к тому обстоятельствами, решив в действительности ее не осуществлять, а меньшевики и эс-еры не приняли достаточно реальных мер к ее осуществлению.

Важнейшей из этих мер в первую очередь было правильное распределение министерских портфелей. Правда, аграрный вопрос отдан был в руки эс-эров, а рабочий передан в социал-демократическое министерство труда. Но иностранные дела, торговля, промышленность, финансы, внутренние дела, т.-е. вопросы о мире, хозяйственной разрухе, учредительном собрании остались на попечении представителей капиталистической буржуазии. Этому не придавали значения, надеясь влиять на общую политику правительства, отчасти также, боясь недостатка собственных культурных и технических сил, даже рады были этому. Наконец, что касается меньшевиков, то они и пошли к власти нехотя и потому старались взять в ней и за нее возможный минимум ответственности.

Жизнь не замедлила показать глубокую ошибочность этой позиции.

Конфликты и нелады начались именно в вопросе о борьбе с хозяйственной разрухой, которая заставляла себя чувствовать все сильнее. Регулирование промышленности было насущной, неотложной задачей Но, как только представители революционной демократии поставили ее практически на первую очередь,—влиятельнейший представитель крупного промышленного капитала в правительстве, министр торговли и промышленности Коновалов, заявил о своем уходе, признавая невозможным для себя взять ответственность за нарушение коммерческой тайны, за неизбежное при этом раскрытие торговых книг коммерческих предприятий и сверку их с действительным положением дел. Отсталый русский промышленный капитализм не хотел итти ни на какие уступки, приемлемые во время войны для капитализма передовых стран—Англии, Франции, Германии.

После того второе временное правительство тщетно пыталось найти министра торговли и промышленности в среде капиталистической буржуазии, и фактическим главой торгово-промышленного ведомства стал Пальчинский, твердо и неуклонно проводивший политику саботажа в отношении к вопросу о регулировании промышленности и достигший в этом смысле полного успеха. Напрасно некоторые пред-

ставители революционной демократии, близкие к правительственным кругам, указывали на необходимость назначения демократического министра торговли и промышленности и даже выставляли кандидатуру, вполне обеспечивавшую энергию, компетентность и авторитетность,—их заявления остались гласом вопиющего в пустыне, а кандидатура была отведена под предлогом, имевшим совершенно второстепенное значение.

Министр финансов к.-д. А. И. Шингарев переработал подоходный налог так осторожно, робко, сделал такие незначительные надбавки к обложению крупных доходов, что правительство заставило его предпринять новый пересмотр ставок и довести норму обложения высших доходов до 30%. Но, не говеря уже о том, что фактически налог почти не поступал, представители революционной демократии в правительстве не настаивали на проведении другой, важнейшей еще, меры — чрезвычайного поимущественного налога, который один только мог задержать и уменьшить грозивший неизбежной катастрофой выпуск бумажных денег, инфляцию. Здесь у меньшевиков и эс-еров, не говоря уже о кадетах, влияло недоверие к теории, скептическое отношение к «идеологам» и боязнь, как бы не начались усиленная ликвидация предприятий и отлив капиталов заграницу. Забывали или игнорировали при этом то, что проект поимущественного налога был выработан при ближайшем участии практиков, и что отлив капиталов и ликвидация предприятий явятся—и притом в действительно грандиозных размерах—неизбежным последствием развития хозяйственной разрухи под влиянием между прочим и инфляции.

Если таково было отношение к проекту поимущественного налога со стороны правящих групп революционной демократии, то отношение кадетского министра финансов было здесь уже прямо и резко отрицательным. Когда автор проекта имел по этому поводу разговор с А. И. Шингаревым, он убедился, что со стороны руководителя ведомства проект встречает упорное, непреодолимое сопротивление. Если бы вопрос был поставлен решительно, это вызвало бы, вероятнее всего, уход не одного министра финансов, а всех кадетов, быть может даже всех представителей крупной и средней буржуазии из правительства. А этого меньшевики и эс-еры не хотели.

Так борьба с хозяйственной разрухой остановилась на мертвой точке. Этим подрывались в корне сила и значение коалиционной власти: правительство, неспособное сколько-нибудь упорядочить хозяйство и финансы, было осуждено на гибель.

И продвижение вперед еще одного неотложного хозяйственного вопроса — вопроса аграрного—сталкивалось с сознательным и планомерным саботажем буржуазных членов правительства, преимущественно из состава кадетской партии. Демократическое решение его учредительным собранием требовало непременной подготовки двумя мерами, которые должны были быть проведены в срочном порядке: запрещением частных сделок с землей и передачей всех крупных и средних владений, всех крепостнических и капиталистических сельскохозяйственных предприятий на учет земельных комитетов. Эти меры—и только они одни—могли предотвратить или ослабить непосредственные захваты земли крестьянами, которых не хотело временное правительство. Но не говоря уже о второй мере, которая совершенно не выдвигалась коалиционным правительством и даже только его демократической частью, первая, запрещение земельных сделок, встретила непреодолимое сопротивление крупнобуржуазного большинства правительства, что заставило министров из среды революционной демократии впервые подумать о необходимости разрыва коалиции.

Не более того сделало коалиционное правительство по вопросу о борьбе за мир. Здесь действовали советы, пославшие — безрезультатно — своих делегатов для подготовки стокгольмской конференции, а правительство вынуждено было не столько поддерживать этот план, сколько терпеть, допускать его, и не делало от своего имени никаких формальных предложений. Новый министр иностранных дел, Терещенко, проявил здесь в полной мере дипломатическую увертливость и ловкость по отношению к революционной демократии. Уступчивость, податливость по адресу союзных правительств, усвоенная коалиционным правительством, сильно содействовала и военно-политической авантюре—несчастному плану наступления на фронте, который попытались осуществить 18 июня 1917 года.

Конечно, происхождение этого плана и его осуществление нельзя приписать одному только влиянию со стороны союзников. Были некоторые внутренние причины, оказав-

ные здесь свое действие. Влияли и империалистические аппетиты буржуазного большинства правительства и революционно-оборонческие идеалы некоторых представителей революционной демократии. Из среды этой последней о плане наступления знали и ему сочувствовали и содействовали только Керенский и Церетели; о нем не были осведомлены ни президиум совета рабочих депутатов, ни даже то руководившее политикой революционной демократии собрание лидеров меньшевиков и эс-эров, которое ежедневно заседало в квартире Церетели и Скобелева. Наконец, в армии были некоторые группы — по преимуществу из интеллигенции, которые признавали необходимым достигнуть победы революции путем наступления на фронте. Технически, казалось, армия была готова к наступлению. Некоторые, по крайней мере, если не все, боевые генералы находили, что моральное разложение армии не заходило далее, чем то было раньше, при старом режиме. Упускали, однако, из виду многое очень важное: во-первых, исчезла палка, то принуждение угрозой расстрела, которое существовало при царизме; во-вторых, наступило страшное утомление, вполне понятное: ведь раньше, в силу технической отсталости от союзников и противников, русская армия «воевала телами», несла беспримерные жертвы и потери, и окопы были так плохи, как нигде, ни у кого из воюющих. Самоотверженных сознательных революционеров-оборонцев в армии, заплативших за свои убеждения большею частью жизнью и здоровьем во время наступления 18 июня, можно понять. Техников военного дела—генералов—можно отчасти оправдать. Но политикам, руководителям дела, нет извинения: они совершили крупнейшую ошибку, повели азартную игру, пустились на опасную и преступную авантюру.

В самом деле: политик должен всегда действовать, учитывая не только лучшие, но и худшие из возможных последствий его действий. В данном случае стояли на карте судьбы русской революции, свободы, родины, даже, быть может, ближайшего будущего всего мира. Риск здесь был не благородным делом, а преступной авантюрой. И авантюра повела к страшной катастрофе.

Такова была длинная цепь ошибок коалиционного временного правительства, существовавшего от 6 мая до 3 июля. Представители той части революционной демокра-

тии, которая играла тогда правящую роль, хотя и не в полной, не в надлежащей мере сознавали, но все же по крайней мере чувствовали тяжесть положения и улавливали даже основной нерв этой тяжести—саботаж крупной и средней буржуазии, не понимавшей и не способной понять необходимости в собственных своих интересах пожертвовать многим. Но меньшевистское доктринерство в вопросе о «буржуазной революции» и эс-эровская ограниченность и близорукость затемняли сознание того, что опыт коалиции окончательно дискредитировал ее идею в условиях русской действительности. Примерный урок должен был рассеять все иллюзии и надежды и масс и особенно вождей и повести к решительному разрыву. С массами это и случилось очень скоро. Но с вождями этого не произошло.

Близость кризиса чувствовалась, и кадеты поставили, повидимому, себе задачей разорвать не на социальных вопросах, где классовая подкладка их тактики выступила бы особенно ясно, а на вопросе национальном, поднятом тогда разом на Украине и в Финляндии: здесь прикрыть свою истинную природу было легче. И потому отвергнут был большинством правительства советский проект отказа от вмешательства во внутренние дела Финляндии на основе признания Финляндией права России вести общую внешнюю политику и держать в Финляндии военную охрану от покушений извне с предоставлением окончательного решения вопроса о взаимоотношениях Финляндии и России учредительному собранию, и решено было распустить финляндский сейм, т.-е. вступить с Финляндией в конфликт. Крупнобуржуазное большинство коалиционного правительства заставило, таким образом, принять свою точку зрения. Но окончательный разрыв произошел на украинском вопросе: когда Церетели и Терещенко привезли из Киева временное соглашение с радой, которое должно было действовать до учредительного собрания, три кадетских министра высказались против этого соглашения, вышли в отставку и оставили зал заседания временного правительства. Это произошло в ночь со 2-го на 3-е июля. Несколько дней спустя вышел в отставку и министр-председатель кн. Львов, тоже к.-д.

Так прекратило свое существование второе временное правительство революционной России. Коалиция рухнула, обанкротилась, показала свое бессилие.

III.

Первые выступления большевиков и силы, их поддерживавшие.

Мы уже говорили выше о тезисах Ленина, оглашенных им тотчас по приезде из заграницы. Борьба за мир без аннексий, не парламентарная республика, а республика советов с устранением полиции, армии, чиновничества и платой выборным и сменяемым всегда по воле избирателей должностным лицам не выше средней платы рабочего, национализация всех земель с распоряжением ими со стороны местных советов и с передачей под контроль тех же советов крупных имений с образцовым хозяйством, «не введение социализма», а переход к контролю со стороны советов рабочих депутатов, слияние всех банков страны в один общенациональный банк и контроль над ним советов — вот основное содержание этих тезисов. К этому примыкали здесь и организационные задачи: обновление Интернационала, перемена программы и названия партии.

Эти положения Ленин развивал и поддерживал и позднее, особенно подчеркивая вопреки стремлениям к непосредственному социализму в среде большевиков необходимость лишь первого шага к социализму — рабочего контроля и национализации банков и земли [1]). Он считал законченной буржуазно-демократическую революцию в России. Поэтому изжитой он объявлял высшую форму буржуазной государственности — парламентскую демократическую республику и отстаивал

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIV, 1, стр. 35.

республику советов, за которую, по его мнению, при умелой тактике выскажутся пролетариат и $^{9}/_{10}$ крестьянства [1]).

На апрельской конференции большевиков предложения Ленина приняты были пока не целиком, а частично: прошли резолюции о войне и об аграрном вопросе в том смысле, в каком предлагал Ленин. Вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую пока окончательно решен не был.

Как раз почти накануне этой конференции, происходившей 24—29 апреля 1917 г., когда существовало еще первое временное правительство, случилось первое выступление рабочих, находившихся под влиянием большевиков: то была известная уже нам демонстрация 21 апреля. Ее смысл был ясен: она прошла под лозунгом удаления из правительства представителей крупной буржуазии, т.-е. фактического подчинения правительства советам рабочих депутатов. Несомненно, эта демонстрация сыграла известную роль в крушении первого временного правительства, хотя первенствующей, главной эта роль и не была.

Приход к власти коалиционного правительства был только новой формой старого соглашения между буржуазией и демократией; сущность этого соглашения формулирована была Лениным впоследствии в такой сжатой формуле: «оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом», чем обусловливалось мирное развитие революции. И Ленин пока стоял именно за такое мирное развитие. Считая, что коалиционное правительство — смена лиц, а не принципа, настаивая на том, чтобы вся власть принадлежала советам [2]), Ленин требовал, чтобы во имя этого лозунга борьбы за советы производились демонстрации рабочих масс. Такая демонстрация предположена была 10 июня, но состоялась только 18 июня.

Отстаивая подобные демонстрации, признавая их необходимыми, Ленин и большевики стремились, однако, предупредить несвоевременное, незрелое, недостаточно подготовленное вооруженное восстание. Их целью было завоевание большинства на втором съезде советов, опираясь на которое, они могли бы взять в свои руки власть.

---

[1]) Там же, XIV, 1, стр. 26, 45—47.

[2]) Там же, XIV, стр. 134.

Но здесь и позднее огромное значение имела психология российского пролетариата, подвергшегося притом влиянию энергичной и искусной большевистской агитации.

Изучая историю русского капитализма, мы в свое время отметили, что огромная концентрация производства — не меньшая, чем в передовых капиталистических странах мира,—сильнейшим образом сплачивала русских рабочих, объединяла, организовала, революционизировала их, развивала в них до высокого напряжения здоровый и могучий классовый инстинкт, формировала и поднимала и их классовое сознание, но в то же время российский капитализм отличался очень большой технической отсталостью, откуда происходила сравнительная тонкость слоя квалифицированных рабочих, так что этот слой не пользовался такой гегемонией в рабочей массе, как то наблюдалось на западе Европы. Таким образом, психология рабочего неквалифицированного, массовика всецело господствовала у нас, определяла настроение рабочей массы, к которой примыкала особенно в силу старорежимного бесправия и значительная часть квалифицированного пролетариата в России.

Какова же была эта массовая пролетарская психология?

Русский рабочий в массе своей никогда не проводил резкой грани между программой-минимум и программой-максимум. Мне пришлось много общаться с широкими рабочими массами в Петербурге и Москве в 1905—1908 годах, а позднее в Сибири в 1910—17 годах, и я вынес глубокое убеждение, что это так. Рабочие не раз заявляли: «если у нас сил хватит, мы возьмем и фабрики и заводы», «только бы нашим детям хватило хлеба, молока и масла,—мы фабрики возьмем»! Так встречались все речи о необходимости объективной подготовки социалистической революции достижением высокого уровня развития производительных сил, высоко-развитой техники.

С другой стороны — рабочее представительство в советах было своим, родным, близким пониманию, уму и сердцу рабочего-массовика: он выбирал по производству, в мастерской, где работал, давал свой наказ депутату, выбирал его открытым голосованием. Выбирал он, конечно, с полной уверенностью, что от выборов будет толк, что интересы его будут достойно представлены и действительно защищены.

И вот совершилась революция, пал царизм, наступила свобода. А между тем экономическое положение рабочих не только не улучшилось, но все ухудшалось. Правительство ничего не делало ни по рабочему вопросу, ни для улучшения народного хозяйства, для уменьшения дороговизны и устранения бестоварья. И у советов власти не было: большинство временного правительства состояло из «министров-капиталистов», влиянию которых рабочая масса естественно и приписывала безвластие и бессилие советов.

Таким образом, агитационные лозунги большевиков—рабочий контроль, вся власть советам—падали на плодородную почву и давали пышные всходы.

Солдатская масса — запасные от станка и от сохи—особенно податливы были к агитации за мир, которую горячо вели большевики, и видели, что временное правительство фактически проводит тактику вовсе не борьбы за мир, а войны до победы.

И потому настроение масс было высоко-возбужденным, чему содействовала сильно и агитация большевиков. И вот, хотя партия больше всего боялась преждевременных выступлений, такое выступление как раз и совершилось в значительной степени стихийно.

По свидетельству очевидца и участника событий «после июньской демонстрации Первый пулеметный полк несколько раз пытался подбить другие полки и заводы Выборгской стороны пойти с оружием к Таврическому дворцу, чтобы вынудить ВЦИК взять власть в свои руки». Несмотря на то, что против этого боролись большевистские военная организация и районные комитеты партии, «утром 3 июля пулеметчики, под влиянием ночной агитации анархистов, стали снаряжаться в боевой поход к Таврическому». Правда, агитаторам большевистской военной организации удалось на несколько часов задержать их выступление, но в 6 часов они уже двинулись; к ним примкнули другие полки, кронштадтцы, рабочие Выборгского района, путиловцы. Все убеждения оказались напрасными. «Ночью 4 июля питерская конференция (большевиков) признала необходимым принять руководство массами в июльском выступлении» [1]).

---

[1]) Воспоминания Подвойского в «Правде» за 1925 г.

5 июля выступление кончилось неудачей. Рабочие, матросы, солдаты были разбиты, Петропавловская крепость сдалась временному правительству, кронштадтцы были обезоружены. Начались преследования большевиков. Ленин и Зиновьев скрылись в подполье, Каменев был арестован, но потом освобожден, то же произошло позднее с Троцким.

После июльских событий Ленин пришел к твердому убеждению, что, борясь за формальное большинство в советах, большевики в то же время вынуждены взять власть вооруженной рукой, путем восстания[1]).

Роль ликвидаторов июльского движения пришлось играть обломкам коалиционного правительства—оставшимся после ухода кадетов десяти министрам, большинство которых принадлежало к меньшевикам, эс-эрам и народным социалистам. То было третье временное правительство революционной России.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., XIV, 2, стр. 13—16, 20 и след.

IV.

Третье правительство.

Актив третьего правительства, существовавшего, впрочем, лишь немногим более трех недель, невелик: сюда надо занести только два акта — утверждение закона о запрещении земельных сделок и назначение выборов в учредительное собрание на 17-е, а созыва собрания на 30-е сентября. Впоследствии выборы и созыв были еще отсрочены.

Ликвидировав июльское движение, правительство занялось вопросом о выходе из создавшегося политического положения.

После разрыва с кадетами в ночь со 2-го на 3-е июля выяснилось как будто многое. Казалось, изжиты иллюзии о возможности совместной работы демократии с крупной буржуазией на почве программы 6 мая, вновь подтвержденной теперь 8 июля. Ленин из своего подполья определенно предлагал составление меньшевистско-эс-эровского правительства, с подчинением его советам, имея в виду в будущем завоевание большевиками большинства в советах и видя, таким образом, здесь последнюю возможность мирного разрешения кризиса. В том совещании, которое ежедневно происходило в квартире Церетели и Скобелева, пишущий эти строки употреблял все усилия, чтобы убедить составить правительство без представителей крупной буржуазии, из одних меньшевиков и эс-эров, с подчинением его советам.

Все было напрасно. Отдельные лидеры меньшевиков и эс-эров во время дискуссии иногда колебались, склонны были встать именно на эту точку зрения, но скоро от нее отходили. Непоколебимым, с доктринерски-меньшевистскими

шорами на глазах оставался один только Церетели. И он одержал в конце концов верх. Почему ближайшим образом?

Прежде всего потому, что, казалось, это значило вступать в соглашение с большевиками, что меньшевики и эс-эры после 3—5 июля считали совершенно невозможным: крепло контр-революционное движение, которому не желали давать пищу уступкой большевикам, сильно было раздражение против большевиков, надеялись, что под влиянием неудачи июльского выступления изменится настроение рабочих — даже тех, которые шли за большевиками.

Затем опять взяли верх страхи остаться в одиночестве, сомнения в своих силах, старые предрассудки.

Наконец, не считали прочной опорой и советы: думали, что они утратили прежний авторитет.

В то же время министр-председатель Керенский, которого лидеры меньшевиков и эс-эров одного только считали достаточно-популярным в массах населения, оказался непримиримым сторонником коалиции.

В конечном счете было ясно, что меньшевики и эс-эры ориентировались на крупную и среднюю буржуазию, а вовсе не на пролетариат и крестьянство.

В результате не только вернулись к коалиции, но и по вопросу о способе формирования правительства принято было опасное, ошибочное решение, послужившее позднее основанием для некоторых совершенно недопустимых личных притязаний Керенского: ему предоставлено было полномочие составить правительство по личному усмотрению.

Оно и было составлено с устранением некоторых лидеров меньшевиков и эс-эров, в чем сказалось подчинение Керенского настояниям кадетской буржуазии: это недвусмысленно заявляла впоследствии кадетская газета «Речь», радуясь тому, что эти лидеры ушли из правительства и что «работать» стало легче. Легче действительно стало, но не «работать», а заниматься неделанием, саботировать программу правительства.

Так составилось и стало действовать или, точнее, бездействовать четвертое временное правительство, снова коалиционное, составленное под председательством Керенского из вторых по преимуществу величин.

V.

Подготовка Октябрьской революции.

Для Керенского и крупно-буржуазного большинства четвертого временного правительства было с самого начала ясно, что близится победа большевиков. Крупная буржуазия нашла поэтому союзника в лице верховного главнокомандующего генерала Корнилова, который сделал попытку военного переворота.

«Демократическое совещание» в Москве в августе 1917 года было прелюдией к корниловщине: рукопожатие Церетели и Бубликова явилось символом того, что крупная буржуазия подчинила себе окончательно меньшевиков, истерическая речь Керенского наглядно показала бессилие коалиции и страх перед массами, Корнилов въехал в Москву как настоящий триумфатор контр-революции.

Затем начались переговоры Керенского с Корниловым. Теперь нет сомнения в их характере и содержании: речь шла о контр-революционном перевороте, об арестах не только большевиков, но и лидеров меньшевиков и эс-эров, о новом контр-революционном правительстве, в котором должны были участвовать и Керенский и Корнилов. В Петербурге была создана тайная контр-революционная военная организация, которая должна была симулировать большевистское восстание и тем дать повод к контр-революционному перевороту.

Но организация эта оказалась бессильной. С другой стороны, Керенский скоро понял, что Корнилов им хочет воспользоваться только на первое время, а затем он будет устранен, быть может даже «случайно» убит будто-бы несозна-

тельной солдатской стихией. Поэтому в последнюю минуту Керенский повернул фронт против Корнилова [1]).

Посланные Корниловым войска потерпели поражение. Советы и большевистская организация — политическая и военная — победили корниловщину. Но двусмысленная роль в корниловской авантюре Керенского и Савинкова не осталась тайной уже и тогда: большевики разоблачили эту роль в своем заявлении, сделанном ими в начале сентября в ЦИК советов.

«Демократическое Совещание» выбрало в конце сентября «Демократический Совет», который должен был руководить временным правительством до учредительного собрания, т.-е. лишить всякой власти советы и их исполнительный комитет. 26 сентября стало фактом пятое временное правительство под председательством Керенского с видным участием крупной буржуазии в лице Коновалова, как министра торговли и промышленности и заместителя министра-председателя, Кишкина—министра государственного призрения и Третьякова—председателя экономического совета. Крупно-буржуазная реакция и окончательный отрыв временного правительства от рабочих и крестьянских масс выявились здесь в совершенной полноте.

Этому соответствовала и политика правительства — внутренняя и внешняя. В экономической политике четвертое и пятое временные правительства пошли вспять даже по сравнению с теми немногими и робкими шагами вперед, которые были совершены третьим правительством: теперь решительно отказались от принципа принудительного синдицирования промышленности, удвоили твердые цены на хлеб, увеличивали непрерывно инфляцию, оттягивали учреждение земельных комитетов. Во внешней политике фактически шли в поводу у кадетской буржуазии, т.-е. длили войну, внешним выражением чего явилось назначение послами в Париж В. Маклакова и в Лондон Набокова.

Все это только подливало масла в огонь революционного настроения рабочих, солдатских и крестьянских масс. Сентябрьские выборы в районные думы в Москве дали боль-

---

[1]) Все это выяснено и в книге Милюкова и в воспоминаниях Деникина, и самого Керенского, и в работах Владимировой, Контр-революция в 1917 г. (корниловщина), и Сверчкова о Керенском в «Красной Нови» за 1925 г., особ. в посл. книжке.

шевикам почти половину всех голосов. 31 августа в Петербургском совете и 6 сентября в Московском большевики провели свою резолюцию об организации власти, земле и мире. Чем дальше вперед, тем больше перевеса в Петербургском совете получают большевики: он принимает резолюции об освобождении арестованных в июльские дни большевиков, о мире, конфискации помещичьих земель, рабочем контроле, протесты против Демократического Совещания и новых коалиционных опытов. Соответствующую позицию занимали многочисленные и многолюдные митинги на фабриках и заводах и сентябрьская петербургская конференция фабрично-заводских комитетов. Уже в сентябре в отдельных местах России советы фактически берут власть частично или вполне: так было, напр., в Астрахани и Ташкенте. Местные советы — ревельский, ярославский, ростовский, областной съезд советов Поволжья, съезды советов Северной области, Урала, Западного края встали на большевистскую точку зрения. Многочисленные солдатские депутации с фронта, являвшиеся в Петербург, высказывались в том же смысле [1]).

Большевики развивали огромную энергию. Июльский VI съезд партии занял ту тактическую позицию, которая, как мы видели, была выработана Лениным. Сам Ленин в своем подполье усиленно работал и практически и теоретически. Первостепенное практическое значение имели два его письма в руководящие учреждения партии — о необходимости взять власть путем восстания [2]). Одинаково и практический и огромный теоретически интерес представляла собою его новая работа «Государство и революция».

Основные идеи этой в высокой степени замечательной работы таковы:

Государство — продукт и проявление непримиримости классовых интересов, орган классового господства, угнетения одного класса другим. Поэтому освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без разрушения того аппарата государственной власти, который создан господствующим классом. Армия, полиция, бюрократия, суд, тюрьмы—главные силы государ-

---

[1]) А. Попов, Октябрьский переворот, Петр., 1918.
[2]) Ленин, Собр. соч., XIV, 2, стр. 133—136.

става. Бюрократизм и милитаризм — вот основные черты буржуазной, капиталистической государственности. Поэтому пролетариат в эпоху своей диктатуры должен не овладеть старой государственной машиной, а сломать ее и построить новую, исключающую бюрократизм и милитаризм. Так и сделала Парижская Коммуна 1871 года: она заменила постоянную армию всеобщим вооружением народа и вместо чиновничества поставила выборных и сменяемых членов Коммуны, которые не только законодательствовали, но и сами управляли, исполняли устанавливаемые ими законы; ответственными, выборными и сменяемыми были и судьи. На этих принципах должно строиться всякое правительство в период диктатуры пролетариата. На них построены и русские советы. Только с полным торжеством социализма отомрет государство [1]).

В октябре 1917 года большевики были, таким образом, во всеоружии и в теории и на практике.

Надо прибавить, что меньшевики и эс-эры не только не помешали большевикам, но облегчили им дело своей глубоко ошибочной тактикой по отношению к съездам советов. Ошибкой был почти полный бойкот ими второго съезда рабочих и солдатских депутатов, ошибкой была и отсрочка съезда крестьянского. Бойкот ЦИК, последовавший затем, был только логическим выводом из бойкота самого съезда. Путь для работы большевиков на втором съезде был расчищен и выравнен.

---

[1]) Там же, XIV. 2, стр. 300—375.

VI.

Октябрьская революция.

В нашу задачу в настоящей работе не входит изложение фактических подробностей октябрьского переворота в Петербурге, Москве и провинции; это уместно будет в предполагаемом в будущем большом труде. Здесь необходимо отметить лишь главные экономические и политические перемены, связанные с революцией. Заметим лишь в скобках, что организация и выполнение переворота были во многих отношениях превосходны, обнаружили и огромную энергию и значительную умелость, искусство. Многое было прямо образцово.

После того, как переворот совершился, большевистская власть, естественно, должна была начать с исполнения своих главных обещаний, приведших в движение массы. Отсюда произошли ее первые шаги — о мире, о земле и о рабочем контроле: мир должен был удовлетворить всех и в первую очередь солдат и матросов, земля—крестьян, контроль—рабочих.

Декрет о мире предлагал всем воюющим народам и правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире без аннексий и контрибуций, с предоставлением каждой нации реальной, ничем не стесняемой возможности решить свободно вопрос о формах своего государственного существования. Выставляя эти условия, правительство, однако, выразило готовность «рассмотреть и всякие другие условия мира». Отвергалась всякая тайная дипломатия. Вместе с тем предлагалось немедленное перемирие на три месяца. В заключение декрета правительство взывало

к рабочим Англии, Германии и Франции, напоминало о их заслугах в деле борьбы за социализм и призывало их к содействию делу мира.

Декретом о земле отменялась без выкупа помещичья собственность на землю, и земли помещичьи, удельные, монастырские и церковные со всем инвентарем передавалось до учредительного собрания в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Установлено было уравнительное землепользование с воспрещением наемного труда в сельском хозяйстве.

Декрет о рабочем контроле и дополнившее его впоследствии «Положение о рабочем контроле» установили «рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия», при чем контроль передавался фабрично-заводским комитетам, подчиненным местным городским и губернским советам рабочего контроля из представителей профессиональных союзов, заводских комитетов и рабочих кооперативов, а в центре, в Петрограде, должен был существовать всероссийский совет рабочего контроля.

Второй съезд советов рабочих и солдатских депутатов, в котором большинство было у большевиков, не только утвердил декреты о мире и о земле, но и организовал новую власть—совет народных комиссаров во главе с Лениным, его председателем. На первых же порах, однако, сделаны были попытки образования коалиционно-социалистической власти.

Попытки эти, поскольку они исходили от меньшевиков и эс-эров, имели все признаки весьма слабого понимания создавшегося положения: требовали немедленного освобождения арестованных членов временного правительства и такого положения большевиков в правительстве, которое не обеспечивало за ними большинства. Даже компромиссный проект Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного союза («Викжеля») давал большевикам только половину всего состава совета народных комиссаров и 60% членов всероссийского исполнительного комитета советов. Понятно, что большинство ЦК большевиков 2 ноября это отвергло, приняв коалицию с одними только левыми эс-эрами. Но это сопровождалось разногласиями в среде победившей 25 октября партии: из ЦК вышли Зиновьев, Рыков, Каменев, Ногин и Милютин, принадлежавшие к мень-

шинству, стоявшему за обще-социалистическую коалицию, из народных комиссаров ушли в отставку Рыков, Ногин, Теодорович, Милютин, Рязанов и Дербышев. Дальнейших последствий этот временный откол меньшинства, однако, не имел.

Отражена была попытка Керенского и Краснова вооруженной рукой уничтожить советскую власть.

Но перед новым правительством с первых же минут встала очень важная задача—завоевание военного и административного аппарата в стране.

В столичных городских думах господствовали эс-эры; притом же здесь была и непосредственная, организационная связь с «комитетами спасения родины и революции», боровшимися против переворота 25 октября. Большевики распустили московскую и петроградскую городские думы и произвели новые в них выборы, которые при инспирированном меньшевиками, эс-эрами и кадетами бойкоте их многими избирателями дали последним полное господство в органах самоуправления обеих столиц.

Затем было необходимо преодолеть сопротивление военно-фронтовой власти, высшего командования армии, в первую очередь — ставки верховного главнокомандующего, которым после бегства Керенского стал генерал Духонин и которая была центром контр-революции.

Исходным пунктом действий послужило здесь предложение Ленина, Сталина и Крыленко от имени совета народных комиссаров, согласно декрету о мире, генералу Духонину снестись с германским командованием по делу о немедленном заключении перемирия. Духонин отказался подчиниться этому распоряжению, вместо него назначен был Крыленко, и дело кончилось ликвидацией ставки и убийством Духонина солдатами. Фронт стал всецело большевистским. То был большой успех: материально, в смысле физической, вооруженной опоры это сильно укрепило новую власть.

Наконец, сломлено было и сопротивление гражданских служащих, устроивших политическую забастовку при материальной поддержке кадетской партии и банков. Эта забастовка, конечно, заранее была осуждена на неудачу: политическая забастовка имеет серьезное значение только как прелюдия к восстанию, а на восстание бюрократический состав центральных правительственных учреждений, разумеется, был неспособен. Забастовка прекратилась не только

вследствие иссякновения средств, но и вследствие сознания ее безрезультатности.

Наконец, 10 ноября 1917 года собрался второй съезд крестьянских депутатов, в котором большинство принадлежало левым эс-эрам. Съезд высказался за советскую власть и ее декреты. Вследствие этого в состав совета народных комиссаров вошли от левых эс-эров Калегаев, Прошьян и Штейнберг.

Октябрский переворот был завершен: образовалась новая рабоче-крестьянская власть. Началась диктатура пролетариата в союзе с крестьянством в надежде в будущем положить основу общеевропейской социалистической роволюции.

VII.

Выполнение основных заданий октябрьской революции.

С ноября 1917 г. по июнь 1918 г Советская власть переживала первый момент своего развития, посвященный выполнению основных первоначальных заданий, которые перед ней стояли после совершившегося переворота. Мы должны теперь проследить в главных чертах эту важную работу и определить ее главные результаты.

Мы видели выше, что октябрьский переворот естественно вытекал из того положения дел, какое сложилось к осени 1917 года, что он был совершенно-назревшей необходимостью вследствие справедливого раздражения широких рабочих, крестьянских и солдатских масс против временного правительства и партий, руководивших до того времени рулем государственного корабля. Быстрое распространение советской власти по всей почти России после переворота в обеих столицах лишний раз подтверждает зрелость и необходимость октябрьской революции: в каких нибудь три месяца после 25 октября вся европейская Россия, — если не считать Дона, где сопротивление советской власти оказывал генерал Каледин,—и Сибирь до Читы, т.-е. с исключением Дальнего Востока,—стала советской. Мало того: в феврале и Каледин был разбит и кончил жизнь самоубийством, и поражение, несомненно, ждало и его преемника Краснова; в то же время погиб Корнилов при штурме Екатеринодара. Но положение на юге сильно изменилось под влиянием вмешательства в события, там совершившиеся, со стороны немцев. Отношение к войне и мир с Германией, условия которого были навязаны Советской России немецким империализмом, сильно повлияли временно и на то сочетание сил, которое получилось

на юге. Понять это сочетание можно поэтому только в связи с так называемым Брестским миром.

14 ноября 1917 г. назначенный советской властью новый верховный главнокомандующий Крыленко послал в ставку немецкой армии парламентеров для предварительных переговоров о мире. Скоро эти переговоры и начались, но подвигались медленно, с перерывами, и повели сначала только к временному прекращению военных действий между Россией с одной стороны и Германией и Австрией—с другой.

Решить вопрос о заключении мира или о революционной войне против Германии и Австрии должен был фактически Центральный Комитет партии большевиков. В ЦК Ленин стоял на точке зрения, безусловно оправданной последовавшими затем событиями: как ни тяжелы предлагаемые германским правительством условия мира, как ни велика контрибуция в 3 миллиарда, мир необходимо заключить, так как война погубит революцию в России и может не вызвать революции в Германии. Несмотря на это, ЦК в голосовании вопроса о мире разделился пополам. Подавляющим большинством он высказался за затяжку переговоров.

Третий съезд советов, происходивший между 10 и 18 января 1918 г., дал Совету Народных Комиссаров неограниченные полномочия по вопросу о мире.

Конечно, Совет Народных Комиссаров не мог здесь обойтись без решения ЦК, и было созвано особое совещание из ЦК, представителя ПК и некоторых большевиков, имевших ясно выраженное мнение по вопросу. Большинство этого совещания высказалось, вопреки мнению Ленина, против подписания мира с Германией и приняло точку зрения Троцкого: ни мир, ни война; мир не подписываем, но и войны не ведем. Цель такого выступления была ясна: хотели агитационно воздействовать на немецкую армию, революционизировать ее.

В этом смысле 10 февраля 1918 г. и сделано было заявление Троцким немецкой делегации в переговорах о мире. Результат был тот, что началось наступление немецкой армии. Только после того, 17 февраля, ЦК большинством семи голосов против шести при одном воздержавшемся высказался за мир: наступление немецкой армии было непреложным фактом, а революции в Германии не произошло[1]).

---

[1]) См. Овсянников, ЦК РКП и Брестский мир, в прилож. к XV тому Собр. соч. Ленина, стр. 619 и след.

Германия приняла сделанное ей Советом Народных Комиссаров предложение открыть снова переговоры о мире. Заключен был Брестский мир: пришлось признать независимость Эстонии и Латвии, принять немецкую оккупацию Минска, Орши, Пскова, уступку Турции Батума; германский империализм использовал предательство давно замененной на Украине советами, не имевшей реальной власти там, украинской рады во главе с Голубовичем, которая заключила с Германией сепаратный мир. Правда, предательство это скоро было наказано: рада заменена была на Украине гетманом Скоропадским, опиравшимся на немецкие штыки. Седьмой съезд партии и 4-й съезд советов в марте 1918 г. утвердили Брестский договор. После поражения Германии последствия Брестского мира были ликвидированы.

Территория, на которую распространялась советская власть, сильно съузилась под влиянием Брестского мира. В Финляндии пролетарское восстание под лозунгом советской власти было подавлено с помощью немецкой армии, и самостоятельная Финляндия осталась буржуазной, как и Латвия и Эстония. Кроме Скоропадского на Украине, под крылышком немецкого империализма удержались на Дону Краснов и Деникин, ставший во главе добровольческой — офицерской и юнкерской — белой армии вместо погибшего Корнилова, а в Оренбурге атаман оренбургских казаков Дутов. Грузия не признала Брестского мира и отказалась уступить Турции Батум, вследствие чего турецкие войска заняли Грузию, Армению и Азербейджан. Наконец, англичане, высадив десант в Архангельске и на Мурмане, создали на севере противосоветское правительство Чайковского.

Таково было внешнее положение Советской России к лету 1918 года, в первый момент существования и развития советской власти. Но между половиной ноября 1917 года и летом 1918 года произошли крупные перемены и во внутреннем положении страны. Главные из этих перемен заключались в ряде национализаций и в разгоне учредительного собрания

Мы видели, что советская власть после переворота не ставила своей задачей декретирование социализма, а имела в виду лишь установление рабочего контроля над промышленностью и намерена была обобществлять предприятия только в тех случаях, когда их хозяева сами их бросали или закры-

вали или сопротивлялись рабочему контролю. Непосредственная «экспроприация экспроприаторов» рассматривалась только как карательная мера и как необходимый выход из положения, создававшегося самими предпринимателями.

Но на деле, на практике вышло иное. Прежде всего здесь повлияло отношение предпринимателей к создавшемуся положению: для них был непереносим рабочий контроль не менее, чем полная экспроприация, и потому они нарушали декрет о рабочем контроле постоянно и в такой мере, в какой только могли, и сплошь и рядом закрывали, бросали свои предприятия. Уже по этой причине декрет о рабочем контроле оказался утопией [1]): то, что должно было явиться исключением, карой за отдельные правонарушения, — национализация предприятий, — стало правилом, фактом повседневной действительности.

Но декрет о рабочем контроле оказался утопией и по другой еще причине — вследствие стремления рабочей массы к захвату фабрик: нам уже известна в этом отношении психология русского рабочего-массовика.

И процесс национализации банков и промышленных предприятий оказался неизбежным и произошел в значительной мере стихийно, создан был самой жизнью, и декреты только следовали за фактами действительности, юридически оформляли создавшееся положение.

С октября 1917 года по 1 июня 1918 г. было национализовано 487 предприятий и более 70-ти процентов их за неисполнение декрета о рабочем контроле и закрытие предприятий владельцами; при этом центральная власть национализировала только 20% этих предприятий, а остальные 80% национализаций были делом местных властей [1]). Формальными актами центрального правительства, юридически оформившими и закрепившими то, что, таким образом, было создано жизнью, были декреты 14 декабря 1917 года о национализации банков, 26 января 1918 г. о национализации водного транспорта, 23 апреля 1918 г. о национализации внешней торговли и, наконец, 28 июня 1918 г. о национализации крупных промышленных предприятий — фабрик и заводов.

---

[1]) Крицман, Героический период великой русской революции, стр. 41.

[2]) Там же, стр. 41.

Таким образом, к лету 1918 г., до начала гражданской войны, определилась явная и прямая тенденция итти прямо к социализму.

И последующие события вполне оправдали этот вынужденный самой жизнью курс: октябрьская революция была более решительной победой над царизмом, чем революция февральская; но победить в гражданской войне, начавшейся летом 1918 года и, следовательно, окончательно, реально, а не только формально, уничтожить царизм без прямого курса на социализм, было невозможно: «без диктатуры пролетариата крестьянство не победило бы помещика, объединившегося с капиталистом» [1]). Чтобы окончательно уничтожить царизм, необходимо было величайшее одушевление трудящихся масс, их энтузиазм, а это одушевление, этот энтузиазм были бы недостижимы без передачи земли крестьянам и фабрик рабочим. В этом, независимо от идеологических предпосылок октябрьской революции, содержанием которых являлась задача приступа к мировой социалистической революции, была объективная национальная причина необходимости национализации земли, фабрик, заводов и банков.

Второй крупной внутренней переменой в изучаемое время был разгон учредительного собрания 5-го января 1918 г. Мы не будем долго останавливаться на этом событии. Оно явилось логическим завершением тех политических перемен, которые установлены были октябрьской революцией. Главные соображения, которые приводились против учредительного собрания, заключались прежде всего в несоответствии условий и соотношения классовых сил в эпоху выборов в это собрание и после октябрьской революции, затем в отсутствии права отзыва избирателями членов учредительного собрания, наконец, в несоответствии у. с. тем задачам, которые возникают перед революцией, и в приспособленности к этим задачам советской власти.

Выборы происходили тогда, когда октябрьская революция не была еще фактом, и когда партия эс-эров, на деле уже расколовшаяся, не утратила еще формального единства, так что избиратели голосовали за фактически уже распавшуюся, не существующую партию. Положение во всех отношениях

---

[1]) Там же, т. XV, стр. 513.

изменилось после введения рабочего контроля и декрета о земле. Члены учредительного собрания не подлежат отзыву недоверяющими им более избирателями, так что в этом отношении советы несравненно демократичнее собрания. У. с. — орган буржуазно-демократической революции, проводимой по соглашению с буржуазией, а на очереди стоит революция пролетарская, социалистическая, диктатура пролетариата, для проведения которой нужны не общенациональные, а классовые органы, какими и являются советы. Поэтому учредительному собранию предложено было санкционировать достижения октябрьской революции, и когда оно от этого отказалось, то было распущено [1]).

Историческая и политическая логика всей этой цепи доводов совершенно неоспорима. Но, как и в других случаях, здесь, в разгоне учр. собрания, была и объективная национальная причина, делавшая этот разгон необходимым. С точки зрения теории формальной демократии избирательная система у. с. была совершенной, безукоризненной. Но на практике она приводила к сильнейшему перевесу осталой экономически и культурно деревни над сравнительно передовым в обоих отношениях городом. С этой точки зрения советская система, приравнивавшая по избирательному праву 10 крестьян к одному рабочему и мотивировавшая такое соотношение соответственно более важным значением рабочего класса и как носителя социалистической идеи и как производителя хозяйственных благ, более соответствовала реальному соотношению экономических и социальных сил.

Надо, наконец, отметить, что и члены учредительного собрания сделали все, чтобы облегчить большевикам их довольно нелегкую в данном случае задачу. Прежде всего у. с. не собралось в назначенный срок. Затем, собравшись, протестуя против созданных октябрьским переворотом порядков, выдвигая свою аграрную программу, члены большинства у. с. не имели мужества сделать свое заседание непрерывным, несмотря на военное давление, и покорно подчинились силе, не запечатлев своей кровью верность своим принципам: кто не решается на крайние жертвы, тот заслуживает поражения. Наконец, и главный агитационный козырь

---

[1]) Ленин, Собр. соч., XV, стр. 50, 63.

у. с. — черновская аграрная реформа — оказался упрежденным хронологически принятым большевиками калегаевским, лево-эс-эровским проектом; к тому же этот последний проект и более соответствовал реальным интересам крестьян, чем черновский. На этом последнем обстоятельстве стоит на минуту остановиться.

Нечего, конечно, говорить о крестьянской бедноте: она по обоим проектам в известной мере получала землю. Но и середняки и даже зажиточные крестьяне видели ряд преимуществ в калегаевской аграрной реформе. Прежде всего калегаевский аграрный закон становится на стражу интересов каждой данной местной земельной единицы — общины или сельского или волостного общества: в первую очередь здесь удовлетворяются землей местные люди, имеющие мало земли, а приходцы со стороны отодвигаются на второй план, фактически совсем остаются за флагом. Затем черновский проект имел в виду утопическую на практике задачу общероссийского всеобщего земельного поравнения, тогда как эта задача не ставится и не решается аграрным законом, принятым советской властью. Нечего и говорить, наконец, о том, что в эпоху созыва учредительного собрания калегаевский проект был уже законом, санкционированным властью, т.-е. несомненной реальностью, а проект Чернова висел в воздухе, так как санкция учредительного собрания реального значения уже не имела.

Остается отметить ту важную организационную работу, которая произведена была большевиками с ноября 1917 года по июнь 1918 г.

Между 10 и 18 января заседал третий съезд советов, где приняты были декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа, основной закон о земле и организация советской власти, как постоянной после санкции съездом разгона учредительного собрания; съезд одобрил также решение заключить мир.

6, 7 и 8 марта 1918 года в Петрограде заседал седьмой съезд партии большевиков, при чем принята была в принципе в соответствии с новыми задачами и новая программа партии, окончательные выработка и утверждение которой произошли на восьмом съезде. Партия переименована в Российскую Коммунистическую Партию, и признан мир с Германией.

14, 15 и 16 марта 1918 г. состоялся четвертый съезд советов в Москве, работы которого свелись к ратификации Брестского договора и к перенесению столицы в Москву. Но левые эс-эры вышли из состава Совета Народных Комиссаров, не сочувствуя ратификации Брестского договора. Блок большевиков и левых эс-эров таким образом рушился.

Наконец, организуя Всероссийский Совет Народного Хозяйства и формально подчиненные ему главки и центры, советская власть поставила на первую очередь задачу организации хозяйства, устновления экономической планомерности, без которой не может быть пути к социализму.

Таким образом, выполнение основных заданий октябрьской революции по дороге прямо к социализму было намечено и подвинуто вперед настолько, насколько то позволяли время и обстоятельства, еще в первые месяцы существования советской власти.

VIII.

Гражданская война.

В описанной сейчас обстановке возникла и получила распространение гражданская война, придавшая процессу движения по прямой дороге к социализму тот своеобразный характер, который обыкновенно обозначается термином «военный коммунизм».

События, в которых нашла свое выражение гражданская война, сводятся в главных своих чертах, если не входить в детали, к следующему:

Нам уже известна высадка английского десанта в Мурманске и Архангельске, и появление на севере народнического правительства Чайковского. Летом 1918 г. сделана была попытка распространить влияние этого правительства далее на юг, по направлению к среднему Поволжью и центру. С этою целью начато было восстание в Ярославле. Офицерские и буржуазные по составу белые войска заняли центр города, но после двухнедельной борьбы были разбиты, восстание было подавлено. Не удалось движение северных контр-революционных сил на соединение с восточными, а через их посредство и с южными. С поражением контр-революции на востоке и юге потерял всякий смысл и значение и северный фронт, и в 1919 г. англичане очистили Мурманск и Архангельск, и правительство Чайковского было ликвидировано.

Англичане делали свою попытку интервенции на севере, прикрываясь необходимостью борьбы с Германией. Тем же предлогом прикрывалась интервенция и на юге и востоке.

Материальной основой здесь явился в первую очередь корпус, организованный из пленных чехословаков еще летом 1917 года. На них бижайшим образом опирались правые эс-эры, которые на совете своей партии в мае 1918 г. решили начать вооруженную борьбу с советской властью за учредительное собрание в союзе с Англией и Францией. Чехо-словаки заняли было Пензу, но были отброшены советскими войсками в Самару. В руках их оказались, впрочем, скоро Златоуст, Уфа, Челябинск, вообще весь восток Европейской России и Сибирь до Иркутска. Заседавший в Самаре эс-эровский комитет членов учредительного собрания начал организацию «народной армии», и она вместе с чехо-словаками заняла все Поволжье до Казани.

Не без влияния этих событий произошли—в Москве 6 июля убийство левыми эс-эрами германского посла графа Мирбаха, восстание левых эс-эров и измена Муравьева, главнокомандующего Красной армией, действовавшей против чехо-словаков и «народной армии». Но все это не помешало поражению эс-эровского комитета у. с. и его войск: к концу лета 1918 г. Красная армия взяла Казань, а затем заняла и все Поволжье.

Эс-эры составили тогда государственное совещание в Уфе, которое выбрало директорию из Авксентьева, Зензинова, Вологодского, генерала Болдырева, адмирала Колчака и др. Но и эс-эры оказались негодными для царистской реакции, которая сначала прикрывалась эс-эровскими остатками учредительного собрания и директорией. Колчак произвел переворот: уничтожил директорию и провозгласил себя верховным правителем. Царистская реакция обнажила себя и оказалась настолько еще сильной, что для победы над ней понадобился весь энтузиазм пролетариата и крестьянства, получивших фабрики и землю.

И это тем более, что и на юге реакция имела также военную опору. После смерти ген. Алексеева, во главе белой армии здесь встал Деникин. И хотя после ноябрьской революции 1918 г. в Германии белогвардейцы на юге лишились германской защиты, советская власть на Украине была восстановлена, и Красная армия стала одерживать победы и достигать значительных успехов на юге, но поддержка Антанты, в особенности Франции, и здесь на время укрепила контр-революцию.

В марте 1919 г. началось успешное сначала наступление Колчака на востоке, в мае двинулся с юга Деникин. В то же время сделал свою первую попытку завладеть Петербургом Юденич, чтобы повторить ее затем в сентябре. Одновременно шла борьба с Польшей, Финляндией, белогвардейцами Латвии и Эстонии. Гражданская война с примесью войны внешней, при чем в гражданской войне частично участвовали и английские и французские войска, достигла в 1919 г. крайнего напряжения, опасности для революции были большие, при чем пришлось встать лицом к лицу уже с откровенной реакцией, выступавшей без всяких прикрытий. И это тем более, что летом на Украине поднялся против советской власти Махно, и затем выступил Петлюра. Наконец, в самой Советской России происходили, скоро, впрочем, ликвидированные, бунты Григорьева и Миронова.

Однако, к концу 1919 г. перевес явно стал клониться в пользу советской власти. Бунты Григорьева, Миронова, на Красной Горке были ликвидированы легко. Попытки Юденича оказались бесплодными. Англичане эвакуировали север. Колчак потерпел полное крушение и погиб в феврале 1920 г. Наступал только Деникин, да и то к концу 1919 г. наступление его сменилось отступлением, а в марте 1920 г. и он исчез со сцены, заменив себя Врангелем, который продержался в Крыму до половины ноября 1920 года. Гражданская война кончилась таким образом полной победой советской власти, захватив более двух лет.

Каковы были причины происхождения и развития гражданской войны и ее исхода, конечного результата?

Несомненно, иностранная интервенция, попытка вмешательства мирового империалистического капитализма в русские внутренние дела сыграла важную роль в гражданской войне, содействовала ее возникновению и развитию. Совершенно понятна и причина этого вмешательства: международная крупно-капиталистическая буржуазия видела в русской Октябрьской революции торжество своего явного классового врага и сделала все, от нее зависящее, для его уничтожения [1]).

Но было бы большой и грубой ошибкой считать интервенцию не только единственной, но и главной силой, вызвав-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 404—413.

шей гражданскую войну [1]). Нет, она была не созидательной, творческой, а лишь дополнительной силой. Настоящее творчество контр-революции исходило от внутренних, российских классовых сил.

Среди этих сил значилась, конечно, и имела немаловажный удельный вес и русская крупная буржуазия—торговая, сельскохозяйственная, промышленная и банковая. Известное—гораздо меньшее—влияние имела и мелкая буржуазия городов. Но и российская крупная буржуазия одна не смогла бы вызвать длительную гражданскую войну.

Ей на помощь здесь пришли, несомненно, буржуазные слои деревни—богатое, кулацкое крестьянство и более зажиточная часть середняков. Почему они встали на время на сторону контр-революции?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего принять во внимание огромный рост дороговизны и бестоварья по отношению к продуктам индустрии, к фабрикатам. По наиболее проверенным и все-таки преувеличенным, сравнительно с действительностью, данным [2]) промышленная продукция 1918 года составляла только 35% продукции 1913 г. От этого почти не страдала деревенская беднота и низы середняков, но зажиточная часть последних и деревенские кулаки страдали сильно, потому что они всегда были массовыми покупателями фабрикатов. Так как параллельно этому явилась нужда в хлебе и вообще в продуктах сельского хозяйства, и государство стало забирать их для нужд армии и городского населения по установленной им цене, то обладатели излишков этих сельских продуктов — те же кулаки и зажиточная часть середняков стали прятать их. Отсюда вытекла необходимость реквизиции скрываемых излишков, проведению этого в деревне способствовали комитеты бедноты, имевшие целью выявление интересов бедноты и политическую борьбу с деревенской буржуазией. Все это бросило сколько-нибудь состоятельные слои деревенского населения в объятия деникинской и колчаковской контр-революции, дало этой контр-революции на время массовую опору.

---

[1]) Крицман, Героич. период вел. русск. револ., стр. 46.

[2]) Цифра Воробьева в его статье в «Вестнике Статистики» за 1923 год, № 4.

Но, именно, только на время: офицерство и вообще основные кадры, ядро белых армий состояли из непримиримо-черносотенных элементов, которые «ничего не забыли и ничему не научились»; они нещадно били, мучили и грабили крестьян, воскресили старый режим в ухудшенном виде, проявляли явную тенденцию к восстановлению помещиков в их старых земельных владениях. Поэтому и зажиточные слои крестьянства увидели в них классовых врагов, отшатнулись от них, начали поднимать восстания в тылу белых армий, наконец, увидели в советской власти избавительницу и освободительницу от горшего зла. Здесь и коренилась основная причина поражения контр-революции: ее сила и бессилие одинаково были созданы той или другой ориентировкой крестьянства.

Советская власть в лице если не местных ее органов, то правящих верхов пошла на встречу этому возрождению симпатий к ней в зажиточных кругах крестьянства; хотя еще 18 ноября 1918 г. была уничтожена свобода внутренней торговли, появились и упрочились заградительные отряды, раздроблявшие Советскую Россию на ряд замкнутых в хозяйственном отношении областей, но уже месяц спустя крестьянству сделана была важная уступка: государство отказалось от изъятия хлебных излишков и заменило это изъятие разверсткой такого количества хлеба, какое государству нужно; вместе с тем уже не диктатура деревенской бедноты, а поддержка старательных хозяев в деревне стала основной задачей правительства, и потому 20 декабря 1920 года были уничтожены комитеты бедноты [1]).

Таким образом, оказывается вполне ясной причинная связь явлений, характеризующих происхождение, ход и исход гражданской войны.

Не меньшую важность имеет уяснение ее последствий в области хозяйственных отношений и в государственном строительстве.

Из хозяйственных последствий гражданской войны с первого же взгляда обращает на себя внимание то, что война эта разорвала естественные, органические хозяйственные связи, существовавшие между отдельными частями капиталистической России. Хозяйственный организм страны ока-

---

[1]) Крицман, Героич. период вел. русск. револ., стр. 210, 212.

зался искалеченным: во время гражданской войны в Советской России сосредоточивались $^{2}/_{3}$ населения, большая часть металлообрабатывающей промышленности, $^{3}/_{4}$ текстильной, но только 45% производства пшеницы, 37% производства ячменя, 8% сахара, 10% угля, 23% чугуна, 33% металлических изделий, тогда как контр-революция захватила всю нефть, значительную часть металлургии, весь хлопок, масло и хлебные районы [1]).

Затем созданы были кризисы—продовольственный, топливный и товарный (недостача фабрикатов).

Сбор хлеба с 1917 по 1920 год сократился более, чем на 30%, лошадей осталось только 75%, крупного рогатого скота 79%, овец и коз 55%, свиней 72% [2]).

Топливный кризис ярче всего характеризуется тем, что каменный уголь, удовлетворявший прежде более двух третей топливных потребностей России, в 1919 г. удовлетворял только 3½% этих потребностей [3]).

Падение крупной промышленности дошло до того, что в 1920 г. ее продукция сократилась до 18-ти процентов довоенной и была более, чем вчетверо, ниже продукции 1917 года [4]).

Страна, как было уже указано выше, разбилась на ряд изолированных экономически областей, отделенных одна от другой заградительными отрядами.

Было ли это, как думают некоторые [5]), «пролетарски-натуральным хозяйством»?

Едва ли можно это признать на основании данных, приводимых теми, кто это утверждает: несмотря на всю силу и напряженность административного и военного воздействия, в 1918 — 19 годах только 40% хлеба было доставлено государством, а 60% нелегальной, вольной торговлей—мешечниками; из всех предметов питания $^{4}/_{5}$ получено было от нелегального вольного рынка в городах, а деревня снабжалась товарами от государства только на 11% [6]).

---

[1]) Там же, стр. 50.
[2]) Там же, стр. 151.
[3]) Там же, стр. 52.
[4]) Воробьев, в «Вестн. Стат.», за 1923 г., № 4.
[5]) Крицман, Героич. период вел. русск. революц., стр. 69.
[6]) Там же, стр. 133—135.

Сопоставляя все эти факты, мы имеем перед собой хозяйство, которое следует характеризовать не как натуральное, а как торговое, товарное, при чем торговля носила нелегальный, стесненный местными препонами, заграждениями и запретами, и потому грубо-хищнический характер, напоминавший эпоху первоначального накопления.

От зоркого глаза Ленина, разумеется, не укрылось такое положение. Он понимал все его зло и рано начал призывать к исправлению этого зла. Еще в мае 1918 г. он указывал на основную задачу момента — надо «учесть и правильно распределить», на то, что «государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения», что «оболочку государственного капитализма разрывают у нас то здесь, то там спекулянты», что «пролетариат России впереди любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих, и вместе с тем позади самого отсталого из европейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному введению социализма» [1]).

23-го ноября 1920 года был даже издан закон о концессиях, допускавший частично частный капитализм [2]).

И все-таки советская власть не перешла пока к новым, обходным путям к социализму, — для этого понадобились события первых месяцев 1921 года.

Остается отметить государственное и партийное строительство и политические действия советской власти в период гражданской войны.

С лета 1918 до зимы 1920 года государственное строительство Советской России не дало и не могло дать много нового: гражданская война в весьма большой степени его парализовала. В это время происходили V, VI VII и VIII съезды советов, но они занимались всецело текущей политикой — войной, продовольственным и топливным кризисом. Восстановлялась постепенно советская власть в местностях, освобождаемых от белых армий.

Плодотворнее было в те времена партийное строительство. VIII съезд партии в марте 1919 года дал новую партий-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 262, 263, 272.
[2]) Там же, т. XVII, стр. 408.

ную программу. IX ее съезд весной 1920 года создал новую организацию ЦК с подразделением его на два бюро—организационное и политическое, для связи между которыми секретарь ЦК входил в оба. Тот же съезд заменил в области государственного управления коллегиальность единоличной ответственностью.

Важнейшим явлением в области политической деятельности в период гражданской войны была война с Польшей. Она явилась попыткой со стороны Антанты помочь, при посредстве польской армии, погибавшей контр-революции в России, но, раз начавшись, вызвала надежды победой над Польшей открыть путь Красной армии на Берлин и Париж, в сердце капиталистической Европы, с целью зажечь там социалистическую революцию. Война началась крупными успехами Красной армии, но под Варшавой она потерпела поражение: Ленин признал впоследствии, в марте 1921 года, на X съезде партии, что была сделана «стратегическая и политическая ошибка» при наступлении в Польше [1]).

Подводя итог эпохе гражданской войны, следует признать в создавшемся после Октябрьской революции положении совершенно неизбежными и необходимыми попытки прямого движения к социализму, с одной стороны, и содействия началу европейской социалистической революции—с другой. Происходившие в это же время два первые съезда Третьего Коммунистического Интернационала служили той же цели. Революционная тактика большевизма требует испытания до конца всех революционных возможностей прежде, чем признается необходимым обращение к другим приемам борьбы, более длительным, обходным. Неудача польской войны подчеркнула затяжной характер процесса, происходившего в западно-европейских капиталистических странах. Невозможность прийти прямо к социализму, особенно при влиянии гражданской войны, разоряющем страну и извращающем все попытки в этом направлении, вынудила переход к новой экономической политике.

---

[1]) Там же, т. XVIII, ч. 1, стр. 108.

IX.

Новая экономическая политика.

Последним толчком, приведшим к новой экономической политике, было Кронштадтское восстание весной 1921 года. Чем оно было вызвано? Каковы были его ближайшие причины?

Кронштадт — военный морской порт. Поэтому он является потребляющим, а не производящим центром. И запрещение внутренней торговли, заградительные отряды, экономическая изоляция отдельных частей страны в отношении обмена предметами первой необходимости, при недостаточности снабжения ими со стороны государственной власти, особенно болезненно отражались на кронштадтском населении. Наиболее активная часть последнего, матросы военных судов, снаряжали из своей среды вооруженные отряды мешечников, которые вели настоящую войну с заградительными отрядами и привозили предметы питания в Кронштадт. Но к началу 1921 года организация заградительных отрядов и их численность оказались таковы, что борьба с ними вооруженных мешечников-матросов оканчивалась почти всегда поражением. Отсюда и вышло основное требование кронштадтцев — «свобода торговли». А так как коммунисты видели в этом контр-революцию, резко отрицали это, то отсюда вышло требование — свободных, вне влияния коммунистов, выборов в советы.

Калинин и Ленин стояли за уступку кронштадтцам в вопросе о свободе торговли, стремились к мирному разрешению конфликта: и рабочие — особенно рабочие Петербурга — явно высказывались за свободу торговли. Но в Петербурге

обстоятельства сложились так, что примирение с кронштадтцами оказалось неосуществленным, и кронштадтское восстание пришлось усмирить силой.

Но оно способствовало назревшему, как мы уже видели, раньше переходу к новой экономической политике. Уже на X съезде Р. К. П. Ленин заявил, что необходимо «дать крестьянину возможность известной свободы в местном обороте, перевести разверстку в налог» [1]). Здесь ясно намечена финансовая мера и вытекающие из нее и вместе являющиеся почвой для нее новые экономические отношения. Затем Лениным, проявившим здесь чрезвычайную способность к тактической гибкости, развиты были все основные принципы и частности новой экономической политики. Он указал, что разорение крестьянства — причина необходимости свободы торговли и замены разверстки продовольственным налогом; государство не может дать крестьянину всех необходимых ему продуктов в обмен на хлеб; отсюда необходимость направить хозяйство «в русло государственного капитализма»; а для того, чтобы государственный капитализм направить к социализму, нужны концессии при сохранении рабочей власти [2]). Позднее, в 1922 году, на XI съезде партии, Ленин формулировал основы новой экономической политики следующим образом: «прямого коммунистического распределения мы вести не могли. Для этого не хватало фабрик и оборудования для них. Тогда мы должны дать (необходимое для крестьянства) через торговлю, но дать это не хуже, чем это делал капиталист [3]).

Необходимость сделать уступку крестьянству и городской демократии привела к новому, обходному пути к социализму, — к новой экономической политике, представляющей собою государственный капитализм с некоторой примесью капитализма частного. Только Ленин с его огромным, беспримерным политическим авторитетом способен был так повернуть руль экономической политики; он здесь, несомненно, дал высшее проявление своей гениальности, как тактика.

Происхождение новой экономической политики и ее смысл, таким образом, совершенно ясны. Нам теперь надле-

---

1) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1. стр. 120.
2) Там же, т. XVIII, 1, стр. 188. 217—218.
3) Там же, т. XVIII, ч. 2, стр. 55.

жит отметить ее ближайшие результаты и проследить тенденции, показывающие, куда она ведет и может повести в будущем.

Несомненно, новая экономическая политика очень сильно содействовала восстановлению народного хозяйства. По последним данным, опубликованным в печати, в 1924—25 хозяйственном году выработка сельского хозяйства составила, по ценам довоенного времени, 74% выработки 1913 г., а продукция промышленности—72% довоенной продукции. При этом почти достигнуто бывшее до войны соотношение между продукцией сельского хозяйства и индустрии: в 1913 г. сельскохозяйственная продукция составляла 58% всей продукции страны и на промышленность приходилось, следовательно, 42%; теперь на сельское хозяйство падает 58,8% всей продукции, а на индустрию—41,2%. В 1925—26 году ожидается почти полное достижение довоенной нормы производства. Обороты внешней торговли СССР в 1924—25 г. достигли 25% довоенных оборотов. Общая продукция Союза составляет теперь в довоенных рублях свыше 9 миллиардов 800 миллионов, тогда как в 1913 г. она составляла 13 миллиардов 420 миллионов [1]).

Эти успехи значительны. Но для того, чтобы представить себе верную общую картину хозяйственного положения, необходимо войти в некоторые важные подробности.

Прежде всего обращают на себя внимание цифры, показывающие высоту продукции в некоторых важнейших отраслях индустрии.

Добывание пищи промышленности — минерального топлива, т.-е. угля и нефти,—в 1924—25 г. составляло по отношению к каменному углю 50% добывания 1913 г., а по отношению к нефти 77%.

Чугуна в 1924—25 г. было выплавлено только 28,5% выплавки 1913 года.

Хлопка переработано 50% переработки 1913 года.

Зато русская электрическая промышленность 1924—25 годов вчетверо превзошла довоенную.

Большое значение имеет затем вопрос об индустриальной технике.

---

[1]) Здесь, как и ниже, мы не приводим ссылок, за исключением крайней необходимости, так как в тексте нашем резюмированы результаты изучения обширной литературы и источников.

Несомненно, что технически индустрия СССР далеко отстала от индустрии передовых капиталистических стран и в некоторых отношениях даже от индустрии довоенной России, так как в подавляющем большинстве случаев оборудование фабрик и заводов не обновлялось с начала революции, а в значительной части и с начала империалистической войны. Таким образом, восстановление промышленности достигнуто в общем и целом не обновлением и улучшением индустриальной техники, а напряжением трудовой энергии рабочих. Отсюда сделан обоснованный и вполне правильный вывод, что «именно тот темп, который получился во всем народном хозяйстве, требует восстановления изнашивающегося основного капитала, требует восстановления, переоборудования и создания новых средств производства» [1]. Вот почему за три последних года промышленность израсходовала на капитальные работы последовательно 115, 168 и 225 миллионов рублей [2], всего, следовательно, свыше полумиллиарда. Вследствие этого оказалась обновленной и поставленной на высоту, равную передовым странам, техника электрической промышленности. Затем полное техническое обновление наблюдается в стекольной промышленности, отчасти также в выработке бумаги, в добывании соли и нефти. Производятся сейчас заграницей, преимущественно в Англии, заказы по переоборудованию текстильных фабрик. Наконец, ведется энергичная работа по электрификации страны, хотя она и не может равняться с тем, что в этом отношении делается в Соединенных Штатах Америки.

В связи с этими техническими задачами, возникает вопрос о развитии промышленного машиностроения. Оно, несомненно, идет вперед в Советской России, но преимущественно касается производства сельскохозяйственных машин, тракторов, грузовых автомобилей, отчасти лишь машин для текстильной промышленности и драг [3]. Намечается при создавшихся условиях задача дальнейшего, серьезного и быстрого развития машиностроения, производ-

---

[1]) Из доклада Дзержинского XIV-й партийной конференции 1925 года.

[2]) Там же.

[3]) См. «Государственная промышленность СССР», Изд. ВСНХ под ред. проф. Кафенгауза.

ства средств производства для индустрии СССР. Только таким путем можно превратить нашу индустрию из филиальной по отношению к передовым капиталистическим странам в независимую, самостоятельную и тем облегчить социалистическое строительство. Разумеется, вырабатывать у себя все машины, нужные для ее промышленности, Советская Россия сразу не может. Но необходимый минимум, обеспечивающий собственными машинами жизненные, центральные пункты промышленности, должен быть создан. И, может быть, ни в какой отрасли производства нельзя найти более уместного поля действия для концессионной деятельности частного капитала, как именно здесь.

Тенденция в этом направлении намечается ясно, и развитие ее тем важнее и настоятельнее, что с повышением техники связано устранение двух зол, от которых страдает советская индустрия: во-первых, удешевление фабрикатов, которые все еще непомерно дороги, и, во-вторых, увеличение заработной платы, которая, по данным Госплана, даже в последние месяцы 1925 г. достигала только 76% довоенной. При том же ведь и достаточное снабжение населения фабрикатами, предотвращение и кризисов и недостатка, голода в фабричных изделиях, плановое хозяйство, т.-е. настоящее социалистическое строительство, теперь начинающееся, невозможно без высокого развития техники и самостоятельного производства средств производства.

Чрезвычайно важным отличием промышленности СССР от индустрии царской России является сильная концентрация, превосходящая даже ту, которая существовала прежде. К 1 января 1925 г. в предприятиях с числом рабочих свыше 500 было занято 68,8% всех фабричных рабочих [1]), тогда как в 1908 г. на таких фабриках работало лишь около 50% всех рабочих.

Первенствующая, господствующая, руководящая роль крупной промышленности была тем большей, что кустарная промышленность после революции и войны оказалась в совершенном упадке: тогда как сельская кустарная промышленность выпустила в 1913 г. изделий на 1 миллиард 350 миллионов рублей,—в 1924 году всех кустарных изделий

---

[1]) По данным Струмилина.

было выработано в РСФСР только на 147 миллионов рублей [1]).

Наконец, важно для характеристики индустриального хозяйства СССР при новой экономической политике отметить, что государственная промышленность преобладает над частной, и это преобладание растет; те же явления, только в меньшей мере, наблюдаются и в области торговли. На 1 января 1925 г. работающих членов профессиональных союзов было в государственной и кооперативной промышленности 94,6%, а в частной 5,4%. За время с 1922 по 1924 год оборот государственных предприятий поднялся с 64,4% до 71,3% всего оборота в индустрии, а оборот частных предприятий упал с 32,2% до 26,6%. За то же время доля государственной и кооперативной внутренней торговли увеличилась с 56,1% до 64,1%, а доля торговли частной уменьшилась с 43,9% до 35,9% [2]).

Итак, планирование промышленности, удешевление фабрикатов, увеличение заработной платы, концентрация производства, подъем техники, развитие промышленного машиностроения, преобладание государственной промышленности над частной—вот основные тенденции, обнаруживаемые развитием промышленности в СССР при новой экономической политике. Но в развитии индустрии есть свой жизненный нерв, центральный узел, исходя из которого можно двинуть и все остальное. Таким жизненным нервом, основной точкой опоры является подъем техники и развитие машиностроения. Исходя из них, можно достигнуть полной независимости, самостоятельности советской индустрии, увеличения продукции, планомерности хозяйства, удешевления продуктов, увеличения заработной платы. Нет при таких условиях оснований бояться и некоторого развития частных концессионных предприятий, если оно понадобится: концессионное право обеспечивает интересы социалистической государственности.

Переходим к характеристике сельского хозяйства при новой экономической политике.

В 1913 г. посевная площадь на территории нынешней Советской России занимала 98,4 милл. десятин и к 1920 году

---

[1]) По данным Промплана ВСНХ РСФСР.

[2]) Бухарин, Международная буржуазия и Карл Каутский, ее апостол.

сократилась до 70%, т.-е. до 68,9 милл. д. [1]), в 1922 г. до 58,7 милл. дес. [2]), что составляло только 59,6% посева 1913 года; таковы были непосредственные результаты гражданской войны и военного коммунизма. В 1924 г. посевная площадь составляла 75,9 милл. десятин [3]), 77,1% того, что засевалось в 1913 г. В 1925 г. сделаны были дальнейшие успехи, так что в 1926 г. ожидается достижение довоенного уровня запашки.

Получилось-ли на этой площади улучшение земледельческой техники?

Крупное сельское хозяйство сильно сократилось по площади, им занимаемой: в 1916 г. оно занимало 10½% всей с.-х. площади, а в 1919 г. лишь 3% удобной земли во внутренней России и 4% на Украине было под советскими и коллективными хозяйствами. Это означает сокращение наиболее интенсивного земледельческого хозяйства втрое, при чем и в этих оставшихся крупных хозяйствах сохранилось тогда только 10% необходимого конского состава и почти не было исправного мертвого инвентаря [4]), так что, можно сказать, интенсивное крупное земледелие тогда перестало существовать, его технический уровень понизился до минимума. Позднее площадь земли под коллективными хозяйствами еще уменьшилась, равняясь в 1921—22 г. 1% [5]). Но интенсификация хозяйства несколько подвинулась вперед: площадь культур, указывающих на интенсификацию, в обычных крестьянских хозяйствах составляет 8,1% всей посевной площади, а в коллективных хозяйствах 12,2% [6]). Но, конечно, это далеко до того, что было в крупном хозяйстве до войны.

Падение техники земледелия обнаруживается и в ряде других признаков: в 1916 г. на 100 дес. посева приходилось

---

[1]) Вышинский, Статистика и сельскохозяйственная действительность, М., 1922, стр. 69.

[2]) Большаков, Соврем. деревня в цифрах, Ленингр., 1925, стр. 14.

[3]) Там же, стр. 14.

[4]) Крицман, Героич. период вел. русск. революц., стр. 44.

[5]) Конюков, Коллективное земледелие, М., 1923 г., стр. 44.

[6]) Ларин, Вопросы крестьянского хозяйства, М., 1923, стр. 22.

30,2 головы рабочего скота, а в 1924 г. только 24,5 головы [1]); сельскохозяйственных орудий в 1913 г. было ввезено почти на 49 милл. руб., а произведено в России на 60½ милл. р., а в 1924 г. ценность ввоза доходила только до 4 мил. 334 тыс., а произведено было внутри на 8 мил. 90 тыс. р. [2]), т.-е. в 1924 г. употреблялось машин по крайней мере в восемь раз меньше, чем в 1913 г.

Тем не менее успехи и в области техники земледелия после того, как началось проведение новой экономической политики, совершались довольно заметные: с 1920 года по 1924 г. ввоз и производство с.-х. машин возросли вчетверо [3]), в 1919—1924 годах перешли к многополью и широкополосице в РСФСР хозяйства, имевшие площадь в 1 миллион 390 тысяч десятин [4]). В настоящее время, наконец, в СССР работает до 10 тысяч тракторов.

Но, конечно, эти технические успехи—очень скромны. Для того, чтобы понять меру этой скромности, достаточно напомнить, что в Соединенных Штатах Америки в 1924—25 г. применялись 600 тысяч тракторов, т.-е. по крайней мере в 60 раз больше, чем в СССР.

Из слабости земледельческой техники вытекает совершенно неизбежное, необходимое последствие, — высокая себестоимость хлебной продукции. Ни одна страна не может позволять себе в течение сколько-нибудь продолжительного времени роскошь — продавать хлеб на мировом рынке в убыток. Поэтому, необходимо срочно, неотложно принять чрезвычайные меры к подъему — и очень высокому и быстрому — земледельческой техники.

Какие средства намечаются в этом отношении самой жизнью?

Прежде всего — сельскохозяйственная кооперация. Общее количество сельскохозяйственных кооперативов в 1913 г. было 16.101, а в 1924 г. — 17.500 [5]), т.-е. больше почти на 9%. Характерны, однако, здесь изменения по отдельным видам сельскохозяйственной кооперации: в 1924 г. кредитных товариществ было только 2.100, тогда как в 1913 — 9.552 —

---

[1]) Большаков, Соврем. деревня в цифрах, стр. 19.
[2]) Там же, стр. 20.
[3]) Там же, стр. 20.
[4]) Там же, стр. 29.
[5]) Там же, стр. 55.

по крайней мере в 4½ раза больше; сельскохозяйственных обществ, учрежденных с.-х. кооперацией, в 1913 г. было 3.962, а в 1924 г. совсем не было; зато молочные и сыроваренные товарищества возросли в числе больше, чем в 2½ раза — с 1.970 в 1913 году до 5.200 в 1924 г., а сельскохозяйственные товарищества возросли в числе в 16½ раз — с 617 (1913 г.) до 10.200 (в 1924 г.) [1]). Что значат эти цифры?

Они показывают прежде всего сокращение — и очень большое — тех видов кооперации, которые обслуживали интересы богатого и зажиточного крестьянства, и рост тех ее видов, в которых заинтересованы беднота и маломощные середняки. Это значит, что сельскохозяйственная кооперация выполняет важную и необходимую роль, сводящуюся к поддержке и подъему маломощно-середняцких и бедняцких крестьянских хозяйств, но именно поэтому в ней нельзя видеть средство к быстрому и сильному подъему земледельческой техники: при ее помощи этот процесс может совершаться только медленно и слабо. Вот почему, не прекращая развития сельскохозяйственной кооперации, притом всех ее видов, нельзя возлагать на нее преувеличенные надежды. Это — подсобное и подготовительное средство, не более.

Едва ли могут быстро и высоко поднять земледельческую технику и коллективные хозяйства, по крайней мере большинство их, в современном их состоянии. В самом деле: большинство коллективных хозяйств находится далеко не на высоте назначения их; в советскую печать проникают известия даже о таких коллективных хозяйствах, которые практикуют сдачу соседним крестьянам части своей земли в продовольственную аренду из доли урожая; у колхозов нет затем капиталов, и государство здесь помочь им серьезно сейчас не может; в результате, таким образом, как мы выше видели, интенсификация земледелия в коллективных хозяйствах только на 50% выше, чем в обычных крестьянских хозяйствах и охватывает всего 12 с небольшим процентов посевной их площади. Таким образом и интенсификация коллективных хозяйств может иметь лишь дополнительное значение, не лишенная своей важности; роль основного, определяющего фактора коллективным хозяйствам не под силу.

Несомненно, в будущем и сельскохозяйственная кооперация и коллективные крупные хозяйства будут увеличивать

---

[1]) Там же, стр. 55.

свой удельный вес в хозяйственном строительстве Советского Союза. Нет также сомнения, что и в тех и в других государство с течением времени будет играть все более важную экономическую, а следовательно, и организационную роль: оно даст недостающие материальные средства и сельскохозяйственной кооперации и в особенности коллективным хозяйствам и тем самым увеличит их значение и в деле подъема земледельческой техники и мелиораций и в строительстве социалистического хозяйства и общества. Под влиянием этого в особенности возрастет роль государства в коллективных хозяйствах: ведь теперь они организованы так, как была бы организована фабрика, если бы она была сдана в аренду рабочим, на ней трудящимся; мы имеем коллективные крупные сельскохозяйственные предприятия, но государственными в собственном смысле этого слова, как существует государственная фабричная промышленность, их назвать нельзя; сделать их таковыми и тем дать толчек и к подъему земледельческой техники и к строительству социалистического хозяйства — задача первостепенной важности, в ближайшее время в виду финансовых и экономических условий едва ли разрешимая.

А если это так, то надо поискать возможного в данный момент главного средства. Оно дано опять-таки самой жизнью — разрешением аренды земли и концессионной практикой в промышленности и городском домостроительстве. В особенности домостроительная концессионная практика заслуживает здесь внимания и может и должна быть взята за образец для подражания.

Концессионное право и концессионная практика в отношении городской застройки в СССР рисуются в следующих основных чертах: застройщику сдается на несколько десятилетий в аренду участок городской земли с обязательством его застроить жилым помещением по всем правилам строительного устава и общественной гигиены и санитарии; по истечении срока аренды, сооруженное жилое помещение выкупается государством по справедливой оценке; цель этого выкупа — создать у застройщика мотив поддерживать хозяйственную исправность постройки, не запускать ее.

Эти принципы необходимо приложить к сельскохозяйственным концессиям, особенно на необрабатываемых те-

перь землях: концессии одни способны, с одной стороны, создать скоро и в широких размерах крупные интенсивные, технически-совершенные сельские хозяйства, с другой, подготовить в будущем этим путем настоящее социалистическое государственное сельское хозяйство. Ведь и сельскохозяйственная кооперация и даже коллективные хозяйства в их современной постановке, пока здесь не играет непосредственно-организаторской роли социалистическая государственность, содействуют развитию в своих участниках в значительной мере приобретательских, буржуазных инстинктов. Здесь, в крупном концессионном предприятии, буржуазное положение займет только концессионер или общество концессионеров, работники займут положение пролетарское, поставленное, конечно, под защиту и их собственной самодеятельности и законов о труде, созданных социалистической государственностью. Это — скорый и верный, обеспеченный путь к социализму в деревне.

Нововведения, созданные концессионными сельско-хозяйственными предприятиями, постепенно переходящими за выкуп в собственность социалистичекого государства, дадут толчек и переменам в технике и строительстве коллективных хозяйств и усиленному сельскохозяйственному кооперированию крестьянских масс. Этим путем достигнуты будут сразу три цели: во-первых, техника сельского хозяйства быстро и сильно шагнет вперед, отчего сильно подешевеет и сможет побить своих конкурентов на мировом рынке советский хлеб; во-вторых, кооперация и колхозы предотвратят всякую опасность буржуазного влияния концессионных хозяйств, тем более, что государственный капитализм в промышленности, монополия внешней торговли и плановое хозяйство останутся несокрушимыми командными высотами, занимаемыми советской социалистической властью в хозяйстве Союза; в третьих, на долгое время лозунг «лицом к деревне» получит реальное выражение: и зажиточные, и середняцкие, и бедняцкие элементы деревни получат удовлетворение своих интересов и все явятся несокрушимой опорой советской власти, которая, таким образом, сможет безусловно смело смотреть вперед и без всякого беспокойства и нервности ждать неизбежных глубоких перемен в мировом хозяйстве и обществе.

X.

Государственное строительство.

Урок Парижской Коммуны был учтен Марксом в его теоретических замечаниях и выводах о государстве переходного периода в эпоху осуществления диктатуры пролетариата. Эти выводы были развиты Лениным в его «Государстве и революции». Здесь Ленин установил, что пролетариат в эпоху своей диктатуры не просто овладевает буржуазной государственной машиной, хотя бы и построенной на принципе формального демократизма, но ломает эту машину и созидает свою собственную, пролетарскую государственность.

Основными причинами этой ломки и вместе нового государственного строительства, как показала еще Парижская Коммуна, являются бюрократизм и милитаризм буржуазной государственности, даже формально-демократической. Выборность и всегдашняя сменяемость всех органов власти — административной и судебной — и замена постоянной армии, хотя бы и основанной на всеобщей воинской повинности, всеобщим вооружением народа, всенародной милицией и были поэтому основными чертами государственного строительства Коммуны.

Советское государственное строительство также имеет целью уничтожение бюрократизма и милитаризма. Теперь, с проведением принципа революционной законности, свобода выборов в советы и в исполнительные советские должности становится на первую очередь и признается советской властью. Серьезно и сознательно центральная советская власть и коммунистическая пар-

тия ставят своей задачей устранение тех настроений, которые определяли собою выводы крестьянской массы: «на выборы зовут, а выбирать не дают; а если так, то и ходить непошто»[1]). Отмирают остатки старого бюрократизма, назначенства сверху — порядки, являвшиеся пережитком прошлого, свидетельствовавшие о старой истине, что «мертвый хватает живого». Уничтожение бюрократизма становится постепенно фактом.

Не только влияние прошлого, но еще в большей мере буржуазное окружение Советского Союза и крестьянское, мелкобуржуазное большинство населения при диктатуре пролетариата обусловили необходимость существования Красной армии, построенной на всеобщей воинской повинности. Но созданы также всеобщее военное обучение и территориальные части — важные переходные звенья к всенародной милиции, т.-е. к уничтожению милитаризма.

Но советское государственное строительство имеет еще некоторые черты, не свойственные Парижской Коммуне, оригинальные. Необходимо определить их происхождение и социально-политическое значение.

Главной из этих черт советской государственности являются выборы не по территориальным округам, а по производству, — по фабрикам, заводам, профессиональным группам. Эти выборы созданы самой жизнью — избирательной практикой в советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов во время революций 1905 и 1917 годов. Это — результат стихийного классово-пролетарского творчества. И результат вполне понятный: рабочие издавна привыкли выбирать своих представителей по производственному принципу; притом же этот принцип лежит в основе и ведения советского хозяйства: фабрично-заводские комитеты и производственные совещания на фабриках, наконец, профессиональные рабочие союзы принимают ближайшее участие в организации производства и с ростом их значения в этом отношении связано утверждение социалистического хозяйства: естественно, что тем же началом проникнуто и избирательное право—основа государственного строительства.

Осуществление избирательного права связано в Советском Союзе с открытым, не тайным голосованием. Конечно,

---

[1]) Большаков, Советская деревня, 2-е изд., стр. 205.

практически, особенно в эпоху военного коммунизма, когда все отношения еще колебались и шла отчаянная, смертная борьба, необходимость открытого голосования обусловливалась диктатурой пролетариата. Но не следует преувеличивать значение этого фактора в данном отношении. Надо опять приглядеться к бытовым навыкам и порядкам, укоренившимся издавна в российской рабочей и крестьянской среде: разве на фабрично-заводских рабочих собраниях, на волостных и сельских крестьянских сходах производились выборы закрытым голосованием? Нет, обычны были именно выборы открытые. И понятен их смысл: при выборах по фабрикам или сходам даже и закрытое голосование в подавляющем большинстве случаев не скрыло бы от всех, как голосовали отдельные лица: все друг друга слишком хорошо знают. Эти навыки и обычаи рабочей и крестьянской среды больше, чем цели проведения диктатуры пролетариата, определили необходимость открытого голосования. Диктатура легла здесь только последним пластом на сложившиеся уже бытовые отношения и порядки.

Третья черта советской избирательной системы—такое ее построение, при котором деревня не подавляла бы города, а, наоборот, город вел бы за собой деревню, рабочий руководил бы крестьянином, а не наоборот. Именно поэтому по количественной избирательной норме приблизительно десять крестьян приравнены к одному рабочему. Мотивы этого взаимоотношения хорошо формулированы Лениным и тесно связаны с условиями производства, основой всего избирательного советского права: рабочий и его труд в производстве играют во много раз большую роль, чем крестьянин и его труд; притом пролетариат—носитель идеи социализма. Мы уже имели случай отметить, говоря об избирательной системе учредительного собрания, всю ее несостоятельность с этой точки зрения. Советская избирательная система, составляющая во всех ее элементах единое, органически-связное целое, таким образом оправдывается и обосновывается самой жизнью.

В нашу задачу не входит описание всех подробностей советской государственной машины: мы пишем не учебник советского государственного и административного права, а выясняем лишь основные принципы советского государственного строительства, их происхождение, значение и смысл.

Мы видим теперь, что эти принципы неразрывно связаны с прочными традициями рабочей и крестьянской массы, и в этом одна из причин близости советской власти к народу и ее прочности. И эти близость и прочность будут тем сильнее, чем больше будут укрепляться революционная законность и свобода советских выборов—и выборов в советы и выборов советами исполнительных комитетов разных степеней, и чем более упрощаться будет административная машина.

Одной из особенностей советской конституции является лишение избирательных прав буржуазии, — всех, кто эксплоатирует чужой, наемный труд с целью извлечения прибыли, присвоения прибавочной ценности (поэтому эксплоатация труда домашней прислуги не ведет к лишению избирательного права). Однако, Ленин в «Государстве и революции» указывает, что это ограничение не имеет принципиального значения, что оно вызвано ожесточенной гражданской войной. Деревенская буржуазия уже теперь пользуется избирательными правами. Мыслимо в будущем распространение избирательных прав и на ту новую буржуазию, которая на деле, при развитии практики концессионного права, явится силой, содействующей социалистическому хозяйственному строительству.

Союз Советских Социалистических Республик представляет собою в своем строении практическое разрешение национального вопроса, покоющееся на теоретическом основании полного самоопределения нацинальностей вплоть до совершенной их независимости. Он состоит из соединенных в свободную федерацию самостоятельных республик, в пределах которых есть кроме того автономные республики, пользующиеся внутренним самоуправлением. Объединяющими весь Союз учреждениями являются съезды советов СССР, Совет Союза (вторая палата), Центральный Исполнительный Комитет с его президиумом, Совет Народных Комиссаров, Комиссариаты иностранных дел, финансов, военный и морской, внешней и внутренней торговли, почт и телеграфов, путей сообщения и Совет Народного Хозяйства, а также Совет Труда и Обороны и некоторые другие учреждения. По мысли творцов советской конституции СССР является прообразом будущего мирового союза социалистических республик. Несомненно, особенно с торжеством революционной законности и свободы выборов, решение национального во-

проса в СССР приобретает реальную, прочную почву и оказывается огромным достижением в деле социалистического строительства.

Весьма важной, объединяющей и направляющей государственное, хозяйственное и культурное развитие Союза силой является Российская Коммунистическая Партия, почему, говоря о государственном строительстве, уместно и своевременно дать сжатое изложение ее программных и организационных принципов.

Согласно программе партии, принятой на VIII съезде, Октябрьская революция осуществила диктатуру пролетариата при поддержке беднейшего крестьянства, и тем началась эра всемирной коммунистической революции, подготовленная развитием капитализма, ростом техники, происшедшими отсюда увеличением общественного неравенства и обострением пролетарской борьбы. Диктатура пролетариата — необходимое условие социалистической революции. Пацифизм и реформизм — утопии, с которыми необходимо бороться.

Соответственно этому общему положению задачей Р. К. П. в политической области является пролетарская, а не буржуазная демократия, советское государство с предоставлением в конституции преобладания пролетариату над крестьянством, с уничтожением бюрократизма путем участия членов советов в управлении, последовательной смены работы их в разных отраслях управления и вовлечения всего населения в управление.

В национальном отношении—полное равноправие наций, федерация.

В военной области — классовая по составу армия из пролетариата и крестьянства с соответствующим командным составом, не выборным, а назначаемым, и с привлечением военных специалистов; казарма — политическая школа, находящаяся в тесной связи с фабрикой, в каждой части армии должны быть коммунистические ячейки.

В области судебной—выборные судьи и постоянно сменяемые временные судьи — заседатели, замена наказаний воспитательным влиянием.

В области народного просвещения: школа — орудие коммунизма, откуда: 1) бесплатное и обязательное общее и политехническое образование, 2) дошкольные учреждения,

3) единая трудовая школа: совместное обучение обоих полов, светский характер образования, связь обучения с трудом, 4) всем учащимся от государства доставляется пища, одежда, обувь и учебные пособия, 5) подготовка учителей-коммунистов, 6) активное участие трудящихся в деле просвещения, 7) помощь самообразованию рабочих и крестьян, 8) профессиональное образование, 9) доступ в высшую школу для всех желающих, 10) доступность всех сокровищ искусства, 11) пропаганда коммунистических идей.

В области религиозных отношений — борьба с религией, но без оскорбления религиозных чувств верующих.

В экономической области — установление социалистического хозяйства, повышение производительных сил, плановое хозяйство, использование мелкой и кустарной промышленности, хозяйственная деятельность профессиональных союзов, как основа всей экономической организации, правильные распределение и мобилизация трудящихся, товарищеская дисциплина труда, устанавливаемая профессиональными союзами, использование специалистов, развитие науки и сближение ее с производством.

В области сельского хозяйства — развитие советских хозяйств, поддержка товариществ для обработки земли, государственный засев незаселенных земель, мобилизация агрономических сил, поддержка сельско-хозяйственных коммун, кооперации и мелиораций.

В области распределения хозяйственных благ конечной целью является замена торговли планомерным хозяйством. В области денежного и банкового дела — монополизация банков, упрощение банковых операций и расширение безденежного расчета. В финансах — прогрессивный подоходный и поимущественный налог. В жилищном вопросе — обеспечение рабочих жилищем, мебелью и пр. В области охраны труда — восьмичасовой, в перспективе шестичасовой рабочий день и социальное обеспечение. Наконец, в области охраны народного здоровья — развитие санитарных мероприятий.

Таким образом, программа РКП построена, как программа социалистической или коммунистической власти в период диктатуры пролетариата, перехода от буржуазного хозяйства к социалистическому. Каковы бы ни были уклоны и изгибы тактической линии, вызываемые учетом конкрет-

ных обстоятельств момента, партия и руководимая ею советская государственность останутся всегда верны этой программе. Поэтому России существованием советской власти при руководстве этой властью со стороны РКП обеспечен безболезненный, без дальнейших потрясений переход к социализму, являющийся и в мировом масштабе объективно-необходимой и неизбежной задачей переживаемого времени. Всякому, кто пережил революционное время, понятно, насколько тяжки, невыносимы были бы для страны дальнейшие потрясения. Значение советской власти, как предохранительницы от этих потрясений, способной мирно разрешить основную, важнейшую проблему современности в России, является одной из важнейших причин прочности этой власти.

Что касается организационной стороны, то она получила свое законченное выражение в известных 21-м пунктах, которые поставил Коммунистический Интернационал, как необходимые условия для всех коммунистических партий, в него входящих. Все организационные решения партийных съездов, принимавшиеся позднее, представляют собою только развитие в деталях тех принципов, которые сформулированы в 21-м пункте. Эти пункты имеют большое значение в работе Коммунистического Интернационала, но важно здесь также то, что имеет непосредственное отношение к организационной работе РКП в настоящее время.

Несомненно сюда относятся следующие положения: 1) коммунистический, анти-реформистский характер пропаганды и агитации и подчинение прессы Центральному Комитету, 2) удаление реформистов и лиц с реформистским уклоном с ответственных постов и даже из партии, 3) демократический централизм и партийная дисциплина, 4) периодическая перерегистрация членов партии, 5) преобладание в Ц. К. старых большевиков, хранителей ленинизма, непосредственных учеников Ленина.

Наша задача здесь, как и все время при изучении современности, как последнего момента исторической эволюции, в установлении генезиса, происхождения и основных тенденций изучаемых явлений. Происхождение изложенных организационных принципов ясно: они созданы всем прошлым пролетарской революционной борьбы в России и окончательно укреплены и развиты до конца революцией 1917 г., в особенности октябрьским переворотом, гражданской

бойной и практикой диктатуры пролетариата. Жизненные основы их не подлежат таким образом сомнению.

Что касается тенденций будущего, то здесь мы встречаемся с дискуссиями и оппозицией в партии. Поскольку эти дискуссия и оппозиция касались спора о личной роли и тактической позиции отдельных лидеров в ходе революции, — это имеет сравнительно второстепенный интерес и может найти себе место для исследования только в специальной большой, детальной работе. Туда же должно быть перенесено и изучение отдельных тактических разногласий—особенно в отношении к крестьянству; заметим, однако, что здесь тактика партийного большинства («лицом к деревне»), как мы уже видели, безусловно оправдана жизнью и, несомненно, еще более будет оправдана в грядущем.

Но в смысле изучения тенденций имеет большое значение спор о демократизме в партии, касающийся ближайшим образом тех положений, которые формулированы выше в наших пунктах втором и пятом.

Нет, конечно, ни малейшей возможности отрицать, что партия — организация единомышленников, и в ней не место реформистам, тем более недопустимы они на ответственных постах. Но ведь толкование квалификации «реформист» может быть крайне-субъективным. С партийно-организационной точки зрения целесообразно лишь требование безусловного подчинения дисциплине, вовсе не исключающее свободы мнения в кругах партии. А так как партия несомненно заинтересована в том, чтобы привлечь в свои ряды возможно большее количество революционно-социалистических элементов, то свобода мнений в партийной среде, при соблюдении партийной дисциплины, вырисовывается как неустранимая, неизбежная тенденция дальнейшего развития РКП. Это видно и из постановлений последнего пленума Ц. К. Осуществление этой тенденции, претворение ее в жизнь, в действительность, несомненно, усилит партию и не создаст для нее никакой опасности.

Что касается формулированного выше положения о преимущественном составе Ц. К. из старой ленинской гвардии, то и здесь неизбежна тенденция к омоложению состава руководящего органа партии. Она уже и теперь получает некоторое реальное выражение. Но, конечно, старая гвардия всегда сохранит в Ц. К. почетное и влиятельное положение.

XI

Просветительная политика.

В основу просветительной политики всех республик Союза положены принципы, во-первых, приспособления образования к потребностям переживаемого момента и ближайшего будущего, грядущего перехода к социалистическому и коммунистическому обществу, во-вторых, самой широкой доступности школы и просвещения для широких трудящихся масс — рабочих и крестьян, в третьих, создания и развития новых методов преподавания и воспитания, которые, с одной стороны, связывали бы школу с производством, с другой — развивали бы максимум самодеятельности учащихся.

Нет нужды долго останавливаться на происхождении этих принципов просветительной политики: они неразрывно связаны с экономической политикой и государственным строительством, естественно из них вытекают. Частично в известном смысле они подготовлялись и развитием русской школы до революции: старый режим также стремился сделать школу своим орудием, давал ей совершенно определенную классовую окраску, разумеется, совершенно противоположную классовой окраске советской школы; соответственно этому он закрывал доступ в среднюю и высшую школу для трудящихся масс, для большинства населения, и советская школа в этом отношении представляет собою противовес, противоположность тому, что было раньше; наконец, и сквозь рутину старой школьной учебы отдельными струйками и прежде просачивались источники и ручейки новых педагогических методов.

Гораздо важнее наметить тенденции просветительной политики советской власти, поскольку они обнаруживаются уже в настоящее время и, несомненно, будут усиливаться и развиваться в будущем.

Несомненно, общая тенденция к сближению школы с жизнью не только не ослабевает, но и сохраняется в полной мере. Но меняется с течением времени в некоторых частностях понимание путей этого сближения. Конечно, эти изменения не касаются основной цели — пропаганды коммунизма, коммунистического воспитания и просвещения молодежи, но способы достижения этой цели претерпевают перемены.

Прежние начальная и средняя школы слились в единую трудовую школу — семилетку и девятилетку, при чем вторая от первой стала отличаться тем, что дополнительные два года предназначались для приобретения специальных технических знаний, непосредственно вводящих учащегося в жизнь, в определенную профессию, известным образом специализирующих его. Необходимость этого вызывалась тем фактом, что многие и кончают свое образование девятилеткой.

Но еще большее число учащихся кончает только семилетку и даже только школу первой ступени. Поэтому устанавливаются практические уклоны и этих школ — сельскохозяйственный уклон в деревне и индустриальный, коммунальный и т. д. в городе.

Однако, некоторое количество идет дальше — в школу высшую, куда большой контингент учащихся поставляется также рабочими факультетами, подготовляющими к высшей школе рабочую и крестьянскую молодежь, не прошедшую трудовой школы второй ступени. Таким образом, обнаруживается другая тенденция — подготовлять в высшую школу. И отсюда вытекают намечающиеся самою жизнью задачи — привить некоторые высшие навыки, без которых нельзя создать коммунистическую интеллигенцию, необходимую, по Ленину, для конечной победы коммунизма. Такими навыками являются грамотность в высшем, не только элементарном, смысле этого слова, т.-е. уменье свободно, ясно, вразумительно и, по возможности, красиво, изящно говорить и писать; а затем также уменье свободно читать по крайней мере на одном иностранном языке, самом необходимом, — немецком.

Так уже в трудовой школе намечается тенденция к специализации. Высшая школа сначала имела всесторонний, энциклопедический характер. Но и в ней за последнее время намечается некоторая специализация, стремление к специальному, углубленному изучению отдельных отраслей знания. Причина понятна: специалист, глубокий и основательный, прошедший предварительно общеобразовательную ступень, скорее найдется во всяком новом практическом деле, чем поверхностный энциклопедист, и путем самообразования сможет легче последнего достигнуть и настоящей разносторонности и даже перейти на другую специальность: научный метод необходим в жизни, а он — един во всех отраслях знания, и настоящее, подлинное знакомство с ним дается лишь углубленной специализацией.

Но при всем том школа вся — снизу доверху — остается светской, проводящей научное миросозерцание, и коммунистической. Конечно, при этом все более крепнет тенденция создать самостоятельно и глубоко мыслящих коммунистов, для которых коммунизм явился бы глубоким убеждением, твердым на всю жизнь независимо от окружающих общественных условий.

Потребность дать высшее образование возможно большему числу молодежи из рабочих и крестьян повела к введению классового принципа при приеме в высшую школу. Но советская власть ставит своей целью всеобщее и обязательное обучение, и последовательное проведение его в жизнь диктует победу принципа доступности высшей школы для всех желающих, разумеется в достаточной мере к ней подготовленных.

Говоря о составе учащихся, уместно наметить тенденции, обнаруживающиеся в положении учащихся-коммунистов. Здоровой тенденцией является здесь стремление облегчить их непосредственно-партийно-политические функции: только тогда, когда коммунисты-учащиеся будут иметь достаточно времени и сил, чтобы быть лучшими студентами и учениками, они приобретут в среде беспартийных учащихся непререкаемый моральный авторитет, который окажется чрезвычайно могучей силой коммунистической пропаганды. Воплощается в действительность и тенденция к установлению вполне товарищеских отношений коммунистов к беспартийным, что также явится источником мораль-

ного авторитета, т.-е. и средством для успешной пропаганды коммунизма делом, а не только словом.

Наконец, в методической постановке школьного образования спешные и притом часто менявшиеся нововведения заменяются тенденцией к обдуманной проверке новых методов опытным путем прежде их применения в широком масштабе, к тщательной, углубленной и самостоятельной их проработке.

Остатся отметить еще важное место, которое занимают в системе советского образования такие школы, как коммунистические высшие учебные заведения, партийные школы, школы фабрично-заводского ученичества, при чем последние имеют целью подготовлять кадры квалифицированных рабочих, в которых Союз Советских Социалистических Республик, по мере развития сельско-хозяйственной и промышленной техники, будет нуждаться все более и более, наконец, школы крестьянской молодежи, избы-читальни, дома просвещения, музеи и клубы разных групп трудящихся.

XII.

Коммунистический Интернационал и Красный Профессиональный Интернационал.

Внешняя политика.

В предшествующем изложении нам не раз уже приходилось попутно касаться внешней политики советской власти до 1920 года. Мы видели, как ею была ликвидирована война с Германией и ее союзниками, как признаны были окраинные государства («лимитрофы» — Финляндия, Латвия, Эстония), как в 1920 г. кончилась польская война. Во всех этих случаях ставилась одна проблема — о том, как далеко на запад могут продвинуться границы советской власти и непосредственного влияния коммунизма.

Понятно, что в связи с этим строились и международные коммунистические организации. Европейский запад уже тогда знал и национальный и международный фашизм и две международных организации реформистского социализма — Амстердамский профессиональный интернационал, основанный на конференции в Берлине в феврале 1919 г., и возродившийся Второй Интернационал, с которым сначала конкурировало центристское Венское объединеие, ставившее себе задачей объединение всего рабочего движения в международном масштабе, но потом убедившееся в утопичности этой задачи и слившееся со Вторым Интернационалом. Реформистский характер обоих социалистических объединений не подлежал и не подлежит сомнению. Лучшая характеристика их значения дана в 1925 г. в «New Leader», органе английской независимой рабочей партии, входящей во II Интернационал, Брейлсфордом. По его словам, Второй

Интернационал «не является никакой силой, даже моральной силой», «его наиболее страстная полемика обращена не против французского милитаризма или британского империализма или возрождения монархии в Германии, но против русского коммунизма», конгресс Второго Интернационала в Марселе в 1925 г. оказался на деле «помощником капитилистического империализма».

Брейлсфорд имел в виду II Интернационал, но его характеристика вполне может быть применена и к Амстердамскому Профессиональному Интернационалу, так как и там классовая борьба фактически сводится к нулю и подменяется компромиссами с буржуазией, и из-за боязни роста влияния коммунизма на профессиональное движение отрицается единый профессиональный пролетарский фронт, на котором настаивают и за который борются и Красный Профессиональный Интернационал, и английские профессиональные союзы, и объединение русских профессиональных союзов ВЦСПС.

В противовес оппортунистическим организациям и для объединения революционных рабочих в Москве созданы были сначала Третий, Коммунистический Интернационал, затем Красный Профессиональный Интернационал. Первая из этих организаций возникла в марте 1919 г. и тогда же выпустила манифест к рабочим всех стран с призывом к борьбе за диктатуру пролетариата. Вторая основана была в середине июля 1920 г. во время второго конгресса Коммунистического Интернационала. Важнейшим постановлением этого второго конгресса было принятие 21-го условия вступления в Коминтерн. Мы уже останавливались на этих условиях и теперь нет нужды возвращаться к ним. Третий конгресс Коминтерна состоялся в 1921 г., четвертый в 1922 г., пятый в 1924 г. В 1925 г. был созван расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Следует отметить еще состоявшийся в сентябре 1920 года в Баку съезд представителей народов Востока.

Мы не будем подробно останавливаться на деятельности Коминтерна и Красного Профинтерна. Отметим здесь только наиболее важное и те тенденции, которые в последнее время слагаются и дают себя знать.

Центр тяжести работы Коминтерна, несомненно, находится в сфере организации — большевизации партий, в него

входящих, очищения их от оппортунистических и анархических элементов, привлечения в коммунистические партии масс, для чего необходимой признается работа в профессиональных союзах и образование единого пролетарского профессионального фронта. Что касается программы Коммунистического Интернационала, то она остается пока в состоянии выработки. Большое значение придается борьбе против колониальной политики, против империализма и за развитие революционной организации и активности народов Востока.

Что касается европейского коммунистического движения, то уже довольно ясно обозначается и крепнет тенденция вести работу в каждой стране соответственно ее особенностям силами местной коммунистической партии: местным работникам яснее все оригинальные черты и своеобразные формы и перспективы движения.

Понятно, что все усилия западно-европейской и американской буржуазной дипломатии направлены, главным образом, на разоружение, обессиление Коммунистического Интернационала. Об этом в сущности велась речь с советскими дипломатами на Генуэзской конференции весной 1922 г. и на конференции в Гааге летом того же года. Вынужденное вследствие необходимости оживления торговых сношений признание советской власти Англией и Францией в 1924 году не сняло с очереди вопрос о коммунистической агитации и организации, исходящей от Третьего Интернационала. Несомненно, что коммунистическая опасность заставила и германскую дипломатию на конференции в Локарно принять гарантийный пакт и вступление Германии в Лигу Наций. Дипломатическое положение теперь слагается в том смысле, что против Советского Союза стоит единый фронт капиталистических держав Запада, установивших между собою мир, хотя и худой, но все же кажущийся им лучшим, чем добрая ссора.

Внешняя политика Советского Союза лишена воинственности, ни мало не империалистична, вопреки всем уверениям вождей Второго Интернационала: вся ситуация обязывает Советский Союз к сугубой осторожности и спокойствию — непременным условиям прочности советской власти впредь до усиления революционных возможностей на Западе и претворения их в действительность. Нежелание войны — тем

более войны против Советской России, — господствующее в рабочих массах всех стран, непримиримые противоречия, раздирающие буржуазию разных стран, наконец, революционно-демократическое движение на Востоке — в Марокко, Индии, Сирии, особенно в Китае — воспрепятствуют, конечно, прямому военному давлению империалистической буржуазии на социалистическую государственность в России. Время — лучший союзник этой государственности, поэтому выиграть время — основная задача советской внешней политики и тактики международных коммунистических организаций.

XIII.

Общая характеристика развития русской революции.

Февральская революция 1917 года явилась результатом сочетания воинственно-империалистических тенденций капиталистической буржуазии, разочарованной военными поражениями, и сознания массами народа тяжести войны, бестоварья, дороговизны. Буржуазия, правда, думала не столько о революции, сколько о дворцовом перевороте и встречала здесь поддержку в иностранной дипломатии, но трудящиеся массы, особенно рабочие и солдаты, завели дело дальше, чем того хотела буржуазия. Здесь сказалась объективная необходимость культурного и самостоятельного хозяйства в стране.

Буржуазия попыталась извратить чаяния народных масс в своих интересах при помощи первого временного правительства, но потерпела крах.

Тогда буржуазия прибегла к социалистическому прикрытию: образовано было коалиционное правительство. Но сразу же капиталистическая буржуазия поставила и осуществила задачу не проводить в жизнь программы коалиции, продолжать войну и отсрочить на возможно более долгое время созыв учредительного собрания; по важнейшим вопросам революционной действительности коалиционное правительство проявило полное неделание, совершенную пассивность. Мало того: некоторые право-социалистические члены правительства решились на свой страх провести военную авантюру — наступление на фронте 18 июня, кончившееся страшной катастрофой.

Классовый инстинкт российского пролетариата, объединенного концентрацией производства и не подчинявшегося

гегемонии сравнительно малочисленного вследствие слабости промышленной техники квалифицированного рабочего слоя, увлекал его на развитие революции до конца — до сициалистического переворота — и подсказывал ему необходимость подчинения революционной власти советам рабочих депутатов. На эту восприимчивую почву пали агитационные лозунги большевиков о рабочем контроле над производством и о передаче всей власти советам. Лозунг мира одинаково объединял и рабочих и солдат. Отсюда вышли и демонстрации апрельская и июньская и события 3, 4 и 5 июля.

После них коалиционная власть была восстановлена, но чувствовала себя немощной, бессильной. Именно отсюда произошла корниловщина, а затем, после ее поражения, стала фактом победа большевиков в советах рабочих депутатов. Естественным результатом этого была Октябрьская революция.

Задания этой революции были выполнены затем в ближайшие месяцы: заключен был, хотя и на тяжелых условиях, мир, изданы декреты о земле и о рабочем контроле, осуществлена была национализация земли, фабрик, банков, транспорта. Наконец, разогнано было учредительное собрание, и советская организация власти стала не временной, а постоянной.

Но решительная победа революции в октябре разбудила приниженные было и притихшие сначала силы контр-революции и реакции. Они прикрылись первоначально личиной патриотизма, борьбы с Германией, союзом с эс-эрами и борьбой за учредительное собрание, но скоро выступили обнаженно: то была реакция буржуазии городской и деревенской. Началась гражданская война, и оказалось, что только осуществление октябрьской программы—передача фабрик рабочим и земли крестьянам—дала необходимый массовый энтузиазм, чтобы окончательно победить реакцию и добить остатки старого режима и царизма. В 1920 г. гражданская война кончилась полной победой советской власти, потому что за нее оказались не только все рабочие, но и крестьяне середняки и бедняки, даже и значительная часть зажиточного крестьянства, которой дало себя знать безумное неистовство озверелой реакции, рано показавшей свое подлинное лицо.

В эпоху гражданской войны расцвел «военный коммунизм»—раздробление страны на местные замкнутые эконо-

мически области заградительными отрядами, реквизиция хлеба для нужд городов и красной армии, появление комитетов бедноты и т. д. Но по мере ее ослабления и успехов красной армии, советская власть стала повертываться лицом и к зажиточному крестьянству: изъятие хлебных излишков заменено было разверсткой, уничтожены были деревенские комитеты бедноты.

Гражданская война нарушила естественные экономические связи между отдельными частями страны и усилила продовольственный, топливный и товарный кризисы. В то же время Антанта подняла на Россию Польшу с целью поддержать погибавшую русскую реакцию. В ответ на это Советская Россия сделала попытку путем натиска на Польшу бросить пылающий факел социалистической революции в капиталистические страны европейского запада, но попытка эта потерпела неудачу.

Неудача европейской революции и тяжкие кризисы, как следствие гражданской войны, наконец, кронштадтское восстание показали невозможность итти прямо к социализму, продиктовали необходимость обходного пути—новой экономической политики.

В народном хозяйстве это означало переход к государственному капитализму при сохранении отчасти и капитализма частного, чтобы этим способом восстановить хозяйство и пойти далее вперед к социализму. К концу первой четверти века восстановление хозяйства оказалось почти достигнутым, при чем в некоторых отраслях промышленности и их технике сделаны были новые, небывалые прежде успехи. В соответствии с этим ставятся задачи обновления основного промышленного капитала, развития русского машиностроения, вследствие чего должны подешеветь фабрикаты и увеличиться реальная заработная плата. Рост государственной крупной промышленности и ее преобладания над промышленностью частной обеспечивает путь к социализму и делает неопасным развитие концессионных предприятий. Поэтому же и в интересах установления органической связи даже и зажиточного крестьянства с советской властью обнаруживается тенденция к аренде земли с производственными целями, при чем целесообразной оказывается концессионная форма этой аренды, когда она принимает более или менее крупные размеры, приводит к образованию

крупных сельскохозяйственных предприятий, необходимость которых вызывается всей конъюнктурой мирового сельскохозяйственного, особенно хлебного, рынка; государственный капитализм в сельском хозяйстве — коллективные хозяйства и кооперация,—действующие в том же направлении образования и развития крупного сельского хозяйства, представляет собою достаточный противовес крупному частному хозяйству, а концессионное право органически связывает этот капитал с советской властью и обращает его на строительство будущего социалистического сельского хозяйства.

На базе этих, менявшихся, но сохранявших одно направление, хозяйственных условий слагалось новое гоударственное строительство, — государство переходного периода. Поставлено было на очередь уничтожение бюрократизма и милитаризма. Правда, сначала трудно было преодолеть наследие прошлого. Но потом ясно обнаружилась и стала проявляться со все возрастающей силой тенденция к господству революционной законности и к свободе выборов в советы и на исполнительные должности. Правда, и то, что и традиции прошлого, и буржуазное окружение Советского Союза, и крестьянское, мелкобуржуазное большинство населения при диктатуре пролетариата обусловили сохранение всеобщей воинской повинности, но всеобщее военное обучение и создание территориальных частей явились признаками перехода к всеобщему вооружению народа. Стихийное классовое политическое творчество пролетариата, воспитанное революционной практикой прошлого, создало выборы по производственным ячейкам, являющимся основой и хозяйственного строительства. Диктатура пролетариата и бытовые рабочие и крестьянские навыки прошлого привели к открытому голосованию на выборах. В соответствии с производственным значением пролетариата и его социалистической ролью в хозяйстве установилось соотношение рабочего и крестьянского представительства в советах, относительный перевес каждого отдельного рабочего над отдельным крестьянином. Наконец, практически разрешенным федерацией и автономией оказался и национальный вопрос. Государственное и хозяйственное строительство советской власти под руководством Российской Коммунистической партии обеспечивает Россию от дальнейших революционных потрясений при полном переходе к социализму.

Всем сказанным о хозяйственном и государственном строительстве определяются и просветительная и внешняя политика и слагавшиеся в них тенденции. Отсюда именно вышли и сближение просветительной системы и работы с жизнью и доступность школы для масс, и новые методы, связывающие школу с производством и дающие максимум самодеятельности учащихся, и Коммунистический Интернационал, и Красный Профинтерн, и политика мира и собирания сил для грядущего окончательного торжества социализма.

Таким образом, русская революция 1917 и последующих годов представляет собою совершенно неизбежную и необходимую для полной победы над русским старым порядком попытку социалистической, пролетарской революции. Обязанная своим происхождением сочетанию внутренних русских экономических и социальных сил в соединении с идеологией и практикой научного социализма, русская революция и созданная ею государственность являются, вместе с тем, фактором первостепенной важности в деле торжества социализма во всем мире. На вопрос Владимира Соловьева к Руси — «каким же хочешь быть востоком, — востоком Ксеркса иль Христа», — мы можем теперь сказать, что есть третий исход — история сделала Русь востоком Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина, образцом слияния традиций запада и востока для решения важнейшего вопроса современности.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ.

Общее заключение.

Цель заканчивающегося этим томом труда заключается в установлении, насколько это возможно при современном состоянии исторической науки, закономерности развития общественных явлений. Отсюда и вытекает подзаголовок этого труда — «Основы социальной динамики». Первое его заглавие — «Русская история в сравнительно-историческом освещении» — выражает в существе своем ту же мысль с некоторым, однако, оттенком, заключающимся в указании на те средства, какими автор пользовался при своей попытке достигнуть этой цели: центром тяжести своего изложения он сделал русскую историю, а история других стран привлекалась лишь для сравнения с нею, не исследовалась и не излагалась с такими же подробностями. Поступить иначе автору казалось нецелесообразным и даже невозможным.

Закономерность общественных явлений, по убеждению автора, которое он и старался обосновать на протяжении всех двенадцати томов, имеет такой же характер, как и закономерность явлений природы: вопреки мнению Риккерта, между общественными явлениями и явлениями природы, между процессами, совершающимися в общественной жизни, и процессами, которые имеют место в жизни природы, нет разницы. Явления и процессы общественной жизни только сложнее явлений и процессов жизни природы, и потому обобщающая работа, установление закономерности в обществознании труднее, чем в естествознании. Этим и объясняется сравнительная отсталость общественных наук от наук естественных.

Борьба с риккертианством, этим остатком старой мистики и метафизики, палладиумом буржуазных историков и социологов, составляет, естественно, одну из основных задач нашего труда. Но эта борьба ведется положительным методом: на основании источников и литературы, засвидетельствованных, проверенных и установленных в них фактов формулируется общая законемерность развития человеческих обществ.

При этом вовсе не отрицается своеобразие, оригинальность различных сочетаний общественных сил в отдельных культурах. Напротив, это своеобразие признается и констатируется, но оно подвергается также научному, а не мистическому или метафизическому, объяснению, т.-е. не телеология, как у Риккерта и его последователей, а причинность, генезис кладется в основу этого объяснения. Борьба с риккертианством — и опять-таки положительная — ведется таким образом не только путем установления общей закономерности, но и путем научного объяснения всех оригинальных типов или форм, в которые эта закономерность в отдельных случаях, в особенности в русской истории, отливается.

Изучая и общую и частную, оригинальную закономерность, автор стоял на почве экономического или материалистического монизма. Монизм он считает необходимой, обязательной чертой всякой науки. А материалистический монизм, с его точки зрения, оправдывается и философски — новейшим научным мировоззрением, — и исторически — тем, что все ценные научные выводы, независимо от воли отдельных исследователей, получены в истории только на основе материалистического монизма, — и практически: только те политики достигали и достигают реальных результатов, которые сознательно или бессознательно оперируют данными материалистического монизма.

Основы материалистического монизма в применении к истории — так называемый исторический материализм — впервые ясно, своеобразно и законченно были формулированы Карлом Марксом.

Основное своеобразие марксова понимания исторического материализма заключается в его теории классового господства и классовой борьбы, связываемых им с процессами развития хозяйства. Из классовых отношений и господ-

ства того или другого класса последовательно выводятся и политические формы и духовная культура.

Вторая оригинальная черта исторического материализма Маркса, нашедшая себе особенно яркое выражение в предисловии к «Критике политической экономии», заключается в признании развития производительных сил объективной основой классового господства: господство известного класса держится, пока оно содейтвует развитию производительных сил; как только оно перестает этому содействовать, тем более начинает противодействовать, — старый господствующий класс сменяется другим, новым.

Наконец, есть еще третья черта — то, что называется диалектическим методом, — развитие путем противоречий, борьбы, скачков, общественных бурь, революций.

Автор настоящего труда признает эту теорию и потому считает себя марксистом. Как умел и мог, он пытался на конкретном материале истории разных культур, особенно русской культуры, выявить обоснованность всех главных положений исторического материализма. Он не боялся при этом находить материал для своих выводов у буржуазных историков: ведь безусловно прав был Жорес, когда он говорил реакционерам и буржуа: неверно, что мы, революционеры и социалисты, не имеем и не ценим традиций, — нет, мы их признаем и имеем, только мы наследуем от прошлого его пламя, а вы — его пепел.

Мы должны взять и усвоить из прошлого все жизненное, имеющее будущность, отбросив ненужную и отжившую шелуху. Лучшее доказательство правильности нашего метода — то, что он прорывается у добросовестных исследователей, несмотря на классовую оболочку, затемняющую их взор, и что материал, ими собранный, оправдывает наш метод.

Автор не сомневается, что в его труде немало, может быть, даже много ошибок. Он готов их исправить, если их ему укажут и докажут. Но и после всего, что было об этой работе писано, автор вполне убежден, что главные ее выводы остаются непоколебленными, незыблемыми.

Как исследователь, автор настоящего труда работает в области истории и социологии уже больше тридцати лет. Только по истечении этого срока он нашел в себе силы и возможности опубликовать большую обобщающую работу,

частично подготовлявшуюся в эти годы и составляющую венец и цель его научных исканий. Конечно, труд его был бы лучшим, если бы поработать над ним еще несколько лет. Но здоровье и жизнь человека хрупки, и было бы грубым эгоизмом, тщеславием и педантизмом ради избежания частичных ошибок рисковать возможностью вообще опубликовать результаты своей работы, раз имеется уверенность, что от них получится хоть малая крупица пользы.

Необходимо теперь формулировать общие выводы, чтобы дать возможность читателю охватить своим умственным взором весь огромный пройденный нами путь.

История человеческих обществ началась, вероятнее всего, за четыреста с лишним тысяч лет до нашего времени, в четвертичную геологическую эпоху, предшествовавшую современной, и первым моментом этой истории был так называемый древний палеолитический период. В это время появился родственник питекантропа — человекообразной обезьяны — человек, признаком появления которого было изобретение им искусственного орудия — ударного камня, образованного посредством грубого оббивания. Это орудие давало мало средств существования, и потому первобытное древнепалеолитическое человеческое общество состояло из непрочной парной семьи — мужчины и женщины. Эта семья добывала себе пищу путем охоты на мелкого зверя и птицу и собирания имевшихся в природе растительных питательных материалов. Сначала не было заботы об одежде и жилище: было так тепло, что люди ходили нагие и жили на деревьях. Будучи существами не бегающими и ходящими, а лазающими и потому державшиеся согбенно, с кривыми ногами, обладавшие маловесным мозгом, низким лбом, выдающимися вперед челюстями, отличаясь обильным волосным покровом на теле, люди того времени по своему физическому типу сильно отличались от современных нам людей. Однако, наступившее в тот же период похолодание, понижение температуры на земле («ледниковое время») заставило позаботиться и о приобретении жилища — пещеры и одежды — шкур зверей. Вместе с тем дифференцировалось и первобытное каменное орудие путем создания тем же оббиванием орудий резания, скобления и сшивания. Этим не была изменена форма общежития — сохранилась по-прежнему непрочная парная семья, — но психика человека обогатилась: наряду со свой-

ственной и животным ассоциацией по смежности появились и ассоциацаии по контрасту и по сходству. Однако, ни религии, ни языка, ни искусства еще не было. Сознание едва брезжило в жалком мозгу первобытного человека. В таком виде первобытное человечество существовало около 180 тысяч лет по наиболее вероятному исчислению, так что движение вперед шло чрезвычайно медленно, давалось с огромным трудом и сопровождалось колоссальными жертвами. Немногим менее половины всего существования человечества приходится именно на первый его период, — вот наглядное указание на необыкновенную медленность и трудность совершавшихся тогда перемен в общественной жизни.

Тем не менее, перемены эти все-таки совершались, человеческая первобытная семья все же мало-по-малу приспособлялась все лучше к окружающей ее среде, и потому человечество на земле, хотя и медленно, но увеличивалось в своей численности. Основным средством приспособления к среде было улучшение орудий. Каменные орудия оббивались все лучше. Техника выделки нешлифованных каменных орудий шла вперед. К ним присоединились орудия из кости и рога, также постепенно все больше усовершенствовавшиеся. Но главное — изобретены были метательные орудия — копье, дротик, гарпун.

Это изобретение было признаком целой экономической революции: теперь оказалось возможным охотиться на крупного зверя и ловить крупную рыбу, уже не подвергаясь при этом непременно гибели, хотя и рискуя часто жизнью. Это означало огромный скачек в росте производительных сил первобытного человечества. Скачек был настолько велик, что количество превратилось в качество: не только сильно увеличилась численность людей на земле, но изменилась форма обшежития, общественная организация, до чрезвычайности обогатилась и развилась, сделала огромный скачек вперед духовная культура, наконец, физически изменилась и самая природа человека. Так как охотиться на крупного зверя и ловить крупную рыбу целесообразнее было большими группами людей, чем в одиночку или вдвоем, то непрочная парная семья заменилась человеческим стадом или ордой с беспорядочным половым общением, с непостоянными вожаками, которые руководили общей охотой и рыбной ловлей не по наследству и не по

избранию, а вследствие своей большей активности, ловкости, зоркости, умелости. Так произошла в высшей степени важная социальная перемена, первая в истории социальная революция.

Обязанная своим происхождением экономике, она приводила и к революции в духовной культуре: стадо должно было общаться на почве общей охоты и рыбной ловли, выработать внешние формы общения с целью организации общего дела, — отсюда вышел язык; нужно было обеспечить успех руководством опытного вожака, сохранить это руководство и после его смерти, — отсюда вышел анимизм, первобытное миросозерцание, основа первобытной религии; наконец, из желания заколдовать и подчинить себе силы природы, мыслимые тоже как одушевленные, вышла не только религия — шаманизм, первобытная магия, но и искусство.

Все эти новшества были огромны, по-истине революционны, знаменовали собою величайший переворот, разрыв с прошлым, которым они вместе с тем были подготовлены. И этот переворот отразился на природе человека, переделал ее: из лазающего человек превратился в ходящего и бегающего, его стан и ноги выпрямились, череп увеличился в объеме, вес мозга стал больше. Одним словом, первобытный человек стал превращаться в человека современного типа.

Таким образом хозяйство изменило форму общественной организации, заменило первобытную семью стадом или ордой, потому что сохранение семьи противодействовало развитию производительных сил, произошел разрыв с прошлым, развитие шло диалектически, путем противоречия, и новая социальная организация имела следствием новую, сравнительно более богатую духовную культуру и привела к образованию нового типа человека.

Мы видели, что для первого периода — древнего палеолитического — понадобилось почти 180 тысяч лет. Для этого второго, революционного, который носит название нового палеолитического, несмотря на огромность сделанных приобретений, на колоссальность достижений и глубину перемен, оказалось нужным уже гораздо меньше времени, — всего 40 тысяч лет, так что в это время процесс общественного развития протекал в $4\frac{1}{2}$ раза скорее: это потому, глав-

ным образом, что технические, а затем, отсюда и социальные и, наконец, в связи со всем этим и культурные возможности и силы стали гораздо большими, чем в древний палеолитический период. Мы сразу видим: революция не только разрушает старое, но и творит новое и делает это с небывалой прежде быстротой.

После этой революции или критической эпохи развитие производительных сил пошло по новому пути — в человеческом стаде или орде. И эта новая общественная организация сохранилась и в следующий затем период — ранний неолитический, который в социальном отношении ничем не отличался от предыдущего, сохранял и развивал созданное последним, приспособлял все первобытные семьи, способные к тому, к слиянию с человеческим стадом, словом — органически перерабатывал достижения революции или критической эпохи и потому являлся периодом органическим или реакционным.

В ранний неолитический период научились шлифовать или полировать сначала камень, а потом и кость и рог, изобрели гончарное дело, стали выделывать изделия из дерева; из копья, дротика, гарпуна образовали стрелы и лук. Все это были частичные улучшения на почве достижений критической эпохи. Поэтому не было существенных новшеств и в социальной организации и в разных отраслях духовной культуры. В психологии царили попрежнему инстинкты и чувствования, сознание было слабо, господствовали хаотический конкретизм, бесформенные комплексы, без связующих общих понятий, как то было и раньше.

Но техническое и социальное проспособления достигли уже такого уровня, что развитие общества в ранний и средний неолитический период шло еще быстрее, чем в новый палеолитический: ранний и средний неолитический период длился приблизительно 7 тысяч лет.

Более, чем вдвое скорее его — 3 тысячи лет, не более — продолжался следующий, опять критический или революционный, период — поздний неолитический. То было время перехода к металлическим орудиям, к технике обработки металлов — сначала меди, потом бронзы (сплава меди и олова), наконец, железа. Стадо начинает преобразовываться в орду, сознающую свое кровное родство. Соответ-

ственю этому появляется тотемизм орды в религии и долмены — гробницы целых орд. Кровное объединение, даже самое зачаточное, — более прочно, представляет собою более целесообразное приспособление к хозяйственным целям, дающее новый большой толчек развитию производительных сил.

Орда, связанная воедино кровным родством, является уже зародышем рас, которые сложились в разных частях земного шара. Те хронологические даты, которые выше приводились, относятся собственно к индо-европейской расе, отчасти также к семитической; но были еще расы тюркско-татарская, желтая, черная, красная. Их первобытная история шла, надо думать, теми же этапами, хотя, может быть каждый из них имел иную продолжительность. Эти расы образовались таким образом на пороге перехода от первобытной культуры, четыре периода которой мы сейчас обозрели, к культуре дикарей, ясно уже сознавших кровную связь.

Эта кровная связь сначала, после ослабления беспорядочных половых сношений, когда эти сношения начали регулироваться, понималась как матернитет, матриархат, гинекократия: родство считалось по матери и женщина получила известную самостоятельность. Причина этого заключалась в том, что хотя охота и рыболовство — занятия мужчин — оставались главными, основными производительными силами, но вполне удовлетворять потребностям они уже не могли, потому что становились менее удачными, и потому оказалась потребность в некотором хозяйственном подспорье. Такое подспорье и создано было женщиной: то было женское земледелие.

Издавна женщина специализировалась на собирании растительной пищи, плодов, кореньев, вообще всего, годного для пропитания в растительном мире. По мере нужды в подспорье забота женщин о растительной пище приобретает все более важное значение. Вместе с тем изощряется и внимание женщины к этому делу. Выкапывание корней, собирание плодов сопровождались наблюдениями за обсеменением почвы и получающимися отсюда результатами. Отсюда и вышло женское земледелие, когда нужда в растительной пище обострилась.

Самостоятельность женщины, происшедшая вследствие того, что женское земледелие стало важным хозяйственным

подспорьем, выразилась, во-первых, в том, что образовались отдельные женские земледельческие поселки, где жили женщины с детьми, и особые охотничьи лагеря мужчин, куда переходили мальчики по достижении известного возраста; во-вторых, возникли первые ограничения в области половых отношений, образовался брак. Здесь важно прежде всего то, что для целей лучшего ведения хозяйства сложились четыре возрастных группы — 1) дедов и бабок, умудренных опытом руководителей, организаторов хозяйства, 2) сильных, зрелых мужчин и женщин, главных работников физического труда, 3) молодежи, только приучающейся к труду, 4) детей, находящихся на попечении матерей в женском поселке. И вот браки начинают совершаться только в пределах возрастных групп, при чем молодежь находится в состоянии старого беспорядочного полового общения. А затем родство считается по матери, и потому запрещается брак матери с сыном и брак между единоутробными братом и сестрой.

Власть строится так, что во главе женского поселка стоит старшая женщина, а во главе мужского лагеря — старший мужчина.

И в религии высшим божеством является женское,— с ним конкурирует мужское.

Таков был пятый по общему счету период в истории всякой культуры — период матриархата.

Его сменила новая критическая эпоха, новая революция, социальный смысл которой заключался в переходе от матриархата к патриархату, от орды, считавшей свое родство по матери и группировавшейся в два поселка — женский — земледельческий — и мужской — охотничий, — к роду, в котором кровная связь определялась по отцу и в котором отец был главой. Пережитки этого порядка — авункулат и левират — прямо свидетельствуют о таком социальном перевороте.

Подкладкой, основой его в хозяйстве явилось изобретение мужчиной скотоводства, сначала не как самодовлеющей, самостоятельной отрасли хозяйства, а как подсобной к охоте: нужны были транспортные средства для перевозки издали охотничьей добычи, этому и удовлетворяло первоначальное приручение животных — собаки, потом оленя и лошади. Молоком и мясом животных в это время люди еще не пользовались.

Важнейшими проявлениями новшеств хозяйственных и социальных в это время явились в религии замена высшего женского божества мужским и образование родовой религии, культа предков, по преимуществу мужчин.

За шестым — критическим — периодом последовал седьмой — органический период развития патриархата. Охота попрежнему остается главным занятием наряду с рыболовством, а в лесных местностях и с бортничеством — диким лесным пчеловодством. Но растет значение скотоводства, которое становится не только подсобным к охоте, но самостоятельным, дает мясо и молоко. Приручаются свинья, овца, рогатый скот. Второстепенным подспорьем остается примитивное женское земледелие.

Патриархальный род — основная ячейка общества. В нем главная власть — у родоначальника, который является жрецом, военачальником, судьей. Хозяйственные нужды приводят к многоженству с привилегиями старшей, первой жены. Вырабатываются брачные запреты и по мужской линии. Религия и язык принимают окончательно родовой характер. Появляются зародыши письменности и счета, при чем, напр., в исчислении времени прямо сказывается влияние скотоводства.

И все-таки, как ни подкрепляли охоту скотоводством, как ни развивали скотоводство в качестве самостоятельной отрасли хозяйства, — с течением времени нужда в продуктах земледельческого труда увеличивалась. Отсюда вышел восьмой период — снова критический, революционный: земледелием стали заниматься и мужчины. Конечно, и это мужское земледелие было не многим менее примитивно, чем женское: мужчина вместо кривой палки стал разрыхлять землю лопатой или мотыгой, — вот пока и все, скота в земледельческой работе пока еще не употребляли.

Земледелие заставило дорожить землей. Прежде земля была ничья, ею владели вольно, захватно. Теперь стало теснее, и появилась мысль о родовой и племенной территории. Сложилось племя — совокупность родственных родов. Конечно, в пределах племенной территории владение землей отдельными родами продолжало быть вольным.

Главная власть теперь оказывается в руках племенного старейшины или князя вместе с советом родовых старейшин;

князя и совет слушается обычно вече — племенная сходка отцов семейств.

В религии появляются земледельческие божества наряду с охотничьими и скотоводственными, притом не только уже женские, но и мужские. Появляются и земледельческие праздники.

Все последние четыре периода — с пятого по восьмой — обычно считаются в отличие от первых четырех, называемых эпохой первобытной культуры, эпохой дикости, культурой дикарей. Разные расы и даже отдельные народности разных рас не одинаковое время потратили, чтобы пережить это состояние дикости. Индо-европейские народы пережили его вместе в течение полутора тысяч лет. Такие народы, как семиты — египтяне и представители желтой расы — китайцы потратили на это еще меньше времени—одно тысячелетие. Некоторые расы — черная, красная — еще недавно находились, а отдельные народности и сейчас находятся в диком состоянии.

Таким образом мы видим, что первобытная культура и культура дикарей передали новым культурным народам весьма почтенное наследство, прочно сцементированное потом и кровью в течение сотен тысяч лет.

С девятым периодом мы и вступаем в область тех отношений, которые стали осуществлять в своем развитии отдельные культурные народы, образовавшиеся из тех племен, которые сложились при переходе к мужскому земледелию.

Первый период в развитии этих народов — девятый по общему счету — это период родового и племенного хозяйства и быта в их постепенном разложении, — органическая эпоха, подготовлявшая грядущую новую революцию.

В хозяйстве этого времени наблюдалось преобладание добывающей промышленности — охоты, рыболовства, пчеловодства и скотоводства при второстепенном значении земледелия и иногда еще — в некоторых культурах, в том числе и в русской — внешней торговли. Техника всех отраслей хозяйства продолжала оставаться крайне экстенсивной: орудия были несложны в охоте и рыболовстве; пчеловодство было диким, лесным — бортничеством, скотоводство выгонным, земледелие подсечным, торговля разбойничьей. Господствовала семейная форма производства и вольное землепользование отдельных семей, при чем, однако, терри-

тория племени и рода оказывалась хотя и обширной, но уже более или менее определенной, так или иначе отграниченной. Приблизительно равномерное распределение хозяйственных благ обеспечивало преобладание свободному населению; расчленение общества на зарождавшиеся классы и сословия было еще очень слабо. Новые хозяйственные условия усилили племенную связь, создали прочные племенные княжества, сохранив, однако, значительную самостоятельность отдельных родов, составлявших племя. Политические объединения целых народностей или хотя бы нескольких племен или не существовали, или были преходящи, непродолжительны, или, наконец, как то было между прочим и в России, оказывались довольно поверхностными, не захватывавшими глубоко народную племенную и родовую жизнь. И все княжества того времени и племенные и междуплеменные — не отличались сколько-нибудь выработанной системой организации правительственных средств. Неорганизованность общества в экономическом, социальном и политическом отношениях имела последствием попрежнему психологическую аморфность общества, отсутствие сложившихся и резко выраженных характеров, делала из людей рабов текущих впечатлений, не перерабатывавшихся внутренно, а прямо переходивших в действие. Психологическая аморфность общества повлекла за собой, наконец, хаотический конкретизм всей его духовной культуры, самым ярким проявлением которой была тогда религия с ее наслоениями анимизма, тотемизма, шаманизма, родовой и племенной религии, верований и праздников охотничьих, скотоводческих, наконец, земледельческих.

Затем наступил десятый период в развитии разных культур — революционный, критический, период феодализации или феодальной революции, вызванный опять-таки тем, что старые хозяйственные и общественные условия стали препятствием в деле развития производительных сил.

Относительное значение разных отраслей хозяйства в этот период характеризуется успехами земледелия, делающими его первостепенной хозяйственной отраслью, при сохранении попрежнему натурального хозяйства. Техника хозяйства также всюду шла вперед; в частности в земледелии наряду с подсечной системой появилась переложная или залежная и кое-где даже трехпольная.

Все это сопровождалось образованием частной собственности на землю и ростом крупного землевладения — светского и духовного; везде, где можно наблюдать по источникам, сохранялись в форме вольного землепользования или в виде долевого владения остатки старого, свободного отношения к земле мелких хозяев. Во многих странах, наконец, возникли и стали развиваться формы зависимого временного и условного владения землей — бенефиций, прекарий, икта, стратиотское имение и проч. Все эти явления неразрывно связаны с успехами земледелия и сохранением натурального хозяйства.

Уменьшилась, даже исчезла прежняя равномерность в распределении хозяйственных благ, и потому общество начало расчленяться и в классовом (экономическом) и в сословном (юридическом) отношениях: количество свободных уменьшилось, — часть их перешла в знать, часть принизилась до зависимых состояний; часто наблюдалось сближение зависимых людей (закупов, закладней, коммендатов, клиентов) с рабами путем перехода последних в вольноотпущенники, колоны, крепостные. Все эти процессы только возникали и развивались в течение этого периода, но еще не являлись законченными. Они зависели от намеченных выше хозяйственных порядков и отношений.

Начало, далее, организоваться государство, но по преимуществу на основе понятия о личном господстве: учреждения едва зарождались, центральное управление имело дворцовый характер, преемство власти стало определяться вотчинным началом, наследованием от отца; соответственно падению класса свободных под конец периода исчезло вече. Почти везде появились иммунитеты, ограничивающие и ослабляющие значение государственной власти на местах. Вся вообще деятельность власти носила на себе печать слабой активности.

В соответствии с переворотом в материальной культуре произошла и религиозная революция: появились или были приняты новые религии, организующие собственность, общество и государство, или в том же духе были преобразованы религии старые. При всем том сохранялись многочисленные остатки старинных верований, и получалось двоеверие.

Во всей вообще духовной культуре и психологии общества в период феодальной революции, наряду с многочи-

сленными остатками прежнего хаотического конкретизма, наблюдался, именно в высших кругах, уклон в сторону активного эгоизма — жадности, алчности, приобретательства, практичности; это воспитывалось всеми условиями материальной культуры и выражалось в свою очередь в разных сторонах и проявлениях культуры духовной. Отсюда произошло в праве — слабость общественного элемента в понятии о преступлении, грубое понятие о преступлении как о вреде исключительно лишь материальном и т. д., в искусстве и изящной литературе — механическое заимствование чужих образцов, в исторической литературе получилась массовая, беспорядочная, нескладная смесь разного рода известий и данных, в которых порядок и организованность, внутреннее единство и стройность еще отсутствовали или только зарождались, при чем история рассматривалась под религиозным углом зрения, как результат действия указующего перста провидения.

В общем смысл периода феодальной революции заключался в том, что тогда совершился переход власти из рук родовой и племенной аристократии в руки знати феодальной, т. е. землевладельческой и обладавшей именно потому, что она была землевладельческой, на своей земле правами, которые потом стали исключительным достоянием государства.

В период феодальной революции впервые ясно обозначились различия между отдельными культурами. Выделились две группы культур — одна с незаконченным, недоразвитым процессом феодальной революции, другая с полным его завершением. Для первой группы типичны как раз русская история в этот период — Русь X, XI и XII веков; сюда же примыкают Литва, Сербия, Болгария, отчасти также балтийское славянство. Вторая группа представлена всеми другими культурами, при чем особенно характерны для нее именно культуры европейского запада — государства франков, Англии, Италии, Испании.

Незавершенность процесса в первой группе культур наблюдалась прежде всего в области землевладельческих отношений. В культурах первого типа, в частности как раз в русской феодальной революции больше сохранилось старых вольно-захватных отношений к земле у свободных людей, не перешедших еще к долевому владению. В то же время

здесь не возникло еще временного и условного владения землей, не обострилась также и борьба между светскими и духовными магнатами из-за земли.

Эти различия в землевладении проистекали из меньших, чем в культурах второго типа, успехов земледелия и из наличности более многочисленных остатков старого хозяйства — охоты, рыболовства, пчеловодства, скотоводства.

Обязанная своим существованием хозяйственной отсталости, незаконченность процесса феодализации в России и в других странах первой группы имела ближайшим последствием незавершенность того же процесса в области социальной и политической. Коммендация еще большею частью не сложилась, — появилась только ее зачаточная форма в виде закупничества. Рабы меньше, чем в культурах второй группы, сблизились с полусвободными. Иммунитеты едва начинали слагаться.

Наконец, та же незаконченность выразилась отчасти в духовной культуре. Так, в культурах второго типа (напр., в капитуляриях Карла Великого) уже встречается понятие о преступлении как зле не только материальном, но и нравственном, чего в Русской Правде еще нет.

Естественным, прямым продолжением периода феодальной революции явился одиннадцатый период — феодализм в полном его развитии, органическая эпоха, вышедшая из предыдущей критической. Изучение разных культур, переживавших эпоху развитого феодализма, привело нас к выводу, что следует различать три типа феодализма, характерными образцами которых являются французский, английский и русский феодализмы.

Чистый, классический, законченный и вместе с тем наиболее распространенный тип развитого феодализма — это тип французский. В хозяйственном отношении он характеризуется господством товарного или денежного хозяйства с узким, местным рынком. В землевладении главное значение имеет наследственный и отчуждаемый за платеж пошлин высшему собственнику лен или феод. Устанавливается феодальная иерархия в общественном строе: мелкие лены и второразрядные ленники (аррьер-вассалы) экономически и политически тяготеют к крупным феодальным владениям, барониям и их собственникам — высшим баронам, королевским пэрам. Эти последние — высшие бароны, вассалы ко-

роля — обладают полнотою суверенных прав, тогда как рыцари в массе — более мелкие королевские вассалы и арьервассалы баронов — обладают лишь иммунитетом, урезанными государственными правами. Так как небольшой местный рынок требует для своего существования и прочности организации точной и мелочной регламентации, чтобы этот хозяйственно почти совершенно самодовлеющий мирок не распался и не погиб, то отсюда проистекает прикрепление крестьян к земле, т. е. исчезновение или по крайней мере сильное уменьшение и ослабление личного рабства, серважа, гильдейская регламентация торговли и цеховое устройство ремесла. Монашество, защищая свои интересы, создает для себя центральный объединяющий орган — папскую власть, через посредство которой оно правит церковью и сильно влияет на светскую власть; в то же время монашество сохраняет королевскую власть, помогает ей утвердить принцип монархической наследственности, отражающей в себе и наследственность ленов, и содействует консолидации, объединению королевского домэна, параллельно чему консолидируются и домэны баронов. Все управление проникнуто вотчинным началом. Цель государственного союза в это время — личное господство, субъектом, носителем власти является личность. В психологии правящих классов окончательно приобретает господствующее значение активный эгоизм, которым определяется характер и феодальной религии, и поэзии, и искусства, вообще всей духовной культуры феодальной знати. В психологии и духовной культуре средних слоев общества, лучше всего представляемых монашеством, наблюдаются новшества: во-первых, рационалистическое течение, психология разумного, культурного эгоизма, проводящего в жизнь некоторые моральные начала и вносящего в искусство и литературу религиозность и религиозный символизм; во-вторых — мистическое течение, наложившее свою печать на архитектуру, музыку и проповедь. В то же время и в интеллигенции и в народных массах зарождаются и делают первые шаги вперед протестующие против феодального строя еретические учения; в интеллигенции эти ереси окрашены рационализмом, в народных массах отчасти психологией смирения и покорности, отчасти порывами мистического и эсхатологического характера, исканиями царства справедливости и равенства.

Английский тип феодализма во всем сходен с французским за исключением следующих отличий от него: узкий местный рынок держится недолго и скоро начинает сменяться более или менее обширным рынком — внешним и внутренним; вследствие этого крепостничество слабо и сближается со свободным держанием, социальный и политический феодализм не силен, и преодоление его оказывается сравнительно скорым и легким, откуда происходит ограничение королевской власти совокупным действием феодальной знати, рыцарства и горожан. Обычные черты феодальной психологии и духовной культуры осложняются некоторой примесью индивидуалистических стремлений и порывов. Таким образом английский тип феодализма оказывается более передовым, быстрее развивавшимся, чем французский. Причина заключается в экономических особенностях феодальной Англии.

Другими, прямо противоположными английским, были экономические особенности феодальной России. Если английский тип феодализма был экономически — передовым, то северо-восточная приволжская и приокская Русь оказывается хозяйственно-отсталой не только по отношению к Англии, но даже и по сравнению с Францией: хозяйство осталось натуральным, условное земельное владение, поскольку оно существовало, не превратилось в наследственное и отчуждаемое, иммунитеты не переродились в полный суверенитет за исключением непродолжительного момента в XIII веке для отдельных великих княжеств, не создалось ни прочного прикрепления крестьян — были только его зародыши, — ни развитой организации торговли и ремесла. Во всем прочем существовало большое сходство с другими странами.

Русский тип остался почти без повторений: он в высшей степени своеобразен. И объясняется это главным образом колонизацией, передвижениями населения, сохранявшими надолго старые, традиционные хозяйственные отношения, делавшими их изменения весьма медленными: населению не под силу было скоро преодолеть непомерно большую территорию. Что касается других типов феодализма, то наиболее распространенным был французский, а английский тип был сравнительно очень редок.

Но и в обществе, в основе которого лежит товарное хо-

зяйство с местным, узким рынком, существует неизбывная, неустранимая потребность в некотором более или менее широком, не стесненном местными рамками, товарном обмене: есть избытки, требующие вывоза; существуют недостачи, вызывающие пополнение. Удовлетворить этой потребности собственными силами и средствами феодальное общество обычных, только что охарактеризованных, типов не может. Это становится задачей особого рода феодальных обществ, которые мы подвели под особое название муниципального феодализма.

Ясно, что муниципальный феодализм и феодализм обычных типов связаны неразрывно, взаимно зависят и друг друга дополняют. Но в то же время в силу специальных своих хозяйственных функций муниципальный феодализм существенно отличается от феодализма в обычной его форме.

В хозяйственном отношении муниципальный феодализм характеризуется преобладанием транзитной, передаточной внешней торговли, при чем торговля внутренняя или остается ничтожной, почти не существует, или организуется на тех же началах замкнутого местного рынка, как в феодальных обществах обычного типа. Ремесло играет при муниципальном феодализме более видную роль, чем при феодализме обычного типа, но оно никогда не господствует, всегда экономически и политически подчиняется торговле через посредство главным образом домашней индустрии, т.-е. раздачи материалов, сырья, орудий, денег в долг вперед и расплаты работника со скупщиком готовым продуктом. Но земледелие и в феодальных муниципиях, как и при обычном типе феодализма, имеет важное, даже господствующее значение в деревенском хозяйстве.

Крупное землевладение, крупная внешняя торговля, кредит или ростовщичество, соединяясь в руках одного класса, выдвигают на первый план в социальном строе муниципально-феодальную аристократию. Торговля организует и купечество и ремесленников, подчиняя всех торговому и особенно ростовщическому капиталу. Развитому муниципальному феодализму свойственна и крестьянская крепость.

Та же аристократия — землевладельческая, торговая и ростовщическая — господствует при муниципальном феодализме и в политической области. Иногда это господство по-

лучает точное юридическое выражение, но часто, особенно в недоразвитых формах муниципального феодализма, получает лишь фактическое осуществление, прикрываясь демократической внешностью. Более развитые по сравнению с феодализмом обычного типа хозяйственные и социальные связи и отношения приводят и к улучшению административной, судебной, финансовой, законодательной, вообще правительственной техники, и государственным организациям, приближающимся часто уже по характеру своему к настоящим, подлинным учреждениям, более или менее правильно устроенным, обладающим постоянным составом и определенным ведомством.

Совокупностью всех этих хозяйственных, социальных и политических условий, значительно опередивших соответствующие условия, характерные для феодальных обществ обычного типа, определяется и высшее сравнительно с этими последними обществами развитие духовной культуры и психологии общества. Смысл всех довольно уже иногда многообразных изменений в этом отношении сводится в общем и целом к росту индивидуализма, высших, более широких запросов человеческой личности, достигающей в верхах общества весьма значительной самостоятельности и самоопределения. Это находит свое выражение и отражение и в религии, и в литературе, и в искусстве, вообще во всех проявлениях духовной культуры.

Русский муниципальный феодализм опять-таки отличался некоторой — не очень впрочем большой — недоделанностью, недоразвитостью, незаконченностью. Это объясняется отсталостью русского феодализма обычного типа.

Во всех странах период феодализма имеет свою вторую половину, — его падение. Разумеется, и в процессе падения феодализма сказываются те различия, которые имелись между разными странами в период его расцвета. Но эти различия сказываются не очень сильно, проявляются более в оттенках, чем в существе всего процесса падения.

В хозяйстве всех стран и при падении феодализма преобладали старые начала, служившие основанием для вполне развитых феодальных отношений. Попрежнему везде преобладало земледелие, феодальное владение землей, оброчная система, мелкие предприятия в ремесле и торговле, до-

больно низкая, экстенсивная техника. Но появились и новины: стали расти обрабатывающая промышленность и торговля с обширным рынком, развивался гражданский оборот с землей — ее покупка - продажа и залог, — увеличивались барская запашка, барщина, сдача земли в аренду, появились первые элементы технических улучшений. При этом при падении феодализма в России все эти новые хозяйственные явления оказались менее развитыми, чем в других странах. Это потому, что феодализм в России был недоразвит, в ней господствовало натуральное хозяйство, в ней не было развитого денежного хозяйства с местным узким рынком, и пришлось почти сразу, резко начать переход от натурального хозяйства к товарному хозяйству с обширным рынком, так что невозможным оказалось зайти по этому пути так же далеко, как то было в передовых странах европейского запада.

Сохранились всюду в общем и целом и устои старого феодального общественного строя — феодальные привилегии и феодальная сословность. Однако, и здесь, именно по причине недоразвитости русского феодализма и более слабого развития новых хозяйственных условий, заметны были некоторые особенности падения социального феодализма в России: города и городское сословие у нас оказались гораздо менее развитыми, чем в других странах; с другой стороны, наше крестьянство в большинстве своем юридически оставалось пока, как и прежде, свободным и начинало частично закрепощаться лишь фактически, не пережив феодального прикрепления к земле, между тем как на западе Европы попытки перевести крестьян с поземельного прикрепления на личное вызвали крестьянские волнения, повёдшие в конечном счете к неудаче этих попыток и к первым шагам освобождения крестьян.

Собирание земли и власти и зарождение новых, притом более упорядоченных, учреждений, ведавших управление, составляли общую для всех культур черту падения феодализма. Но в соответствии с указанными сейчас хозяйственными и социальными предпосылками, отличавшими запад Европы и другие страны от России, в них резко выразились политические притязания горожан на свободу и участие в государственной власти, чего в России не было и не могло быть.

Наконец, в психологии и духовной культуре везде наряду со старым эгоизмом, грубостью, невежеством, традиционностью идей и представлений феодальной аристократии выделяется примесь индивидуализма, а также отчасти религиозно-этических настроений и тенденций в дворянстве и буржуазии, при чем в народных массах религиозно-этические настроения выразились особенно резко и сильно. Новая психология выдвигавшихся на первый план новых классов общества везде отразилась на успехах литературы, искусства и науки — богословской или духовной и светской. Естественно, что и эти психологические и духовные новшества в России вследствие ее отсталости в материальной культуре оказались менее сильными, зашли вперед меньше, чем в странах западной Европы, отчасти и в других странах.

Параллельно падению феодализма обычного типа совершалось и падение муниципального феодализма вследствие влияния одной и той же причины — зарождения или подготовки товарного хозяйства с обширным рынком — национальным и международным. Именно поэтому стала падать торговая монополия феодальных муниципий, их транзитная торговля. И в тесной связи с тем развивался гражданский оборот земли, переход ее из рук в руки, росло далее крупное землевладение, достигала некоторой интенсивности техника хозяйства, беднели массы населения. Русские вольные города во всех этих отношениях отставали от западно-европейских и тем более античных. Последние, т. е. античные, проявили максимум хозяйственной приспособляемости. Некоторая доля этой приспособляемости свойственна была и тем средневековым итальянским республикам, которые развивали или кредит и банковую технику в расширенном масштабе, или индустрию с более утонченными приемами ручной в ней работы.

Экономическому неравенству, всюду возраставшему, соответствовали и противоположности классовые и сословные, рост привилегий олигархии. Везде, в особенности в русских вольных городах, олигархический строй находил себе в эпоху падения муниципального феодализма все более яркое выражение, и тем порождались недовольство масс и их равнодушие к свободам, для них бесплодным. И в социальном отношении приспособляемость Афин, Рима, отча-

сти Генуи и Флоренции, проявилась в значительной степени: античные города-государства успели и сумели поделить власть и влияние между феодально-муниципальной аристократией и новой торговой и промышленной буржуазией, аристократия здесь оказалась способной переродиться в буржуазию. То же до некоторой степени можно сказать о Генуе и Флоренции.

Поэтому в античных муниципиях не наступило сразу подчинение абсолютной, монархической власти, а у нас и с некоторым замедлением на западе Европы это имело место.

Развитие индивидуализма, интеллектуализма, эстетизма, религиозно-этического настроения везде сопровождало собою упадок муниципального феодализма и придало соответствующую окраску духовной культуре — религии, искусству, литературе, науке. Эта окраска наиболее яркой оказалась опять-таки в античных городах-государствах, всего бледнее, хотя не абсолютно бледной, была она в русских вольных городах. Середину представляли собою в этом отношении, как и в других, муниципально-феодальные общины европейского запада.

Таким образом феодализм в его обеих характерных формах потерял значение средства, содействовавшего дальнейшему развитию производительных сил; мало того: он стал препятствием этому развитию, так как парализовал главную производительную силу — живой труд людей: получилось относительное перенаселение, — умножившееся население не могло уже удовлетворить возросшим своим потребностям при сохранении старых хозяйственных условий. Отсюда вышел двенадцатый период в развитии человеческих обществ — период дворянской революции, перехода власти из рук старой феодальной аристократии, приспособленной к натуральному хозяйству или к хозяйству товарному, рассчитанному на узкий рынок, в руки нового землевладельческого дворянства, приноровившегося уже к обширному рынку — национальному и международному.

Общие, типические черты дворянской революции в хозяйственной сфере сводятся таким образом к победе торгового капитализма, товарного или денежного хозяйства с обширным — национальным и международным — рынком, к росту обрабатывающей промышленности (индустрии) при сохранении первенствующего положения за сельским хо-

зяйством, преимущественно земледелием, и к переходу главной массы земли от феодальной аристократии — духовной и светской — в руки дворянства; земледельческое трехполье и ручной труд в мануфактурах и ремеслах сохраняются и характеризуют уровень развития хозяйственной техники в то время.

В области устройства общества дворянская революция вообще, во всех странах, характеризуется господством сословности и преобладанием зевлевладельческого дворянства и крупной торговой и ростовщической, отчасти также промышленной— буржуазии.

В государственной сфере дворянскую революцию знаменовывает образование монархического самодержавия (абсолютизма) и бюрократии и подчинение церкви новой дворянской государственности, при чем вводится в обиход представление о государстве, как союзе общественного господства, и об общем благе, как цели государственного союза, и представления эти на деле, в практике, в применении к жизни получают неизменно дворянско-землевладельческую классовую окраску; в националистически-дворянский цвет окрашивается и внешняя политика. Везде процесс завоевания и утверждения дворянской государственности отличается сложностью и трудностью, слагается обыкновенно из трех моментов: первоначальной постановки проблемы, бурного столкновения общественных сил, следующего за этой постановкой, и окончательной победы.

В духовной культуре эпохи дворянской революции везде происходит углубление и очищение религиозного сознания, индивидуализация религии; идет вперед и индивидуалистическое течение в литературе, при чем рядом с чистым индивидуализмом, отрицающим религию, наблюдается и смешанная религиозно-индивидуалистическая струя; оба эти последние течения потом сливаются, — если угодно, диалектически объединяются и образуют дворянскую классическую литературу; ей соответствуют элементы нового научного знания и новой светской философии; направления, соответствующие литературным течениям в их первоначальном виде и конечном исходе, обнаруживаются и в искусстве.

Подкладкой всего этого, связывающей духовную культуру с материальным базисом, служит интеллигентская психология индивидуализма и образование потом из нее, в со-

единении со старой феодальной психологией эгоизма, двойственного, внутренне-противоречивого типа дворянского эгоистического индивидуализма. Протестующее настроение масс всюду выражается в народных волнениях, сектантстве и расколах.

Таковы были типичные, общие для всех культур черты периода дворянской революции. Но у отдельных культур были в этот период свои важные особенности, научно вполне объяснимые.

Так, отсталые и в эпоху феодализма страны европейского запада — Италия и Германия — не завершили процесса дворянской революции в национальном масштабе, водворили у себя новую дворянскую культуру в территориально-раздробленном виде, в форме отдельных местных, областных государственных объединений, которые сохранились в этих странах. Это объясняется и особенностями их феодализма, тоже, если не считать вольных городов, отсталого, и их отдаленностью от Атлантического океана — нового торгового центра и главного пути в тот период.

Длительным и затрудненным был и процесс дворянской революции в передовых странах древнего востока, что объясняется как отсутствием способствующей и содействующей международной среды — тем, что эти страны были оазисами среди культур, далеко от них отставших, — так и, надо думать, особенностями, т.-е. сравнительной отсталостью, их феодализма.

Передовыми странами дворянской революции оказались Англия, Нидерланды и две античные культуры — эллинская и римская. Муниципальный феодализм в последних и передовой характер феодализма обычного типа в первых были основными причинами скорости и широты переживавшихся ими перемен. В особенности выделялись в этом отношении Англия и древняя Греция, откуда и получились такие необычайно богатые вклады в духовную культуру, какими являются гении Шекспира и великих греческих философов и первые социалистические учения Мора и Платона.

Россия, наконец, в период дворянской революции представляет собою чрезвычайно оригинальное явление по особой трудности и длительности происходившего в ней перелома. Необыкновенная трудность перехода к новым отно-

шениям вызвала здесь не освобождение крестьян, как в передовых странах запада, а, напротив, их самое тяжелое, личное, а не поземельное, прикрепление; отсюда же — из этой трудности — вышли крепостной характер всего общества — в том числе и самозакрепощение дворянства с целью веести в крепостное русло и остатки феодальной аристократии, — очень резко выраженный и террористически введенный тип самодержавия и сравнительно отсталая, хотя принципиально или классово-выдержанная, типичная, новая дворянская духовная культура и психология. Типичными и резко выраженными были в России и настроения и движения протестующих, угнетенных масс. Вследствие трудности и длительности процесса его начало было весьма резко выраженным (при Грозном), середина оказалась страшным и разорительным столкновением классов (смутное время) и конец сопровождался опять-таки колоссальными жертвами и страданиями (Петровская эпоха). В результате даже и два гигантских прыжка вперед — при Грозном и Петре, — как ни велики они были, не привели к полному равенству с передовыми странами Запада, сохранилась известная и при том значительная степень отсталости. Главная причина всех этих трудностей, затяжек, страданий заключалась в сильнейшей отсталости русского феодализма, — в том, что в эпоху дворянской революции поставлена была и посильно разрешена чрезвычайно грандиозная задача — перейти от хозяйства натурального, почти без промежуточного звена товарного хозяйства с узким местным рынком, прямо к торговому капитализму, к товарному хозяйству с обширным — национальным и международным — рынком.

За дворянской революцией везде следовал тринадцатый период — органическая эпоха «старого порядка», полного господства землевладельческого дворянства.

Хозяйство старого порядка характеризуется, вообще говоря, органическим развитием торгового капитализма, преобладанием сельского хозяйства, заметными успехами индустрии в формах мануфактуры и кустарного и ремесленного производства, эксплуатируемого путем домашней индустрии скупщиками, техникой трехполья и ручного труда, господством привилегированного землевладения, сохранением по крайней мере в остатках крепостных форм хозяйства и обнищанием крестьянской массы, с выделением

в ней зажиточного меньшинства, сосредоточивающего в своих руках некоторую часть земли.

Устройство общества в этот период отличается широким и строго организованным в писанном законе развитием сословности и наличностью больших или меньших примесей крепостничества, иногда и с полным развитием крепостного права.

Государственный строй покоится на самодержавии и бюрократии, действующих посредством правильно и стройно организованных учреждений и провозглашающих основною целью государственного союза общее благо, которое фактически сводится к благу господствующего сословия — дворянства, в особенности его основного ядра — класса дворян-землевладельцев.

Психология дворянства — эгоистический индивидуализм, проистекающий из условий материальной культуры, — порождает и объясняет ближайшим образом все остальные проявления дворянской духовной культуры, сущность которых сводится поэтому к классицизму и жеманности. Буржуазия социально и культурно находится в это время в умеренной оппозиции, так как ее интересы частично признаются и удовлетворяются. Крестьянство переживает настроение отчаяния, выражающегося в развитии сектантства и в бунтах.

Классическим типом старого порядка является старый порядок во Франции, а также отчасти в древне-восточном Египте, в эллинистических государствах и в Римской империи первых трех веков после Р. Х., при чем, однако, и в Египте, и в эллинистических государствах, и в Римской империи крепостнические (рабские) порядки и отношения были сильнее, чем во Франции, и этим отклоняли их в сторону более отсталых стран.

Англия являлась передовой страной, которая и своим хозяйством, и историческим прошлым поставлена была в положение, при котором наибольшим было развитие торгового капитализма и индустрии, наименьшими были остатки крепостничества, сравнительно-слабыми являлись самодержавие и бюрократия и сильной буржуазная и демократическая оппозиция.

Отсталые страны европейского запада — Германия, Италия, пиренейские и скандинавские государства, — побежденные сначала своими более счастливыми, передовыми конку-

рентами в международном торгово-капиталистическом (меркантилистском) соперничестве и отставшие еще в феодальную эпоху, лишь позднее достигли расцвета старого порядка и, учтя в стремлении догнать тех, кто их опередил, опыт и политическую мысль передовых стран, развили у себя просвещенный абсолютизм, создающий частичные облегчения и поправки при сохранении основ, устоев старого порядка. В духовной культуре у них, вследствие их запоздалости и живого порыва вперед, в противовес классицизму, развилась национально-буржуазная литература.

Россия осуществила старый порядок полностью в XVIII в. Но в силу ее исторического прошлого, его отсталости, ей пришлось напрячь до крайности организационную энергию и с этою целью до последних пределов развить крепостное право, что поставило ее позади всех стран старого порядка в смысле возможной быстроты дальнейшего развития и создало ряд особенностей ее государственного и культурного развития в XVIII веке и в значительной степени даже позднее. Особенностями этими в XVIII веке были крайнее закрепощение крестьянства и мирское землевладение, связанное с охраной крепостного права, перенесение центрального управления в область по реформе 1775 года, участие дворянства по выборам в областном управлении, крайнее развитие самодержавия, образование высших и центральных учреждений с административно-техническими заимствованиями с запада, первые проявления либерализма и радикализма и, наконец, сильное брожение крепостной массы, выразившееся в пугачевщине и в сектантстве.

Органическое развитие торгового капитализма и старого порядка в последний момент своего течения представляло собою упадочный процесс, переход к новому периоду — к торжеству производственного капитализма и господству руководящей им новой сельскохозяйственной и промышленной буржуазии, к буржуазно-демократической революции.

И этот процесс имел опять-таки, как мы видели, свою закономерность—общую, свойственную всем странам, и специальную, выражавшую особенности, оригинальные черты отдельных культур.

Буржуазно-демократическая революция—этот четырнадцатый по общему счету период в истории тех стран, которые до нее дожили, наступает не в одинаковый момент, не на

одинаковой ступени их развития: в странах издавна передовых она наступает раньше, чем в странах отсталых.

Нормальным является начало буржуазно-демократической революции тогда, когда и в сельском хозяйстве и в индустрии появляются первые элементы буржуазного предпринимательства, производственного (не только торгового) капитализма. Так было во Франции. Но в более передовых странах, какой была Англия, революция начинается раньше, — когда элементы производственного капитализма возникают только или почти только в сельском хозяйстве, а в странах отсталых, как Германия и другие, позднее,—когда и в сельском хозяйстве и в индустрии развитие капитализма сделало уже несколько шагов вперед.

Соответственно этому и в обществе появляются, умножаются и усиливаются, как подготовка революции, буржуазные группы и классы, более узкие и слабые в передовых странах и более широкие в отсталых; то же надо сказать о разрушении старых государственных учреждений и порядков и о частичном внедрении порядков и учреждений новых.

Психологическая, идеологическая, вообще духовно-культурная подготовка революции носит в самых передовых странах религиозную окраску (Англия), в нормальных (Франция) вольнодумную, рационалистическую, только отчасти религиозную, но не вероисповедную (Руссо), в отсталых странах совершенно светскую — научную и философскую, с редкой и поверхностной примесью религиозности, а иногда и совершенно без этой примеси.

В России подготовка крушения старого порядка всего более подходила к типу этого процесса в отсталых странах, но имела и сравнительно с ними свои особенности, очень важные и нуждающиеся в объяснении.

В населении России времен разложения старого порядка наблюдался быстрый рост всего населения с некоторой задержкой в середине процесса, огромное увеличение городского торгово-промышленного населения и слабый рост крепостного населения, скоро совершенно прекратившийся. Эти явления в общем соответствовали тем, которые имели место и во всех странах Западной Европы в эпоху разложения в них старого порядка. В частности была одна важная особенность—сильная и свободная и принудительная, крепостная колонизация слабо населенных окраин, которая сама по

себе, несомненно, задерживала и замедляла процесс разложения старого порядка, как и вообще его замедляет торгово-капиталистическая колониальная экспансия, отодвигающая в будущее наступление относительного перенаселения.

Новыми явлениями в хозяйстве России первой половины XIX века были: быстрый рост вывоза и ввоза, особенно вывоза хлеба, льна и пеньки и ввоза машин, орудий и материалов, развитие внутреннего рынка, улучшение техники сельскохозяйственного и промышленного производства, развитие свободного, наемного труда в индустрии и сельском хозяйстве, — в общем частичное внедрение производственного капитализма в капитализм торговый. Во всех этих отношениях процесс разложения старорежимного хозяйства и зарождения новых хозяйственных форм и отношений в России совпадал по своим характерным чертам с соответствующими явлениями в отсталых странах европейского запада, запоздавших в этом процессе.

Хозяйственными особенностями России сравнительно с другими, даже отсталыми, странами в данное время являлись очень резкие колебания цен по месту и времени и определявшее эти колебания влияние более крепкого, чем где-либо, крепостного хозяйства, хотя и разлагавшегося, но все еще сильно преобладавшего. Это делало Россию в данный период наиболее отсталой из всех даже отсталых стран. Основными причинами такой отсталости, замедленности процесса были отмеченная выше торгово-капиталистическая колониальная экспансия и историческая традиция—крайнее развитие крепостничества, созданное грандиозностью и трудностью задачи перехода от натурального хозяйства, отсталого русского феодализма, непосредственно к торговому капитализму.

Недостаточное развитие новой индустрии, обязанное в значительной мере этим же историческим крепостным традициям, было также следствием могущественной промышленной конкуренции передовых капиталистических стран запада—Англии и отчасти Франции. Сравняться с ними, тем более победить эту конкуренцию при сохранении крепостного хозяйства было немыслимо.

В устройстве общества в России первой половины XIX века наблюдалась крепостная и сословная самозащита, проявлявшаяся даже и в невольных уступках разлагавшему

старый сословный и крепостной строй влиянию перемен в хозяйстве. Особенность России здесь заключалась не в самом факте самозащиты, общей в соответствующий момент всем странам, а в чрезвычайных ее упорстве и силе, происходивших опять-таки от влияния исторической традиции и колониальной экспансии и от задержки русского индустриального капитализма вследствие английской конкуренции.

Государственный строй в эпоху разложения старого порядка и правительственная работа в то время в России, как и везде, носили на себе печать правительственного кризиса, выражавшегося в неспособности обыкновенных и чрезвычайных учреждений справиться с выдвигавшимися задачами, в частых и резких проявлениях личного самовластия, усмотрения, произвола, в неудачах всех политических защитных мероприятий, предпринимавшихся старорежимной государственностью в ее внутренней и внешней политике, в невольных и потому слабых, несостоятельных по результатам уступках новым веяниям и тенденциям, вытекавшим из хозяйственной и социальной действительности.

Оригинальным отклонением от общей нормы в политической сфере в России сравнительно с другими странами было то, что и политические меры самозащиты старого порядка и неудача, крушение этих мер были сильнее сообразно большей силе русского самодержавия, созданной указанными выше причинами.

Необыкновенная сила сопротивления русских крепостничества и самодержавия привела и к особенностям русского духовно-культурного развития и общественного движения в эпоху разложения старого порядка. Сущность этих особенностей заключалась в чрезвычайно большой энергии и напряжении реакционных настроений, с одной стороны, и революционных и оппозиционных движений и культурных достижений — с другой. Самые же эти настроения, движения и достижения, независимо от степени их напряжения, имели себе параллели и в западно-европейской действительности при разложении в ней старого порядка.

В общем и целом, таким образом, основными причинами отсталости России от запада, проявившейся особенно в первой половине XIX века, или,—что то же,—медленности разложения в ней старого порядка были, во-первых, историче-

ская традиция — трудность перехода от отсталого русского феодализма к торговому капитализму, облегчавшаяся именно только крепостничеством и самодержавием в их крайнем развитии, во-вторых, широкая торгово-капиталистическая колониальная экспансия, задерживавшая наступление момента относительного перенаселения, в третьих, слабость развития русского промышленного капитализма, созданная английской конкуренцией, которая, таким образом, сдерживала разрушающее его влияние на крепостной абсолютистский строй.

Несомненно, реформа 19 февраля 1861 г. также укрепила разлагавшийся старый строй, так как ею сделаны были некоторые минимальные уступки, и дана была новая пища царистским иллюзиям в крестьянстве. Но в то же время отмена крепостного права в России совершилась с наименьшими уступками объективной необходимости и с наибольшим сохранением остатков прошлого по сравнению со всем тем, что в этом отношении было сделано в соответствующем смысле в других странах. Поэтому реформа 19 февраля явилась исходным пунктом происхождения русской буржуазно-демократической революции 1905 — 1907 годов.

Соответственно характеру этой реформы в России получились наименьшие по сравнению с другими странами возможности развития производственного капитализма: только в 90-х годах XIX века заметны в этом отношении успехи, сопровождавшиеся, однако, — вследствие мирового аграрного кризиса и пауперизации масс, их слабой покупательной способности под влиянием крепостнического хозяйства и правительственной финансовой политики — многочисленными остатками крепостничества, преобладанием грубого хищничества, сильной технической отсталостью и небывалым протекционизмом.

Неустранимый при капиталистическом развитии процесс классовой дифференциации и роста пролетариата и буржуазии приобрел болезненный и затяжной характер вследствие отсталости капитализма и под влиянием сохранения сословности, отсутствия гражданского равноправия.

Во всей государственной системе господствовала реакционная диктатура, страшно затруднявшая и замедлявшая развитие производительных сил.

Слабость развития производственного капитализма и многочисленность и мощность остатков прошлого в хозяйстве, социальном строе и государственном устройстве создавали слабость и неорганизованность буржуазно-либеральной оппозиции, которая стала усиливаться и организоваться только к началу XX века, но вследствие опасности слева сразу прониклась стремлением к компромиссу со старым порядком и отличалась отсутствием революционности.

Пауперизм крестьянской массы создавал крестьянское аграрное движение, питаемое малоземельем, чересполосицей и огромной тяжестью поборов, лежавших на крестьянстве; городская мелкая буржуазия рвалась из тисков старорежимных порядков и реакционной диктатуры; пролетариат, созданный капитализмом и организованный крупными размерами промышленных предприятий, представлял собою передовую силу революции.

Русское революционное движение — социалистическое по запоздалости революции в России и по культурному преемству от запада — долго имело утопический, народническо-анархический характер, хотя зародыши научности заметны были еще у Чернышевского; только став рабочим и научно-социалистическим, оно обрело прочные связи с революционными массами.

Из сочетания недостаточного развития капитализма, необходимости приспособления социального строя и государственных порядков к ускорению его роста, развития крестьянского, буржуазного и пролетарского движения, увеличения активности революционных организаций и их связей с массами, внешних и внутренних неудач и запоздалой и частичной уступчивости правительства, неспособного на реальные и решительные реформы, вышла революция 1905—1907 годов.

Мы подошли таким образом к буржуазно-демократической революции во всех странах западной и восточной Европы. Закономерность ее в странах европейского запада получает следующее выражение:

Бурный момент буржуазно-демократической революции всегда и везде начинается на широкой социальной базе, на основе коалиции всех революционных сил, дающей им верную первую победу над силами старого порядка.

Инициатива и главная революционная активность в буржуазно-демократической революции вообще и в первый момент бурного ее периода в частности везде и всегда принадлежит трудящимся массам.

Несмотря на коалицию революционных сил, каждая из них с первого момента относится к революции по своему, соответственно своим классовым интересам. Максимум классовой сознательности с самого начала революции проявляет крупная буржуазия; сознательность и организованность других революционных сил — мелкой буржуазии, пролетариата — определяются и слагаются постепенно, в самом ходе революции, при чем степень достижения здесь зависит от степени развития элементов капиталистического хозяйства в каждой данной стране ко времени революции.

В дальнейшем развитии событий бурного момента революции наступает, по мере развития классовой сознательности и организованности, первый конфликт революционных сил — обыкновенно нерешительный, кончающийся компромиссом.

В нормальном, классическом типе буржуазно-демократической революции, какой мы наблюдали во Франции, победа на высшем пункте развития бурных революционных событий достается низам мелкой буржуазии с примыкающим к ней и подчиненным ей фактически пролетариатом: диктатура этих сил — кульминационный пункт революции. В более ранних революциях, — как в английской, — победоносная сила правее: это — средняя сельско-хозяйственная буржуазия. В революциях поздних (Германия и др.) такое положение занимает обычно крупная и средняя буржуазия — сельскохозяйственная и промышленная, изредка, при особо благоприятных условиях, как было в Испании, мелкая буржуазия вместе с пролетариатом, социалистически и республикански настроенным. Все эти комбинации определяются строго и точно уровнем экономического развития стран, переживавших революцию.

Бурный момент в развитии буржуазно-демократических революций неизменно кончался на западе Европы разгромом, крушением революции; основной причиной этого являлось несоответствие создаваемых победоносной революционной силой порядков развитию производительных сил буржуазно-капиталистического общества. В ряду причин про-

изводных от этой основной причины первенствующее значение принадлежит революционному утопизму и розни, разрыву революционных сил.

В некоторых революциях, как, напр., французской, промежуточным моментом между высшей степенью подъема революционной бури и крушением революции бывает военная или цезаристская диктатура. Она создается специальными причинами: потребностью новых владельцев земли, конфискованной у сторонников старого порядка, в охране этой земли от притязаний на нее старых владельцев и жаждой внешних рынков, свойственной победившей в революции крупной буржуазии.

Наступавшие после бурного момента революционных событий реакция и реставрация характеризуются не только неистовствами и эксцессами, погоней за прошлым, попытками повернуть назад колесо истории, но и органическим процессом взаимного приспособления достижений революции, с одной стороны, и всего живого, способного к развитию и перерождению в старом обществе, с другой. В частности ярким проявлением такого приспособления является духовная культура, где происходит синтез всего ценного в старой, дворянской культуре с новыми романтическими и реалистическими настроениями буржуазии.

Последний момент процесса буржуазно-демократической революции протекает в разных странах при различном уровне экономического развития различно. В ранних революциях (Англия) крупная буржуазия очень легко делает последнее усилие, чтобы окончательно встать у руля правления. В революциях нормальных (Франция) она тоже быстро занимает властное положение, не дав развернуться другим революционным силам, уже ослабленным (мелкая буржуазия) или еще недостаточно сильным (пролетариат); но все же в этом случае совершается ряд бурных событий, подходящий, с некоторыми изменениями, под схему первой революционной бури. В поздних революциях или войны и связанные с ними формально-демократические уступки крупной буржуазии решают дело (Германия, Италия), или происходит сильнейшее революционное потрясение, в котором впервые выступают социалистически и особенно анархически настроенные массы, добиваются временно победы, но утрачивают ее вследствие анархического утопизма в программе и

тактике и тем расчищают дорогу конечному торжеству крупной капиталистической буржуазии (Испания).

Русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 годов является наиболее запоздалой из всех, до нее бывших: еще до нее в России наступил и сделал первые крупные шаги в своем развитии производственный капитализм со всеми вытекающими отсюда социальными и культурными, в частности идеологическими, последствиями.

Соответственно этой запоздалости природа и соотношение социальных сил в русской буржуазно-демократической революции были иными, чем в соответствующих революциях запада Европы. Важнейшей особенностью русской революции было то, что нигде не было такого многочисленного пролетариата, который появился и умножился вследствие развития производственного капитализма и явился вождем, гегемоном революции и передовым ее борцом. Эта революционная роль выпала на его долю и оказалась ему по плечу вследствие того, что огромная концентрация капиталистического промышленного производства, равная концентрации его в передовых капиталистических странах, сплачивала рабочих, будила их классовое сознание и внушала им чувство и сознание классовой солидарности, т. е. революционизировала пролетариат. И потому в 1905 г. рабочий класс России быстро изжил царистские иллюзии, чему содействовала правительственная политика по рабочему вопросу, в особенности полицейский социализм. Революционизировало русский пролетариат и то, что вследствие слабости развития техники был слаб и тонок реформистски-настроенный слой рабочей аристократии и, с другой стороны, отсутствие права коалиции, массовых организаций, а потому и прочных экономических и правовых достижений создавало положение, в котором рабочему классу, даже и его квалифицированному меньшинству, нечего было терять. Но в то же время пролетариат России вследствие отсутствия права коалиции был слабо организован и не был одинаково во всех своих частях и во всех местах сознателен, отчего произошли недостаточная одновременность, разрозненность, разнобой пролетарских выступлений — одна из причин поражения революции.

Другой важной революционной силой было крестьянство—особенно среднее и мелкое. Его революционная энер-

гия и в то же время недостаточная напряженность и определенность этой энергии были одинаково созданы реформой 19 февраля 1861 г., которая обезземелила крестьян, создала чересполосицу крестьянских земель с землями частных владельцев, обременила крестьянство огромными платежами и в результате всего этого сохранила наполовину крепостническое хозяйство. Все это революционизировало крестьян и не давало простора широкому развитию их собственнических инстинктов. Но факт реформы сверху, от царя питал царистские иллюзии. К этому присоединялись и то мелкобуржуазное шатание между пролетариатом и крупной буржуазией, которое всегда крестьянству свойственно, и крестьянское смирение, готовность голодного удовлетвориться сухой коркой хлеба, ему брошенной. Из всего этого вышли вечные колебания крестьянства, смена революционных порывов отступлением. Здесь вторая причина поражения революции.

Мелкая городская буржуазия была слаба и не играла видной роли в революции, так как развитие производственного капитализма сжимало ее с обеих сторон, увеличивая численно и пролетариат, и крупную буржуазию.

Крупная и средняя буржуазия, чувствуя у себя за спиной пролетариат и крестьянство, уже нерасположенные—особенно первый—играть роль только революционного пушечного мяса, вынимать для нее каштаны из огня, никогда и нигде, за исключением разве Германии 1848 года, не была в такой степени, как в России, расположена в пользу компромисса, соглашения, уступок старой власти тем более, что крепостническое наполовину землевладение и сельское хозяйство давало этой власти, хотя и поколебленную, но все еще довольно реальную почву.

Наконец, старому режиму в России оказал могущественную поддержку международный, особенно французский, финансовый капитал, заинтересованный в эксплуатации отсталых стран и, следовательно, в сохранении их отсталости.

Вследствие этой поддержки и сочетания внутренних русских социальных сил результаты революции 1905 — 1907 годов оказались чрезвычайно жалкими. Гражданское равноправие достигнуто не было: сословный строй сохранился. Право коалиции создано не было. Представительное собрание, жалкое по функциям, оказалось цензовым в высокой

степени, что делало едва слышным голос и умеренной и революционной оппозиции. Одним словом, русский капитализм и после революции остался некультурным, грубо-хищническим, сохранил окраску эпохи первоначального накопления.

В самом ходе бурных революционных событий 1905—1907 годов, при всем своеобразии отдельных частностей, проявилась закономерность, общая всем буржуазно-демократическим революциям: и наша революция началась на широкой социальной базе, действием всех социальных сил, враждебных старому порядку, при чем инициатива и главная активность вследствие относительно-высокого развития промышленного капитализма выпала на долю рабочего класса, и в то же время каждый класс относился к революции по своему, сообразно своим классовым интересам; затем, после октябрьской полупобеды, началось расхождение оппозиционных и революционных сил; это явление, а также неодинаковая сознательность трудящихся масс и происходящая отсюда разновременность, несогласованность их революционных выступлений, наконец, поддержка сил старого режима международной буржуазией создали крушение революции.

Как и всегда и везде, и в России после первого бурного момента буржуазно-демократической революции началась реакция. И опять-таки, как всегда и везде, эта реакция характеризуется не только неистовствами и эксцессами, погоней за прошлым, попытками повернуть назад колесо истории, но и органическим процессом приспособления сколько-нибудь жизнеспособных элементов старого общества к изменяющимся под влиянием революции условиям, а также новым ростом революционных сил. Но, как бурный момент буржуазно-демократической революции в России имел свои особенности, так своеобразный во многих отношениях облик имела и русская реакция, последовавшая за революцией 1905—1907 годов.

Первая задача реакции после бурного взрыва революции во всех странах заключалась в том неполном, частичном решении аграрного вопроса, какое является возможным в буржуазно-капиталистическом обществе. В Англии этот вопрос был решен в смысле полного обезземеления крестьянства, совершенной его пролетаризации, в Соединенных Штатах Америки путем создания зажиточного крестьянства с приблизительным равенством земельных владений, во

Франции посредством образования огромной, экономически значительно-дифференцированной крестьянской массы при сохранении наряду с этим и крупного и среднего предпринимательского хозяйства, в Пруссии, наконец, было создано богатое, зажиточное, «крепкое» крестьянство, а остальная масса была обезземелена, пролетаризована, так что получился результат промежуточный между Англией и Францией. В России классы, оставшиеся у власти и после революции, выбрали за образец прусское решение аграрного вопроса в соответствии со своими интересами. Однако, особенность России заключалось здесь в том, что реакция не имела достаточно времени для осуществления своих планов: ей помешала начавшаяся в 1914 г. мировая война.

Этим недостатком времени исключена была возможность дальнейшего мирного, безбурного эволюционного процесса.

Во всех странах результатом революции был более или менее сильный подъем промышленности, крупной индустрии. Но русская революция 1905—1907 годов менее, чем какая-либо другая революция того же буржуазно-демократического типа, освободила капиталистические производительные силы; ее поражение повело к замедленному темпу развития промышленного капитализма при всех успехах концентрации производства.

В то же время финансовый, банковый капитал, подчиняясь и собственной концентрации, и в значительной степени также монополии иностранного ростовщического капитала, носил на себе печать спекуляции, а не культурно-капиталистического руководства промышленностью: мировой ростовщический капитал вел в России колониальную экономическую политику.

Основным проявлением такого отсталого сочетания экономических сил в эпоху русской реакции явилось отсутствие гражданского равноправия, сохранение сословности, тогда как сословность была уничтожена и равноправие торжествовало во время реакции в других странах, как необходимая предпосылка развития капиталистического общества

Со всем, что отличало русскую реакцию в экономическом и социальном отношениях, гармонировала и политика правительства: в ней преобладало не новое творчество по пути создания основ культурного капитализма, а частичные поправки и поделки к разваливавшемуся устарелому со-

оружению капитализма грубо-хищнического. Только аграрные мероприятия, внешняя политика и вооруженная сила привлекали большую энергию, но именно внешняя политика и забота о военной силе и приводили к войне, которая своей продолжительностью и тяжестью и вызвала революцию и крушение правящих классов.

В результате получилось еще до войны всеобщее недовольство, обострение классовой борьбы, в особенности рост рабочего движения, при чем в этом движении наметились окончательно основные течения, развитие которых предстояло в будущем.

Войну русская буржуазия встретила с надеждами и подъемом: классовый инстинкт подсказал ей тенденцию сделать русский капитализм культурным посредством войны, а не путем революции, как под влиянием войны таким сделался немецкий капитализм при Бисмарке. Но в России так не случилось: правы оказались дворяне-реакционеры, с болью в сердце встречавшие войну и предвидевшие в результате ее неизбежную революцию. Это предвидение свойственно было и крайним левым в российской социал-демократии, которые, разумеется, не с болью в сердце, а с чаянием блестящих революционных и социалистических перспектив смотрели в будущее.

Таким образом, даже и культурно-капиталистическая задача буржуазно-демократической революции оказалось в в России накануне войны не разрешенной.

Вслед за четырнадцатым периодом в развитии всех культур — периодом буржуазно-демократической революции — последовал пятнадцатый — полное развитие капитализма, сначала производственного, потом финансового.

Основные черты хозяйства при органическом развитии производственного капитализма — сельскохозяйственного и промышленного — заключаются в развитии машинной техники, вообще в капитализации производства в сельском хозяйстве и индустрии, затем в концентрации производства и всех его средств, начиная с земли, в руках небольшого сравнительно числа крупных предпринимателей и их союзов в огромном росте производительности труда, в смене хозяйственных подъемов экономическими кризисами, в колониальной политике, в подготовке банков к роли руководителей промышленного развития и в крайне неравномерном

распределении хозяйственных благ между разными группами населения — в чрезвычайном обогащении крупных капиталистов сравнительно с остальной массой населения.

Все капиталистические страны прошли через два основных момента своего хозяйственного развития — момент грубо-хищнического капитализма и момент капитализма культурного. Первый из них характеризуется грюндерством, спекуляцией, беспощадным истощением и растратой живой производительной силы — человеческого труда, прямой и массовой пролетаризацией и пауперизацией, преследованием и недопущением экономических и политических организаций трудящихся. Второй момент — культурный капитализм — отличается не меньшей, но более утонченной эксплуатацией труда, сокращением грубой спекуляции путем перенесения ее приемов в колонии, появлением и ростом централизованных профессиональных, кооперативных и политических организаций трудящихся, развитием фабричного законодательства.

Во всех капиталистических странах переход от хищнического к культурному капитализму происходил посредством или революционного, или военного потрясения.

В социальном отношении основная черта производственно-капиталистического общества заключается в резком делении его на классы, в росте классовых противоречий и классовой борьбы, в развитии классовой организованности и сознательности, приводящих пролетариат к роли борца за новое, социалистическое общество, необходимость которого вытекает из классового положения и классовых интересов пролетариата. Уничтожение правовых, юридических различий везде сначала, в эпоху хищнического капитализма, осуществляется только в области гражданского, частного права и захватывает — и то не вполне — право публичное, государственное только в эпоху культурного капитализма.

В государственном строе производственно-капиталистическое общество характеризуется участием выборных представителей населения в верховной власти и отчасти также в большей или меньшей мере в местном управлении и суде. При этом представительство демократизируется с переходом к культурному капитализму.

В психологии капиталистической буржуазии грубое хищничество, жадное приобретательство, эгоистический инди-

видуализм сменялись везде культурным индивидуализмом — жаждой всесторонних наслаждений, познания действительности и овладения ею, подчинения ее человеческой воле. Под конец культурный индивидуализм стал вырождаться, принимать болезненные формы, осложняться стремлением обезопасить себя от грядущих грозных возможностей мистикой, как идейным основанием вечности существующего строя.

Соответственно этому романтизм, как порыв к лучшему будущему, составляет общую новую черту передовых элементов буржуазной духовной культуры в эпоху хищнического капитализма, натурализм и специальное, углубленное изучение действительности составляют духовную сущность культурного капитализма; неоромантизм в двух его струях — реакционно-мистической и оппозиционно- или даже революционно-протестующей — окрашивает собою духовную культуру последнего момента развития производственного капитализма.

Вся эта общая закономерность, действительная, реальная для всех производственно-капиталистических стран, преломляется и видоизменяется в отдельных странах сообразно типам или степеням их капиталистического развития. Первое отклонение в хозяйстве заключается в том, что бывают страны индустриальные по преимуществу и страны, главным образом, сельскохозяйственные. Основная причина этого развития заключается в природных условиях: в богатстве одних стран минеральным топливом и рудами, особенно железной, и в тучной почве и благодатном климате других стран.

Существует четыре типа или степени развития сельскохозяйственного капитализма: англо-американский, высший и наиболее чистый, где капитализация и концентрация в сельском хозяйстве выражается прямо и непосредственно, второй — французский, в котором они прикрываются в особенности созданием парцелльных хозяйств батраков с наделами, третий — восточно-немецкий, где, кроме парцелльного прикрытия, есть еще рост крепкого крестьянского хозяйства, и четвертый — западно- и южно-немецкий, в котором при росте крепкого хозяйства богатых крестьян медленно осуществляется и обычная капитализация и концентрация без процесса парцелляции.

С другой стороны наблюдаются и четыре типа или степени индустриального развития: первый, высший — англо-американский, второй по высоте — северо-германский, третий — французский, четвертый — южно-германский.

Несовпадение типов или степеней индустриального и сельско-хозяйственного развития объясняется различными природными предпосылками того и другого в отдельных странах. Но в тех странах, в которых, как во Франции, было мало природных предпосылок для развития индустрии или, как в южной Германии, их почти совсем не было, — темп, размеры, а следовательно и тип или степень развития индустрии в первую очередь зависели от развития сельско-хозяйственного капитализма. Наоборот, в индустриальных странах индустрия в конце концов сильно влияла на направление и тип развития сельско-хозяйственного капитализма.

Первый тип аграрного развития явился результатом быстрого и сильного развития индустриального капитализма и или полного обезземеления крестьянства или, наоборот, равенства крестьянских участков, как исходного пункта всего процесса. Во втором типе исходным пунктом было одновременное существование и довольно крупных сельско-хозяйственных предприятий, и многочисленных самостоятельных крестьянских хозяйств, а индустриальное развитие было сравнительно не особенно сильно. Третий тип произошел из обезземеления массы крестьян при сохранении земли за крестьянами зажиточными и из высокого развития индустрии. Четвертый имел исходным пунктом мелкое крестьянское хозяйство и небольшое число хозяйств предпринимательских при слабом развитии индустрии.

В социальном отношении страны высшей степени развития производственного капитализма имели ту особенность, что в них рабочее движение долго имело не политический, а только экономический характер: пролетариат довольствовался частичными экономическими уступками. Причина этого заключалась в возможности для буржуазии таких уступок вследствие быстроты и широты капиталистического развития в странах этого типа.

Максимум политического демократизма, поскольку он возможен в производственно-капиталистическом обществе, оказывается достинутым лишь в странах первой, высшей

степени развития капитализма, — признак наибольшей культурности, капитализмом здесь достигнутой.

Страны старого капитализма все парламентарные; в странах капитализма недавнего господствовал конституционный строй с полным разделением властей, с самостоятельностью исполнительной власти по отношению к законодательной.

Единственной производственно-капиталистической страной, чуждой протекционизма, была с половины XIX века Англия; причины этого заключались в недавней промышленной монополии Англии и в мощи ее индустриальной техники.

Ранняя демократическая революция в Англии создала ее первую особенность в духовной культуре — остатки культурного перерождения дворянства в буржуазию и, как следствие этого, лицемерный сентиментализм, с одной стороны, и бич новой буржуазной сатиры—с другой. Эти явления в других странах, запоздавших с буржуазно-демократической революцией, наблюдались раньше, до наступления этой революции.

Другая особенность английской духовной культуры — некоторая запоздалость попыток широких научных обобщений, опережающих углубленное, специальное исследование, сравнительно с такими же попытками во Франции. Причина здесь заключается в практицизме англичан, как пионеров буржуазной культуры, в высокой и ранней оценке ими научной специализации.

Научный социализм Маркса и Энгельса является результатом культурного преемства и международных связей и влияний, а также силы и высоты рабочего движения в передовых капиталистических странах и приобретения им в известной мере международного значения.

Двадцатое столетие дало миру последнюю эпоху развития капитализма в Европе и Соединенных Штатах Америки. Развитие техники и вообще производительных сил достигло чрезвычайной высоты, свидетельствовавшей о том, что переход к социализму был объективно подготовлен. Концентрация производства, совершаясь старыми способами развития акционерных компаний и образования могущественных союзов предпринимателей, нашла себе последнее наиболее яркое выражение в финансовом капитализме, в управлении предприятиями, всей промышленностью при помощи грандиозной банковой системы, в руководящем хозяйственном положе-

нии кредитного, ростовщического капитала, властно распоряжавшегося в капиталистическом хозяйстве и наметившего тенденцию к своей мировой монополии.

Образование финансового капитализма объясняется необходимостью кредита и его руководства целыми отраслями промышленности, долгосрочностью кредита, предназначенного для приобретения постоянного капитала, при чем эта долгосрочность естественно создает длительную заинтересованность финансового капитала в предприятиях, развитием комиссионной продажи товаров банками, захватом внешних рынков и источников сырья в отсталых странах, наконец, заменой эмиграции капиталов их экспортом.

Финансовый капитализм привел в области банкового дела к небывалой прежде концентрации банков, к перевесу солидных банковых операций над спекулятивными и к разделению функций между банками разных разрядов и категорий.

В области социальных отношений финансовый капитализм обострил классовые конфликты и приблизил положение, при котором обычное, трэд-юнионистское разрешение их становится все менее возможным, а необходимым является радикальное, социалистическое их разрешение. К тому же господство финансового капитала усилило дороговизну, кризисы и безработицу.

Стремление предотвратить надвигающуюся бурю вызвало социальные и политические реформы в Англии — государственное страхование рабочих от болезней, увечий и безработицы, пенсии инвалидами труда, лишение палаты лордов права абсолютного вето, закон о минимуме заработной платы; Франция и Германия в этих отношениях отставали от Англии.

Выдвинутая высоким развитием промышленной техники довольно численная группа рабочей аристократии, реформистская по своим интересам и настроениям и ведущая за собой при помощи профессиональных и партийных оранизаций рабочие массы, окрасила в реформистский, оппортунистический цвет программу и тактику социалистических партий и Второго Интернационала еще в большей мере, чем то было прежде.

Финансовый капитализм — поиски внешних рынков, стремление захватить источники сырья и экспортировать

капиталы, наконец, установить экономическую монополию — вызвал мировую войну 1914 — 1918 годов.

Война, кончившись поражением Германии и ее союзников, вызвала огромные жертвы людьми и материальными средствами, небывалый упадок производства, расстройство обмена и транспорта и огромную государственную задолженность, повела к ограблению Германии и монополии в ней американского капитала посредством плана Дауеса. Американская финансовая монополия и концентрация промышленности под влиянием войны развились очень сильно.

Бумажно-денежная инфляция, дороговизна, уменьшение реальной заработной платы, рост безработицы — эти последствия войны — содействовали развитию оппозиционных и революционных течений в рабочем движении. Крайними их выражениями явились синдикализм и особенно коммунизм, но левело и профессиональное движение, особенно в Англии, при чем цеховые союзы стали перестраиваться в производственные, поставлены задачи национализации средств производства и рабочего контроля.

Кризис усиливался и национально-демократическим движением в странах Востока.

В результате наблюдается приближение глубоких и решительных перемен в хозяйстве и общественном строе. Революционный их характер несомненен, хотя формы могут и должны быть своеобразны в отдельных капиталистических странах.

В обстановке развивающегося финансового капитализма и порожденной им войны вспыхнула и развилась русская революция 1917 г. и последующих годов.

Она началась наступлением на старый строй единым широким фронтом буржуазии и трудящихся масс. Но у буржуазии был задачей дворцовый переворот с империалистическою целью вести войну до победы, а массы пошли дальше и произвели полный переворот, революцию. Эта революция диктовалась объективной необходимостью создать в России культурное и самостоятельное народное хозяйство.

Попытка буржуазии в первом временном правительстве провести свои классовые интересы потерпела крушение. Тогда она прибегла к социалистическому прикрытию — к составлению коалиционного правительства, программа которого на деле ею не выполнялась.

Реформистский слой рабочей аристократии в русском пролетариате был вследствие слабого развития промышленной техники тонок и слаб, почему он не держал под своей гегемонией рабочую массу тем более, что вследствие отсутствия права коалиции и ему почти нечего было терять. Пролетарские массы России были организованы колоссальной концентрацией фабричной индустрии, и классовый инстинкт подсказывал им необходимость доведения революции до конца — до социалистического переворота и торжества советского строя. На эту плодородную почву пали и были жадно восприняты лозунги большевиков — рабочий контроль, вся власть советам и мир. Отсюда вышли и демонстрации апрельская и июньская и юильские дни.

После того восстановленная коалиционная власть оказалась бессильной. Корниловщина только еще более ее обессилила; наконец, победа большевиков в советах сделала естественным исходом из положения Октябрьскую революцию, завершившую собою предшествующие революционные выступления пролетариата.

Задания этой революции осуществлены были заключением мира, декретами о земле и рабочем контроле, национализацией земли, фабрик, банков и транспорта, разгоном учредительного собрания и утверждением постоянной советской власти.

Реакция городской и деревенской буржуазии привела к гражданской войне, но энтузиазм рабочих и крестьянских масс, вызванный национализацией фабрик и земли, дал победу революции.

Но гражданская война повела к расцвету военного коммунизма — раздроблению страны на экономически изолированные области, реквизициям хлеба, учреждению комитетов бедноты и т. д. В результате усилились продовольственный, топливный и товарный кризисы, и Антанта подняла Польшу для поддержки реакции. Эта поддержка реакции потерпела неудачу, но не удалась и попытка зажечь социалистическую революцию на западе Европы.

Все эти обстоятельства и кронштадтское восстание явились последними толчками к начавшемуся еще раньше повороту в сторону уступок крестьянству, к избранию вместо прямого пути к социализму пути обходного.

Это означало переход к новой экономической политике — к государственному капитализму при сохранении отчасти и капитализма частного. К 1925 году хозяйство оказалось почти вполне восстановленным при отсталости одних отраслей его и новых успехах в технике других. В соответствии с этим поставлены были задачи обновления основного капитала и развития русского машиностроения, с разрешением которых должны подешеветь фабрикаты и увеличиться реальная заработная плата. Вследствие роста государственной промышленности не опасны концессионные предприятия, почему, а также в интересах установления органической связи даже и зажиточного крестьянства с советской властью, обнаруживается тенденция к аренде земли с производственными целями для образования крупного и интенсивного сельского хозяйства, необходимость которого вызывается мировой конъюнктурой хлебного рынка. Концессионный характер этой аренды, коллективные хозяйства и кооперация обеспечивают переход к социализму и в сельском хозяйстве.

На этой хозяйственной основе стало строиться государство переходного периода с тенденциями к уничтожению бюрократизма и милитаризма, с выборами в советы по производственным единицам, открытым голосованием, перевесом рабочих над крестьянами, с разрешением национального вопроса путем федерации и автономии, с обеспечением всему Союзу перехода в будущем к социализму без дальнейших революционных потрясений.

Из всего этого вытекли и просветительная и внешняя политика: сближение школы с жизнью, ее доступность для масс, новые методы, связывающие школу с производством и дающие максимум самодеятельности учащихся, Коммунистический Интернационал, Красный Профинтерн, политика мира и собирания сил для грядущего конечного и полного торжества социализма, важным фактором которого является Союз Советских Республик.

Русская история, как мы видели, все время развивалась крупными скачками, целью которых являлось преодоление отсталости России от передовых стран запада. На наших глазах и при нашем участии Россия снова делает гигантский прыжок вперед, стоющий огромных жертв, но обеспечивающий ее хозяйственную самостоятельность и грядущие успехи.

Всякая другая власть сделала бы Россию колониальным филиалом европейского и американского финансового капитала. Теперь она — очаг грядущих достижений, одушевляющих трудящиеся массы и Запада и Востока, как ни своеобразны будут и здесь и там пути, какими те и другие пойдут к этим достижениям, составляющим одинаково и объективную задачу времени, и субъективные чаяния трудящихся масс.

В заключение — несколько слов о перспективах общественной психологии и духовной культуры. На протяжении огромного ряда тысячелетий, в течение которого мы пытались проследить историю разных культур, намечены были на основе материальных изменений и перемены в психологии и духовной культуре. Мы наблюдали первоначальную психическую аморфность, которая стала преобразовываться в некоторую духовную организованность, только начиная с десятого периода — с периода феодальной революции: только тогда в господствующих классах начали слагаться определенные типы или характеры. С тех пор и в феодальную эпоху в общественной психологии основной тон задавал грубый, элементарный активный эгоизм, окрашивавший в соответствующий цвет всю культуру господствовавших классов. Затем, со времени двенадцатого периода — дворянской революции — и в эпоху старого порядка (в тринадцатом периоде) основной тон культуре задавал дворянский эгоистический индивидуализм, сменившийся во времена господства производственной и финансовой буржуазии (в периоды четырнадцатый и пятнадцатый) чистым индивидуализмом. В те же эпохи развивались и иные психические новообразования в разных классах общества, при чем важнее всего были пассивно-эгоистические, религиозно-этические и чисто этические характеры, чаще всего встречающиеся в среде крестьянства и городской демократии, а такие тенденции к классовой солидарности в пролетариате.

Перед социализмом рисуется в виду всего этого великая общественно-психологическая и культурная задача конечного синтеза, согласования, вернее органического слияния моральных, этических начал и общественной солидарности с индивидуализмом. Эта задача может быть разрешена только социалистическим обществом, потому что основное требование индивидуализма — свобода — может быть пол-

ностью и для всех осуществлено только при социализме, борьба за который, таким образом, и синтезирует индивидуалистические и этические тенденции, а сам социализм — величайшее выражение общественной солидарности. Вместе с тем, когда рухнет последнее препятствие к развитию индивидуальной свободы — классовый строй, — тогда и духовная культура достигнет высших и разнообразнейших своих проявлений, так как откроется широкая и гладкая дорога к применению и расширению личной творческой энергии во всех областях культуры [1]).

[1]) Более подробное обоснование этого—в моей брошюре «Смысл и красота жизни».

ЦГПБ
им.Н.А.Некрасова
2 000000 107257

